

Фриц ПЕЙБЕР

ЗЛО ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЛАНКМАРЕ

ИЗБРАННОЕ

ОПЫТЫ
ТАСАН

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ИЗБРАННОЕ

перевод с английского

**ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ВЕН-МЕР»
г. Новосибирск
1992 г.**

Л 42 Фриц ЛЕЙБЕР. Избранное. Пер. с англ.—Новосибирск. Издат.
предприятие «Вен-Мер» совместно с предприятиями «Вест» и
«Ост», 1992, с. 416.

Предлагаем нашему читателю всемирно известного писателя-фантаста, неоднократно лауреата международных премий «Хьюго» и «Небьюла» — Фрица Лейбера. На русском языке печатается впервые.

Л 4703010000—003 Без объявл.
В 96 1031 — 92

**ЗЛО
ВСТРЕЧАЕТСЯ
В ЛАНКМАРЕ**

Тихо, как призрак, высокий и тучный, воры прошли мимо мертвого, с блокированной ловушкой стража-леопарда, вышли за толстые, открытые отмычкой двери «Торговли драгоценностями» Дженагао и, нырнув в тонкую черную пелену ночного Ланкмара, направились к востоку по Денежной улице.

К востоку по Денежной — так было необходимо, ибо на западе на углу Денежной и Серебряной находился полицейский пост с неподкупной охраной, без устали протирающей подошвы и потрясающей своими пиками.

Но высокий, с поджатыми губами Слевийяс, кандидат в воры-мастера, и толстый остроглазый Фиссиф, вор второго класса, признанный специалист по двойным сделкам, не испытывали абсолютно никакого беспокойства. Все шло согласно плану. У каждого в кисете лежал кисет, меньший по размеру, а в нем драгоценности самой чистой воды, ибо Дженагао, оставшийся за дверью, тяжело дыша, бесчувственный от полученных им повреждений, должен был получить возможность оправиться от нанесенного ущерба и богатеть далее — до нового снятия жира. Едва ли не основным законом воровского Союза был закон: никогда не убивай курицу, что несет яйца с рубином в желтке.

Ко всему прочему, оба вора испытывали облегчение при мысли о том, что идут напрямик домой — не к жене (да простит нас Эрос) и не к детям или родственникам (да простят нам боги), а в дом Воров, штаб-квартиру и убежище могущественного Союза, который был для них одновременно отцом и матерью, несмотря даже на тот факт, что ни одна женщина никогда еще не проникала за вечно открытые ворота Чик-стрит.

Наконец, приятно было сознавать, что хотя каждый из них был вооружен лишь традиционным воровским ножом с

серебряной рукоятью, они могли совершенно не беспокоиться о своей безопасности: их надежно охраняли трое наемных убийц, позаимствованных на вечер из Братства Убийц. Один из них крался впереди, выполняя роль наблюдателя, двое других — позади, играя роль прикрытия и основной ударной силы.

Но если даже и это не могло сообщить Слевийясу и Фиссифу чувство полной безопасности и безмятежности — что ж, на этот случай существовало кое-что еще. Рядом с ними, в тени тратуара, беззвучно пританцовывало маленькое безобразное (как на чей вкус, впрочем, он у всех разный) существо. Его можно было принять и за очень маленькую собачонку, и за большого кота, и за гигантскую крысу.

Правда, этот последний страж не внушал такой уж абсолютной уверенности. Фиссиф даже позволил себе, подавшись вперед, тихо прошептать в украшенное огромной мочкой ухо Слевийяса:

— Черт меня возьми, если мне нравится общество этой копии Христомили, как бы хорошо он нас ни прикрывал. Плохо, что Кровас нанялся или позволил себя завлечь к колдуну с самой сомнительной, если не ужасной репутацией и обликом, но это...

— Закрой поддувало! — еще более тихо прошептал Слевийяс.

Фиссиф повиновался, дернув плечом, и продолжал идти, бросая острые взгляды по сторонам, но особенно наблюдал за дорогой впереди.

Там, несколько дальше, совсем неподалеку от Золотой улицы, Каш перекрывался двухэтажным переходом, соединяющим два здания, которые принадлежали известным ваятелям и скульпторам Роккермасу и Слеаргу. Сами здания фирмы были снабжены объемными картинами, поддерживаемыми необыкновенно толстыми колоннами различных форм, украшенными разными формами, — они служили скорее рекламой, чем просто украшениями.

Из-за перехода слышался свист-сигнал наемника-разведчика о том, что он изучил лежащую впереди территорию, удобную для засад, и не обнаружил ничего подозрительного, так что на Золотой улице все чисто.

Но этот сигнал не принес Фиссифу полного успокоения. По правде говоря, толстый вор предпочитал быть осторожным и даже боязливым, по крайней мере, до определенных пределов. Поэтому он тщательнейшим образом осмотрел каждый выступ и завитушку здания «Роккермасо и Слеарга».

По эту сторону переход был снабжен четырьмя маленькими окошками с тремя глубокими нишами между ними, в которых стояли — еще одна реклама — три гипсовые статуи высотой в человеческий рост, несколько подпорченные годами пребывания на открытом воздухе и приобретшие темно-серую окраску — дар многолетних смогов. Фиссиф отметил еще тогда, когда шел к Дженагао на дело. Тогда ему показалось, будто первая статуя чуть-чуть изменилась. Она изображала среднего роста человека в плаще с капюшоном, со скрещенными на груди руками, что серьезно и строго смотрит перед собой. Статуя по-прежнему была такой же темно-серой, плащ, капюшон, лицо, но черты ее будто заострились, она казалась не такой изъеденной временем, и Фиссиф почти готов был поклясться, что она стала ниже ростом!

Более того, сразу над нишами штукатурка немного осыпалась, чего раньше Фиссиф не замечал. Он напряг память, вспоминая, не зафиксировал ли дальний уголок его памяти во время ограбления звука падения чего-то вдалеке. Теперь он уверен, что да. Его острое воображение нарисовало ему возможность существования за каждой статуей дыры, из которой эту статую можно было спихнуть так, чтобы она свалилась на проходящих, главным образом на него и Слевийяса. Тогда правая статуя могла быть использована для пробы, а потом заменена аналогичной.

Когда они со Слевийясом будут проходить под статуями, нужно будет зорко следить за ними. Если он увидит, что одна из них теряет равновесие, отскочить в сторону будет не сложно. Но следует ли оттаскивать в сторону Слевийяса, если это случится? Здесь было над чем подумать.

Его неугомимый взгляд продолжал осматривать портики и колонны. Последние, покрытые язвами времени, толстые и высотой почти в три ярда, являли собой не только причудливое скопище разных форм и орнаментов, но стояли друг от друга через неправильные промежутки, ибо Роккермас и Слеарг придерживались самых современных взглядов и делали упор на незавершенность, неопределенность и неожиданность.

Тем не менее Фиссифу показалось, что чувство неожиданности еще более усилилось, а именно, что под портиком находилось на одну колонну больше. Он не мог с уверенностью сказать, какая колонна была новой, но почти не сомневался в том, что такая имеется.

Закрытый проход был теперь близко. Фиссиф посмотрел на правую статую и отметил еще ряд новых деталей. Статуя,

хотя и была ниже, стояла, казалось, более прямо, тогда как скульптурная хмурость ее лица хранила некое философское размышление и презрительную надменность, самоуверенность и самодовольство.

И все же одна из трех статуй не подалась вперед, когда он и Слевийяс проходили под переходом. Но в этот момент произошло нечто другое.

Одна из колонн подмигнула Фиссифу. Серый Мышатник в правой нише прыгнул вверх, схватился за карниз, неслышно вскарабкался на плоскую крышу и пересек ее как раз вовремя, чтобы увидеть двух воров, появившихся внизу.

Без колебаний он устроился на краю и направил вниз прямое, как стрела арбалета тело, целя подошвами ботинок из крысиной кожи прямо на толстые плечи вора, хотя и дав ему возможность пройти еще ярд.

В тот момент, когда он прыгал, высокий вор бросил взгляд через плечо и выхватил нож, хотя и не сделал ни одного движения, чтобы отстранить Фиссифа от траектории полета устремившегося на него человека.

Быстрее, чем от него можно было ожидать, Фиссиф оглянулся и тонко вскрикнул:

— Слевийяс!

Ботинки из крысиной кожи ударили ему в живот. Это было все равно, что броситься на большую подушку. Отлетев от толчка, Мышатник сделал сальто вперед и, когда голова вора ударилась о булыжник мостовой с гулким тупым «БУМ», он был уже на ногах, с кинжалом в руке, готовый ринуться на высокого.

Но в этом не было необходимости. Глаза Слевийяса закатились, и он тоже падал.

Одна из колонн устремилась вперед, таща за собой объемистое одеяние. Большой капюшон упал на спину, открыв юное лицо, обрамленное длинными волосами. Из длинных свободных рукавов, служащих самой верхней частью колонны, показались коричневые руки. Одна из них нанесла Слевийясу быстрый и точный удар в подбородок.

Фафхрд и Серый Мышатник смотрели друг на друга поверх бесчувственных тел воров. Оба были готовы к нападению, но ни один из воров не шевельнулся.

Фафхрд сказал:

— Похоже, мы здесь по одной и той же причине.

— Похоже? Да это бесспорно! — бросил Мышатник, поедая глазами этого нового врага, который был на голову выше этого высокого врага.

— Что ты сказал?

— Я сказал: «Похоже? Да это бесспорно!»

— До чего же ты цивилизован! — довольным тоном заметил Фафхрд.

— Цивилизован? — с подозрением в голосе спросил Мышатник, крепче сжимая кинжал в коричневой руке.

— Действуй, но будь осторожен, — вот что означает это слово, — пояснил Фафхрд, не выпуская Мышатника из поля зрения. Он посмотрел вниз. Взгляд его скользнул по кисету одного вора, потом по кисету второго. Затем, с широкой добродушной улыбкой, он посмотрел на Мышатника.

— Попролам? — предложил он.

Поколебавшись, Мышатник вложил кинжал в ножны и бросил:

— Договорились, — быстрым движением он опустился на колени и принялся развязывать кисет Фиссифа. — Посмотри Слевийяса! — приказал он.

То, что толстый вор выкрикнул имя своего напарника, не вызывало сомнений.

Фафхрд, опустившись на колени и не прекращая своего занятия, заметил:

— Этот... хорек, что с ним был, куда он подевался?

— Хорек? — переспросил Мышатник. — Это была мартышка!

— Мартышка, — повторил Фафхрд. — Такая маленькая тропическая обезьянка, да? Что ж, я полагаю, может быть... я на юге никогда не был... но мне показалось, будто...

Тихое, стремительное нападение, почти ошеломившее их на мгновение, на самом деле не было для них по-настоящему неожиданным. Каждый из них, сам того не сознавая, ожидал его.

Трое наемников кинулись в атаку с обнаженными шпагами, уверенные в том, что двое шакалов не могут быть вооружены ничем более страшным, чем обыкновенные ножи, и окажутся такими же робкими, какими воры всегда бывали в уличных стычках... Так что именно им пришлось удивляться, когда с великолепным проворством Мышатник и Фафхрд устремились вперед и, встав спиной друг к другу, бесстрашно встретили натиск длинных шпаг. Мышатник сделал быстрый ложный выпад так, что клинок нападавшего с правой стороны прошел лишь на волосок мимо его левого бедра. И мгновенно он сделал рывок вперед. Его противник, в отчаянии пытаясь отступить, тоже, в свою очередь, сделал ложный выпад. Намеренно неторопливо острие длинного тон-

кого лезвия Мышатника прервало этот выпад с деликатностью принцессы, отвечающей на поклон, а потом, рванувшись вперед и немного вверх, прошло между двух чешуек бронированной куртки наемника, меж его ребер, сквозь его сердце и спину с такой легкостью, как будто разрезало нежнейшее пирожное.

Тем временем Фафхрд, отражавший нападение сразу двух наемников с другой стороны, отпарировал их удары, сделав несколько мощных выпадов, и молниеносно чиркнул по воздуху клинком, таким же длинным, как и оружие Мышатника, но более тяжелым, так что тот полоснул по шее одного из противников, наполовину того обезглавив. Потом, быстро отскочив, он приготовился нанести смертельный удар другому. Но в этом уже не было необходимости. Узкая полоска выпачканной кровью стали, направляемая рукой в серой перчатке, пронеслась мимо него и пронзила последнего бандита тем же манером, каким Мышатник прикончил первого.

Молодые люди вытерли клинки. Фафхрд провел ладонью правой руки по своему одеянию и протянул ее вперед. Мышатник стянул с правой руки серую перчатку и пожал протянутую руку. Не обменявшись ни словом, они опустились на колени и закончили отбор добычи у лежащих без сознания воров. Поднявшись, Мышатник сначала сухим, затем промасленным полотенцем стер с лица смесь пепла с копотью, которая делала кожу темной.

Потом после быстрого вопросительного взгляда и кивка Фафхрда они пошли в том же направлении, в котором следовали Слевийяс и Фиссиф со своим эскортом.

Осмотрев Золотую улицу, они пересекли ее и продолжали идти в восточном направлении по Денежной, следуя предложению Фафхрда.

— Моя женщина в «Золотой миноге», — объяснил он.

— Захватим ее и пойдем к моей девушке, — предложил Мышатник.

— Домой? — вежливо спросил Фафхрд.

— В Тусклый переулок, — пояснил Мышатник.

— Там, где «Серебряный угорь»?

— За ним. Выпьем вместе.

— Стаканчик опрокину. Заправиться не помешает.

— Верно. Я тебе помогу.

Фафхрд остановился, снова вытер об одежду правую руку и протянул ее.

— Зовусь Фафхрдом.

И снова Мышатник потряс протянутую руку.

— Серый Мышатник,— сказал он слегка вызывающим тоном, как будто предупреждая, что над его прозвищем смеяться не следует.

— Серый Мышатник, а? — заметил Фафхрд.— Что ж, тебе удалось сегодня уничтожить пару крыс.

— Верно,— Мышатник выпятил грудь и откинул голову. Потом, наморщив нос и улыбнувшись, он признался,— ты и сам бы с легкостью справился со вторым. Я украл его у тебя, чтобы показать тебе свою скорость, кроме того, я был возбужден.

Фафхрд хмыкнул.

— И это ты говоришь мне. А я, как думаешь, себя чувствовал?

И снова Мышатник ухмыльнулся. И что такого, черт возьми, в этом парне, что он разогнал его обычную хмурость?

Подобный вопрос задавал себе и Фафхрд. Всю свою жизнь он не доверял людям небольшого роста, зная, что его собственный рост всегда вызывает у них зависть. Но этот малыш явно составляет исключение. Он попросит Коса о том, чтобы этот парень понравился Блане.

На северном углу Денежной улицы и улицы проституток горел фонарь, представляющий собой широкий, состоящий из ряда золоченых спиралей-конусов, куб. Свет его с трудом пробивался сквозь черную толщу ночного смога. Другой такой же фонарь был укреплен перед дверью таверны. Из тени в пятно света, отбрасываемого вторым фонарем, вступила Блана, красивая в своем узком бархатном платье и красных чулках. Единственным ее украшением был кинжал с серебряной рукояткой и расшитый серебром черный кисет, висящий на простом черном поясе.

Фафхрд представил Серого Мышатника, который держался почти с подобострастной любезностью. Блана внимательно изучила его и послала ему пробную улыбку.

Фафхрд открыл маленький кисет, отнятый им у высокого вора, так, чтобы луч света падал на его содержимое. Блана заглянула в кисет, обвила шею Фафхрда, теснее прижалась к нему и звучно поцеловала. Потом она переложила драгоценности в кисет, висящий у нее на поясе.

Когда она покончила с этим, он сказал:

— Слушай, я хочу купить кувшинчик. Расскажи ей, как все было, Мышатник.

Когда он вышел из «Золотой миноги», то левая рука прижимала к себе четыре кувшина, а тыльной стороной правой ладони вытирал рот. Блана нахмурилась. Он ухмыльнулся

ей, а Мышатник приложился к кувшину. Они вновь пошли по Кэш в восточном направлении. Фафхрд сообразил, что хмурость относится не только к кувшину и перспективе очутиться на дурацкой мужской пирушке. Мышатник тактично зашагал впереди.

Когда его фигура превратилась в неясное пятно, маячившее сквозь толщу смога, Блана зло прошептала:

— Вы победили двух членов Воровского Союза и не перерезали им глотки?

— Мы убили трех бандитов,— запротестовал Фафхрд,— защищаясь.

— У меня ссора не с Братством Убийц, а с этим противным Союзом. Ты поклялся мне, что как только у тебя будет возможность...

— Блана! Я не мог позволить Серому Мышатнику подумать, что я воришка-любитель, склонный к истерии и жаждущий крови.

— А он сказал мне, что, не моргнув глазом, перерезал бы им горло, если бы только знал, что я этого хочу.

— Он лишь подыграл тебе из вежливости.

— Может быть — да, а может быть — нет. Но ты-то знал и не...

— Блана, заткнись!

Она бросила на него полный ярости взгляд, потом зло рассмеялась и губы ее задрожали, как будто она собиралась заплакать. Но потом овладела собой и улыбнулась уже дружелюбнее.

— Прости меня, дорогой,— сказала она.— Иногда ты, должно быть, думаешь, что я схожу с ума. Временами я и сама в это верю.

— Вовсе нет,— коротко бросил он.— Подумай лучше о камнях, которые мы выкрали. И будь мила с нашим новым другом. Смочи горло вином и успокойся. Я хочу сегодня повеселиться. Я это заслужил.

Она кивнула и в знак согласия прижалась к его плечу. Они поспешили за маячившим впереди неясным силуэтом.

Мышатник, повернув налево, повел их по Дешевой улице к скверу, тому месту, откуда узкая улица вновь отходила в восточном направлении, почти теряясь в полной мгле.

— Тусклый переулок,— объяснил Мышатник.

— Тусклый — слишком слабое слово, слишком прозрачный для сегодняшней ночи.— Она закончила свои слова неуверенным смешком, в котором звучали истерические нотки, завершившимся странным придушенным кашлем.— Прокля-

тый ланкмарский туман! — выдохнула она. — Не город, а настоящий ад.

— Отсюда совсем недалеко до Большого Соленого Болота, — объяснил Фафхрд.

Объяснение его было абсолютно верным. Лежащий в низине, между болотом, внутренним морем, рекой Хлал и южными зелеными полями, орошаемыми каналами, что тянутся от Хлал, Ланкмар, окутанный многочисленными испарениями, был средоточием туманов и полный копоты смогов.

На полпути к Каркер-стрит из мглы появилась таверна, стоящая у обочины. Высоко над дверью висело в качестве вывески нечто вроде металлического креста. Они миновали дверь, обитую перепачканной копотью кожей, и в нос им ударил запах спиртного.

Сразу за «Серебряным Угрем» Мышатник повел их по темному переулку, начинающемуся от восточной стены таверны. Им пришлось идти гуськом, прокладывая себе путь по разбитым камням.

— Не забывайте о луже, — напомнил Мышатник. — Она глубокая, как Внутреннее море.

Проход сделался шире. Отблески фонарного света, пробивающиеся сквозь толщу тумана, позволяли им различать лишь контуры окружавших их зданий. Самым приятным был старый дом, сложенный из потемневшего кирпича и древнего дерева. С четвертого этажа, прятавшегося под самой крышей, из трех тщательно зашторенных окон пробивались слабые полосы света. За домом проходил узкий переулок.

— Костлявая аллея, — сказал им Мышатник.

Но теперь Блана и Фафхрд могли разглядеть длинную узкую внешнюю лестницу, которая была деревянной, но осевшей, крайне запущенной и без перил. Она вела на освещенный чердак. Мышатник взял у Фафхрда кувшины и довольно проворно начал подниматься по лестнице.

— Поднимитесь за мной, когда я дойду до верха, — бросил он оставшимся внизу. — Думаю, она тебя выдержит, Фафхрд, но лучше идти одному.

Фафхрд мягко подтолкнул Блану вперед, она поднялась до того места, где Мышатник стоял в открытых дверях, из которых струился поток желтого света, быстро гибнувший в ночном смоге. Рука Мышатника лежала на пустом держателе для фонаря, прочно вделанном в каменную стену. Он посторонился, и Блана вошла в дом.

Фафхрд пошел наверх, стремясь держаться к стене так близко, как только мог, готовый к тому, чтобы вцепиться в нее, поддерживая себя. Почти у самого верха одна ступенька поддалась с характерным скрипом полупрогнившего дерева. Как только мог осторожно, он уцепился рукой и коленом за соседние ступеньки и тихо выругался.

— Не трусь, кувшины в безопасности, — весело бросил Мышатник с верхней площадки.

Оставшуюся часть пути Фафхрд проделал на четвереньках и выпрямился только тогда, когда достиг двери. Сделав это, он едва не задохнулся от изумления.

Это было подобно тому, как если бы ты взял колечко в дешевенькой медной оправе и вдруг обнаружил, что в него вставлен бриллиант чистейшей воды. Богатые драпировки с мерцающим золотом и серебряным шитьем, покрывавшие все стены, кроме тех мест, где находились окна. На окнах — золотые ставни. Похожая, но более темная ткань, скрывала низкий потолок, образуя роскошный купол, на котором золотые и серебряные блестки казались похожими на звезды. А повсюду виднелись пухлые подушки и низкие столешницы, на которых горели многочисленные свечи. На полках, стоящих вдоль стен, были аккуратно разложены запасные свечи, многочисленные свитки, кувшины, бутылки и эмалированные шкатулки. На широком камине стояла маленькая печка, аккуратно выкрашенная в черный цвет, с расписанной дверцей. Рядом с печкой высилась крошечная пирамида тонких смолистых факелов с потертыми концами — лучин и другая пирамидка маленьких неотделанных камней, а также куски блестящего черного угля.

На низком камине перед помостом было устроено ложе, покрытое золотой тканью. На нем сидела худенькая с бледным лицом девушка. Красота ее была нежной и хрупкой. На ней было платье из плотного фиолетового шелка, украшенного серебряной нитью. Поясом служила серебряная цепочка. Серебряные заколки, украшенные аметистами, поддерживали черные волосы, собранные в высокую прическу. На плечи ее был накинут белоснежный меховой паланкин. Слегка подавшись вперед, она угловато-грациозным жестом протянула Блане узкую белую руку. Та опустилась перед ней на колени, осторожно взяла протянутую руку, наклонила голову так, что ее прямые темно-коричневые волосы заструились с плеч, образуя завесу, и приложила губами к тыльной стороне ладони.

Фафхрд был счастлив видеть, как его женщина с успехом исполняет роль в этом бесконечно странном, хотя и восхитительном представлении. Потом посмотрел на длинные ноги Бланы в красных чулках, хорошо видные сейчас, когда она стояла на коленях, он отметил, что весь пол устлан толстыми плотными тканями — коврами из восточных зёмель. Прежде чем он осознал это, его рука поднялась, и указательный палец уперся в Серого Мышатника.

— Ты — похититель ковров! — с чувством произнес он. — Ковровый Мышатник и Северный Корсар впридачу! — продолжал Фафхрд, имея в виду две серии таинственных похищений, рассказы о которых были у всех на устах, когда они с Бланой приехали в Ланкмар месяц назад.

Мышатник посмотрел на Фафхрда. Лицо его хранило непроницаемое выражение. Потом внезапно оно расплылось в улыбке так, что глаза стали щелочками, и в танце-экспромте он пронесся по комнате. В конце концов он очутился за спиной Фафхрда, осторожно снял с его склоненных плеч широкое одеяние с капюшоном и длинными рукавами, встряхнул его, осторожно сложил и положил на подушку.

Девушка в фиолетовом нервно похлопала по золотой ткани подле себя, и Бланка села, но не слишком близко от приглашавшей. Обе женщины тихо заговорили. Нить разговора вила Блана.

Мышатник снял свой серый плащ с капюшоном и положил его возле плаща Фафхрда. Потом оба отстегнули свои кинжалы, и Мышатник положил их поверх сложенной одежды.

Без этого оружия и громоздких одеяний оба мужчины вдруг сразу превратились в юнцов. У обоих были чистые, гладко выбритые лица. Оба стройные, несмотря на мускулы, перекатывающиеся на руках и ногах Фафхрда. У него были длинные рыжевато-золотистые волосы, падающие почти до плеч. У Мышатника волосы были черные, подстриженные с челкой. Один был одет в кожаную тунуку, порядком прокопченную, другой — в короткую куртку из плотного серого тканого материала.

Они улыбнулись друг другу. То, что они вдруг вот так превратились в мальчишек, сделало их улыбки неуверенными. Мышатник, кашлянув, слегка поклонился, продолжая однако смотреть на Фафхрда, повел рукой в сторону золотистого ложа и произнес явно заранее приготовленную речь.

— Фафхрд, мой дорогой друг, позволь мне представить тебе мою принцессу. Мариан, дорогая моя, прошу тебя отнестись к Фафхрду благосклонно, ибо сегодня вечером мы

сражались с ним, спина к спине, против троих и одержали победу.

Фафхрд шагнул вперед, слегка поклонился так, что волосы его блеснули золотом, и стал подле Мариан на колени точно так же, как это сделала раньше Блана. Тонкая рука протянулась на этот раз довольно уверенно, но, коснувшись ее, он обнаружил, что она слегка дрожит. Он принял ее с такой бережностью, как будто она была соткана из тончайшей шелковой пряжи, едва коснулся губами и, довольно застенчиво, пробормотал несколько комплиментов.

Он не признавал, что Мышатник нервничает не меньше, а, может быть, и больше его, изо всех сил молясь про себя, чтобы Мариан не переусердствовала в своей роли, принцессы и не отпугнула его гостей. Или же не разразилась бы слезами, потому что Фафхрд и Блана были буквально первыми живыми существами, приведенными им в роскошное гнездышко, свитое им для своей аристократической возлюбленной, если не считать пары влюбленных друг в друга птиц, что резвились в золотой клетке, повешенной по другую сторону камина.

Несмотря на остроту ума и цинизм, Мышатнику и в голову не приходило, что именно его чарующее, но нелепое обращение делало Мариан похожей на куклу.

Но теперь, когда Мариан, наконец, улыбнулась, Мышатник с облегчением вздохнул, достав две серебряные чаши и два серебряных кубка, тщательно выбрал бутылку с фиолетовым вином, потом, улыбнувшись недоумению на лице Фафхрда, откупорил принесенные им кувшины, перелил их содержимое в четыре сверкающих графина и поставил все четыре на стол.

Совершенно свободно, на этот раз, он проговорил:

— За мою самую крупную в Ланкмаре кражу, за добычу, которую мне волей-неволей пришлось поделить пополам...— он не мог сопротивляться внезапному порыву,— ...с этим огромным длинноволосым варваром, сидящим здесь.— И он опрокинул кубок приятно горячащего, смешанного с бренди вина.

Фафхрд выпил половину своего кубка и сказал ответный тост:

— За самого хвастливого и жеманного цивилизованного малыша, с которым мне когда-либо приходилось делить добычу.— И он, допив остаток вина, обнажил в широкой улыбке белые зубы.

Мышатник вновь наполнил его кубок, потом свой, сел подле Мариан и высыпал ей на колени драгоценности, взятые у Фиссифа. Они заблестели, как осколки прекрасной многоцветной радуги.

Мариан, вздрогнув, откинулась назад, едва не сбросив камни, но Блана мягким жестом схватила ее за руку. Потом, по просьбе Мариан, Блана достала голубую эмалевую шкатулку, украшенную серебром, и обе они стали брать камни с колен Мариан и прятать их в обитую голубым бархатом внутренность ларца. Потом они принялись беседовать.

Маленькими глотками потягивая вино, Фафхрд чувствовал, как скованность оставляет его. Он внимательно изучил комнату, в которой находился. Первое впечатление, когда комната показалась ему какими-то фантастическими покоями, стерлось, и он начал изучать следы гниения под внешней пышностью.

То здесь, то там мелькало из-под ковров и драпировок черное прогнившее дерево, неся с собой неприятный вонючий запах. Пол под коврами прогибался так же, как и центральная часть потолка. Струйки ночного смога проникали сквозь шторы, оставляя на позолоте причудливые пятна. Часть каминных плиток отсутствовала, часть разбита.

Мышатник разводил в печке огонь. Он сунул в дрова лучину и закрыл маленькую черную дверцу, за которой заревело пламя. Как будто читая мысли Фафхрда, он взял несколько длинных свечей, вставил их в подсвечники и расставил по комнате. Потом он затолкал полосы шелка в самые большие трещины в ставнях, снова взялся за свой серебряный кубок и бросил на Фафхрда пристальный взгляд.

Через мгновение он уже улыбался и, глядя на Фафхрда, поднимал кубок. Фафхрд сделал то же самое. Обоих их охватило желание быть искренними друг с другом. Едва шевеля губами, Мышатник объяснял:

— Отец Мариан был герцогом. Я его убил. Это был необычайно жестокий человек, жестокий даже к своей дочери, но все же герцог, так что Мариан совершенно не способна о себе заботиться. Я горжусь тем, что обеспечил ее лучше, чем ее отец со всеми их слугами.

Фафхрд кивнул и заметил дружелюбно:

— Ты выбрал себе чудное местечко.

Со своего места Блана обратилась к ним хрипловатым контролем:

— Серый Мышатник, твоя принцесса хотела бы услышать о сегодняшнем приключении. И не могли бы вы дать нам еще вина?

— Да, пожалуйста, Мышатник,— попросила Мариан.

Мышатник посмотрел на Фафхрда, ища одобрения, получил согласный кивок и принялся за рассказ. Но вначале он налил девушкам вина. Его оказалось слишком мало, поэтому он открыл другую бутылку и, поразмыслив мгновение, добавил к ней еще две, поставив одну возле ложа, другую возле растянувшегося на ковре Фафхрда, а третью оставил для себя. Мариан приняла этот знак грядущей пьянки с тревогой, Блана с цинизмом во взгляде.

Мышатник рассказал сказку о воровстве хорошо, почти разыгрывая ее. Приукрасил свой рассказ только раз, сказав, что хорек-мартышка прежде чем убежать, пыталась выцарапать глаза ему. Прервали его только дважды.

Когда он сказал: «И тогда, крутнувшись и подпрыгнув, я обнажил свой Скальпель...»,— Фафхрд заметил:

— Так значит и у твоей шпаги, а не только у тебя, есть прозвище?

Мышатник выпрямился.

— Да, свой кинжал я зову Кошачий Коготь. Есть возражения? Тебе это кажется детской забавой?

— Вовсе нет. Я сам зову свой палаш Серым Прутиком. Продолжай же.

Второй раз это случилось, когда он упомянул о твари непонятной породы, что была вместе с ворами (и сделала попытку вцепиться ему в глаза). Мариан побледнела и с дрожью в голосе сказала:

— Мышатник! Это напоминает о семье ведьм!

— Колдунов! — поправила Блана.— Этот трусливый Союз деревенщин не ведет с женщинами других дел, кроме как для удовлетворения своей похоти. Но Кровас, их теперешний король, известен тем, что принимает все меры предосторожности, так что он привлек к себе на службу и колдуна.

— Подобное предположение кажется весьма вероятным: уж крепко очень оно ко мне прилипло,— согласился Мышатник, расширив глаза и произнося эти слова таинственным шепотом. Он с удовольствием соглашался со всем, что подчеркивало опасность его поступков.

Когда он закончил, девушки, чьи глаза горели от возбуждения и влюбленности, подняли тост за него и Фафхрда, превознося их хитрость и храбрость. Мышатник поклонился, лукаво подмигнул, потом со вздохом облегчения растянулся

на коврах, вытер лоб шелковой салфеткой и отпил добрую толику вина.

Удовлетворив просьбу Бланы, Фафхрд стал рассказывать об их побеге из Холодного Угла: он бежал из своего клана, она из актерской труппы, и о тех успехах, что они достигли в Ланкмаре, где сейчас жили в Актерском Квартале неподалеку от площади Темных Удовольствий. Мариан плотнее прижималась к Блане, и глаза ее расширялись каждый раз, когда рассказ становился волнующим.

Единственное, о чем он умолчал — это о горячем желании Бланы жестоко отомстить членам Воровского Союза за то, что они до смерти замучили ее подругу, а ее саму изгнали из Ланкмара за то, что она пыталась на свой страх и риск заниматься воровским ремеслом. Но упомянул он, конечно, и о своем обещании — глупом, как он считал, — помогать ей в этом кровавом деле.

Закончив и получив соответствующую долю одобрений, он обнаружил, что горло его сухо, несмотря на частые прикладывания к графину. Решив промочить горло, он увидел, что и кубок его, и графин пусты. Ему вовсе не улыбалось на этом выпивку закончить. Весь тот хмель, что в нем был, улетучился вместе со сказанными им словами.

Мышатник был в том же состоянии и тоже не пьян, хотя делал таинственные паузы, прежде чем ответить на вопрос, подаваясь при этом всем телом вперед. Он предложил Фафхрду сопровождать его в Ил за покупкой новой порции вина.

— Но в нашем графине еще достаточно вина, — запротестовала Мариан. — Или, по крайней мере, немного, — поправилась она. Но когда Блана потрясла графин, он оказался пуст. — Кроме того, у нас есть вина всех сортов.

— Но этого сорта нет, моя дорогая, а первое правило гласит: не смешивай, — объясняя, Мышатник поднял палец. — Это приводит к потере здоровья и безумию, моя бесценная.

— Дорогая моя, — сказала Блана и нежно погладила Мариан по руке, — на любой хорошей вечеринке наступает момент, когда мужчины, настоящие мужчины, вынуждены на время уйти. Это ужасно глупо, но такова их натура, и тут ничего не поделаешь, поверь мне.

— Но, Мышатник, я боюсь. Меня напугала история Фафхрда и твоя тоже. Я слышала какие-то звуки за шторами, когда ты уходил. Слышала, я знаю!

— Дорогая моя, — сказал Мышатник икнув, — между тобой и Холодным Углом Фафхрда с его смешными колдунами

лежит Внутреннее Море, все земли Восьми Городов и Троллиевы Горы, такие высокие, что их вершины царапают небо. Что касается им подобных, то шш! — они никогда не были ничем иным, как грязными и вонючими стариками.

Блана весело сказала:

— Пусть эти дурачки идут, дорогая. Это даст нам возможность поговорить по душам, а им проветрить затуманенные вином головы и размять затекшие ноги.

Мариан позволила себя убедить, и Мышатник с Фафхрдом выскользнули наружу, быстро захлопнув за собой дверь, чтобы преградить путь ночному смогу. Вскоре девушки слышали их шаги по лестнице.

В ожидании, пока им принесут из погреба Ила четыре кувшина вина, двое новоявленных друзей заказали по кубку подобного или почти подобного напитка и устроились в самом тихом углу шумной таверны. Мышатник пнул ногой крысу, что высунула из норы черную морду.

После того, как каждый из них рассыпался в горячих комплиментах в адрес девушки другого, Фафхрд доверительно сказал:

— Только между нами. Думаешь ли ты, что в замечании твоей милочки Мариан насчет того милого существа, что было со Слевийясом и другим вором, будто бы оно из семейства колдунов или, по крайней мере, хитрый зверек одного из колдунов, обученный сообщать хозяину или Кровасу о случившемся несчастье, что-то есть?

Мышатник весело рассмеялся:

— Ты делаешь из мухи слона, как ребенок, не умеющий мыслить логически. Вот как, дорогой мой варварский брат, можно мне так тебя называть? Ну как эта зверушка может о чем-то сообщить? Я не верю в то, что животные могут говорить, кроме попугаев и других птиц, которые просто... как попугаи.

— Эй, ты, там за прилавком! Где мои кувшины? Что, крысы съели того парня, что пошел за ними? Или он по пути от голода умер? Вели ему побыстрее поворачиваться, да налей нам еще!

— Но, Фафхрд, даже если предположить, что это существо имеет прямое или косвенное отношение к Кровасу, что оно вернулось в Воровской дом после наших дел, то что нам в этом будет пользы? Они лишь могут узнать о том, что с кражей у Дженагао что-то не так.

Фафхрд нахмурился и мрачно пробормотал:

— Это мохнатое чучело могло каким-нибудь образом описать нашу внешность хозяевам Союза. И они могли узнать нас, выследить и напасть на наши дома.

— Мой дорогой друг,— успокаивающе проговорил Мышатник,— я еще раз прощаю тебе твое невежество и надеюсь, что это доброе вино приведет тебя в нормальное состояние и добавит смелости. Если бы Союз знал нас в лицо или знал, где наши жилища, он добрался бы до наших шей через несколько дней, недель или месяц тому назад. Разве ты не знаешь, что наказанием за свободное воровство в пределах стен Ланкмара является смерть после долгих мучений и ничто другое.

— Я все это знаю и кишки у меня не тоньше, чем у тебя,— огрызнулся Фафхрд и, взяв с Мышатника слово молчать, рассказал ему о вендетте Бланы против Союза и ее смертельно серьезных намерениях об искупающем мщении.

Во время разговора прибыли из погреба четыре кувшина вина, но Мышатник снова наполнил их кубки.

Фафхрд закончил:

— И вот из-за обещания, данного поглупевшим от любви и неопытным юнцом в Южном Углу Холодной Равнины, я сделался мрачным, ну пусть по временам, человеком, от которого постоянно ждут, когда он объявит войну всем владениям Ланкмара, потому что, как ты знаешь, у Союза есть отделения во всех других городах на этой земле. Я очень люблю Блану и сама она очень опытная воровка, но на этом деле она просто путник, и здесь не помогут ни логика, ни убеждения.

— Наносить Союзу прямые оскорбления бесполезно, в этом твоя мудрость непоколебима,— прокомментировал Мышатник.— Если ты не можешь выбить из головы своей самой красивой девушки всех этих фокусов, то тебе лучше пресекать даже малейшую просьбу насчет подобных дел.

— Конечно, лучше,— с охотой подтвердил Фафхрд.— Идиот я был, пускаясь в разговор о Союзе. Конечно, если бы они меня поймали, то все равно убили бы за то, что я работаю в одиночку. Но нападать на Союз первым, убивать просто так члена Союза — чистое безумие!

— Тогда ты был бы не просто пьяным безмозглым дураком, но и не далее чем через три ночи подданным этой императрицы несчастий — Смерти. Нет, в этом деле ты Блане не поддавайся.

— Принято! — громко сказал Мышатник и сжал в своей крепкой руке железную руку Фафхрда.

— А теперь нам нужно вернуться к девушкам, — сказал Фафхрд.

— Еще по одной для равного счета. Эй, парень!

— Счет!

Блана и Мариан, углубленные в волнующую беседу, насторожились при звуках шагов на лестнице. Бегущие бегемоты едва ли могли наделать больше шума. После нескольких минут тревожного ожидания слышались шаги. Дверь распахнулась, и ввалились двое мужчин, впустив с собой клубы ночного смога.

— Я же говорил тебе, что мы вернемся в мгновение ока, — весело крикнул Фафхрд Мариан, в то время как Мышатник устремился вперед, и так энергично, что пол заходил ходуном, крича при этом: «Сердце мое, до чего ж мне тебя не хватало!», и, несмотря на сопротивление Бланы и возгласы протеста, он привлек ее к себе, звучно поцеловал и снова усадил ее на ложе.

Странно, но сейчас сердилась, казалось, Мариан, а не Блана, которая лишь влюбленно, даже мечтательно, улыбалась.

— Фафхрд, сэр, — сухо сказала Мариан, сложив на колени узкие ладони, выставив вперед подбородок, блестя темными глазами, — моя возлюбленная Блана рассказала о тех неправдоподобных подлых делах, что творятся в Воровском Союзе, и о том, что они сделали с ее любимейшей подругой. Простите мою откровенность, я вас так мало знаю, что ведете себя не по-мужски, отказывая ей во мщении, которого она жаждет и так страстно. Это относится и к тебе, Мышатник, к тебе, оскорбившему Блану тем, что не сделал того, что мог бы сделать. И это человек, который в подобной обстановке не задумываясь убил моего отца.

Фафхрду стало ясно, что пока они с Серым Мышатником проводили время в Иле, Блана, без сомнения, изложила Мариан все свои претензии к Союзу и безжалостно сыграла на книжных романтических симпатиях невинной девушки и на ее понятии о чести. Ему также было ясно, что Мариан основательно пьяна. Бутылка фиолетового вина из далекого Кирайля на три четверти пустая стояла перед ней на низком столике.

И все же он не нашел другого ответа, кроме как беспомощно развести руками и наклонить голову ниже, чем того требовала высота потолка, под горящим взглядом Мариан.

Блана приобрела могучего союзника. И, в конце концов, они были правы. Он действительно обещал.

Первым попытался восстать Мышатник.

— Да ну же, малышка,— крикнул он с той же легкостью, с какой двигался по комнате, подходя к печке и подкладывая топливо,— и вы тоже, прекрасная госпожа Блана. В течение последних месяцев Фафхрд своим умением наносить Союзу чувствительные удары уязвлял его чем только мог в самое больное место — кошелек. Давайте-ка мы все лучше выпьем.— При его участии один из вновь принесенных кувшинов был откупорен и пошел гулять вдоль ряда серебряных чаш и кубков.

— Мщение торгаша! — с презрением отозвалась Мариан, чей гнев не утих, но лишь получил новую пищу для развития.— Ты и Фафхрд должны были, по крайней мере, принести Блане голову Кроваса!

— И что она стала бы с ней делать? Кому бы это принесло пользу, кроме перепачканных ковров? — злобно огрызнулся Мышатник, тогда как Фафхрд, собравшись наконец с силами, опустился на одно колено и проговорил:

— Глубокоуважаемая госпожа Мариан! Правда, я обещал моей любимой Блане, что помогу ей отомстить, но если Мышатник и я принесли бы Блане голову Кроваса, нам с ним немедленно пришлось бы покинуть Ланкмар. Против нас были бы все. И вам бы пришлось покинуть тот прекрасный мир, который Мышатник создал из любви к вам, скитаться и побираться до конца дней своих.

Пока Фафхрд говорил, Мариан подняла вновь наполненную чашу и осушила ее. Теперь она стояла выпрямившись, как солдат, бледное лицо ее пылало. Она зло бросила:

— Вы подсчитываете стоимость! Вы говорите мне о вещах, — она повела вокруг рукой,— когда на карту поставлена честь. Вы дали Блане слово. О, неужели рыцарей нет больше?

Фафхрд не нашелся что ответить, лишь снова пожал плечами и сделал очередной глоток из серебряного кубка.

Блана осторожно потянула Мариан за рукав и заставила ее вновь сесть на золотое ложе.

— Не так сурово, дорогая,— попросила она.— Ты вела себя очень благородно, выступив в мою защиту, и поверь мне, я очень тебе благодарна. Твои слова воскресили во мне то огромное, прекрасное чувство, что умерло много лет тому назад. Но из всех нас, сидящих здесь, только ты истинная аристократка, имеющая отношение к высшим идеалам. Мы же трое — всего лишь воры. Так стоит ли удивляться тому,

что некоторые из нас ставят безопасность выше честности и крепости данного слова и всеми способами стараются избежать риска! Да, мы трое воров, и я не имею никаких прав. Так что, пожалуйста, не говори больше о чести, достоинстве и рыцарстве. Успокойся и...

— Ты хочешь сказать, что они оба боятся затронуть Воровской Союз, не так ли? — произнесла Мариан. Глаза ее расширились, лицо выражало отвращение. — Я всегда счастлива, что мой Мышатник прежде всего благородный человек, а уж потом — вор. Воровство это ничто. Мой отец жил жестокими грабежами, производимыми во время набегов на богатых путников и соседей, менее сильных, чем он, и все-таки он был аристократом... А вы трусы, оба. Презренные трусы! — закончила она и с холодным презрением посмотрела сначала на Мышатника, а потом на Фафхрда.

Последний не мог этого снести. Он вскочил на ноги, лицо его пылало, руки сжались в кулаки. Он едва не опрокинул кубок, а встревоженный его внезапным движением пол жалобно закрипел.

— Я не трус! — крикнул он. — Я разнесу Дом Воров, принесу тебе голову Кроваса и полью кровью пол у ног Бланы. Клянусь своей шпагой, Серым прутиком, что висит у меня на боку.

Он шлепнул себя по боку и, не обнаружив ничего, кроме туники, вынужден был довольствоваться тем, что ткнул пальцем в то место на поясе, где ей надлежало быть. Потом он подошел к аккуратно свернутому плащу, на котором лежала шпага, поднял ее, прицепил к поясу и потянулся за кувшином.

Серый Мышатник расхохотался от всей души. Все устали на него. Он пустился в пляс около Фафхрда, широко улыбаясь и приговаривая:

— Почему бы и нет? Кто говорит, что мы боимся Союза Воров? Кого расстраивает перспектива этого смехотворно простого дела, когда всем известно, что все они, Кровас и его клиенты, ничто иное, как пигмеи по сравнению со мной или Фафхрдом? Удивительно простой, до глупости простой план проникновения в Дом Воров только что пришел мне в голову. Мы с Фафхрдом совместно приведем его в действие. Ты со мной, северянин?

— Конечно да! — пылко ответил Фафхрд, в то же время лихорадочно соображая, какая безумная мысль могла прийти в голову этого парня.

— Дай мне время нескольких сердечных ударов на то, чтобы захватить что нужно и мы двинемся! — крикнул Мышатник. Он схватил с полки и развернул объемистый мешок и засновал по комнате, засовывая в него: свернутую клубком веревку, какие-то лохмотья, банки с мазью разных сортов и прочие предметы.

— Ты не можешь идти сегодня, — запротестовала Мариан, внезапно побледнев. В голосе ее снова слышалась неуверенность. — Вы оба... не в том состоянии.

— Вы оба пьяны, — хрипло сказала Блана. — Совершенно пьяны... И в Доме Воров вы не получите ничего, кроме собственной смерти. Фафхрд! Возьми себя в руки, алкоголик!

— О, нет, — ответил ей Фафхрд, пристегивая шпагу. — Ты хотела, чтобы голова Кроваса лежала у твоих ног в луже крови, и ты ее получишь, нравится тебе это или нет!

— Потихе, Фафхрд, — предупредил Мышатник, прекращая возню и завязывая мешок. — И вы тоже, госпожа Блана, и ты, дорогая моя принцесса. Сегодня я намерен произвести разведку. Никакого риска нет. Мы лишь добудем информацию, необходимую для планирования убийственного удара, что нанесем им завтра или послезавтра. Так что не мучьте себя понапрасну... Фафхрд, ты слышишь меня? Говорить только в случае крайней необходимости и накинь-ка свой плащ с капюшоном.

Фафхрд пожал плечами, кивнул и повиновался.

Мариан, казалось, несколько успокоилась. Блана тоже, хотя и сказала:

— Все равно вы оба пьяны.

— Тем лучше, — уверил ее Мышатник, сверкнув безумной улыбкой. — Вино может замедлить выпад шпаги и немного смягчить удар, но зато оно веселит душу и разжигает воображение, а именно это нам сегодня и нужно.

Но Блана продолжала смотреть на него с сомнением.

Как бы подкрепляя правоту его слов, Фафхрд спокойно и быстро наполнил свой и его кубки, но Блана заметила его жест и бросила на них такой взгляд, что он быстро поставил кубки и закупорил кувшин.

Мышатник вскинул на плечи мешок и открыл дверь. Махнув девушкам рукой, но не произнося при этом ни слова, Фафхрд ступил на крошечную площадку. Ночной смог сгустился настолько, что почти ничего не было видно. Мышатник махнул Мариан и последовал за Фафхрдом.

— Да сопутствует вам удача, — нежно сказала Блана.

— О, будь осторожен, Мышатник, — выдохнула Мариан.

Мышатник выскользнул за дверь и закрыл ее за собой.

Прижавшись друг к другу и обнявшись, девушки ждали неизбежных скрипов и стонов лестницы. Но их все не было и не было. Ночной смог, что успел вползти в комнату, рассеялся, и тишина все еще оставалась не потревоженной.

— Что бы они могли там делать? — прошептала Блана. — Ищут дорогу?

Она нахмурилась, нетерпеливо покачивая головой, высвободившись из объятий Мариан, и на цыпочках подошла к двери. Открыв ее, тихо сделала несколько шагов, на которые лестница отозвалась со скрипом, и, вернувшись, захлопнула за собой дверь.

— Они ушли, — удивленно проговорила она.

— Я боюсь, — простонала Мариан и бросилась через комнату в объятия подруги.

Блана крепко обняла ее, потом, высвободившись, заперла дверь на три тяжелых болта.

В Костлявом переулке Мышатник снова спрятал в мешок веревку и крюк, с помощью которых они спустились. Он предложил:

— Как насчет остановки в «Серебряном Угре»?

— Ты хочешь просто сказать девушкам, что мы были в Доме Воров? — спросил Фафхрд.

— Ну нет, — запротестовал Мышатник. — Но тебе же не удалось наполнить чаши, так это теперь сделаю я.

Хитро усмехнувшись, Фафхрд вытащил из-под плаща два полных кувшина.

— Захватил их, когда ставил кубки на место. Блана видит многое, но не все.

— Ты благоразумный и дальновидный парнишка, — с восхищением проговорил Мышатник. — Я горжусь тем, что могу назвать тебя своим другом.

Каждый откупорил свой кувшин и сделал по солидному глотку. Потом они направились к западу, но вскоре свернули и пошли в северном направлении по все более узким переулкам...

— Чумной двор, — сказал Мышатник.

Несколько раз повернув, они быстро пересекли широкую пустынную улицу Ловчих и снова углубились в Чумной двор. Как ни странно, но стало немного светлее. Посмотрев вверх, они увидели звезду. Но ветра не было. В воздухе царило мертвое спокойствие.

Подогретые вином, желая скорее приступить к делу, они шли вперед не оглядываясь. Ночной смог был густ, как никогда. Высоко летящий козодой мог бы увидеть нечто, появляющееся во всех уголках Ланкмара, быстро движущееся подобно реке, умножаясь, вихрясь, кружась — темное, зловонное средоточие Ланкмара, исходящее от раскаленного железа его таверн, жаровен очагов, кухонных печей и печей для обогрева, печей для обжига, пивоварен, винокурен, печей для сжигания отходов и мусора, приборов алхимиков и колдунов, крематориев, могильных холмов — всего этого и многого другого... Он целенаправленно стремился к Костлявой аллее и особенно к «Серебряному Угрю» и развалюхе дому за ним. И чем ближе подходил смог к этому месту, тем насыщеннее он становился, тем быстрее крутился и лип, подобно черной паутине, к грубому камню и надтреснутому кирпичу.

Но Мышатник и Фафхрд, охваченные безмерным удивлением, которое вызвало у них появление звезд, продолжали осторожно петлять по улице Мыслителей, называемой моралистами проспектом Атеистов, пока не дошли до конца Чумного двора.

Мышатник повернул налево в переулок, который вел на северо-запад.

— Аллея Смерти.

Они несколько раз повернули туда-сюда, и в тридцати шагах впереди замелькала Дешевая улица. Мышатник сразу же остановился и толкнул Фафхрда в грудь.

На этой стороне Дешевой улицы виднелись широкие низкие открытые ворота Дома Воров, обрамленные мрачными каменными столбами. К ним вели две стены, источенные столетиями. В поле зрения не было видно ни швейцара, ни охранника, ни даже сторожевого пса на цепи. Вся эта картина оставляла гнетущее впечатление.

— Ну так как мы проникнем в это проклятое место? — хриплым шепотом спросил Фафхрд. — От этих ворот на милую разит ловушкой.

После этого молчания Мышатник мрачно ответил:

— Мы просто пройдем в эти ворота, которые внушают тебе такой страх. — Он нахмурился. — Не так-то все это просто. Пойдем-ка, я тебе все объясню.

Отводя скептически улыбающегося Фафхрда назад по Аллее Смерти так, что Дешевая улица снова скрылась из виду, он объяснил:

— Сделаем вид, будто мы бродяги, члены их Союза, который является лишь отделением Союза Воров и отчитывается лишь перед главными хозяевами Дома Воров. Мы будем новыми членами, так что Ночной Главный Мастер не будет нас знать в лицо.

— Но мы не похожи на бродяг,— запротестовал Фафхрд.— У них у всех ужасно кислый вид и скрюченные конечности.

— Именно об этом я и намерен сейчас позаботиться, — хмыкнул Мышатник, вытаскивая Скальпель. Не обращая внимания на тревогу в глазах Фафхрда и его невольное движение назад, Мышатник озабоченно посмотрел на длинную тонкую полоску стали, которую он обнажил, потом с довольным видом кивнул, снял с пояса ножны из тюленьей кожи, вложил в них шпагу и обернул их тряпицей, так что скрылся и эфес. Потом он перевязал конец ножен вынутой из мешка тесемкой.

— Вот так! — сказал он, похлопал по перевязанному концу. — Теперь у меня есть трость.

— Что это? — спросил Фафхрд. — И для чего?

Мышатник повязал глаза тонкой черной повязкой, завязав ее на затылке крепким узлом.

— Потому что я буду слепым, вот для чего. — Он сделал несколько неуверенных шагов, стуча по камням обернутой в тряпки шпагой, держа ее так, чтобы верхняя часть была скрыта в руке и водя по воздуху свободной рукой. — Ну как тебе нравится? — спросил он, оборачиваясь к Фафхрду. — Я чувствую себя превосходно. Слеп, как летучая мышь. А? О, не волнуйся, Фафхрд, — тряпица-то прозрачная. Я прекрасно через нее вижу. Кроме того, мне не придется убеждать хозяев Дома Воров в том, что я действительно слеп. Большая часть бродяг Союза, как тебе известно, лишь притворяется слепыми. Ну, а что сделать с тобой. Сделать слепым и тебя невозможно, слишком очевидно, может вызвать подозрения. — Он откупорил кувшин и понюхал его содержимое. Фафхрд повторил его движение.

Мышатник смочил губы и сказал:

— Придумал! Фафхрд, встань на левую ногу, а правую согни в колене. Да держись же! Не падай на меня! Крепче! Обопрись на мое плечо. Вот так... Теперь подыми правую ногу выше. Твою шпагу мы употребим наподобие моей. Она будет костылем. Она тоньше и выглядит как раз так, как надо. Кроме того, ты можешь другой рукой опираться о мое плечо, когда поскачешь: хромой ведет слепого. Но держи

правую ногу выше, еще выше. Мне нужно ее подвязать. Но вначале отстегни ножны.

Вскоре Мышатник привел Серый Прутик и его ножны в то же состояние, что и Скальпель, и привязал к бедру, изо всех сил натягивая веревку, хотя мускулы Фафхрда сопротивлялись его действиям. Сохраняя равновесие с помощью импровизированного стального костыля, изготовленного Мышатником, он отпил из кувшина и глубоко вздохнул.

Хотя план Мышатника, без сомнения, был блестящим, в нем, казалось, были прорехи.

— Слушай, Мышатник, — сказал он, — раз наши шпаги упакованы подобным образом, мы не сможем их вовремя вытащить.

— Но мы можем пользоваться ими как дубинками, — ответил Мышатник, тяжело дыша, он затягивал последний узел. — Кроме того, у нас есть кинжалы. Да, кстати, поверни свой пояс, чтобы ножны оказались на спине. Тогда плащ наверняка их скроет. Я сделаю с Кошачьим Когтем то же самое. Бродяги оружия не носят — по крайней мере на виду. А теперь хватит пить, с тебя и так довольно. Мне самому нужна лишь пара маленьких глотков... и вот я в самой прекрасной форме.

— Не знаю, как я буду себя чувствовать в этом гнезде головорезов. Прыгать-то я могу до смешного быстро, это верно, но вот бежать — нет. Ты думаешь, что мы поступаем умно?

— Да ты же можешь в мгновение ока освободиться, — нетерпеливо и зло прошептал Мышатник. — Ну, неужели ты не можешь потерпеть немного ради искусства?

— Ну ладно, ладно, — сказал Фафхрд, допивая вино и отшвыривая кувшин. — Могу конечно.

— Уж слишком у тебя здоровый цвет лица, — заметил Мышатник, окинув его критическим взглядом. Он смазал лицо и руки Фафхрда бледно-серой краской, потом более темной, добавил морщины. — И одет ты слишком хорошо. — Он зачерпнул пыли, набившейся между булыжниками мостовой, и размазал ее по плащу Фафхрда. Потом он попытался надорвать плащ, но материал не поддавался. Пожав плечами, он привязал к поясу ставший более легким мешок.

— Тебе нужно сделать то же самое, — заметил Фафхрд и, прыгая на левой ноге, тоже зачерпнул пригоршню грязи. С огромным трудом выпрямившись, он растер эту грязь на плаще и серой шелковой блузе Мышатника.

Тот выругался, но Фафхрд напомнил ему:

— Главное — логика. Ну, а теперь, пока наши подделки и наша вонь еще на уровне, пошли. — И, схватившись за плечо Мышатника, он быстро поскакал по направлению к Дешевой Улице, громко стуча по булыжникам обмотанной тряпками шпагой.

— Помедленнее, ты, идиот! — тихонько воскликнул Мышатник, которому приходилось двигаться почти что со скоростью конькобежца, в то время как его шпага-трость стучала по камням, как сумасшедшая. — Калеке полагается быть слабым, тем-то он и вызывает симпатию.

Фафхрд кивнул и с глубокомысленным видом замедлил шаг. Мрачный оскал ворот опять появился в поле зрения. Мышатник поднес к губам кувшин с остатками вина и едва не поперхнулся.

Они поковыляли по Дешевой улице и, не останавливаясь, поднялись по двум осевшим ступеням и прошли в ворота. Впереди лежал темный прямой коридор с высоким потолком. Он оканчивался лестницей и пестрел дверями, вделанными в стену с одинаковыми промежутками. Над каждой дверью горел фонарь, но в коридоре никого не было.

Едва они вошли, как шея и плечи каждого оказались в соприкосновении с холодной сталью. Сверху слышались голоса, произносившие в унисон:

— Стой!

Хотя мозги у обоих были основательно затуманены вином, и у одного и другого хватило воли замереть, а потом очень спокойно и осторожно посмотреть вверх.

Два гиганта со страшными, необыкновенно уродливыми лицами, с черными повязками вокруг головы смотрели на них из большой голубой ниши, находящейся как раз над дверным проемом. Две огромные сомкнутые руки держали шпаги, концы которых все еще покалывали их.

— С полудня ходили за подачкой? — заметил один из гигантов. — Что ж, вам придется оправдаться за свое опоздание. Главный Ночной хозяин в отпуске, на улице Проституток. Отчитывайтесь Кровасу. Боги, ну и вонища! Лучше почиститесь-ка сначала, не то Кровас велит выкупать вас в кипящем потоке. Давайте!

Мышатник и Фафхрд, стараясь держаться как можно естественнее, заковыляли вперед, спотыкаясь. Один из стражей крикнул им вслед:

— Спокойней, ребята! Здесь вам ничего не придется обделывать.

— Необходима практика, — дрожащим голосом отозвался Мышатник. Пальцы Фафхрда предупреждающе впились в его плечо, они продолжали идти, двигаясь настолько естественно, насколько это позволяла подвязанная нога Фафхрда. «Действительно, — подумал Фафхрд, — дорога ведет нас прямо к Кровасу, и день может завершиться рубкой головы». Теперь они с Мышатником слышали голоса — главным образом краткие отклики и другие шумы.

Они миновали несколько дверей, у которых им очень хотелось задержаться. Однако большее, на что они осмелились, это чуть замедлить шаг.

Деятельность, кипевшая за некоторыми дверями, была очень интересна. В одной комнате обучали мальчишек, как снимать кисеты и вытаскивать кошельки. Они приближались к инструктору сзади, и если он слышал шлепанье босых ног по полу или чувствовал прикосновение шарящей руки, или, что считалось самым тяжким поступком — звон вытаскиваемых монет, то мальчишку ждала порка.

Во втором «классе» старшие студенты-воры обучались искусству выламывания замков. Одна группа слушала лекцию седобородого человека с необыкновенно ловкими руками, который мгновенно разбирал на детали самый сложный замок.

В третьей комнате воры ели за длинным столом. Запах нес искушение даже для сытых желудков. Союз хорошо заботился о своих членах.

В четвертой пол был разделен на части и, следуя инструкции, нужно было передвигаться по нему скользя, пригибаясь, падая, делая ложные выпады и прибегая к прочим хитростям. Голос, похожий на учительский, грозно командовал:

— Раз, два, раз, два! Что ты двигаешься, как твоя калеска-бабка? Я сказал: быстро вниз, а не то стоять на коленях, как перед святым образом. А теперь...

К тому времени, как они миновали половину лестницы, Фафхрд ковылял с огромным трудом, тяжело опираясь на шпагу и то и дело цепляясь за витые перила.

Второй этаж был копией первого, но если первый был гол, то второй блистал роскошью. Лампы и курильницы, висящие и стоящие вдоль коридора, давали мягкий свет и приятный аромат. Стены были покрыты богатыми драпировками, полы устланы толстыми коврами. И все же этот коридор был тоже пуст. И более того, погружен в полнейшую тишину. Пере-

глянувшись, Мышатник и Фафхрд остановились как вкопанные.

За первой, широко открытой дверью виднелась незанятая комната, полная вешалок со всевозможной одеждой, богатой и бедной, чистой и грязной, болванок с париками, полок с бородами и тому подобным. Явно гардеробная с воровскими атрибутами.

Мышатник метнулся вовнутрь и выскочил с большим зеленым флаконом, взятым с ближайшего стола. Он откупорил его и понюхал содержимое. В нос ему ударил гнилостно-сладкий аромат гортензии. Мышатник смочил свой и Фафхрда лбы этими сомнительными духами.

— Устранение вони, — объяснил он с важностью знатока. — Не хочу, чтобы Кровас обдал нас кипятком. Нет, нет.

В дальнем конце коридора появились две фигуры и направились к ним. Мышатник сунул флакон под плащ, крепко прижал его локтем к боку, и они с Фафхрдом снова заковыляли вперед.

Следующие три двери, которые они миновали, были плотно закрыты. Когда они поравнялись с пятой, две приближающиеся фигуры сделались явно различимыми. Двое шли рука об руку. Одежда их была одеждой знати, но лица — лицами воров. Нахмурившись, глядя с достоинством и подозрением, они посмотрели на наших друзей.

И в это время из какого-то помещения, находившегося между двумя парами, послышался голос, произносящий слова на каком-то странном языке. По своей быстроте и монотонности он напоминал повседневную службу, произносимую священником, или заклинание колдуна.

Двое богато одетых воров замедлили шаги перед седьмой дверью и заглянули в комнату. И сразу же важность улетучилась. Шеи их вытянулись, глаза округлились. Они побледнели. Потом, внезапно, они рванулись вперед, почти побежали и миновали Фафхрда и Мышатника с таким равнодушием, словно те были мебелью. Певучий голос продолжал долдонить без малейшего перерыва.

Пятая дверь была закрыта, но шестая приотворена. Мышатник заглянул туда одним глазом, потянул носом. Потом он шагнул вперед, сдвинув на лоб черную повязку, чтобы было лучше видно. Фафхрд последовал за ним.

Это была большая комната, пустая, если иметь в виду присутствие людей или животных, но полная интереснейших вещей. Дальняя стена была полностью закрыта огромной картой Ланкмара. На ней, казалось, было отмечено каждое

здание и каждая улица, вплоть до самого низкопробного отеля и самого узкого тупика. Здесь и там виднелись следы пристального изучения в виде таинственных черточек и кружков.

Пол был мраморным, потолок голубым, как ляпис-лазурь. Боковые стены тоже были заняты. На одной висели всевозможные воровские инструменты, начиная от большой толстой фомки, у которой был такой вид, как будто ею можно было взломать саму Вселенную, и кончая прутиком, таким тоненьким, что он мог бы послужить королеве эльфов и открыть отделанный слоновой костью столик знатной дамы. Другая стена была усеяна странными, блестящими золотом и сверкающими драгоценностями предметами, очевидно памятками о различных кражах, выбранными именно за их странность. Здесь можно было увидеть женскую маску из тонкого листового золота, такую прекрасную по своим очертаниям и контурам, что захватывало дух, но плотно усеянную рубинами, похожими на нарывы, что дает сифилис в самый разгар процесса. Здесь был кинжал, чье лезвие представляло собой ряды тесно насаженных бриллиантов, и края этих бриллиантов казались острыми, как бритва.

В центре комнаты стоял голый круглый стол красного дерева с краями, отделанными слоновой костью. Вокруг — семь стульев с очень прямыми спинками и толстыми сиденьями. Тот, что стоял против стены с картой и был дальше всех от Мышатника и Фафхрда, был выше и имел более толстые ручки, чем остальные, — явно стул шефа, возможно, самого Кроваса.

Мышатник, приподнявшись на цыпочках, хотел было пройти вперед, но левая рука Фафхрда легла на его плечо.

Недовольный северянин вновь натянул повязку на глаза Мышатника и похлопал его по руке, чтобы тот вытянул ее, как это делал раньше. Разочарованный Мышатник пожал плечами, но повиновался.

Как только они отошли от двери, из-за спинки самого высокого стула появилась аккуратная чернобородая голова с подстриженными волосами, похожая на змеиную. Затем появилась гибкая, по-змеиному гибкая рука. Палец лег на тонкие губы, призывая к тишине, потом устремился в направлении двух пар мужчин в черных туниках, стоящих по обе стороны двери, спиной к стене. Каждый из них в одной руке держал кривой нож, а в другой — увесистую дубинку.

Когда Фафхрд был на полпути к седьмой двери, за которой продолжала звучать монотонная, но чем-то пугающая речь,

оттуда выскочил тонкий бледный юнец. Его узкие ладони были прижаты ко рту, широко раскрытые глаза были полны ужаса. Он походил на молодого зверька, вырвавшегося на волю. Он пролетел мимо них и побежал дальше. Ковры заглушали звук его торопливых шагов. Потом, прежде чем замереть совсем, они слышались с лестницы.

Фафхрд бросил взгляд на Мышатника, скривил губы и пожал плечами. Потом, ослабив путы вокруг колена так, чтобы перевязанная нога коснулась пола, приблизился к двери и, приблизив лицо к щели между дверью и косяком, жестом подозвал Мышатника. Тот подошел и тоже припал к щели.

Они увидели комнату, несколько меньшую по размерам, чем та, в которой висела огромная карта, и освещенную лампой, горящей ярким голубовато-белым, а не обычным желтым светом. Пол был мраморным, темным, а на камне змеились прожилки. Темные стены были увешаны астрологическими инструментами, на полу стояли фарфоровые кувшины с изображенными на них таинственными значками, а также флаконы и стеклянные трубки самой странной формы, некоторые наполненные разноцветными жидкостями, но многие пустые. Внизу у стен, там, где тени были гуще всего, громоздились в беспорядке какие-то вещи, как будто их бросили за ненадобностью и забыли о них. Там и сям зияли красные норы.

В центре комнаты, ярко освещенной, стоял стол с толстой крышкой и многочисленными ножками. У Мышатника мелькнула мысль о сороконожке, потом о баре в «Серебряном Угре», ибо крышка стола была страшно запятнана и иссечена пролитой жидкостью, а во многих местах сожжена то ли огнем, то ли кислотой, то ли тем и другим.

В центре стола работал перегонный куб. Пламя лампы, на этот раз насыщенно-синее, поддерживало кипение в большом кристаллическом кубе, наполненном темной, вязкой, пронизанной блестящими искорками жидкостью. От плотно кипящего вещества отходил темный змеящийся поток и устремлялся вверх от узкого отверстия куба, имевшего странный ярко-красный цвет... Вначале он был прозрачным, потом становился непроницаемо черным. По узкой трубке он бежал от куба до сферического хрустального приемника, большего по размерам, чем сам куб, и в нем вился и крутился подобно живой черной веревке, свитой из множества колец, — бесконечно тонкая эбеновая змея.

У левого конца стоял высокий, но очень сгорбленный человек в черном плаще с капюшоном, оставлявшем на виду меньшую часть лица, самой приметной частью которого был длинный, толстый с заостренным кончиком нос. Цвет лица был сумрачно-серым, подобно песчаной глине. Короткая щетинистая седая борода начиналась высоко, прямо на впалых щеках. Широко расставленные глаза под кустистыми бровями и низким лбом пристально смотрели на древний потемневший свиток, который его поросшие короткими седыми волосами, вызывающие отвращение маленькие лапки бессознательно то сворачивали, то разворачивали. Взгляд его, не останавливаясь, скользил по строчкам, слова которых он произносил быстрым монотонным голосом, лишь иногда на мгновение переводя глаза на куб.

У другого конца стола, стреляя бусинками глаз то на колдуна, то на перегонный куб, примостилось маленькое черное существо, один лишь взгляд на которого заставил Фафхрда из всех сил вцепиться в плечо Мышатника. Последний едва не вскрикнул, но не от боли. Существо очень похоже на крысу, но лоб был выше, а глаза поставлены ближе, в то время как его лапки, которые оно постоянно потирало в некоем бесконечном ликовании, выглядели точными копиями сложенных рук колдуна.

Одновременно, но каждый повинувшись своему порыву, Фафхрд и Мышатник пришли к выводу, что это то самое существо, что следовало за Слевийясом и его напарником, а потом убежало, и каждый вспомнил о том, что Мариан сказала о схожести с ведьмой, а Блана о том, что Кровас, как будто, взял на службу колдуна.

Темп пения-декламации ускорился, голубовато-белое пламя стало ярче и громко зашипело, жидкость в кубе сделалась плотной, как лава: образовались большие пузыри, с шумом лопнувшие, веревка в приемнике зашевелилась, как змеиное гнездо. У наблюдавших возникло чувство невидимого присутствия, сверхъестественное напряжение выросло до размеров почти непереносимого, и Фафхрд с Мышатником лишь огромным усилием воли заставили себя отпрянуть от щелки. Сердца их забились так сильно, что им казалось, биение их можно услышать издалека.

Внезапно монотонное бормотание возвысилось и тут же оборвалось. В кубе что-то ярко вспыхнуло и сухо защелкало, кристаллы сделались белыми и непрозрачными, но все же содержимое его не расплескалось. Голова приподнялась, повисела и снова опала. Среди колец в приемнике появились

две черные петли и стали внезапно сужаться, пока от них не остались два черных узла.

Колдун усмехнулся, опустил один конец пергамента так, что тот скрутился в трубочку, и перевел взгляд с приемника на существо, и то забормотало резким голосом, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Тише, тише, Слевийяс! Подожди, когда придет твое время мчаться, напрягаться и потеть! — крикнул колдун, говоря теперь на ланкмарском наречии, но так быстро и таким высоким голосом, что Мышатник и Фафхрд его еле понимали. Тем не менее оба они поняли, что ошиблись в идентификации Сиовивина. В момент нападения толстый вор предпочел воззвать за помощью к колдовской твари, а не к товарищу.

— Да, господин, — вполне отчетливо пропищал Сиовивин, что противоречило утверждению Мышатника о том, что животные не умеют разговаривать. Тем же пронзительным голосом, в котором явно слышались заискивающие интонации, он продолжал:

— Слушаю и повинуюсь, Христомило.

Христомило выкрикнул своим быстрым пронзительным голосом:

— Займись своей работой! Собери столько, сколько нужно для праздника! Я хочу, чтобы тела были превращены в скелеты, так чтобы остатки чародейского смога и все следы умерщвления через удушение были полностью уничтожены; и не забудь о добыче! Таково поручение, а теперь — отправляйся!

Сиовивин, который при каждом слове подобострастно наклонял голову, пропищал:

— Все будет сделано! — и серой молнией метнулся по полу к норе.

Христомило потер свои отвратительные лапы на манер Сиовивина, весело воскликнул:

— То, что потерял Слевийяс, вернет моя магия.

Фафхрд и Мышатник отпрянули от двери, частично из страха быть увиденными, частично из-за потрясения, вызванного увиденным и услышанным, и сильной, хотя и бесполезной жалости к Слевийясу, кем бы он там ни был, и другим неизвестным жертвам крысopodobного и явно уходящего корнями в крысиный род посланца смерти, и к тем беднягам, что были уже задушены и чья плоть теперь должна быть отделена от костей.

Фафхрд выхватил у Мышатника зеленую бутылку с гримасой отвращения к гнилостному цветочному запаху и сделал большой глоток. Мышатник не смог заставить себя сделать то же самое, а лишь удовлетворился парами ранее выпитого вина.

Потом он увидел, что у дверей в комнату с картой стоит человек, одетый с вызывающей роскошью, с кинжалом, свисающим с пояса. Его лицо с воспаленными глазами было покрыто морщинами, появившимися от гнева, от воинственности, от обилия забот и власти, и было обрамлено подстриженными черными волосами и бородкой. Улыбаясь, он позвал их к себе витиеватым жестом руки.

Мышатник и Фафхрд повиновались. Последний вернул зеленую бутылку ее владельцу, который умело скрыл раздражение, закупорил ее и убрал под левый локоть.

Каждый жест человека выдавал в нем Главного Мастера Союза, Кроваса. И снова Фафхрд, ковыляя в указанном направлении, подумал про себя, что то ли «кости», то ли судьба ведет их сегодня ночью к цели. Мышатник, более встревоженный и быстрее соображающий, напомнил себе, что они были направлены ночными сторожами с отчетом к Кровасу, так что ситуация, хотя она развивалась не совсем согласно его собственному туманному плану, не стала еще ощутимо опасной.

И все же не его тревога и не примитивные инстинкты Фафхрда послужили им предупреждением, когда они последовали вслед за Кровасом в комнату с картой.

Едва они сделали два шага, как каждый из них оказался схваченным за плечо и попал в поле возможного действия двух дубинок. Дубинки находились в руках двух бандитов самого свирспого вида, вооруженных еще и большими ножами.

— Все в порядке, Главный Мастер, — отчитался один из бандитов.

Кровас повернул стул с самой высокой спинкой и сел, холодно глядя на захваченных.

— Что привело двух вонючих пьяных бродяг — членов Союза — в штаб хозяев? — спокойно спросил он.

Мышатник почувствовал такое облегчение, что на лбу у него выступили капельки пота. Блестяще выдуманный им маскарад все еще действовал, производя впечатление даже на главаря, хотя Фафхрд и испортил все своим пьяным видом. Вернув себе манеры слепца, он дрожащим голосом проговорил:

— Охрана, что стоит у дверей на Дешевой улице, направила нас сюда, чтобы мы отчитались вам лично, великий Кровас, потому что Ночной Хозяин находится в отлучке по причине половой гигиены. Сегодня у нас хороший улов! — и, вытащив кошелек и стараясь не обращать внимания на хватку вцепившихся в его плечо пальцев, он достал золотую монету и дрожащими пальцами протянул ее Кровасу.

— Прекрати свою дурацкую игру! — резко сказал Кровас. — Я не один из ваших мишеней. И сними с глаз эту дурацкую повязку.

Мышатник повиновался и стоял теперь, неуверенно улыбаясь. Уверенность все быстрее покидала его. Решительно, план его не был таким блестящим, как ему казалось.

Кровас подался вперед и спокойно, но намеренно подчеркивая каждое слово, спросил:

— Если вам было так приказано, то почему тогда вы, когда я вас увидел, подслушивали под дверьми?

— Мы увидели, что храбрые воры выскакивали из этой комнаты, — с готовностью ответил Мышатник. — Боясь, что Союзу угрожает какая-то опасность, мы с товарищем решили узнать, что происходит, готовые прийти на помощь.

— Но то, что мы увидели и услышали, только озадачило нас, великий сэр, — весьма уверенно вставил Фафхрд.

— Тебя я не спрашиваю, пьянчужка. Будешь отвечать, когда к тебе обратятся, — прикрикнул на него Кровас. Потом снова повернулся к Мышатнику: — Ты, хитрый мошенник, более сообразительный, чем подобает людям твоего ранга. Бродяги собираются защищать воров! Ну и ну! Я намерен выпороть вас за шпионаж, еще раз за пьянство и еще раз за вранье.

Мышатник в мгновение ока понял, что дальнейшие дерзости, а также вранье подходят изменившейся ситуации больше, чем подобострастие.

— Я действительно хитрый бродяга, сэр, — самодовольно сказал он. Потом лицо его помрачнело. — Но теперь я вижу, что настало время, когда я должен выложить всю правду. Дневной Хозяин подозревает заговор против вас со стороны одного из самых высокопоставленных и близких к нему лейтенантов — того, кому вы так доверяете, сэр, что ни за что бы не поверили. Он рассказал нам все и приставил меня и моего товарища тайно охранять вас, причем мы должны играть роль неотесанных деревенщин.

— Еще более наглая ложь! — воскликнул Кровас, но Мышатник заметил, как побледнело его лицо. Привстав со стула, Кровас спросил:

— Какой лейтенант?

Мышатник усмехнулся. Двое охранников бросили на них любопытные взгляды, слегка ослабляя хватку. Те двое, что держали Фафхрда, казались искренне заинтригованными.

Мышатник холодно спросил:

— Вы спрашиваете меня как честного шпиона или как добросовестного лгуна? Если как последнего, то я и отвечать не стану.

Лицо Кроваса потемнело.

— Вой! — крикнул он. Из-за занавеса, закрывающего вход во внутренний зал, появился темнокожий юноша, уроженец Клешита, одетый в одну лишь тунику. Он опустился на колени перед Кровасом, а тот приказал:

— Вызови моего колдуна и воров — Слевийяса и Фиссифа.

Темнокожий юноша стрелой метнулся в коридор.

Поколебавшись мгновение, Кровас ткнул пальцем в сторону Фафхрда.

— А ты что знаешь об этом, пьяница? Будешь поддерживать своего напарника в его небылицах?

Фафхрд лишь напустил хмурость на лицо, сложил руки, насколько это позволяла хватка его стражи, так что его обмотанная тряпками шпага оказалась прижатой к телу. Потом он поморщился, ибо ощутил боль в затекшей правой ноге, о которой совсем забыл.

Кровас поднял сжатую в кулак руку и сам встал со стула. Вероятно, его действия были прелюдией к внушающему страх приказу — возможно о том, что нужно бы попытать Фафхрда и Мышатника. Но в этот момент в комнату проскользнул Христомило. Он продвигался быстрыми, но очень короткими шажками, но как бы быстро он ни шел, его черный плащ висел над мраморным полом недвижимо, не колеблясь.

Его появление вызвало замешательство. Глаза всех присутствующих устремились на него. Все затаили дыхание и Мышатник с Фафхрдом почувствовали, как задрожали державшие их крепкие руки. Даже на лице Кроваса отразилась тревога.

Явно довольный такой реакцией, Христомило улыбнулся тонкими губами, остановился возле стула Кроваса, и его скрытая капюшоном голова склонилась в легком поклоне.

Кровас, указывая на Мышатника и Фафхрда, резко и нервно спросил:

— Ты знаешь этих двоих?

Христомило утвердительно кивнул:

— Только что они наблюдали за мной одурманенным глазом, — сказал он, — пока я занимался этим делом, о котором говорил вам, мне бы следовало испугнуть их, но подобное действие помешало бы моей речи, разбив связь произносимых мною слов с ответом. Один из них — северянин, черты другого говорят о южном происхождении — Товиилис или что-нибудь неподалеку от него. Оба моложе, чем выглядят сейчас. Свободные художники, так бы я их назвал, из числа тех, кого братство нанимает в особых случаях, когда ему нужна особо большая охрана или эскорт. Маскировка их, конечно, весьма неуклюжа.

Фафхрд зевнул, а Мышатник печально покачал головой — таким образом они давали понять, что попытка угадать выглядит весьма жалкой. Мышатник даже бросил быстрый, как молния, взгляд на Кроваса, как бы желая этим сказать, что таинственный лейтенант мог оказаться и его собственным колдуном. — Это все, что я могу сказать вам, не заглядывая в их умы, — заключил Христомило. — Приготовить ли свет и зеркала?

— Пока нет. — Кровас посмотрел в лицо Мышатника и сказал: — А теперь говори правду или я буду добывать ее у тебя с помощью магии, а это равноценно смерти. За каким из моих лейтенантов Дневной Мастер приставил вас шпионить? Насколько я понимаю, все ваши разговоры об этом — вранье?

— О, нет! — возразил Мышатник. — Мы сообщили обо всех своих действиях Дневному Мастеру, он одобрил их и велел нам шпионить так хорошо, как мы только можем, отмечать каждое движение и каждый шорох и никому ничего не говорить.

— И он не сказал мне об этом ни слова! — рявкнул Кровас. — Если это правда, Баннат заплатит за это головой! Но вы врете, не так ли? — Мышатник обиженно посмотрел на Кроваса, а в это время в комнату прошествовал человек. Он двигался неслышно и с большим достоинством, опираясь на золотую палку.

Но Кровас сразу увидел его.

— Ночной Хозяин! — крикнул он. Хромой человек остановился, повернулся и величественно направился к столу.

Кровас указал сначала на Мышатника, потом на Фафхрда. — Ты знаешь этих двоих, Флим?

Ночной Хозяин неторопливо оглядел каждого по очереди, потом покачал головой в тюрбане из золотой ткани.

— Никогда не видел их раньше. Кто они такие? Шпионы-бродяги?

— Но Флим и не должен нас знать, — пустился в отчаянное объяснение Мышатник, чувствуя, что все рушится. — Мы вли дела с одним лишь Баннатом.

Флим спокойно сказал:

— В течение последних десяти дней Баннат оставался в постели — приступ малярии. Так что все это время я выполнял обязанности и Дневного Хозяина и Ночного.

В этот момент в комнату торопливо вошли Слевийяс и Фиссиф. На подбородке высокого вора красовался огромный синяк. Голова быстроглазого толстяка была перевязана. Он бросил на Мышатника и Фафхрда быстрый взгляд и воскликнул:

— Это те двое, что напали на нас, отобрали то, что мы взяли у Дженагао и убили сопровождающих!

Мышатник поднял руку, и зеленая бутылка упала к его ногам на темный мрамор. Воздух наполнился гнилостно-сладким запахом.

Но пока бутылка падала, Мышатник успел вырваться из рук охранников и с молниеносной быстротой метнулся к Кровасу, подняв шпагу.

Флим с удивительной быстротой выставил вперед золоченую палку прямо под ноги Мышатника, и тот полетел головой вперед, успев, впрочем, по дороге превратить свой нечаянный кульбит в намеренный.

Тем временем Фафхрд отшвырнул своего стража, который держал его слева, а правому изо всех сил дал под подбородок рукоятью замаскированного Серого Прутика. Вернув себе равновесие, он кинулся к стене, увешанной трофеями.

Слевийяс бросился к стене с воровскими инструментами и с огромным усилием вытащил из колец огромный лом.

Утвердившись на ногах после своего плачевного приземления у кресла Кроваса, Мышатник нашел его пустым, а короля воров полупригнувшимся за ним с кинжалом с золотой рукояткой в руке. Глаза Кроваса горели холодным яростным огнем. Отпрыгнув в сторону, Мышатник увидел, что охранники Фафхрда валяются на полу. Один был без сознания, другой пытался встать. Большой же северянин, припав спиной к увешанной драгоценностями стене, угрожал

всем присутствующим в комнате обернутым в тряпки Серым Прутиком и длинным ножом, который он вытащил из гнезда в стене.

Высвобождая Кошачий Коготь, Мышатник воинственно крикнул:

— Прочь от него, все прочь! Он сошел с ума! Ради вас я покалечу ему здоровую ногу! — и, проскочив между двумя своими охранниками, которые, казалось, все еще не разобрались в происходящем, он темной тенью метнулся к Фафхрду, молясь про себя, чтобы северянин, опьяненный битвой и вином, одурманенный духами, понял его стратегию.

Серый Прутик просвистел над его пригнутой головой. Его новый друг не только догадался, но и подыграл ему.

«Только бы не очень усердно», — подумал Мышатник. Припав к стене, он полоснул кинжалом по путам на правой ноге Фафхрда. Серый Прутик и длинный нож продолжали свои маневры. Выпрямившись, Мышатник бросился в сторону двери в коридор, крикнул через плечо Фафхрду:

— Уходим!

Христомило стоял в стороне, спокойно наблюдая за происходящим.

Трое оставшихся бандитов, наконец, нашли в себе силы броситься за Мышатником. Но быстрые выпады его кинжала не давали им приблизиться, Мышатник снова ринулся вперед, успев парировать обмотанным в тряпки Скальпелем движение золоченой трости Флима, пытавшегося повторить свой прежний прием.

Все это дало Слевийясу время, и, вернувшись от стены с инструментом, он бросился на Мышатника с ломом. Сокрушительный удар уже готов был обрушиться на голову последнего, когда очень длинная, обмотанная тряпками шпага, находившаяся в очень длинной руке, изо всех сил ткнула Слевийяса в грудь, отбросив его назад, так что лом просвистел мимо головы Мышатника, чуть не задев его.

Потом Мышатник оказался в коридоре рядом с Фафхрдом, который по каким-то таинственным причинам все еще хро-мал. Мышатник указал в сторону лестницы. Фафхрд кивнул, но, прежде чем кинуться к ней, кинулся — все еще скача на одной ноге — к ближайшей стене, сорвал с нее дюжину ярдов тяжелой драпировки и швырнул по коридору в преследователей.

Они добрались до лестницы и кинулись наверх, Мышатник впереди. За спиной слышались несколько приглушенные крики.

— Хватит прыгать, Фафхрд! — раздраженно крикнул Мышатник. — У тебя же снова две ноги!

— Да, и вторая все еще омертвелая, — пожаловался Фафхрд. — Ой! Вот теперь к ней начинает возвращаться жизнь.

Мимо них просвистел нож и с тупым стуком ударился о стену, так что посыпались осколки камня. Они бросились за поворот.

Еще два пустых коридора, еще два извилистых пролета, а потом они увидели над собой на верхней площадке крепкую лестницу, ведущую в темную квадратную дыру в потолке. Вор с повязанным на волосы цветным платком — точная копия того, что дежурил у входа — погрозил Мышатнику шпагой. Но когда он увидел, что их двое и что оба с самым решительным видом потрясают сверкающими ножами и какими-то странными дубинками или палками, он повернулся и побежал по последнему пустому коридору.

Мышатник, а вплотную за ним Фафхрд, быстро взобрался по лестнице и выпрыгнул в отверстие двери в усыпанную звездами ночь.

Он оказался у неогражденного края крыши, недостаточно покатой для того, чтобы напугать новичка, но безопасной для ветерана.

Оглянувшись на стук, он увидел, что Фафхрд предусмотрительно втаскивает лестницу за собой. Едва он управился с этой работой, как из отверстия люка вылетел нож и просвистел мимо него.

Фафхрд упал на край крыши и соскользнул вниз. Мышатник побежал к южному краю и был на полпути от люка до него, когда слышался слабый звон — звон ножа, упавшего на каменную мостовую переулка Убийц.

Фафхрд двигался медленно, частично, возможно, из-за меньшего опыта хождения по крышам, частично из-за оставшейся хромоты, а частично из-за того, что нес на правом плече тяжеленную лестницу.

— Эй, брось! Она нам больше не понадобится! — крикнул ему Мышатник через плечо.

Без колебаний Фафхрд весело швырнул ее к краю крыши. К тому времени, как она с грохотом свалилась в переулок Убийц, Мышатник преодолел несколько оставшихся ярдов и прыгнул через пролет на крышу соседнего дома. Фафхрд приземлился рядом с ним.

Почти бегом Мышатник повел его среди леса труб, дымоходов, вентиляторов, установленных таким образом, что они

всегда смотрели навстречу ветру, цистерн на черных лапах, зарешеченных люков, птичьих гнезд, голубиных садков. Так они пробежали по пяти крышам, пока не достигли улицы Мыслителей в том месте, где она пересекалась крытым переходом, наподобие того, что проходил между зданиями Роккермаса и Слеагра.

Когда они пригнувшись пересекли его, что-то просвистело мимо них и ударилось впереди них об ограждение крыши. Пока они спускались с перехода, еще три подобных предмета пролетели мимо их голов. Один ударился о квадратную трубу, упал почти у самых ног Мышатника. Он подобрал его, ожидая увидеть булыжник, и был удивлен, увидев большой мяч величиной с кулак.

— Они, — сказал он, ткнув пальцем через плечо, — не теряют времени даром. Пращевики уже на крышах. Когда их разозлить, они действуют неплохо.

Потом они направились к юго-востоку через другой массив темных труб к тому месту на Дешевой улице, где верхние этажи так нависали над улицей по обеим сторонам, что легко было перескочить через прогал. Во время этого путешествия по крышам ночной смог, настолько густой, что заставлял их кашлять и чихать, поглотил их, и Мышатнику то и дело приходилось останавливаться, класть Фафхрду руку на плечо и высматривать дальнейший путь. Лишь позже, возле Дешевой улицы, они избавились от смога и снова увидели звезды, а черный клуб смога прокатился от них к северу.

— Что это, черт возьми, было? — спросил Фафхрд, но Мышатник лишь пожал плечами.

Ночной козой увидел бы, как огромное скопление ночного смога расходится во всех направлениях от некоего места, находящегося неподалеку от «Серебряного Угря».

К востоку от Дешевой улицы оба товарища спустились на землю в задней части Чумного двора.

Тогда они, наконец, посмотрели друг на друга, на свои обернутые шпаги, грязные лица, на одежду, не ставшую чище во время путешествия по крышам, и начали хохотать. Хохоча, Фафхрд наклонился и принялся массировать ногу над и под коленом. Веселье продолжалось и тогда, когда они разворачивали шпаги, причем Мышатник делал это так, словно получил посылку с сюрпризом, и снова прикрепляли кинжалы к поясам. Напряжение отрезвило их, заставило забыть даже об отвратительных духах, но они не чувствовали желания выпить снова. Им хотелось лишь поскорее вернуться

домой, плотно поест, выпить горячего лахвеха и рассказать своим любимым девушкам о их безумной аванюре.

Плечом к плечу они зашагали к дому.

Освобожденные от ночного смога и залитые лунным светом окрестности казались менее вонючими, отвратительными, чем раньше. Даже Костлявый переулок обрел некоторую свежесть.

Они поднялись по длинной скрипящей, со сломанными ступенями лестнице с беспечной легкостью и, когда оба очутились наверху, Мышатник был уверен, что дверь мгновенно отворится.

Но она не отворилась.

— Заперта на болт, — бросил он Фафхрду. Теперь он заметил сквозь трещины в ставнях какое-то оранжево-красное свечение. Потом с нежной улыбкой и голосом полным любви, в котором слышалась, быть может, тень тревоги, он сказал: — Пошли спать, беспечные колдуньи.

Он дважды громко постучал в дверь, потом припал губами к трещине и позвал:

— Алло, Мариан! Я цел и невредим. Привет, Блана! Твой парень делает тебе честь. Он оставил с носом воров Союза.

Изнутри не донеслось ни звука, если не считать шороха, такого слабого, что было непонятно, есть ли он на самом деле или только почудился.

Фафхрд наморщил лоб и принюхался.

— Я чувствую запах паразитов.

Мышатник снова забарабанил в дверь. Опять никакого ответа.

Фафхрд отстранил его и широким плечом нажал на дверь.

Мышатник покачал головой и ловким движением высвободил кирпич, который до этого казался неотделимой частью стены и дверного косяка. Он просунул руку в образовавшееся отверстие. Раздался скрип отодвигаемого болта, потом еще и еще раз. Он быстро вытащил руку, и дверь отворилась.

Но ни он, ни Фафхрд не ворвались в нее сразу, как намеревались сделать, ибо они чувствовали запах опасности, смешанный со все увеличивающейся вонью какого-то мерзкого животного и легким сладким тошнотворным запахом, хотя и женским, но не запахом женских духов.

Они едва могли видеть комнату в оранжевом свечении маленькой ночной печки. Но свечение это было необычным, а каким-то странным. Печь была явно перевернута и теперь стояла, прислоненная к стене, у которой находился камин,

так что ее маленькая дверь была открыта и смотрела в этом направлении.

Но сам по себе этот неестественный угол падения света внушал впечатление вывернувшейся вселенной.

В оранжевом свечении вырисовывались ковры, странно сморщенные в некоторых местах, так что в них виднелись черные круги в ладонь величиной. Они заметили свечи и эмалевые шкатулки, разбросанные под колоннами, и две низкие неправильной формы груды: одна у камина, другая — на золотом ложе, частично на полу возле него.

От каждой груды на Фафхрда и Мышатника смотрели бесчисленные пары широко расставленных, огненно-красных глаз. На покрытом толстым ковром полу, по другую сторону камина, блестела серебряная проволока — упавшая серебряная клетка, но птицы не пели в ней любовные песни.

Послышался звонкий звук металла — Фафхрд проверил, хорошо ли двигается в своих ножнах Серый Прутик.

И как будто этот звук послужил к атаке, каждый из них мгновенно выхватил шпагу и плечом к плечу они вступили в комнату, вначале неуверенно, нащупывая каждый шаг.

Едва послышался звон вынимаемых клинков, как крошечные огненно-красные глазки заметались и забежали, и теперь по мере того, как мужчины все дальше проходили в глубь комнаты, обладатели этих глазок и маленьких стройных тел с длинными голыми хвостиками тоже пришли в движение. Каждое существо устремилось к одному из черных кругов на коврах и исчезло.

Отверстия явно были крысиными, недавно прогрызенными в полу и коврах, а красноглазые существа — черными крысами.

Мышатник и Фафхрд устремились вперед, рубя их в бешенстве и отчаянии. Но настигли они немногих. Крысы разбегались с невообразимой быстротой. Большая их часть исчезла в дырах стен и у очага.

К тому же при первом яростном ударе Фафхрда шпага прошла сквозь пол, а когда он сделал третий шаг, раздался хруст, и он провалился ногой в пол по самое бедро. Мышатник метнулся мимо него, не обращая внимания на другие проломы в полу.

Фафхрд вытащил застрявшую шпагу, поднялся с пола и, не обращая внимания на занозы, последовал за Мышатником. Крысы исчезли. Мышатник совал в печь растопку, чтобы дать побольше света.

Самым ужасным было то, что хотя крысы и исчезли, две длинные кучи остались, значительно уменьшившись в размерах. Как теперь стало ясно видно в желтом свете печки, они изменили цвет и перестали быть черными, усеянными красными точками, но превратились в смесь черного и темно-коричневого с отвратительно пурпурно-синим, фиолетовым, бархатно-черным, снежно-белым и алым. Стали видны кровь, обнаженная плоть и кости.

Хотя руки и ноги были начисто обглоданы, а тела прогрызены насквозь, оба лица остались нетронутыми. Но это лишь делало картину еще более ужасной, потому что они были пурпурно-синими от удушья, с почерневшими губами и выскочившими из орбит глазами, искаженными агонией. Лишь черные и темно-каштановые волосы остались неизменными, лишь они и белые, белые зубы.

Пока каждый из мужчин смотрел на свою любимую, не способный отвести от нее взгляда, несмотря на волны ужаса, гнева и скорби, что все сильнее и сильнее бушевали в их груди, из черной впадины горла каждой из жертв выплыла, кружась, черная струйка. Она поплыла в сторону открытой двери — две струйки ночного смога.

Пол с треском обвалился еще в трех местах и вновь на время наступила тишина.

В подвергаемые жестокой пытке разумы мужчин проникли другие детали развернувшейся перед ними драмы: на полу валялись крысы, пронзенные кинжалом Бланы, кинжалом с серебряной рукояткой. Должно быть, эта тварь приблизилась раньше, чем ночной смог завершил свою колдовскую работу. Пояс и кисет Бланы исчезли. Инкрустированная серебряная шкатулка, в которую Мариан положила долю Мышатника от того, что они взяли у Фиссифа и Слевийяса, тоже пропала.

Мышатник и Фафхрд смотрели друг на друга. Их белые измученные лица горели безумием, но мужчины сразу поняли друг друга. Фафхрду не пришлось объяснять, зачем он сорвал с себя плащ с капюшоном, затем он схватил кинжал Бланы, отшвырнул труп крысы, и повесил его себе на пояс. Мышатнику не надо было объяснять, для чего он разыскал полдюжины кувшинов с маслом и, разбив три из них перед пламенем печи и подув немного, сунул три оставшихся в привязанный у пояса мешок, добавив к ним оставшуюся растопку и горшки с красным углем, и крепко завязал мешок.

Потом, по-прежнему молча, Мышатник подошел к очагу, и, не поморщившись, схватил пылающую печку и швырнул

ее так, что она упала на пропитанный маслом ковер. Желтое пламя взвилось вверх.

Они бросились вниз по лестнице, которая оторвалась от стены и рухнула во тьму, едва они достигли земли. Им пришлось пробивать себе путь через обломки, чтобы вырваться в Костлявый переулок.

К этому времени пламя запустило свои яркие быстрые языки в один из нижних этажей дома. Когда они достигли Чумного двора, мчась вперед со всей скоростью, на какую только были способны, пожарный сигнал «Серебряного Угря» уже бил тревогу.

Они все еще бежали, когда впереди мелькнул переулок Смерти. Тогда Мышатник схватил Фафхрда за руку и заставил его остановиться. Высокий северянин вырвался и стал ругаться — лицо его все еще хранило бледность безумства — и сдался только тогда, когда Мышатник крикнул:

— Подожди, лишь десять ударов сердца..., чтобы вооружиться!

Он снял с пояса мешок и, крепко держа его за завязанный край, ударил им о камни. Удар был настолько силен, что разбились не только кувшины с маслом, но и воспламенители, и мешок у основания превратился в пылающий факел.

Потом Мышатник обнажил пылающий Скальпель, а Фафхрд — Серый Прутик и они побежали. Мышатник на бегу крутил мешок над головой, раздувая пламя. Пока они пробежали Дешевую улицу и вбежали в Дом Воров, мешок превратился в настоящий огненный шар, и Мышатник, высоко подпрыгнув, зашвырнул его прямо в нишу над дверью.

Ночные стражи закричали от боли и удивления перед таким яростным нападением на их тайный пост.

Воры-студенты выскочили на крики и топот из находящихся впереди дверей и тут же отпрянули назад, как только увидели двух демонов, размахивающих длинными сверкающими шпагами.

Один маленький костлявый ученик, едва достигший десяти лет, забежал слишком далеко. Серый Прутик безжалостно пронзил его насквозь, хотя его большие глаза выкатились от ужаса, а маленький рот исказился от крика и мольбы о пощаде.

Впереди послышался ужасный воющий крик, от которого замирало сердце и вставали волосы дыбом, и двери начали захлопываться, а не открываться, пропуская вооруженных людей, о чем молились Фафхрд и Мышатник, полные желания убивать.

Если не считать света высоких, в решительных колпаках фонарей, коридор был темен.

Причина этого стала ясной, как только они кинулись вверх по лестнице. Струи ночного смога появились на ней, возникнув как будто из ниоткуда.

Струи сделались как будто длиннее и более изогнутыми. Они сгущались и повисали в воздухе. В коридоре наверху они повисли от стены до стены и от пола до потолка, подобно гигантской паутине, и сделались такими плотными, что Мышатнику и Фафхрду приходилось разрубать их, чтобы пробиться, так, во всяком случае, казалось их умам, погруженным в безумие. Черная паутина немного заглушила повторяющийся сверхъестественный воющий звук, что слышался от седьмой двери и завершился на этот раз ликующим хихиканьем, таким же безумным, как те чувства, что испытывали нападающие.

Здесь двери тоже были закрыты. Мышатник, к которому на кратчайшее время вернулась способность мыслить, подумал, что воры боятся не его и Фафхрда, ибо их еще не видели, но скорее Христомило и его волшебства, несмотря даже на то, что использовали для охраны Дома Воров.

Даже комната с картой, откуда скорее можно было ожидать нападения, была плотно закрыта дубовой, окованной железом дверью.

Теперь для того, чтобы продвинуться вперед на один шаг, им приходилось дважды прорубать черную липкую и толстую, как веревка, паутину. На полпути между комнатой с картой и комнатой колдуна возник паук, вначале прозрачный и маленький, но быстро увеличивающийся до размеров волка.

Мышатник разрубил плотную паутину, образовавшуюся перед ним, отступил на два шага и стремительно ринулся на эту тварь. Скальпель прошел сквозь нее, разрубив точно пополам, и она лопнула, как пузырь, распространяя мерзкий запах.

Тогда Мышатник и Фафхрд рванулись к комнате колдуна. Она была такой же, как они видели в последний раз, если не считать того, что некоторые вещи удвоились, а некоторые и вовсе умножились.

На длинном столе и двух подогреваемых голубым пламенем кубах клубились и перекачивались две крепкие и извивающиеся веревки. Они двигались быстрее, чем черная болотная кобра, которая может прыгнуть на человека. Движение не только в приемниках, но и на открытом воздухе (если только

воздух в помещении Дома Воров можно считать таковым) образовало барьер между шпагами вошедших и Христомило, который, как и раньше, стоял возле своих приборов. Только на этот раз он смотрел главным образом на Фафхрда и Мышатника, лишь изредка бросая взгляд на воплощение своих монотонных бормотаний.

А у другого конца стола, где паутины не было, находился не только Сиовивин, но и еще одна крыса, огромная, уступающая первой лишь размером головы.

Из крысиных нор под столом смотрели блестящие красные глаза.

В дикой ярости Фафхрд принялся рубить черный барьер, но веревки выскакивали из куба быстрее, чем он успевал их перерубить, а разрушенные концы вместо того, чтобы безжизненно повиснуть, жадно устремлялись к нему, как ползучие лозы.

Внезапно он перебросил Серый Прутик в левую руку, выхватил свой длинный нож и кинулся к колдуну. С молниеносной быстротой он рассек три пряди.

Четвертая и пятая несколько замедлили его действия, шестая почти остановила, а цепкая хватка седьмой положила конец его попыткам вырваться.

Христомило захихикал, показывая в усмешке хищные зубы, а Сиовивин затрясся в экстазе, поддерживаемый напарником.

Мышатник прибег к помощи Кошачьего Когтя, но результат оказался не лучшим, а худшим, потому что пока он действовал ножом, две пряди обвились вокруг его руки, а третья вокруг шеи. Черные крысы начали выскакивать из нор и рассаживаться вдоль стен.

Тем временем другие пряди обвились вокруг лодыжек Фафхрда, его колен и левой руки, едва не опрокинув его. Но, с трудом удерживая равновесие, он сорвал с пояса кинжал Бланы и взмахнул им. Блеснула серебряная рукоятка. Лезвие кинжала было бурым от запекшейся на нем крысиной крови.

Когда Христомило увидел это, улыбка сошла с его лица. Колдун издал странный жалобный крик, отпрыгнул от стола и поднял когтистые лапки, как будто пытаясь оградить себя от неминуемого.

Кинжал Бланы с легкостью прошел сквозь черную паутину, казалось, она просто распустилась перед ним, полоснув по поднятым лапам колдуна и по рукоятке вошла в его правую глазницу.

Колдун тоненько вскрикнул и прижал лапки к лицу.

Черная паутина свернулась, как в предсмертной агонии.

Кубы разбились вдребезги, их содержимое растекалось по столу, загасив голубое пламя, хотя один край стола успел немного опалиться. С характерным звуком струящейся жидкости черная лава устремилась на мраморный пол.

С последним слабым криком Христомило подался вперед, все еще держась за глазницу, из которой все еще торчала серебряная рукоятка кинжала.

Паутина посветлела, как светлеют чернила, в которые плеснули водой.

Мышатник рванулся вперед и одним ударом уложил Сиовивина и огромную крысу раньше, чем те поняли, что произошло. Оба умерли мгновенно, едва успев пикнуть. Все остальные крысы повернулись и черными молниями юркнули в свои норы.

Потом исчезли последние следы ночного смога или колдовского тумана, и Фафхрд с Мышатником оказались одни с тремя трупами, лежащими у их ног. Казалось, что не только эта комната, но и весь Дом Воров были погружены в глубокую тишину. Даже лава, текущая из куба, прекратила свое движение и застыла, и край стола больше не дымился.

Безумие наших героев улетучилось. Все перегорело, осталась лишь пустота. Им не хотелось больше убивать ни Кроваса, ни других воров. Полным ужаса внутренним взглядом Фафхрд увидел жалкое лицо маленького вора, которого он убил в своей дикой ярости. Лишь скорбь осталась с ним, скорбь, не уменьшающаяся ни на йоту, но лишь возросшая и скорее даже растущая откровенность от всего, что их окружало: от смерти, беспорядка в воровской комнате, от всего Дома Воров, от всего города Ланкмара, до последнего его вонючего переулка.

С отвращением Мышатник выдернул Скальпель из трупа, вытер его о кусок материи, которую подобрал с пола, и убрал его в ножны. Фафхрд тоже почистил и убрал Серый Прутик. Потом мужчины подобрали нож и кинжал там, куда они их бросили, когда изменилась паутина. Но ни один из них даже не взглянул на кинжал Бланы, не посмотрел на того, кого он пронзил. На столе колдуна они увидели черный бархатный, расшитый серебром кисет и пояс Бланы и голубую эмалевую шкатулку Мариан, отделанную серебром. Они взяли эти вещи.

Так же молча, как и тогда, когда уничтожали гнездышко Мышатника, находившееся возле «Серебряного Угря», но испытывая более обостренное чувство единства целей, един-

ства намерений и дружбы, они медленными и усталыми шагами прошли по колдовской комнате, вышли в коридор, прошли мимо комнаты с картой, дверь в которую была по-прежнему закрыта, мимо ряда других закрытых дверей, спустились по лестнице, миновали еще один тихий коридор, прошли под опустевшей обгорелой нишей и пошли дальше и дальше. Они вышли на Дешевую улицу, повернули налево к северу, потому что это был самый близкий путь к улице Богов. Там повернули направо, к востоку. Им не встретилось ни одной живой души, если не считать костлявого и сутулого парнишки подмастерья, уныло шаркающего метлой перед винным магазином, в тусклом розовом свете, начинающем разливаться на востоке. Они не встретили никого, хотя в канавах и под темными крылечками храпело и сопело во сне множество неясно видных в полутьме фигур. Они свернули направо к востоку от улицы Воров, ибо в этом направлении находились Болотные Ворота, ведущие к Мощеной дороге и через Великое Соленое Болото. Именно через Болотные Ворота можно было быстрее всего выйти из великого и прекрасного города, что сделался для них ненавистным, города навеки любимых близких теней, память о которых еще не раз отзовется в сердце резким колющим толчком.

ШПАГИ ЛАНКМАРА

Глава первая

— Я вижу, что нас ждут, — сказал невысокого роста человек.

Он продолжал шагать вперед к большим открытым воротам, к длинной высокой старинной стене.

Как бы случайно его рука погладила эфес своей длинной, тонкой рапиры.

— Как ты можешь на расстоянии, больше длины полета стрелы... — начал высокий.

— Вижу. Оранжевый капюшон Вешабека. Он выделяется, как проститутка в церкви. А там, где Вешабек, там и его хулиганы. Тебе нужно было уплатить свой долг Воровской гильдии.

— Не так уж много долгов, — сказал маленький. — Вылетело из головы поспориться с ним после последнего дела, когда я взял эти восемь алмазов из храма Бога Пауков.

Высокий человек цыкнул языком в неодобрении.

— Я иногда удивляюсь, почему я связался с таким в ничто не верящим жуликом, как ты.

Низенький человек пожал плечами.

— Я спешил. За мной гнался Бог Пауков.

— Да, кажется, я вспомнил, как он сосал кровь из твоего наблюдателя. Ты, разумеется, сейчас расплатишься сполна?

— Мой кошелек так же полон, как и твой, — заявил маленький человек, — который совершенно такой же, как бурдюк вина на утро после пьянки. Разве только ты протянешь мне руку, в чем я сомневаюсь. Случайно, этот здорово откормленный человек, что между двумя широкоплечими ребятами, не хозяин таверны «Серебряный Угорь»?

Высокий украдкой взглянул, а потом кивнул с отвращением головой.

— Надеюсь, столько суматохи из-за счета за бренди!

— Конечно, если он не более ярда в длину, — согласился маленький человек. — Разумеется, там были те два бочонка бренди, которые ты разбил и сжег в последнюю ночь, когда ты веселился в «Угре».

— Когда против тебя в таверне дерутся десятеро, ты побеждаешь методами, которые легче всего использовать, — запротестовал высокий; — которые — я соглашусь с тобой — временами склонны быть немного причудливыми. К —

Он снова искоса посмотрел вперед на маленькую толпу на площади внутри открытых ворот. Немного погодя он сказал:

— Я также различаю Ривиса, управляющего ружейниками, и где-то всех других кредиторов, которых могли видеть в Ланкмаре любые два человека. И каждый со своим нанятым головорезом или тремя.

Он небрежно расслабил в своих ножнах какое-то огромное оружие, имевшее форму рапиры, но почти такое же тяжелое, как палаш.

— В последнее время не оплачивал ли ты любой из наших счетов до того, как мы покинули Ланкмар? Я, конечно, разорен, но у меня должны быть деньги из всех тех более ранних дел с Воровской Гильдией.

— Я заплатил Паттику Быстрые Пальцы полностью за починку моего плаща и за новый серый отрез шелка, — сразу ответил маленький человек.

Он нахмурился.

— Еще были другие, кому я заплатил, уверен, что были, но сразу я не могу их вспомнить. Кстати, эта высокая стройная девушка, которая наполовину видна из-за утонченного мужчины в черном, не попала в беду? Ее красные волосы вырисовываются, как частичка ада. И все эти три девушки — каждая выглядит из-за своего вооруженного шпагой сводника, как первая — разве у тебя также не было неприятностей с ними, когда мы покидали Ланкмар?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду под неприятностями, — выразил недовольство высокий человек, — я избавил их от покровителей, которые страшно оскорбляли их. Верь мне, я наказывал этих покровителей, и девушки улыбались мне. С этого времени я обращался с ними как с принцессами.

— Ты, конечно, сделал это и потратил все свои деньги и драгоценности на них, вот почему ты разорен. Но одного ты не сделал для них: ты не возвратил им их повелителей, так что они пошли обратно к своим прежним хозяевам, которые натравили их на тебя.

— Чтобы я стал сводником? — запротестовал высокий. — Женщины!

Затем он сказал:

— Я вижу в толпе несколько из твоих девушек. Ты забыл расплатиться с ними?

— Нет, я занял у них и забыл отдать деньги, — объяснил низенький. — Хи-хо. Это, конечно, говорит о том, что радужная встреча будет без принуждения.

— Я говорил тебе, что мы должны были войти в город Основными Воротами, где мы бы причинили больше вреда, — проворчал большой человек. — Так нет, я послушался тебя и пришел к этим богом покинутым Конечным Воротам!

— Неверно, — сказал другой. — В Основных Воротам мы не смогли бы отличить наших врагов от зрителей. Здесь же мы знаем, наконец, что каждый против нас, если бы не надзор из ворот повелителя, я не уверен и в них. В конце концов они могут быть подкуплены, чтобы не заметить нашего убийства.

— Почему же они так пылко ненавидят нас? — рассуждал высокий человек. — Насколько они знают, мы можем прийти домой нагруженными большими сокровищами, сохранив себя от многих приключений у края земли. Ох, я допускаю, что трое или четверо из них также могут иметь личные счета, но...

— Они могут увидеть, что мы путешествуем без носильщиков или тяжело груженных мулов, — разумно прервал маленький человек. — В любом случае, они знают, что после нашего убийства они сами могут заплатить себе любым сокровищем, которое у нас может быть, и распродать оставшееся. Это рациональная процедура, которой придерживаются все цивилизованные люди.

— Цивилизация!

Высокий фыркнул.

— Я иногда удивляюсь...

— Почему, когда ты поднялся на юге над Горами Поющего Шага и привел в порядок свою бороду, обнаружил, что там были девушки без волос на грудях, — закончил за него маленький. — Эй, я думаю, что наши кредиторы и другие ненавистники нашли против нас третье С, помимо шпаг и палок.

— Колдовство?

Невысокий человек вынул из своей сумки веревку тонкого желтого шелка и сказал:

— Ну, если эти две серые бороды в окнах второго этажа не колдуны, то у них не должно быть такого свирепо-угрожающего вида. Кроме того, я могу прочесть астрологические символы на мантии одного из них и вижу блеск жезла у другого.

Они приблизились к Конечным Воротам достаточно близко, чтобы острый глаз мог различить такие детали. Охрана в коричневых железных доспехах бесстрастно направила на них свои пики. Лица тех, кто выстроился на маленькой площади возле прохода, были также бесстрастными, но такими зловещими, за исключением девушек, которые улыбались со злобой и ликованием.

Высокий угрюмо сказал:

— Они убьют нас заклинаниями и кантатами. Не достигнув цели, они прибегнут к дубинам и головорезам.

Он потрянул головой.

— Так ненавидеть из-за кучки денег! Ланкмарцы — неблагодарны. Они не поняли тот тонус, который мы задали этому городу, волнение, которое мы подняли.

Маленький человек пожал плечами.

— Сейчас они обеспечат волнение для нас. До некоторой степени развлекающаяся толпа.

Его пальцы проворно завязали удавку на одном конце веревки. Его шаги слегка замедлились.

— Разумеется, мы не должны были возвращаться в Ланкмар.

Он задумался.

Высокий рассердился.

— Глупости! Должны. Возвратиться сейчас обратно — это трусость. Кроме того, мы сделали все иначе.

— Вне Ланкмара прогорело несколько рискованных предприятий. — тихо возразил маленький, — если только эти маленькие авантюры подходят для трусов.

— Возможно, — сказал высокий. — Но большие или маленькие, они все начинаются в Ланкмаре. Как бы то ни было, ты идешь с этой веревкой?

Невысокий затянул узел вокруг ручки своей рапиры и опустил веревку волочиться за собой, гибкую, как кнут.

— Я заземлил свою шпагу, — сказал он. — Сейчас любое смертельное заклинание, пущенное против меня в ход, ударив сперва в мою шпагу, разрядится в землю.

— Пощекотав Матушку Землю, а? Осторожней, не споткнись об нее.

Предостережение, казалось, было кстати, веревка была около двадцати ярдов длиной.

— И не наступи на нее. Этому меня научил Швелба.

— Ты и твой колдун, эта болтливая крыса! — насмешливо сказал высокий. — Почему он сейчас не на твоей стороне, колдуя за нас?

— Почему Нингаубле не на твоей, делая то же самое? — задал контрвопрос низенький.

— Он слишком толст, чтобы путешествовать.

Они прошли стражника с ничего не выражающим лицом. Атмосфера угрозы над площадью сгущалась как ураган. Внезапно высокий открыто ухмыльнулся своему товарищу.

— Не старайся слишком серьезно повредить кому-нибудь из них, — сказал он громким голосом. — Мы не хотим, чтобы наше возвращение в Ланкмар омрачилось.

Как только они вошли в открытое пространство, окруженное враждебными лицами, шторм разразился без задержки. Колдун в мантии с эмблемой в виде звезды громко завыл, как волк, подняв высоко над головой свои руки, и бросил их в сторону маленького человека с такой силой, как будто рассчитывал, что они оторвутся и пронесутся по воздуху. Они не оторвались, но молнии синеватого огня, подобно призраку в солнечном свете, вырвались из его растопыренных пальцев. Невысокий вынул свою рапиру и направил ее на колдуна. Синеватая молния затрещала на кончике тонкого лезвия и затем разрядилась в земле. Он почувствовал только жгучую боль в руке.

Скорее лишенный воображения колдун повторил свою тактику с тем же результатом, а затем поднял свои руки для третьего броска молний.

Тем временем низенький человек уловил ритм в действиях колдуна и, как только его руки опустились, он так щелкнул веревкой, что она взвилась над шеями и лицами хулиганов вокруг завернутого в оранжевое Бешабека. Голубое вещество, чем бы оно ни было, треща, ударило в них из веревки, и в одном крике они, все корчась, упали.

Между тем другой колдун направил свой жезл в высокого, быстро послав ему вслед два больших, которые он выдернул из воздуха. Высокий со своей рапирой, вынутой с удивительной скоростью, ждал первый жезл, отчасти, к его удивлению, жезл в полете выглядел покрытым серебром ястребом, устремленным, чтобы ударить когтями. В то время, как он продолжал наблюдать, жезл оказался ближе, его форма изменилась на серебристый, длинный нож с добавлением —

серебристыми крыльями с обеих сторон. Обескураженный этим чудом и играя острием своего палаша так же легко, как фехтуя рапирой, высокий ловко отклонил первый летевший кинжал так, что он пронзил плечо одного из громил рядом с хозяином «Серебряного Угря». Второй и третий летевшие кинжалы он обработал в том же духе, так что два других его врага были насажены на вертел болезненно, хотя и несмертельно.

Они тоже закричали и рухнули больше от страха перед такими сверхъестественными приемами, чем из-за действительной серьезности их ран. До того, как они ударились о булыжники мостовой, высокий человек выхватил нож со своего пояса и метнул его левой рукой в колдуна.

То ли старик был пронзен, то ли просто ухитрился отклониться, во всяком случае он исчез из виду.

Тем временем другой колдун с тем же недостатком воображения или, возможно, просто упрямый, направил в маленького человека четвертую молнию, который в это время хлестнул поверху веревкой, заземлявшей его шпагу, так что веревка щелкнула перед самым окном, из которого вылетела молния, то ли веревка действительно поразила колдуна, или только оконную раму, но там раздался громкий треск и BLEЮЩИЙ крик, и этот колдун тоже сошел со сцены.

К чести собравшихся громил и смельчаков, у них едва ли участился пульс из-за этого проявления отраженных смертельных чар, но они убедили их нанимателей — сводников около своих проституток. Они бросились, тяжело топча раненых, толкаясь, рубя и лупя своим различным оружием.

Разумеется, их было что-то около пятидесяти против двоих. Это все еще придавало им храбрости.

Высокий и низенький немедленно встали спиной и подобными молниям ударами сдерживали на расстоянии первую атаку, стараясь поколоть как можно больше лиц и рук, чем нанести смертельные и глубокие раны. Высокий в своей левой руке сейчас держал кинжал с короткой рукояткой, чьей плоской поверхностью он бил по головам в то время, как маленький человек дополнял свою дьявольски коловшую рапиру длинным ножом, чьи выпады были такими же мягкими, как выпады кошачьей лапы.

Сперва большое количество атакующих было для них положительной помехой — они наносили удары каждый разным способом, в то же время большей опасностью для двоих, сражавшихся спиной к спине, было то, что они могли оказаться заваленными большой массой раненных ими врагов,

с энтузиазмом толкаемых их товарищами сзади. Затем сражение отчасти стало беспорядочным и на некоторое время это выглядело так, как будто низенький и высокий человек стали наносить более смертельные удары и, возможно, не без того, чтобы кого-нибудь зарубить. Звон ударявшегося железа, топот ботинок, рычание сражавшихся сквозь сжатые губы и возбужденные крики девушек, добавившиеся к сильному шуму, который заставлял сражу нервно осматриваться.

Затем высокомерный Бешабек, который наконец удостоил взять руководство. У него было оттопырено ухо, а его ключица с этой стороны служила мягкой подставкой для большого солдатского топора, в то время как девушки — их волновало чувство романтики — начали подбадривать этих двоих, благодаря которым их сводники и громилы потеряли мужество.

На атаковавших опустилась волна паники. Внезапно из самой улицы раздался звук шести труб.

Громко скрипящего звука было достаточно, чтобы и так уже потерявшие нервы окончательно сорвались.

Атаковавшие и их наниматели разбежались во всех направлениях, сводники утасили своих переменчивых проституток, в то время как те, кто был поражен голубым свечением и летающими кинжалами, уползали за ними.

За короткое время площадь опустела, кроме двух победителей, шеренги трубачей у начала улицы — линия стражников за проходом через ворота сейчас вернулась на площадь, как будто ничего не случилось, — и сотни или более глаз, таких же маленьких и блестящих красно-черным, как черешни, которые внимательно смотрели из-за решеток уличных канализационных труб и из различных маленьких дыр в стене и даже с крыши. Но кто сосчитает или даже заметит крыс, особенно в таком старом и кишящем паразитами городе, как Ланкмар?

Высокий и маленький оглядывались вокруг все еще немного свирепо, затем, восстановив дыхание, они буйно рассмеялись, убирая все свое оружие, и обернулись к трубачам с охраной, все еще расслабленной любопытством.

Трубачи развернулись в обе стороны. Линия копейщиков за ними выполнила то же движение, и вперед шагнул почтенный, гладко выбритый, со строгим выражением лица, человек в черной тоге, кое-где окаймленной серебром.

Он поднял свою руку в достойном движении и величественно сказал:

— Я — камергер Глипкерио Кистомаркеса, Повелителя Ланкмара. Вот мой жезл власти.

Он предъявил маленький серебряный жезл, свидетельствовавший пятью бронзовыми эмблемами в форме морской звезды.

Оба человека слабо кивнули, словно говоря: «Мы принимаем ваше утверждение, поскольку оно стоящее».

Камергер смело посмотрел в лицо высокого человека. Он вынул свиток из-за своей тоги, развернул его, внимательно рассмотрел, затем посмотрел вверх.

— Ты — Фафхрд — варвар с севера и боец?

Высокий немного подумал и затем сказал:

— Ну и что, если я...?

Камергер повернулся к низенькому.

Он еще более внимательно посмотрел в свой пергамент.

— А вы — извините, но здесь так написано — этот нечистокровный, давно подозреваемый ночной вор-взломщик, мошенник и убийца, Серый Мышатник?

Маленький человек взбил свой плащ и сказал:

— Если это имеет какое-то значение для вас — хорошо. Он и я в какой-то степени могли быть связаны.

Словно эти бессмысленные ответы все решили, камергер энергично свернул свой пергамент и сунул его в свою тогу.

— Тогда мой хозяин желает видеть вас. Вы можете оказать ему услугу за значительное вознаграждение.

Серый Мышатник осведомился:

— Если всесильный Глипкерио Кистомаркес нуждается в нас, почему он допустил, чтобы на нас напали, и — насколько он мог знать — мы могли быть убиты этой компанией громил, которые сейчас убежали отсюда?

Камергер ответил:

— Если вы из того сорта людей, которые позволили бы убить себя такой толпе, то вы бы не вправе были держать в руках назначение или выполнять поручение, которое в голове моего хозяина. Но время торопит. Следуйте за мной.

Фафхрд и Серый Мышатник посмотрели друг на друга, и мгновение спустя они одновременно пожали плечами, а затем кивнули. Немного-важничая, они подстроились к камергеру, копейщики и трубадуры присоединились к ним, и кортеж двинулся путем, которым он пришел, оставляя площадь совершенно пустой, за исключением, разумеется, крыс.

Глава вторая

По-матерински щедрый западный ветер наполнил их коричневые треугольные паруса, изящная военная галера и пять широких кораблей, нагруженных зерном, вышедшие две ночи назад из Ланкмара, держали курс на север через Внутреннее море древнего мира Нехвона.

Время было после полудня, одного из тех ясных дней, когда океан и небо одного и того же цвета, неопровержимо доказывая общераспространенную гипотезу, почитаемую ланкмарскими философами, что Нехвон — это огромный пузырь, возвышающийся над кодами вечности с континентами, островами и большими драгоценностями, которые на ночь становятся звездами, аккуратно плавая на внутренней поверхности пузыря.

На корме последнего грузового корабля, который был тоже самым большим, плевался Серый Мышатник темно-фиолетовой кожурой с подветренной стороны и отчаянно хвастался:

— Лучшие времена в Ланкмаре! Не один день прошел в городе Черной Тоги после нескольких месяцев без приключений, и мы получили это легкое задание Повелителя, а также аванс.

— Я давно не доверяю легким делам, — ответил Фафхрд.

Жуя, он открыл подбитую мехом куртку так широко, чтобы ласковый ветер мог более сильно обдуть его грудь со спутанными волосами.

— А мы умчались из Ланкмара так быстро, что даже не успели заплатить наши счета. Однако, я должен признать, что могло случиться и худшее. Полный кошелек — это лучший груз для любого морского путешественника, особенно для того, кто везет письма маркиза для дам.

Капитан корабля Слинур посмотрел назад спрятанными под капюшоном оценивающими глазами на маленького, гибкого, одетого в серое человека и его высокого, более ярко расцвеченного товарища-варвара. Капитан «Скуинда» был ухоженным, одетым в черное человеком средних лет. Он стоял за двумя коренастыми моряками в черных туниках, с обнаженными ногами, которые с готовностью держали высокий дугообразный румпель, который вел «Скуинд».

— Как много вы вдвоем действительно знаете о вашем легком деле? — тихо спросил Слинур, — или, вернее, насколько благороднейший Глипкерио рассказал вам о цели и предыстории этого путешествия?

Казалось, два дня удачного плавания открыли плотно закрытый рот капитана корабля в желании обменяться откоро-

венностями или в конце концов обменяться вопросами и ложью.

Из сумки, сплетенной из веревок, которая висела около бортовых перил, Мышатник достал темно-багровую сливу, пронзив ее кинжалом, который он назвал Кошачьи когтем. Затем он беспечно ответил:

— Эта флотилия везет подарок от Повелителя Глипкерио Кистомаркеса для Моварла Восьми Городов в благодарность за уничтожение Моварлом мингельских пиратов во Внутреннем море и за помощь, которая заставила степных мингельских дьяволов отказаться от атаки Ланкмара через затопленную Землю. Моварлу нужна пшеница для его охотников-земледельцев, бывших горожан солдат и, особенно, чтобы поддержать его армию, освободившую его братский город Келлдж-Нар, который осаждают мингелы. Фафхрд и я, как ты можешь видеть, маленький, но мощный арьергард для зерна и для, конечно, более деликатных предметов из груза Глипкерио.

— Ты подразумеваешь этих?

Слинур указал на загородку по левому борту.

«Эти» — было двадцать больших белых крыс, расположенных в четырех клетках из серебряных прутьев. С их белым мехом, голубыми глазами, окаймленными белым, и особенно их маленькими, изогнутыми дугой верхними резцами, они выглядели подобно клике высокомерных, прискучивших, потомственных аристократов, и вид, с которым они смотрели на котенка, который взобрался с вытянутыми когтями на загородку с правой стороны, словно держась как можно дальше от крыс, был, по-своему, наскучившим, аристократическим.

Фафхрд вытянул руку и прошелся пальцами вниз по черной спине котенка. Котенок выгнулся дугой, расслабившись на минуту в чувственном удовольствии, но затем отошел бочком и продолжал свое удивленное разглядывание крыс — деятельность, в которой принимали участие два одетых в черные туники рулевых, оба казались обиженными и испуганными пассажирами в серебряных клетках на корме.

Мышатник обсосал со своих пальцев мякоть сливы и аккуратно слизнул кончиком языка каплю, которая угрожала упасть с его подбородка.

Затем он сказал:

— Нет, я не имею в виду этот перекормленный подарок — крыс.

Ответив Слинуру и легко встав на колени, внезапно дотронувшись многозначительно двумя пальцами до потертой палубы, он сказал:

— Я подразумеваю, что это именно она, которая ниже, что выселила тебя из твоей каюты капитанской и настаивает, что подарок крысы требует солнечного света и свежего ветра, что кажется мне странным способом нежить любящих норы и тень паразитов.

Подстриженные брови Слинура поднялись. Он подошел ближе и прошептал:

— Ты думаешь, что Демонселла Хисвет может не полностью передать подарок — крыс, но и также может взять себе часть дара Глипкерио Моварлу? Почему? Ведь она дочь самого крупного торговца зерном в Ланкмаре, который увеличил крупную торговлю золотым зерном с Глипкерио.

Мышатник загадочно заулыбался, но ничего не сказал.

Слинкур нахмурился, затем зашептал еще тише:

— Правда, я слышал историю о том, что Хисвет уже преподносила дар отца Хисвина Глипкерио, чтобы купить его покровительство.

Фафхрд попытался опять погладить котенка, с небольшим успехом, чем чтобы прогнать его под мачту, и обернулся при этом. — Почему? Ведь Хисвет только ребенок, — сказал он почти с упреком, — немного чопорная и красивая барышня. Я не знаю Глипкерио, он кажется декадентом.

Это слово не было оскорблением в Ланкмаре.

— Но несомненно, Меарл Северный, хотя и лесной человек, любит только блистательных, смелых и совершенных женщин.

— По-твоему, без сомнений? — заметил Мышатник.

Он смотрел на Фафхрда через полуприкрытые веки.

— Разве можно торговать похожей на ребенка женщиной?

Фафхрд мигнул, словно Мышатник толкнул его в бок. Затем он пожал плечами и медленно сказал:

— Что особенного в этих крысах?

— В большинстве случаев, — сказал с отвращением Слинурус, — они изображают людей. Хисвет научила их танцевать под музыку, пить из чашек, держать маленькие копья и шпаги и даже фехтовать. Я не видел этого и не имею желания.

У Мышатника возникла воображаемая картина. Он представил себя маленьким, как крыса, дерущимся с крысами, вокруг шеи и запястий которых висели кружева, скользящим по запутанным туннелям их подземных городов, ставшим

большим знатоком сыра и копченого мяса, возможно добивающимся королевы крыс и захваченным врасплох ее мужем, королем крыс, сражающимся с ним в темноте на кинжалах.

Затем он заметил, что одна из белых крыс внимательно смотрит на него через серебряные прутья холодными нечеловеческими голубыми глазами, и внезапно его фантазия вообще не показалась ему удивительной. Он задрожал в солнечном свете.

Слинур сказал:

— Нехорошо, когда животные стараются стать людьми.

Хозяин «Скуинда» мрачно вглядывался в молчании в белых аристократов.

— Вы когда-нибудь слышали легенду о... — нерешительно начал он.

Затем он внезапно оборвал себя, тряхнув своей головой, словно решив, что он сказал и так много.

— Парус! — слабо донесся крик из «вороньего» гнезда. — Черный парус с наветренной стороны!

— Какой корабль? — закричал Слинур.

— Я не знаю, капитан. Я вижу только верх паруса.

— Наблюдай, парень! — приказал Слинур.

— Я наблюдаю, капитан.

Слинур прошел к правому борту судна и обратно.

— Паруса Моварла зеленые, — задумчиво сказал Фафхрд.

Слинур кивнул.

— Ильмарские — белые, пиратов — красные, главным образом. Ланкмарские паруса однажды были черными, но сейчас этот цвет предназначен только для похоронных барж, и они никогда не рисковали оказаться вне видимости земли. По крайней мере, я никогда не знал...

Мышатник прервал его:

— Ты говорил о непонятной предыстории этого путешествия. Почему непонятной?

Слинур опять отступил обратно к перилам, в сторону от коренастых рулевых.

Фафхрд немного согнулся, пролезая под дугообразной мачтой.

Они все трое посмотрели на пенящийся след. Их головы склонились друг к другу.

Слинур сказал:

— Вы были за пределами Ланкмара. Вы знаете, что это не первый дар — флотилия с зерном для Моварла?

Мышатник кивнул.

— Мы знаем, что была другая. Она каким-то образом потерялась, в шторм, я думаю. Глипкерио представил все это в лучшем виде.

— Были две, — сжато и выразительно сказал Слинур. — Обе потерялись без всяких следов. Шторма не было.

— Что тогда? — спросил Фафхрд.

Он осматривал тихо копошившихся крыс.

— Пираты?

— Моварл уже выгнал пиратов с востока. Каждая из флотилий, как наша, охранялась галерой, и каждая плыла в хорошую погоду с хорошим западным ветром.

Слинур слабо улыбнулся.

— Без сомнения, Глипкерио не рассказал вам эти подробности, боясь, что вы не согласитесь. Мы, моряки, подчиняемся Ланкмару из-за долга и славы Города, но последний Глипкерио имел трудности, нанимая специальных агентов, которых он любит использовать для вторичных ударов. У него посредственные умственные способности, у нашего повелителя, хотя в большинстве своем он использует их на то, чтобы мечтать о посещении других пузырей — миров в большом колоколе для погружений, в то время пока он сидит с выдрессированными девочками, смотря на выдрессированных крыс, платит врагам Ланкмара золотом и оплачивает всегда жадным друзьям зерном, не солдатами, — проворчал Слинур. — Вы знаете, Моварл становится более нетерпеливым, он угрожает, что, если пшеница не придет, он отзовет свой пиратский дозор, объединится с сухопутными минголами и двинется на Ланкмар.

— Жители Севера, даже не из снежных жилищ, в союзе с минголами? — заметил Фафхрд. — Это невозможно!

Слинур посмотрел на него.

— Я скажу именно это, глотающий лед житель севера. Если бы я не верил в такой союз, как возможный и вероятный — Ланкмар в связи с этим в страшной опасности — я никогда бы не поплыл с этой флотилией, честь и долг или нет. То же самое верно для Лукина, который командует галерой. Я не думаю, что Глипкерио должен был бы иначе послать к Моварлу в Кварч Нар своих благороднейших играющих крыс и изысканную Хисвет.

Фафхрд тихо пробурчал:

— Ты сказал, что обе флотилии потерялись без следа?

Слинур кивнул головой.

— Первая. Кое-какие обломки второй были замечены илмарским торговцем на границе Ланкмара: настил палубы

одного из торговых кораблей. Он был выдран из корпуса корабля и расщеплен. Как и чем ильтмариец не смеет предположить. К куску перил был привязан капитан, умерший за несколько часов до этого. Его лицо было искажено ужасом, тело истерзано.

— Рыбы? — спросил Мышатник.

— Морские птицы? — добавил Фафхрд.

— Драконы? — предположил третий голос, звонкий, сдерживающий дыхание и такой же веселый, как у школьницы.

Трое обернулись, Слинур с провинившейся быстротой.

Ростом с Мышатника, стояла Демоиселла Хисвет, но, судя по ее лицу, запястьям и лодыжкам, она была явно тоньше.

Лицо ее было чувственным, с узким подбородком, маленьким ртом и надутой верхней губкой: она была достаточно высока, чтобы показать блеск жемчужных зубов. Цвет ее лица был кремово-розовым, кроме двух пятен яркого цвета на ее щеках. Ее прямые, прекрасные волосы, которые низко спускались на ее лоб, были настоящего белого цвета с проблесками серебра, и все они были пропущены через серебряное кольцо у нее за шеей, откуда они свешивались, убранные подобно хвосту единорога. Ее глаза с темно-розовыми радужными оболочками, но белые, как китайский фарфор, вокруг больших черных зрачков. Ее тело было закутано и скрыто просторной одеждой из фиолетового шелка, кроме тех моментов, когда ветер обозначал округлости ее девичьего тела. Фиолетовый капюшон был наполовину откинут, рукава надулись, но скрывали запястья. Она была босая, кожа ее здесь была такая же кремовая, как и на лице, но около пальцев имелся розовый оттенок.

Она быстро им всем одному за другим посмотрела в глаза.

— Вы шептались о пропавших флотилиях? — обвиняюще спросила она. — Фи, капитан Слинур. Мы все должны сохранять мужество.

— Всегда, — согласился Фафхрд.

Он находил, что эта реплика по его вкусу.

— Даже дракон не напугает храброго человека. Я часто видел морских чудовищ, гребенчатых, рогатых, а некоторых с двумя головами, игравших в волнах внешнего океана, в то время когда они прорывались через скалы, прозванные Морскими Когтями. Они не страшны, если человек успевал всегда засечь их уважающим взглядом. Они вместе здорово резвились, самцы, преследовавшие самок, и шедшие...

Фафхрд сделал огромный вдох и затем заревел так громко и воюще, что двое рулевых подпрыгнули:

— ХУНЕК! ХУНЕК!

— Фи, человек-с-мечом Фафхрд, — чопорно сказала Хисвет.

Краска смущения покрыла ее щеки и лоб.

— Вы самый бестактный. Секс драконов...

Слинур повернулся к Фафхрду, схватил ее за запястье и закричал:

— Тише вы, чудовищный дурак! Вы не знаете, что мы сегодня ночью плывем мимо Драконьих скал под лунным светом? Вы накличете на нас их!

— Во Внутреннем море нет драконов, — уверил его Фафхрд.

Он улыбнулся.

— Существует нечто, что разбивает корабли, — упрямо утверждал Слинур.

Мышатник воспользовался этим коротким перемещением, чтобы поближе подвинуться к Хисвет, трижды поклонившись, когда он двигался.

— Мы не получим большого удовлетворения из-за вашего отсутствия на палубе, Демоисселла, — мягко сказал он.

— Увы, сэр, солнце не любит меня, — мелодично ответила она. — Сейчас, когда оно готово зайти, его лучи смягчены.

Потом она добавила с содроганием:

— Затеи, эти грубые моряки...

Она замолчала, когда увидела, что Фафхрд и капитан Слинур прервали свой разговор и повернулись к ней.

— Ох, я не имею в виду вас, дорогой капитан Слинур, — уверила она его.

Дотянувшись, она дотронулась до его черной одежды.

— Должно быть, фантазия Демоисселлы подогрела солнцем охлажденную ветром черную сархсенмарскую сливу? — предположил Мышатник.

Он деликатно взмахнул в воздухе Кошачьим Когтем.

— Я не знаю, — сказала Хисвет.

Она рассматривала иглоподобный кончик кинжала.

— Я не должна думать о расположении внизу Белых Теней до того, как наступит вечерняя прохлада.

— Верно, — сказал Фафхрд.

Он льстиво улыбнулся, поняв, что она подразумевает белых крыс.

— Это было очень мудро, Маленькая Хозяйка — позволить им провести день на палубе, где они, несомненно, не могут мечтать о том, чтобы порезвиться с Черными Тенями. Я имею в виду, разумеется, их черных свободных братьев и

покрытых грязью восхитительных сестер, будьте уверены, скрывающихся здесь в трюме.

— На самом корабле нет крыс, резвящихся так или иначе, — немедленно уверил Слинур.

Его голос был резким и злым.

— Думаете, я вожу крысиный бордель? Извините, Демоиселла! Я имею в виду, что на борту «Скуинда» нет общества крыс.

— Тогда, конечно, это первый корабль с пшеницей, так облагодетельствованный, — сказал Фафхрд ему со снисходительной благоразумностью.

Ярко-красный диск солнца опустился до уровня моря на западе и разгладился, как мандарин. Хисвет опять прислонилась к перилам под дугообразной реей. Фафхрд был справа от нее, Мышатник — слева со сливами, повесив их назад ближе к серебряным клеткам.

Слинур высокомерно продвинулся вперед, чтобы что-то сказать рулевым или сделать вид.

— Я возьму эту сливу, Человек-с-кинжалом Мышатник, — тихо сказала Хисвет.

Когда Мышатник повернулся со счастливым повиновением и полным грации жестом деликатно ощупал плетеную сумку, чтобы обнаружить самый нежный плод, Хисвет протянула свою правую руку в сторону и, не глядя на Фафхрда, медленно пробежала своей рукой с растопыренными пальцами по волосам на его груди, остановившись, когда она добралась до другого бока, где она ущипнула его за волосы, затем прошла обратно по волосам, которые она взъерошила.

Ее рука возвратилась обратно точно в тот момент, когда обернулся Мышатник.

Она томительно поцеловала сливу, затем потянулась всем телом, чтобы взять черный фрукт с кончика кинжала Мышатника.

Она деликатно пососала острие Кошачьего Когтя и задрожала.

— Фи, сэр!

Она надула губы.

— Вы сказали мне, что они должны нагреться солнцем, а они не теплые. Все уже охлаждено вечером.

Она задумчиво огляделась вокруг.

— Почему Человек-с-мечом Фафхрд весь покрылся гусиной кожей, — заявила она.

Затем она покраснела и упрекающе похлопала своими губами.

— Запахните свою куртку, сэр. Это спасет вас от катара и, возможно, от дальнейшего смущения девушки, которая непривычна к любому виду мужского тела, кроме рабов.

— Вот румяная слива, — откликнулся из-за сумки Мышатник.

Хисвет улыбнулась ему и легко подбросила зажатую в ладони сливу, которую она попробовала. Он бросил ее за борт и кинул ей вторую сливу. Она легко поймала ее, слегка сжала ее, прикоснулась ею к своим губам, опечаленно тряхнула своей головой, хотя все еще улыбалась, и швырнула сливу обратно. Мышатник, также мягко улыбаясь, поймал ее, бросил за борт и кинул третью.

Некоторое время они играли таким образом. Акула, сопровождавшая по пятам «Скуинд», полакомилась.

Черный котенок возвратился вдоль перил по правому борту, внимательно наблюдая за левым. Фафхрд мгновенно схватил его, как любой хороший генерал делает ход в разгар битвы.

— Вы видели корабельного кота, Маленькая Хозяйка? — окликнул он. Он подошел к Хисвет. Котенок почти скрылся в его больших руках.

— Или, возможно, мы должны назвать «Скуинд» кошачьим кораблем из-за того, кого он усыновил, самостоятельно скачущего по палубе, в то время как мы плывем под парусами. Вот, Маленькая Хозяйка, сейчас он на ощупь теплый, как солнце, теплее, чем слива.

Он протянул котенка, сидевшего на ладони его правой руки.

Но Фафхрд забыл, какова точка зрения котенка. Его шерсть встала дыбом, когда он увидел, что его несли к крысам, и сейчас, когда Хисвет протянула к нему свою руку, показывая свои верхние зубы в тонкой улыбке и говоря: «Бедный маленький безпризорник», котенок свирепо зашипел и как будто граблями провел своими вытянутыми когтями.

Со вздохом удивления Хисвет отдернула руку. До того, как Фафхрд смог ударить или отбросить котенка в сторону, тот прыгнул на его голову и оттуда на самый верх дугообразной мачты.

Мышатник устремился к Хисвет, между тем крича на Фафхрда: — Болван! Недотепа! Ты ведь знал, что зверь наполовину дикий!

Затем Хисвет:

— Демонселла! Вы ранены?

Фафхрд яростно ударил котенка, и один из рулевых повернулся, чтобы ударить его тоже, возможно, потому, что он подумал, что неуместно для котят ходить по мачте.

Котенок сделал большой прыжок к перилам правого борта, поскользнулся на них и зацепился двумя когтями над пляшущей водой.

Хисвет убрала с Мышатника свою руку, и он сказал:

— Лучше позвольте мне осмотреть ее, Демоиселла. Даже слабая царапина грязного корабельного кота может быть опасна.

Но она почти игриво сказала:

— Нет, ничего, я говорю тебе ничего, Человек-с-кинжалом.

Человек шагнул к ограждению правого борта, полный желания скинуть котенка за борт, но каким-то образом, когда он подошел к ограждению, он обнаружил, что вместо этого он взял котенка за загривок и поднял его обратно на ограждение. Котенок немедленно впился зубами глубоко в основание его большого пальца и убежал за мачту.

Фафхрд с трудом подавил вопль. Слинур рассмеялся.

— Тем не менее, я осмотрю ее, — властно сказал Мышатник.

Он с силой взял руку Хисвет. Она на момент позволила ему схватить ее, затем вырвала и, потянувшись, холодно сказала:

— Человек-с-кинжалом, вы забываетесь. Даже собственный врач не дотрагивается до Демоиселлы из Ланкмара, он трогает только мою служанку, на которой Демоиселла указывает свои боли и симптомы. Уходи от меня, Человек-с-кинжалом.

Обиженный Мышатник опять возвратился к ограждению. Фафхрд облизал основание своего большого пальца. Хисвет подошла и встала позади Мышатника. Не глядя на него, она тихо сказала:

— Ты должен был вызвать мою служанку. Она довольно хорошенькая.

Пальцеобразный обреза́к красного солнца опускался на горизонте.

Слинур окликнул «воронье» гнездо:

— Что с черным парусом?

Солнце зашло со слабым зеленым блеском. Хисвет повернула свою голову и поцеловала Мышатника в щеку пониже уха, пощекотав языком:

— Сейчас я потерял тебя из виду, капитан, — откликнулся матрос из вороньего гнезда. — Туман с севера. К северу

маленькое черное облако, похожее на черный корабль, движется по воздуху. Сейчас оно также исчезло. Все исчезло, капитан.

Хисвет подняла свою голову. Слинур, ворча, подошел к ним.

— С «вороньего» гнезда видно так же мало.

Хисвет задрожала и сказала:

— Белые тени замерзнут. Они изнежены, Человек-с-кинжалом.

Мышатник вздохнул.

— Вы, Демоиселла, восхитительная Белая Тень.

Затем он подошел к серебряным клеткам, громко говоря для Слинура:

— Будет ли нам доставлено удовольствие лицезреть их, Демоиселла, завтра на палубе? Это должно быть довольно поучительно, наблюдать вашу власть над ними.

Он поласкал воздух над ними и сказал явно неправду:

— По-мосму, они прекрасные, красивые парни.

В действительности он всматривался, полный предчувствия, в какое-то подобие маленьких копий и шпаг, о которых упоминал Слинур.

Двенадцать крыс без любопытства смотрели на него. Одна, казалось, даже зевнула.

Слинур отрывисто сказал:

— Я должен предостеречь вас от этого, Демоиселла. У моряков сумасшедший страх и ненависть ко всем крысам. Будет лучше не возбуждать их.

— Но это просто крысы, — сказал Мышатник, пока Хисвет только готовилась ответить. — Они замерзнут.

Фафхрд, слышавший это, убрал руку ото рта и подошел, торопясь к Хисвет, говоря:

— Маленькая Хозяйка, может, я снесу их вниз? Я буду мягок, как Клешитская Кормилица.

Он поднял между большим и третьим пальцами клетку с двумя крысами. Хисвет наградила его улыбкой, сказав:

— Я хочу, чтобы вы сделали это, любезный Человек-с-мечом. Грубияны матросы обращаются с ними так грубо. Но две клетки вы можете спокойно понести. Нам нужна подходящая помощь.

Она посмотрела на Мышатника и Слинура.

Так, Слинур и Мышатник, второй к своему отвращению и недоброму предчувствию, должны были осторожно взять каждый серебряную клетку, и Фафхрд с двумя пошли сопровождать Хисвет к ее каюте на корме.

Мышатник не мог удержаться, чтобы скрытно не прошептать Фафхрду:

— Глупец! Сделать из нас крысиных грумов! Может, ты хочешь быть укушенным крысами, чтобы противопоставить их кошачьему укусу?

В дверях каюты черная служанка Хисвет, Фрикс, забрала клетки. Хисвет поблагодарила трех ухажеров более сжато и холодно, и Фрикс закрыла двери перед ними. Раздался приглушенный звук упавшего засова и шум цепочки, запиравшей засов.

Темнота окутала воды. Зажгли желтый фонарь и подняли его в «воронье» гнездо.

Черная боевая галера «Шарк» — временами ее коричневый парус убирался — на веслах подошла, чтобы побеспокоить, к «Клейму», следовавшему впереди «Скуинда», чтобы там не торопились устанавливать сигнальный огонь на мачте, затем возвратилась к «Скуинду», пока Лукин и Слинур обменивались криками насчет черного паруса, тумана, маленьких облаков в форме кораблей и Драконьих Скал. В конце концов галера опять заторопилась вперед со своими ланкмарцами в доспехах из коричневого железа, чтобы плыть под парусами во главе колонны. Замерцали первые звезды — доказательство того, что солнце не ушло сквозь воды вечности на какой-то другой мировой пузырь, а уплыло, как оно и должно, на восток под океан неба. Его блуждающие лучи зажигали плавающие звездные камни во время его перехода.

После восхода луны Фафхрд и Мышатник каждый обнаружил повод, чтобы подойти к двери Хисвет. Они постучались, но никто ничего не выгадал из этого. На стук Фафхрда Хисвет открыла себе маленькую решетку в двери и тихо сказала:

— Фи, стыдно, Человек-с-мечом! Неужели вы не видите, что я раздета!

Она немедленно закрыла дверь. В то время, когда Мышатник тихо попросил выйти на минутку «Восхитительную Белую Тень», появилась веселая рожа черной служанки Фрикс за решеткой, сказав:

— Моя хозяйка приказала поцеловать мою руку и пожелать вам спокойной ночи.

Что она и сделала, после чего закрыла дверь.

Фафхрд, который следил, встретил удрученного Мышатника сардоническим восклицанием:

— Восхитительная Белая Тень!

- Маленькая Хозяйка — колко парировал Мышатник.
- Черная слива из Сархенмара!
- Клешитская Кормилица!

Ни один из героев этой ночью не спал спокойно, и две трети этой ночи гонг «Скуинда» подавал сигналы с некоторыми интервалами вместе с отвечающими гонгами с других кораблей. Когда появился первый проблеск света, на палубу вышли двое.

«Скуинд» тащился через туман, который скрывал верх паруса. Двое рулевых переговаривались, как будто они ожидали увидеть привидение. Паруса были надуты.

Слинур — его глаза потемнели от усталости и смотрели с большим беспокойством — кратко и выразительно объяснил, что туман не только не исчез, но и раскидал флотилию.

— Следующий за нами — «Тунни». Я могу позвать его гонгом. За «Тунни» — «Кар»? Что с «Шарком»? Мы все еще не прошли Драконьи Скалы? Нет, я не хочу видеть их!

— Разве некоторые капитаны не называют их Крысиными Скалами? — вставил Фафхрд. — Из-за крысиной колонии, оставшейся там после крушения.

— Верно, — согласился Слинур.

Затем он кисло усмехнулся наблюдавшему Мышатнику.

— Не правда ли, лучший день для показа крыс на палубе? Самое лучшее для этого тумана. Я терпеть не могу этих белых скотин. Хотя дюжина их напомнила мне о Тринадцати. Вы когда-нибудь слышали легенду о Тринадцати?

— Я слышал, — угрюмо сказал Фафхрд. — Мудрая женщина из Холодных Пустынь однажды рассказала мне, что каждый вид животных — волки, летучие мыши, киты — обладает тринадцатью существами с почти нечеловеческой — или дьявольской — мудростью и мастерством. «Ты можешь найти вожака этого внутреннего круга, — сказала Мудрая женщина, — и затем через них управлять всеми животными этого вида».

Слинур пристально посмотрел на Фафхрда и сказал:

— Она была, в общем, не глупой женщиной.

Мышатник подумал, был ли также и для людей внутренний круг Тринадцати.

Черный котенок призраком подошел из тумана вперед по палубе. Он подошел к Фафхрду, громко мяукая, затем остановился, подозрительно изучая его.

— Возьмите, к примеру, котенка, — сказал Фафхрд.

Он усмехнулся.

— Где-то в Нехвоне сегодня, может быть, порознь, но, вероятнее всего, вместе тринадцать котов со сверхкошачьей сообразительностью как-то чувствуют и управляют судьбой всего кошачьего рода.

— Что они чувствуют сейчас? — тихо спросил Слинур.

Черный котенок выпятился на левый борт и зашипел. Внезапно его худое тело одеревенело, мех встал дыбом на его спине, а тощий хвост встал трубой.

— ХЕНГК!

Слинур повернулся к Фафхрду с проклятием, только чтобы увидеть северянина, смотревшего с закрытым ртом и пораженного. Было ясно, что ревел не он.

Глава третья

Из тумана по левому борту высунулась зеленая змеевидная голова размером с лошадиную, с белыми, как кинжалы, зубами за красным ртом, пугающе раскрытым. Со смертоносной быстротой она устремилась вниз на Фафхрда своей бесконечной желтой шеей. Ее нижняя челюсть с треском разломила палубу, и белые кинжалы сомкнулись на черном котенке, вернее, там, где был котенок. Для последнего, казалось, потребовалось не так уж много, чтобы поднять себя, возможно, с помощью хвоста на правый борт и отсюда тремя большими скачками оказаться на вершине бизани.

Рулевые бросили друг друга вперед.

Слинур и Мышатник кинулись к ограждению правого борта. Неуправляемый румпель медленно качался над ними, представляя собой хоть какую-то защиту от чудовища, которое подняло свою лошадиную голову и качало ее так, чтобы все время немного уклоняться от Фафхрда. Видимо, оно охотилось за черным котенком или больше любило его.

Фафхрд стоял, как вкопанный, сначала от полнейшей неожиданности, затем из-за мысли, что сперва перед любым его движением он должен огрызнуться.

Тем не менее, когда он хотел броситься на это — кроме того, что чудовище ужасно пахло — из тумана вынырнула вторая зеленая голова раза в четыре больше, чем первая, с зубами, похожими на ятаганы. На макушке этой второй головы сидел человек, одетый в багровое, как Гарольд из Восточных земель, в красных ботинках, в плаще и шлеме. Последний был с синим окошком, которое, казалось, было непрозрачным стеклом.

Это было гротескным и не вызывало ужаса, кроме как ощущения бреда. Фафхрду так и показалось. Он почувствовал, что как будто ему снится опиумный сон.

Все было, несомненно, реальным, но все же это не имело того воздействия, которое могло бы действительно его утратить.

Он заметил такие совершенно причудливые детали, как то, что две желто-зеленые шеи разветвлялись из общего тела.

Кроме того, ярко одетый человек или демон, управлявший большой головой, казался очень уверенным в себе, что может быть, а может и не быть, хорошей вещью.

Сейчас он прилагал усилия к меньшей голове, кажется с упреком, с помощью тупой с крюком пики, которая была у него, и орал либо под, либо через свой красно-синий шлем тарабарщину, которую можно было представить так: «Готт-фер даммтер унгехейер!» (проклятое чудовище).

Меньшая голова низкопоклонно удалилась, хныкая, как семнадцать щенков.

Человек-демон выхватил маленькую книжечку и, посмотрев в нее, дважды, — очевидно, он мог все видеть через голубое окошко — крикнул на ломаном ланкмарском:

— Что это за мир, друг?

Фафхрд никогда в своей жизни до этого не слышал такого вопроса, даже просыпаясь накаченным бренди. Тем не менее, в своем похожем на опиумный сон настроении он свободно ответил:

— Этот мир Нехвон, колдун!

— Гот шен, Данк! — пробормотал человек-демон. (Спасибо, Господи!)

Фафхрд спросил:

— А из какого мира вы?

Вопрос, казалось, поставил человека-демона в тупик. Торопливо посмотрев в свою книжечку, он ответил:

— Вы знаете о других мирах? Вы не верите, что звезды являются только огромными драгоценными камнями?

Фафхрд ответил:

— Каждый дурак может видеть, что огни в небе — драгоценные камни, но мы не простаки, мы знаем о других мирах. Ланкмарцы думают, что они — это пузыри в бесконечных водах. Я верю, что мы живем в черепе умершего бога с драгоценными камнями в кости. Но, без сомнения, существуют другие такие черепа, поскольку вселенная вселенных — это большое, холодное поле битвы.

Качавшийся румпель, в то время как «Скуинд» барахтался с хлопавшим парусом, ударил меньшую голову, которая повернулась вокруг и укусила его, затем стряхнула со рта занозы.

— Скажи колдуну, чтобы он сдержал этого! — крикнул Слинур.

Он ретировался.

После более яростного листания страниц человек-демон сказал:

— Не пугайся, чудовище ест только крыс. Я поймал его на маленьком скалистом островке, где живет много крыс. Он принял твоего маленького черного кота за крысу.

Все еще находясь в своем состоянии опиумной ясности, Фафхрд позвал:

— Эй, колдун, ты хочешь направить чудовище в свой собственный мир-череп или в мир-пузырь?

Этот вопрос, казалось, вдвойне озадачил и взбудоражил человека-демона.

Казалось, он думает, что Фафхрд читает мысли. После долгого неистового просмотра книжки он объяснил, что он прибыл из мира, называемого просто «Завтра», и что он посетил многие миры, чтобы собрать чудовищ для нечто вроде музея или зоопарка, который он называл в своей тарабарщине «Хагенбецкс Зейтгартен». В этой особой экспедиции он искал чудовище, которое должно быть сносным факсимиле совершенно мифического шестиголового морского чудовища, которое хватало людей с палуб кораблей и было прозвано Сциллой старинным писателем Фэнтэзи Гомером.

— в Ланкмаре никогда не было поэта с именем Гомер, — пробормотал Слинур.

— Без сомнения, он был второстепенным писакой из Куармолла или восточных Земель, — убеждающе сказал Серый Мышатник Слинуру.

Затем, немного осмелев и отчасти из-за желания не уступать Фафхрду, находящемуся в центре внимания, Мышатник прыгнул на ограждение и крикнул:

— Эй, колдун, какими чарами ты перенесешь свою маленькую Сциллу обратно, или, возможно, я могу сказать дальше, на ваш пузырь — Завтра? Я сам знаю кое-что из колдовского ремесла. Прекрати, паразит!

Это последнее замечание предназначалось вместе с жестом высокомерного презрения меньшей голове, которая вынырнула, вопрошая с любопытством, к Мышатнику.

Слинур схватился за лодыжку Мышатника.

Человек-демон среагировал на вопрос Мышатника шлепанием себя по боку красного шлема, как будто он забыл нечто важное. Он начал яростно объяснять, что он путешествовал между мирами на корабле или пространственно-временной машине, что бы это ни значило, который обладает тенденцией летать над водой — «черный корабль с маленькими огоньками и мечтами» — и что корабль потерялся в тумане день назад, пока он был занят укрощением пойманного морского чудовища. С тех пор человек-демон на гребне своего послушного монстра бесплодно искал потерянный аппарат.

Описание этого пробудило память Слинура, который ухитрился успокоиться, чтобы внятно рассказать, что на заходе солнца с вороньего гнезда «Скуинда» был замечен корабль, летевший или паривший в северную сторону.

Человек-демон был многоречив в своих благодарностях и других вопросах к Слинуру, известив — скорее к облегчению каждого, — что он сейчас готов повернуть на поиски на восток с новой надеждой.

— Возможно, у меня никогда не будет удобного случая ответить на Вашу учтивость, — сказал он на прощание, — но поскольку Вы плывете через воды вечности, во всяком случае, запомните мое имя — Карл Треухерз из Хагенбека.

Хисвет, которая слушала это с главной палубы, выбрала этот момент, чтобы взобраться по маленькой лестнице, которая вела вверх на корму. Она была одета в халат из горностая и накидку с капюшоном, которая защищала ее от холода и тумана.

Когда ее серебристые волосы и бледные очаровательные черты лица показались над уровнем кормы, меньшая драконья голова, которая пристойно ретировалась, метнулась к ней со скоростью атакующей змеи.

Хисвет упала. С треском сломалась столярная работа.

Удаляясь в туман на макушке большей и, видимо, более спокойной головы, Карл Треухерз забормотал, как никогда раньше, и безжалостно заставил меньшую голову скрыться.

Затем двухголовый монстр со своим оранжево-багряным наездником виднелся едва различимо, двигаясь по следу «Скуинда» на восток в сгущавшийся туман, и человек-демон тихо бормотал то, что, наверное, могло быть извинением и прощением:

— Ихь тутмир зейер лейд! Данке шен. (Я очень благодарен. Большое спасибо).

С последним тихим «Хунгк» фигура человека-демона и дракона постепенно исчезла в тумане.

Фафхрд и Мышатник наперегонки бросились к Хисвет, перепрыгнув через расколовшееся ограждение, только для того, чтобы получить презрительный отказ от их предложения, когда она поднялась с дубовой палубы, деликатно потирая бедро и прохромав шаг или два.

— Не подходите ко мне, простак, — резко сказала она. — Стыдно, когда Демоиселла вынуждена спасать себя сама от огромной опасности беспорядочным падением на ту часть, которую я почти стыжусь показывать Фрикс. Вы не джентльмены! Даже драконьи головы натворили беспорядок на палубе и...

Между тем к западу начали показываться островки черного неба и воды, и с той же стороны посвежел ветер. Слинур бросился вперед, крича своему боцману, чтобы тот выгнал напуганных чудовищем моряков с полубака до того, как «Скуинд» нанесет себе повреждение.

Хотя это было немного опасно, Мышатник стоял около румпеля, Фафхрд смотрел на главный шкот. Затем Слинур, торопившийся назад на корму с несколькими бледными моряками, с криком прыгнул к ограждению.

Туманный вал медленно катился на восток. Чистая вода простиралась на западе до самого горизонта. На расстоянии двух полетов стрелы к северу от «Скуинда» возникли из белой стены в беспорядке четыре корабля: военная галера «Шарк» и торговые корабли «Тунни», «Карп» и «Гроупер».

Галеры быстро двигались на веслах, направляясь к «Скуинду».

Но Слинур пятился на юг. Там, на расстоянии мненс полета стрелы, находились два корабля, один полностью очистившийся от тумана, другой — наполовину в тумане.

Один, ясно видимый, был «Клейм», с притопленной носовой частью. Его оружие было смыто. Главный парус каким-то образом был сорван и волочился по воде. Пустая палуба была странно выгнута кверху дугой.

Скрытый туманом корабль казался катером с черным парусом.

Между двумя кораблями от «Клейма» к катеру двигалась масса маленьких, темноголовых волн.

Фафхрд присоединился к Слинуру, не глядя, Слинур просто сказал:

— Крысы!

Брови Фафхрда поднялись.

К ним подошел Мышатник, сказав:

— У «Клейма» пробоина. Зерно разбухает от воды и сильно выпячивает палубу.

Слинур кивнул и указал на катер.

Среди последних в этой армии была белая крыса. Секундой позже маленькая белая фигурка виднелась выбиравшейся на борт катера. Слинур сказал:

— Это вожак грызунов.

С глухим шумом выгнувшаяся палуба «Клейма» взорвалась.

— Зерно! — глухо кивнул Слинур.

— Сейчас вы узнаете, как плачут корабли, — сказал Мышатник.

Черный катер призрачно двинулся на запад, в отсутствующий туман.

Галера «Шарк» шла по бурлившему следу «Скуинда», ее весла двигались, как ноги у прыгающей многоножки. Лукин закричал:

— Подлый обман! Ночью «Клейм» завлекли!

Черный катер, наращивая свою скорость при помощи уходившего на восток тумана, удалялся в плену его.

«Клейм» с расколовшейся палубой из-за крепкой волны набирал воду и накренивался в черные и соленые глубины, переворачиваясь килем вверх.

Протрубив военный гимн, «Шарк» пошел за катером в белую стену. Конец мачты «Клейма», проделав небольшую борозду в гребне волны, исчез под водой. Все, что сейчас виднелось на юг от «Скуинда», это было большое пятно, усеянное золотистым зерном.

Слинур повернул искаженное гримасой лицо в сторону мостика.

— Пойдем в каюту Демойселлы Хисвет, если нужно будет — силой, — приказал он, — и сосчитайте белых крыс!

Фафхрд и Мышатник посмотрели друг на друга.

Через три часа те же четыре персоны собрались в каюте Хисвет с Демойселлой, Фрикс и Лукиным.

Каюта была с таким низким потолком, что Фафхрд, Слинур и помощник капитана вынуждены были ходить сгорбившись и склонны были сидеть согнувшись. Она была просторной для торгового корабля, но всё же была переполнена этой компанией вместе с крысами в клетках, надушенной Хисвет, с отороченным серебром багажом, сваленным на темную мебель Слинура и запертыми на замок рундуками.

Три рогообразных окна в корме и сужавшиеся щели в правом и левом борту освещали все мутным светом.

Слинур и Лукин сидели напротив окон за узким столом. Фафхрд занял свободный рундук, Мышатник — суживающийся кверху бочонок. Между ними стояли четыре клетки с крысами, чьи жилицы с белым мехом казались такими же совершенно безразличными к происходящему, как любой из людей.

Мышатник удивился себе, представив, что было бы любопытно, если бы белые крысы поменялись с людьми местами...

Ряд голубых глаз белых крыс должен был бы вынести самые значительные решения. Он представлял себе их, одетых в горностаи, безжалостно выпятившихся свысока на маленьких, раболепствующих Лукина и Слинура, вокруг которых бегали мыши-слуги, мыши-чиновники, и за которыми стоят крысы-охранники в доспехах, держащие фантастическое оружие с колючками и кривыми лезвиями.

Помощник капитана стоял около открытого решетчатого окна в закрытой двери, чтобы видеть, что другие моряки не подслушивают.

Демоиселла Хисвет сидела нога на ногу на подвешенной койке, ее горностаевый халат был полностью собран под ее коленками. Она ухитрялась выглядеть наиболее холодной и изысканной даже в этой позе. Время от времени ее правая рука играла с темными, волнистыми волосами Фрикс, которая, согнувшись, сидела на полу у ее коленей.

Скрипели рангоуты, в то время как «Скуинд» катился на север. Иногда был слабо слышен шум шагов рулевых, ходивших над головой по корме. Из похожих на ловушку дверей, ведущих вниз, и через каждую щель дощатого настила просачивался вяжущий, пахнущий гренками запах, все заполнявший запах зерна.

Говорил Лукин. Он был худ, с покатыми плечами, жилисто-мускулистым человеком почти такого же роста, что и Фафхрд. Его короткое одеяние из коричневых доспехов поверх его простой черной туники было прекрасной вязки. Золотой обруч собирал его темные волосы, а обруч у него на лбу был с пятью эмблемами Ланкмара — морской звезды.

— Что я думаю о том, как «Клейм» был потоплен? За два часа до рассвета, думаю, я дважды слышал свой собственный гонг на расстоянии, хотя я стоял тогда позади заглушенного гонга «Шарка». Трое из моего экипажа тоже

слышали это. Скорее всего, это было эхо. Джентльмены, я знаю, как звучат гонги ланкмарских галер и торговцев лучше, чем голоса своих детей. То, что мы слышали, было так похоже на «Шарк», что я никогда бы не подумал, что это другой корабль. Я думал, что это какой-то зловещий призрак — эхо или галлюцинация, и я не думал об этом более, как о том, что из-за этого надо действовать. Если я был бы более подозрительным...

Лукин с торечью нахмурился, потряхнув своей головой, и продолжал: — Сейчас я знаю, что на черном катере должен находиться гонг, являющийся дублем гонга «Шарка». Они использовали его, как и то, что кто-то подделал мой голос, чтобы вызвать «Клейм» из линии в тумане и завести его достаточно далеко, чтобы крысиная орда под командой белой крысы смогла осуществить на нем свой план без опасений, что крики экипажа будут услышаны. Они, наверное, прогрызли двадцать дырок в корпусе «Клейма», чтобы так быстро поступала вода, и разбухало зерно. Они предусмотрели многое и оказались более упорными, чем люди, эти маленькие зубастые дьяволы.

— Сумасшедшие посреди моря! — фыркнул Фафхрд в промежутке. — Крысы испугались людей и прогнали их? Крысы захватили корабль и потопили его? Крысы организовали и ввели дисциплину? Зачем это грустное суеверие?

— Вы — единственный, кто может с легкостью говорить о суеверии и невозможности, — бросил ему Слинур, — когда только этим утром вы болтали с невероятно бормотавшим демоном в маске, который оседлал двуглавого дракона.

Лукин приподнял брови от удивления на Слинура. Это было первое, что он слышал об эпизоде с Хагенбеком.

Фафхрд сказал:

— Это путешествие между мирами — совсем другое дело. В этом нет суеверия.

Слинур скептически ответил:

— Я полагаю, когда вы рассказывали мне, что вы слышали от Мудрой женщины о Тринадцати, там не было суеверия?

Фафхрд улыбнулся.

— Почему же? Я никогда не верил ни одному слову Мудрой женщины, даже сказанному мне. Она была ведьмой и старой дурой. Я рассматривал ее вздор как курьез.

Слинур посмотрел на Фархрда недоверчиво сузившимися глазами, затем сказал Лукину:

— Продолжай.

— Мало что можно еще сказать, — сказал последний. — Я видел крысиные батальоны, плывущие от «Клейма» к черному катеру. Я видел, как вас, их белого командира.

Он пристально посмотрел на Фафхрда.

— После того два часа я бесплатно охотился в тумане за черным катером до тех пор, пока судорога не свела моих гребцов. Если бы я обнаружил его, то не захватил бы его, а просто поджег бы! Да, я вылил бы на крыс горящую нефть, если бы они опять попытались поменять корабль! Да, и улыбался бы, пока эти убийцы с шерстью пылали бы!

— Точно так, — в заключение сказал Слинур. — И что, по вашему мнению, командир Лукин, мы должны сделать сейчас?

— Утопить белых лже-друзей в их клетках, — немедленно ответил Лукин, — до того, как они станут вожаками при захвате других кораблей или наши люди не сойдут с ума от страха.

Это немедленно вызвало ледяное возражение Хисвет.

— Вам придется утопить сперва меня, отягощенную серебром, командир!

Взгляд Лукина перешел с нее на беспорядок из нескольких, с человеческое ухо, баночек с серебряной мазью и нескольких, скрепленных петлей, тяжелых серебряных цепочек на кровати.

— Это невозможно, Демоиселла, — сказал он.

Он едва улыбнулся.

— Против нее нет ни единой улики! — возразил Фафхрд.

— Маленькая Хозяйка, этот человек — сумасшедший.

— Нет доказательств? — загремел Лукин. — Вчера было двенадцать белых крыс, а сейчас — одиннадцать.

Он указал рукой на составленные клетки и их высокомерных обитателей.

— Сейчас их всех. Кто другой, кроме дьявольской Демоиселлы, послал белого вожака, чтобы направить острозубых грызунов и убийц, которые разрушили «Клейм»? Какого большего доказательства вы хотите?

— Да, действительно! — вставил Мышатник высоким вибрирующим голосом, который привлек внимание. — Доказательств в избытке. Если бы вчера в клетках было двенадцать крыс.

Затем небрежно, но очень ясно он добавил:

— По-моему, их было одиннадцать.

Слинур выпятился на Мышатника, как будто он не мог поверить своим ушам.

— Ты лжешь! — сказал он. — Более того, ты лжешь бессовестно. Почему ты, Фафхрд и я все время говорили о двенадцати крысах?

Мышатник мотнул головой.

— Фафхрд и я не говорили именно о числе крыс. Ты сказал, что их была дюжина, — сообщил он Слинуру, — не двенадцать, а дюжина. Я полагаю, что вы использовали это выражение как приближенное число.

Мышатник щелкнул пальцами.

— Сейчас я припоминаю, что, когда вы сказали «дюжина», мне стало праздно любопытно, и я пересчитал крыс и насчитал их одиннадцать. Но это мне кажется второстепенным вопросом, чтобы по нему спорить.

— Нет, вчера было двенадцать крыс, — упрямо утверждал Слинур с большим убеждением. — Вы ошибаетесь, Серый Мышатник.

— Я верю своему другу Слинуру больше, чем любому из вас, — вставил Лукин.

— Правда, друзья, не будем ссориться, — сказал Мышатник.

Он ободряюще улыбнулся.

— Вчера я сосчитал крыс из подарка Глипкерио и насчитал одиннадцать. Капитан Слинур, любой человек может ошибиться иногда в воспоминаниях. Проанализируем это. Двенадцать белых крыс были в четырех серебряных клетках, по три в клетке. Сейчас, дайте мне... Я вспомнил! Вчера, когда мы между собой точно сосчитали крыс, когда несли их вниз, в каюту, сколько было их в вашей клетке, которую несли вы, Слинур?

— Три, — немедленно сказал последний.

— И три в моей, — сказал Мышатник.

— И три в каждой из двух, — нетерпеливо сказал Лукин. — Мы теряем время!

— Подождите! — Сказал Мышатник.

Он поднял руку с растопыренными пальцами.

— Был момент, когда все мы должны были заметить, сколько крыс было в каждой из клеток, которые нес Фафхрд, когда он первый поднял их, сказав, что он проводит Хисвет. Восстановить в памяти это. Он поднял их так...

Мышатник прикоснулся большим пальцем к среднему.

— Сколько крыс было в клетке, Слинур?

Слинур глубоко вздохнул.

— Две, — сказал он.

Затем он мгновенно добавил:

— И четыре в другой.

— Вы только что сказали, что по три в каждой, — напомнил ему Мышатник.

— Я не говорил, — отрицал Слинур, — это сказал Лукин, а не я.

— Да, но вы кивнули, соглашаясь с ним, — сказал Мышатник.

Он поднял брови в явном символе невинного правдоискательства.

— Я согласен с вами только в том, что мы теряем время, — сказал Слинур. — И мы теряем его.

Все-таки между его глаз появилась морщинка, а его голос потерял немного уверенности.

— Я вижу, — сказал Мышатник, сомневаясь.

Постепенно он стал играть роль поверенного, разъясняющего в суде, шагая и нахмурившись наиболее деловито. Теперь он выпалил внезапный вопрос: — Фафхрд, сколько крыс ты нес?

— Пять, — смело ответил северянин.

Его математические способности не были слишком большими, но у него было достаточно времени, чтобы исподтишка сосчитать по пальцам и подумать о том, чем кончил Мышатник.

— Две в одной клетке и три в другой!

— Слабая ложь! — иронически сказал Лукин. — Подлый варвар может поклясться в чем угодно, лишь бы получить улыбку Демоиселлы, которая к нему подлизывается.

— Это грязная ложь! — взревел Фафхрд.

Он подпрыгнул и произвел своей головой такой глухой стук по балке, что схватился обеими руками за нее и согнулся из-за сильной головной боли.

— Сядь, Фафхрд, пока я не попрошу тебя извиниться перед палубой, — приказал с безжалостной грубостью Мышатник. — Это серьезный, цивилизованный суд, без всяких варварских ссор! Посмотрим — три, три и пять — будет одиннадцать. Демоиселла Хисвет!

Он обвиняющим жестом указал прямо в ее красноглазое лицо и сурово потребовал:

— Сколько белых крыс Вы принесли на борт «Скуинда»? Правду и ничего, кроме правды!

— Одиннадцать, — скромно ответила она. — Я рада, что кто-то, наконец, догадался спросить меня.

— Я знаю, что это неправда! — резко сказал Слинур.

Бровь его поднялась.

— Почему я не подумал об этом раньше? Это должно было избавить всех нас от хлопот, вопросов и счета. У меня в каюте есть письмо-доверенность ко мне. В нем дословно говорится о вручении мне Демониселлы Хисвет, дочери Хисвина, и двенадцати остроумных белых крыс. Подождите, я достану и покажу его вам!

— Не надо, — вставила Хисвет. — Я видела письмо-приказ и могу засвидетельствовать правдивость Ваших цитат. Но гораздо печальнее то, что между полученными письмами и моим появлением на борту «Скуинда» бедный Тчи был сожран гигантским боровом Глиппи-Бимбатом.

Она поднесла тонкий палец к уголку своего глаза и всхлинула.

— Бедный Тчи, он был самым обаятельным из двенадцати. Из-за этого я и не выходила из каюты первые два дня.

Все время, пока она упоминала имя Тчи, одиннадцать крыс в клетках печально пищали.

— Вы называли повелителя — Глиппи? — воскликнул Сли-нур.

Он был искренне шокирован.

— О, как пошло!

— Да, следи за своим языком, Демониселла, — строго предупредил Мышатник.

Он полностью придерживался своей роли строгого следователя.

— Любые близкие отношения между вами и нашим повелителем, архиблагороднейшим Глипкерио Кистомаркесом не относятся к этому делу.

— Она лжет, как расчетливая, ловкая колдунья! — яростно заявил Лукин. — Винт или дыба или, может быть, бледная ручка, высоко вывернутая за ее спину, вырвут из нее правду достаточно быстро!

Хисвет повернулась и высокомерно посмотрела на него.

— Я считала вас разумным человеком, командир, — сказала она спокойно.

Она положила свою правую руку на темную голову служанки.

— Фрикс, вытяни свою обнаженную руку или какую-нибудь другую свою часть бравому джентльмену, который желает пытать.

Черная служанка выпрямилась. Ее лицо было спокойно, губы твердо сжаты, хотя ее глаза широко раскрылись. Хисвет продолжала говорить Лукину и Слинуру:

— Если вы знаете вообще законы Ланкмара, то вы знаете, что дева Ванга Демоиселла подвергается пыткам только в лице ее служанки, которая доказывает своей непоколебимостью под чрезвычайной болью невиновность своей госпожи.

— Что я говорил вам о ней? — спросил Лукин у всех у них. — Хитрость — это слишком грубый термин для ее ловкости, похожей на паутину паука.

Он пристально посмотрел на Хисвет и презрительно сказал, искривив свой рот:

— Дева!

Хисвет улыбнулась с холодным долгим страданием. Фафхрд вспыхнул и, хотя все еще держался за свою разбитую голову, едва удержался от того, чтобы не подпрыгнуть опять. Лукин посмотрел на него с развлечением, уверенный в своем знании, что он мог по желанию дразнить, и что варвар испытывал недостаток в цивилизованном уме, чтобы глубоко оскорбить его.

Фафхрд задумчиво посмотрел на Лукина из-под своих рук. Затем он сказал:

— Да, ты достаточно храбр в доспехах, угрожая девушке пытками, но если бы ты был без военных доспехов и доказал свое мужество один на один с одной храброй девушкой, ты, длинный как червяк!

Взбешенный Лукин замолк и с такой силой вырвал лоскут настила, что он, содрогаясь, запищал и закачался. Тем не менее он безрассудно схватился за свой меч сбоку. Слинур сжал его кисть и откинул ее обратно.

— Следите за собой, командир, — строго попросил он.

Он кажется уверовал в решение, в то время, как остальные спорили и уклонялись от сути вопроса.

— Фафхрд, не надо больше колкостей, Серый Мышатник, это не ваше дело, а мое, и мы не будем вдаваться в чрезмерные подробности высокого закона, а будем встречать опасности. Сегодняшний день — это большая опасность для флотилии с зерном, и в опасности наши собственные жизни. Даже более того, собственно Ланкмар в опасности, если Моварл не получит этот подарок — зерно с этой третьей посылкой. В прошедшую ночь был потоплен «Клейм», в эту ночь, может быть — «Гроунер» или «Скуинд», даже «Шарк» или любой из наших кораблей. Первые две флотилии были осторожны и хорошо охранялись и все же погибли.

Он остановился, чтобы успокоиться, затем продолжал:

— Мышатник, вы зародили во мне сомнение вашими одиннадцатью-двенадцатью. Но маленькие сомнения — это ни-

что, когда жизни родных и родные города в опасности. Ради безопасности флотилии и Ланкмара мы утопим белых крыс немедленно и будем наблюдать за Хисвет до настоящего суда в Кварч Наре...

— Верно!

Держась впереди Хисвет, Мышатник одобрительно кивнул головой, но затем немедленно добавил с видом блестящего, внезапного вдохновения:

— Или лучше все же прикажите Фафхрду и мне следить не только за Хисвет, но и за белыми крысами. Таким образом, мы не погубим подарок Глипкерио и не рискуем обидеть Моварла.

— Думаю, что никто не сможет хорошо следить за крысами. Они слишком хитры, — сообщил ему Слинур. — Демоиселлу я предлагаю перевести на «Шарк», где она будет лучше охраняться. Зерно — желание Моварла, а не крысы. Он не знает о них, так что и не огорчится, если не получит их.

— Он знает о них, — вставила Хисвет. — Глипкерио и Моварл обменялись почтовыми альбатросами. Да, но каждый год Нехвон растет меньше, капитан. Корабли — это улитки по сравнению с большекрылыми почтовыми птицами. Глипкерио написал Моварлу о крысах. Каждый выразил большое терпеливое ожидание, чтобы увидеть играющих Белых Теней. Вместе со мной.

Она скромно опустила голову.

— Также, — быстро выпалил Мышатник, — я должен твердо помешать, к полному сожалению, Слинур, немедленно переместить Хисвет на другой корабль. Мои и Фафхрда полномочия, данные нам Глипкерио, которые я могу использовать в любое время, указывают на то, чтобы мы заботились о Демоиселле все время, кроме ее личных апартаментов. Он предписал нам сделать все ради ее безопасности, а также безопасности Белых Теней, существ, которых наш повелитель ценит — опять, как ясно указывается — на вес золота.

— Вы можете заботиться о ней на «Шарке», — резко сказал Слинур Мышатнику.

— Я не потерплю варвара на своем корабле, — раздраженно сказал Лукин, все еще смотря искоса.

— Я брезгую вступать на борт так обманутого гребного судна или гребущего червя, — крикнул в ответ Фафхрд.

Затем он выразил общее варварское презрение к галерам.

— Также, — снова прервал громко Мышатник, — мой долг, как друга, предостеречь тебя, Слинур, что в своих

безрассудных нападках на Белый Теней и Демоиселлу ты рискуешь навлечь на себя гнев не только нашего повелителя, но и гнев самого влиятельного торговца зерном в Ланкмаре.

Он предостерегающе жестикулировал перед Фафхрдом.

Слину́р ответил просто:

— Я думаю только о городе и флотилии с зерном. Вы знаете об этом.

Лукин, раздражаясь, выплюнул:

— Хах!

Затем он презрительно сказал:

— Серый дурак не понял, что даже отец Хисвет — Хисвин, который стоит за крысами-утопленниками, с тех пор, как он наживает богатство с помощью сверхнациональных выкупов зерна, надувает Глипкерио!

— Тише, Лукин! — приказал Слину́р.

Он был полон страха.

— Эта сомнительная догадка здесь не к месту.

— Догадка? Моя? — взорвался Лукин. — Это был твой намек, Слину́р! Да, и о заговорах Хисвина с целью свергнуть Глипкерио, и даже что он в союзе с минголами! Скажи хоть однажды правду!

— Тогда говори это сам себе, командир, — сказал как можно более колко Слину́р. — Боюсь, что удар повредил твою голову.

Затем он обратился к Мышатнику.

— Серый Мышатник, вы — человек чувства. Разве вы не можете понять мою единственную заботу? Мы одни в море со множеством опасностей. Мы должны принять против этого меры. Ох, неужели ни у кого нет немножко ума?

— Да, у меня, капитан, если вы спрашиваете об уме, — живо сказала Хисвет.

Она вставала на колени по мере того, как поворачивалась к Слину́ру. Солнечный свет, бивший через щель, мерцал на ее серебристых волосах и отражался от серебряного обруча на ее голове.

— Я — только девочка, несведущая в вопросах войны и грабежа, но все же я объяснила бы все простой мыслью, которую я напрасно ждала услышать, мудрым голосом произнесенную одним из джентльменов, много знающих о том, что касается насилия. Этой ночью был потоплен корабль. Вы приписали преступление маленьким крысам, которые покинули корабль в любом бы случае, среди которых часто встречаются белые особи и которые только дичайшим взлетом воображения способны предстать, как убивающие весь

экипаж и прячущие их тела. Чтобы свести концы с концами в этой сверхъестественной теории, вы делаете из меня зловещую королеву крыс, которая может создавать черные миражи, и даже сейчас, оказывается, провозглашаете моего бедного, дорогого папу всемогущим императором крыс. Все же этим утром вы встретили убийцу кораблей, если он здесь один, и позволили ему уйти, крича что-то нечленораздельное. Да, но человек-демон даже признался, что он искал многоголового монстра, который хватает живых людей с палуб корабля и пожирает их. Уверена, что он лгал, когда говорил, что его найденный из этого мира питается только крысами и мелкой рыбешкой. Оно напало на меня, чтобы сожрать, и раньше могло бы схватить любого из вас, если бы он не был сыт. Ведь более похоже на правду, что всех матросов с «Клейма» съел двухголовый длинношей дракон, сбивая резкими толчками их с палубы и придерживая, если они пытались спастись, как конфеты из коробки, а затем пробил дырки в обшивке «Клейма», или, что еще более вероятно, что «Клейм» напоролся дном на Драконьи Скалы в тумане и в то же самое время встретил морского дракона. Это — трезвые мысли, джентльмены, ясные даже девушке и не требующие напряженной работы ума.

Эта поразительная речь вызвала у четверых смешанное чувство. Одновременно Мышатник одобрил:

— Женщина из принцесс, Демоиселла, о, вы изумительный стратег!

Фафхрд смело сказал:

— Всем ясно, Маленькая Хозяйка, но все же Карл Треухерз казался мне честным демоном.

Фрикс гордо сказала:

— Моя хозяйка передумает всех вас.

Помощник у двери вытаращился на Хисвет и эмблему морской звезды. Лукин огрызнулся:

— Она в своих интересах забыла упомянуть про черный катер.

В это время Слинур крикнул, чтобы они все замолчали.

— Вы в шутку сказали «королева крыс»? Вы и есть королева крыс!

В то время, как другие замолкли при этом обвинении, Слинур, зловеще глядя на полную страха Хисвет, быстро продолжил:

— Демоиселла в своей речи назвала меня острием против себя. Карл Треухерз рассказал, что его дракон, живя на Красных Скалах, ел только мясо крыс. Он не тронулся с

места, чтобы сожрать нас, хотя у него была для этого возможность, и все же, когда появилась Хисвет, он сразу найал на нее. Он знал о ее породе.

Голос Слинура внезапно упал.

— Тринадцать крыс с разумом человека управляют всем крысиным миром. Эта старинная мудрость мудрейших ланкмарских прорицательниц. Одиннадцать — это эти молчаливые парни с серебряным мехом, слышащие каждое слово, двенадцатый празднует на черном катере захват «Клейма», а тринадцатая — эта серебряноволосая, красноглазая Хисвет Демоиселла!

Он указал пальцем.

При этом Лукин скользнул на ноги, крича:

— О, Слинур, ты думаешь проницательно! И почему она одела такой скромный обволакивающий наряд? Исключительно для того, чтобы скрыть очевидность страшного родства? Позвольте мне содрать этот горностаевый халат и показать вам тело с бслым мехом и десятком черных маленьких сосков вместо девичьих грудей.

Когда он протискивался через стол к Хисвет, Фафхрд подпрыгнул осторожно и пришил руки Лукина к его бокам медвежьей хваткой, крикнув:

— Нет, если ты дотронешься до нее, ты умрешь!

Между тем Фрикс крикнула:

— Дракон насытился экипажем «Клейма», как и сказала моя хозяйка. Он не хотел грубоволокнистых людей и намеревался схватить мою любовь с грациозным телом на десерт.

Лукин дергался, в то время как его черные глаза уставились в зеленые Фафхрда в нескольких дюймах от себя.

— Эй, грязный варвар! — проскрежетал он. — Я отказываюсь от звания, достоинства и вызываю тебя на дуэль немедленно на главной палубе. Я докажу, что Хисвет подкупила вас, в битве. Посмешь ли ты участвовать в цивилизованном поединке, большая вонючая обезьяна!

Он плюнул прямо в напряженное лицо Фафхрда.

Единственной реакцией Фафхрда была широкая улыбка через плевки, липко ползший вниз по его щеке, пока он удерживал Лукина и внимательно смотрел, чтобы он не укусил его за нос.

Таким образом, после брошенного и принятого вызова даже трясущему головой и вглядывающемуся в небо Слинуру не осталось ничего делать, как только торопиться с подготовкой поединка или дуэли, так чтобы он начался до захода солнца и составил немножко древнего времени для нужных мероп-

рий для обеспечения безопасности флотилии в наступавшей темноте ночи.

Когда Слинур, Мышатник и помощник обступили их, Фафхрд освободил Лукина, который, презрительно отведя свой взгляд, немедленно прошел на палубу, чтобы собрать своих матросов с «Шарка», чтобы они поддерживали его и, если понадобится, добились справедливости. Слинур посоветовался со своим помощником и другими офицерами, Мышатник после разговора с Фархрдом проскользнул вперед и смог увидеть командира «Шарка», усердно болтающего с простыми членами своего экипажа, включая повара и стюарда. Время от времени нечто быстро переходило из руки Мышатника в руку матроса, с которым он говорил.

Глава четвертая

Несмотря на понукания Слинура, солнце опустилось на западе неба до того, как вахтенный «Скуинда» выбил быструю дробь в гонг, что сигнализировало о приближавшемся поединке. Небо было чистым на западе и сверху, но зловещая полоса тумана все еще расстилалась на Ланкмарское лье — двадцать полетов стрелы — на востоке параллельно курсу флотилии на север, и выглядевшая почти такой же твердой и ослепительной, как и стена ледника под перекрестными солнечными лучами. Наиболее таинственным было то, что ни горячее солнце, ни западный ветер не рассеивали его.

В черной одежде, в коричневых доспехах и шлемах моряки, повернувшись спиной к корме, образовали стенку поперек «Скуинда» с обеих сторон от грот-мачты. Они держали копья горизонтально, крест-накрест в опущенных на всю длину руках, создав дополнительную защиту снизу. Матросы в черных мундирах выглядывали из-за их плеч и ног или сидели, свесив ноги за борт, по левому борту бака, где большой парус не мешал им наблюдать. Несколько человек забрались на снасти.

От пролома в корме отодрали поврежденный поручень, и вокруг голой бизань-мачты расселись трое судей: Слинур, Мышатник и старшина Лукина.

Вокруг них, главным образом у левого борта, кроме двух рулевых, сгруппировались офицеры «Скуинда» и, конечно, офицеры с других кораблей, на чьем присутствии твердо настоял Мышатник, хотя это и означало потерю времени на лодочные перевозки.

Хисвет и Фрикс находились в своей каюте с закрытой дверью. Демоиселла хотела наблюдать поединок через открытую дверь или даже с кормы, но Лукин запротестовал, объяснив это тем, что это позволит ей легко наслатъ на него дьявольское колдовство, и судьи удовлетворили требование Лукина.

Тем не менее, решеточка была открыта, и время от времени солнечные лучи мерцали на выглядывавших глазах или на серебряных ногтях.

Между темной стеной из копий матросов и кормой тянулась большая площадка белой дубовой палубы, свободная от подъемных механизмов и рычагов, кроме крышки главного трюма, которая поднимала центральный квадрат палубы на высоту человеческой руки. Каждый угол большого квадрата был помечен черной краской четвертинкой круга.

Любой из противников, вступивших в них после начала поединка, так же, как и прыгнувший на перила, схватившийся за поручень или упавший за борт, немедленно лишился бы права на продолжение боя.

В передней части квадрата по левому борту стоял Лукин в черной сорочке и с эмблемами морских звезд. Рядом с ним был его секундант, лейтенант с ястребиным лицом. Своей правой рукой Лукин сжимал квадратный жезл, тяжелый брусок из хорошо окрашенного дуба, такой же высокий, как и он сам, и тонкий, как запястье Хисвет. Подняв его над головой, он вертел его до тех пор, пока тот не начал гудеть. Он дьявольски улыбнулся.

На другой стороне квадрата находились около двери в каюту Фафхрд и его секундант, помощник капитана «Карпа», крупный, полный человек с примесью мингола в своих чертах. Мышатник не мог быть одновременно секундантом и судьей, а раньше он и Фафхрд были партнерами с помощником капитана «Карпа» в игре в кости в Ланкмаре — также проиграв ему, что означало, что он мог быть, по крайней мере, сообразительным.

Фафхрд взял у него собственный жезл, схватив его перекрестно двумя руками за один конец. Он сделал несколько медленных выпадов им в воздухе, затем вручил его обратно помощнику капитана «Карпа» и содрал свою куртку.

Матросы Лукина захихикали между собой на хват северянином жезла, как будто это был двуручный меч, но когда Фафхрд обнажил свою волосатую грудь, матросы разразились аплодисментами. Тогда Лукин громко прокомментировал своему секунданту:

— Что я вам говорил? Несомненно большая волосатая обезьяна.

Он опять завертел своим жезлом, но матросы его освистали.

— Странно, — заметил Слинур низким голосом, — я думал, что Лукин популярен среди матросов.

Старшина Лукина недоверчиво осмотрелся при этом замечании. Мышатник только пожал плечами. Слинур продолжал для него:

— Если моряки узнают, что ваш товарищ сражается на стороне крыс, они не будут ему аплодировать.

Мышатник только улыбнулся.

Опять прозвучал гонг.

Слинур встал и сказал:

— Схватка на жезлах без колдовства! Командир Лукин пытается доказать наемнику Фафхрду обвинение против Демоиселлы из Ланкмара, которую тот защищает. Первый упавший без чувств или попросивший у врага пощады проигрывает. Приготовились!

Двое юнг, подскакивая, прошли по середине палубы, рассыпая полные горсти белого песка.

Сидя, Слинур заметил Мышатнику:

— Кульминация этой пустячной дуэли! Она задержала наши действия против Хисвет и крыс. Лукин сделал глупость, захотев обуздать варвара. Все же, когда он побьет его, будет еще достаточно времени.

Мышатник поднял брови. Слинур беспечно сказал:

— О, разве вы не знаете? Лукин победит, это несомненно.

Сержант твердо кивнул, подтверждая:

— Командир мастерски дерется на жезлах. Это не пара для варвара.

Гонг прозвучал в третий раз.

Лукин быстро прыгнул через черту на люк, крича:

— Хо, волосатая обезьяна! Ты готов к двойному поцелую дуба? Сперва моего жезла, а потом палубы?

Фафхрд подошел, шаркая, держа свой жезл как можно более неуклюже, и ответил:

— Твой плевок отравил мой левый глаз, Лукин, но я вижу правым какую-то цивилизованную цель.

Лукин весело бросился на него, делая ложный выпад в локоть и голову, затем быстро ударил другим концом жезла по колену Фафхрда, чтобы опрокинуть его или повредить ногу.

Фафхрд, внезапно перехватив общепринятым захватом свой жезл, парировал удар и, размахнувшись, молнией сделал ответный выпад в челюсть Лукина.

Лукин поднял свой жезл вовремя, так что удар только скользнул по его щеке, но этим ударом он оказался выбитым из колеи, и поэтому Фафхрд был уже над ним, вколотив ему едва парированный удар по спине под одобрительные крики моряков.

Слинур и старшина от изумления широко открыли глаза, но Мышатник только сплел свои пальцы, пробормотав:

— Не так быстро, Фафхрд.

Затем, когда Фафхрд приготовился закончить все это, он запнулся о крышку люка, что изменило его мягкий удар по голове на нерезкий по лодыжкам.

Лукин подпрыгнул так, что жезл Фафхрда прошелся по его ногам, и, пока он был все еще в воздухе, стукнул Фафхрда по голове.

Матросы охнули. Моряки, ворча, закричали.

Безопорный удар был несильным, но, тем не менее, оглушил Фафхрда, и сейчас он отступал под ливнем ударов. Несколько мгновений не было ни звука, кроме шарканья мягких подошв по засыпанной песком палубе и быстрого, музыкального стуканья жезла о жезл.

Когда Фафхрд полностью очнулся, он отпрянул от плохого взмаха.

Проблеск черного около его ног подсказал ему, что его следующий, неизбежный, запоздалый шаг приведет его внутрь его собственной четверти круга площади...

Мягко, как будто он ткнул его своим жезлом далеко позади себя, конец ударил в палубу, затем остановился на стене каюты, и с его помощью Фафхрд бросился вперед, прочь от линии, согнувшись и прыгнув в сторону, чтобы избежать удара Лукина, в то время пока он не мог защититься своим жезлом.

Моряки в волнении закричали. Судьи и офицеры на корме встали на колени, как игроки в кости, всматриваясь через край.

Чтобы защитить голову, Фафхрд поднял свою левую руку. Он принял удар локтем, и его левая рука вяло упала сбоку. После этого он в самом деле схватил свой жезл, как палаш, парируя и нанося удары одной рукой.

Лукин не решался, сейчас ведя себя более осторожно и понимая, что одно запястье устает быстрее, чем два его.

Он нанес несколько быстрых ударов Фафхрду, затем отпрянул назад.

Едва парировав третью из этих атак, Фафхрд безрассудно нанес ответный удар не правильным маховым ударом, а просто схватившись за конец жезла и легонько стукнув им. Суммарная длина Фафхрда и жезла позволила достать Лукина, несмотря на его отход, и кончик жезла Фафхрда ударил его чуть ниже грудной клетки как раз в нервное окончание.

Челюсть Лукина отвисла, его рот широко открылся, и он пошатнулся. Фафхрд изящно выпустил жезл из своих пальцев и, когда он полетел вниз, свалил Лукина на палубу вторым, почти небрежным толчком.

Матросы радовались до хрипоты. Моряки угрюмо ворчали, и один крикнул:

— Нечестно!

Второй матрос — Лукина — встал около него, посмотрев на Фафхрда. Помощник с «Карпа» тяжеловесно протанцевал джигу к Фафхрду и выхватил из его рук жезл.

На корме офицеры «Скуинда» были мрачны, хотя офицеры с других кораблей казались странно ликовавшими. Мышатник пожал плечами и сказал Слинуру:

— Объявите победу Фафхрда.

Старшина неодобрительно посмотрел, поднес руку к виску и сказал:

— Хорошо, я ничего не знаю в правилах...

В этот момент открылась дверь каюты, и из нее выступила Хисвет, одетая в длинную с капюшоном мантию.

Мышатник, чувствуя кульминационный момент, прыгнул к правому борту, где висел гонг «Скуинда», выхватил ударник у сигнальщика и яростно ударил им.

На «Скуинде» наступила тишина. Затем разразились указывающие и вопрошающие крики, когда была замечена Хисвет. Она поднесла к губам серебряный инструмент и мечтательно двинулась, танцуя, к Фафхрду, тихо выводя своим инструментом мелодию из семи нот в минорном ключе. Откуда-то ей аккомпанировало звяканье маленьких колокольчиков. Затем Хисвет шагнула в сторону, встретила лицом к лицу с Фафхрдом и обошла вокруг него. Вопрошающие крики превратились в крики изумления, а матросы сгрудились как можно дальше на корме, перескакивая через снасти, когда показалась процессия, которую вела Хисвет.

Она состояла из одиннадцати крыс, шедших гуськом на задних лапках и одетых в маленькие алые мантии и шапочки.

Первые четыре несли в каждой передней лапке связки из маленьких серебряных колокольчиков, которыми они ритмично встряхивали. Следующие пять несли на своих плечах свисавшую между ними мерцающую серебром двойную цепь из маленьких петель. Они были похожи на пятерых матросов, тянущих яркую цепь. Две последние косо несли по тонкому жезлу той же высоты, что и они сами, хотя каждая шла прямо, со скрученным хвостом.

Первые четыре остановились перед Фафхрдом бок о бок в ряд, звеня своими колокольчиками под музыку Хисвет.

Следующие пять твердо промаршировали к правой ноге Фафхрда. Здесь их лидер остановился с поднятой лапкой, посмотрел вверх в лицо Фафхрду, и три раза пропищал. Затем, зажав свой конец цепи одной лапой, он использовал три остальных, чтобы подняться по ботинку Фафхрда. Скопированный своими четверьмя товарищами, он затем с большой скоростью поднялся по штанам Фафхрда и по его волосатой груди.

Фафхрд наблюдал за поднимавшейся цепью и крысами в алых мантиях без малейшего движения, кроме того, что едва сдвинул брови, когда крошечные лапы неминуемо ущипнули его волосы на груди.

Первая крыса поднялась к правому плечу Фафхрда и по загревку двинулась к левому, четыре других крысы проследовали по порядку и не позволили соскользнуть цепи.

Когда все пять крыс встали Фафхрду на плечи, они приподняли первое звено серебряной цепи и очень ловко занесли его над головой Фафхрда. Между тем он смотрел прямо на Хисвет, которая полностью обошла вокруг него и сейчас стояла, наигрывая позади крыс, звеневших колокольчиками.

Пять крыс опустили звено так, что цепь повисла мерцавшим овалом на груди Фафхрда. В то же мгновение каждая крыса сняла свою алую шапочку, подняв ее так высоко над своей головой, как только могла вытянуться ее передняя лапа.

Кто-то крикнул:

— Победа!

Пять крыс опустили шапочки и опять высоко подняли их. Как будто из одной глотки, все матросы и большинство моряков и офицеров заорали в громком вопле:

— Победа!

Пять крыс подвели двух наиболее кричавших к Фафхрду. Люди на борту «Скуинда» повиновались как загипнотизированные.

Были ли причиной этого какая-нибудь магическая сила или просто удивление поведением крыс, трудно сказать.

Хисвет перестала играть веселый туш, а две крысы с серебряными жезлами засуетились на корме и, встав у основания бизани, где все могли их видеть, начали бить друг друга в почти достоверном стиле борьбы на жезлах. Их жезлы мелькали в солнечном свете и мелодично звенели, когда сталкивались. Тишина нарушилась восклицанием и смехом.

Пять крыс слезли с Фафхрда и возвратились к тем, которые несли колокольчики, чтобы образовать круг вокруг платья Хисвет. Мышатник и несколько офицеров сошли с кормы вниз, чтобы пожать Фафхрду руку и похлопать по спине. Моряки подняли много шума, чтобы сдержать матросов, которые заключили пари, какая крыса должна выиграть в этом новом поединке.

Фафхрд, вертя цепь, заметил Мышатнику:

— Странно, что матросы были за меня с самого начала.

Под шумок Мышатник объяснил улыбаясь:

— Я дал им денег, чтобы они поставили на тебя против моряков. Я также намекнул и дал займы ради той же цели некоторым офицерам с других кораблей — у сражающегося не может не оказаться такой же большой клики. Также я пустил слух, что белые крысы — это анти-крысы, выученные истреблять свой собственный род, образец изобретательности Глипкерио для безопасности флотилии с зерном. Моряки проглотили такой вздор.

— Ты выкрикнул первым: «Победа»? — спросил Фафхрд. Мышатник ухмыльнулся.

— Судья встал на чью-нибудь сторону в цивилизованном поединке? О, я подготовился, но в этом не было необходимости.

В этот миг Фафхрд почувствовал слабый рывок за свои штаны и, посмотрев вниз, увидел, что черный котенок пробрался через лес ног и сейчас целеустремленно поднимается по нему. Тронутый этим проявлением почтения, Фафхрд тихо проворчал, когда котенок дотронулся до пояса:

— Решил помириться, а, черный малыш?

При этом котенок прыгнул ему на грудь, запустил в нее свои маленькие когти, затем в обнаженное плечо Фафхрда и, свирепо посмотрев, как черный палач, до крови процарапал ему челюсть, затем прыгнул через пару напуганных голов на грот-мачту и быстро вскарабкался по ее выгнутой коричневой кривой. Кто-то кинул цапфу в маленькое черное

пятно, но бросил небрежно, и котенок спокойно добрался до верхушки мачты.

— Я проклиная всех кошек! — яростно крикнул Фафхрд. — Мои любимые животные с этих пор — крысы.

Он смочил подбородок.

— Правильно сказал, Человек-с-мечом! — весело крикнула Хисвет из своего круга поклонников.

Затем она продолжала:

— Я буду рада вашему, Человек-с-мечом, обществу на обеде в моей каюте через час после захода солнца. Мы будем следовать каждой букве из предписания Слинур, чтобы я и Белые Тени находились под наблюдением.

Она свистнула в свой маленький серебряный инструмент и величаво скрылась в своей каюте с девятью крысами следом.

Отделившаяся, одетая в алое, пара на корме прекратила поединок, не выявив победителя, и побежала за ней. Толпа воэхищенно расступилась.

Слинур, бросившись вперед, остановился, чтобы осмотреться. Капитан «Скуинда» был человеком глубоко думающим. Где-то за последние полтора часа белые крысы превратились из жутких зубастых монстров, глотающих флотилии, в добродушных, безобидных животных-шарлатанов, на которых моряки пришли посмотреть, как на группу белых талисманов. Слинур безуспешно, но непрерывно пытался понять, как и почему.

Лукин, все еще выглядевший очень бледным, был сопровожден своими последними матросами — их кошельки стали легче от недостатка большого количества серебряных монет, поскольку они надеялись на представившийся случай — с борта в длинную шлюпку «Скуинда», отмахнувшись от Слинура, когда капитан «Скуинда» захотел поговорить с ним.

Слинур дал выход своему огорчению, грубо приказав матросам прекратить беспорядочный кулачный бой и прыжки, но они весело подчинились этому, сгинув на свои места со счастливейшими улыбками моряков. Проходя мимо Мышатника, они мигали ему и исподтишка дотрагивались до своих волос. «Скуинд» быстро шел на север на расстоянии полу-полета стрелы позади «Тунни», пока происходила дуэль, но когда западный ветер посвежел и надулся кормовой парус, он начал рассекать голубую воду немного быстрее. Между тем флотилия начала поднимать паруса так быстро, что шлюпка «Скуинда» не смогла добраться до начала линии, хотя было видно, как Лукин подбадривал гребцов в их уси-

лиях, и в конце концов шлюпка подошла к вымпелу «Шарка», чтобы зайти с кормы и подать шлюпку, которую настигла военная галера, опасно перекачиваясь в волнующемся море, и подняла до захода солнца, помогая веслами парусам, возвратилась в голову колонны.

— Он не захотел прийти нам или другим на помощь этой ночью, — заметил Фафхрд Мышатнику.

Они стояли у борта главной палубы.

Между ними и Слинуром не было открытой вражды, но они были склонны отстаивать его на корме, где он стоял позади рулевого, склонив голову в беседе с тремя офицерами, которые потеряли все свои деньги, ставя на Лукина, и с тех пор держались ближе к капитану.

— Все еще неизвестно, какая опасность будет этой ночью? — спросил Мышатник у Фафхрда.

Он мягко усмехнулся.

— Мы далеко ушли от Крысиных Скал.

Фафхрд пожал плечами и нахмурившись сказал:

— Возможно, мы слишком далеко ушли в дрессировке крыс.

— Возможно, — согласился Мышатник. — Но и тогда их прелестная хозяйка стоит вранья одного или двух фальшивых «Клейма», да и более, чем это, а, Фафхрд?

— Она — отважная, нежная девушка, — осторожно ответил Фафхрд.

— Да. И ее служанка тоже, — весело сказал Мышатник. — Я заметил, что Фрикс поглядывала на тебя с обожанием из своей каюты после того, как ты победил. Очень чувствительная девушка. Некоторые предпочтут служанку хозяйке в том случае, а, Фафхрд?

Не оглядываясь на Мышатника, северянин тряхнул головой.

Мышатник изучал Фафхрда, желая знать, было ли разумным внести предложение, которое он держал в голове. Он был не совсем уверен в характере чувств Фафхрда к Хисвет. Он знал, что северянин был достаточно похотливым человеком и сегодня, казалось, он хотел наверстать то, что они упустили в Ланкмаре, но все же он также знал, что его товарищ обладал непостоянной, романтической чертой, которая иногда была тонкой, как игла, а иногда вырастала в мягкую ленту шириной в лье, на которую могли наткнуться и погибнуть армии.

Сейчас Слинур на корме серьезно совещался с коком, вероятно, об обеде — его собственном и Фафхрда — с Хисвет.

Мысль о Слинуре, так заботливо пекшемся об удобстве трех персон, которые сегодня основательно расстроили его, вызвала у Мышатника усмешку и как-то даже заставила его сделать неуверенный шаг.

— Фафхрд, — прошептал он, — я сыграю с тобой на Хисвет.

— Да, Хисвет, но девушка... — начал он с оттенком упрека.

Затем он внезапно остановился и в раздумье закрыл глаза. Открыв их, он с улыбкой посмотрел на Мышатника.

— Нет, — тихо сказал Фафхрд, — по правде говоря, я думаю, что эта Хисвет — такая упрямая и эксцентричная мисс, что нам придется приложить максимум искренности и изобретательности, чтобы на что-нибудь подбить ее, а после этого, кто знает... Игра в кости на такую девушку была бы похожа на пари: когда в Ланкмаре раскроются ночные лилии и где, на севере или на юге.

Мышатник улыбнулся и, дружески ткнув ему в ребро, сказал:

— Мой хитрый правдивый товарищ!

Фафхрд посмотрел на Мышатника с внезапным черным подозрением.

— Не пытайся сегодня ночью напоить меня, — предупредил он, — или сыпнуть опиум в мое питье.

Глава пятая

Через два часа Демойселла Хисвет предложила Мышатнику:

— Золотой рилк за твои мысли, Человек-с-кинжалом.

Она опять сидела на своей качающейся койке, полулежа. Напротив кровати стоял длинный стол, сейчас заставленный соблазнительными яствами и высокими серебряными кубками. Фафхрд сидел напротив Хисвет, позади него находились пустые серебряные клетки. В то же время Мышатник сидел сбоку от стола. Фрикс носила им все от дверей, где она забирала подносы у юнг с камбуза, не позволяя им заглядывать внутрь. У нее была маленькая жаровня, чтобы держать на огне те яства, которые этого требовали, и она пробовала каждое блюдо, ставя его в сторону перед тем, как подать его. Толстые темно-розовые свечи в серебряных «черепах» роняли бледный свет.

Белые крысы расселись в беспорядке вокруг маленького столика на своем собственном месте, на полу рядом со стенкой, между кроватью и дверью и как раз на корме одного

из люков, ведущих вниз в трюм с зерном. На них были одеты маленькие черные куртки, открытые спереди, и маленькие черные пояса вокруг их туловищ.

Они, казалось, больше играли, чем ели те крохи еды, которые Фрикс положила перед ними на три или четыре маленькие серебряные блюда, они не поднимали свои маленькие чаши, чтобы выпить свою слегка подкрашенную вином воду, а лакали из них, да и то не очень усердно. Одна или две из них иногда взбирались на кровать к Хисвет, чтобы побыть с ней, это очень затрудняло их счет даже для Фафхрда, который видел лучше. Иногда он насчитывал одиннадцать, иногда десять. Временами одна из них вставала на розовое покрывало около коленей Хисвет и пищала на них с интонацией так похожей на человеческую, что Фафхрд и Мышатник хихикнули.

— Мечтательный Человек-с-кинжалом, два рилка за твои мысли,— повторила Хисвет.— И самое главное — держу пари — третий рилк они съедят за меня.

Мышатник улыбнулся и приподнял брови.

Он почувствовал головокружение и небольшое неудобство, особенно из-за того, что, не желая много пить, выпил много больше, чем Фафхрд. Фрикс как раз подставила ему главное блюдо, мастерски приготовленное желтое мясо, обильно приправленное непонятными на вкус специями и оригинально появившееся с приколотой к нему «Победой» с черными каперсами.

Фафхрд мужественно его уничтожил, хотя и не жадно. Мышатник насел на это более медленно, в то время как Хисвет весь вечер только забавлялась едой.

— Я принимаю два ваших рилка, Белая Принцесса,— весело ответил Мышатник.— Я вынужден один заплатить за пари, которое вы выиграли, а другой взять, чтобы заплатить за то, чтобы вы сказали, что я подумал о вас.

— Не задерживайте долго мой второй рилк, Человек-с-кинжалом,— весело сказала Хисвет,— поскольку, когда вы думали обо мне, вы не смотрели на мое лицо, а куда-то более ниже. Вы думали о тех грязных предположениях, которые Лукин высказал сегодня о моей секретнейшей персоне. Признавайтесь в этом сейчас же!

Мышатник смог только немного опустить голову и беспомощно пожать плечами. Она совершенно точно угадала его мысли. Хисвет рассмеялась и нахмурилась, с притворной яростью сказав:

— О, ты — самый бестактный ум, Человек-с-кинжалом. В конце концов все же ты можешь видеть, что Фрикс, хотя и несомненно млекопитающее, не похожа на крысу.

Это было неоспоримой правдой. Служанка Хисвет имела везде темную гладкую кожу, кроме тех мест, где темная шелковая ткань едва прикрывала ее стройное тело на груди и бедрах. Серебряная сетка плотно держала ее черные волосы, а на каждой руке она носила множество простых браслетов. Хотя и одетая как рабыня, она вовсе не выглядела ею сегодня вечером, а скорее подругой леди, которая искусно играла роль рабыни, подавая им все с безупречной улыбкой, совершенно без рабского послушания.

Хисвет, в противоположность, носила одну из своих длинных сорочек из черного шелка, окаймленных черной тесьмой, с кружевным капюшоном, наполовину отброшенным назад. Ее серебряные волосы были уложены на голове в высокую прическу из больших, ровно уложенных изгибов. Вглядевшись через стол, Фафхрд сказал:

— Я был уверен, что Демонселла будет прекрасна для нас в любом образе, который она выберет, чтобы предстать в мире, совершенно человеческом или любом другом.

— Это сказано с высшей галантностью, Человек-с-мечом, — сказала Хисвет со сдерживающей дыхание улыбкой. — Я должна наградить вас за это. Подойди ко мне, Фрикс.

Когда грациозная служанка подошла к ней ближе, Хисвет обвила своими белыми руками ее темную талию и запечатлела глубокий медленный поцелуй на губах Фрикс, затем она посмотрела вверх и тихонько похлопала Фрикс по плечу. Фрикс, улыбаясь, двинулась вокруг стола, встала на колени около Фафхрда и поцеловала его, как поцеловали ее. Он принял этот знак грациозно, без глубокого возбуждения, и все же, когда Фрикс должна было отойти, продолжил поцелуй, объяснив немного глупо, когда она отошла от него:

— Возможно, кое-что сверх этого, чтобы возратить от правителю.

Фрикс нахально улыбнулась ему и отошла к своему столику около двери, сказав:

— Я должна сперва крошить крысам мяса, шаловливый варвар.

В это время Хисвет ораторствовала:

— Не ищи многого, смелый Человек-с-мечом. Это было, по крайней мере, только маленьким замещением награды за маленькую галантную речь. Награда ртом за слова, сказанные ртом. Чтобы наградить тебя за победу над Лукиным и

защиту моей чести, существует более серьезный способ, хотя и не годящийся при свете дня. Я подумаю о нем.

При этом Мышатник хотел что-то сказать, но его опьяненный мозг был не способен на сиюминутное, рискованное, но все же учтивое остроумие, и он сказал Фрикс:

— Почему ты разрежала крысам баранину, смуглая колдунья? Это, должно быть, редкое развлечение — видеть их разрезающими себе мясо?

Фрикс только сморщила нос, но Хисвет серьезно объяснила:

— Только Сквии режет умело, другие могут поранить себя, особенно из-за мяса, перемешанного с пряностями и рисом. Фрикс, сохрани кусочек для Сквии, чтобы он показал свои способности. Отрежь изящно, Сквии, — позвала она, повысив голос. — Сквии!

Высокая крыса прыгнула на кровать и покорно встала перед ней, сложив лапы на груди. Хисвет объяснила ей, что делать, затем, взяв из серебряного ящичка позади себя очень маленький железный гравированный ножичек и вилку в тройных ножнах, она осторожно повесила их ему на пояс.

Затем Сквии низко поклонился и быстро прыгнул вниз к крысиному столу.

Мышатник наблюдал за небольшой сценкой мрачно и с плохо скрытым изумлением, чувствуя, что он оказался под действием каких-то чар. Временами тусклые тени пересекали каюту, временами Сквии вырастал до размеров Сквии, а затем Мышатник стал таким же маленьким, как Сквии, убежал под кровать и оказался упавшим на крутой скат, по которому он медленно заскользил, но не в темноту лежавшего зерна, а в темноту просторной, с низким потолком приятности подземной крысиной столицы, освещенной фосфором, с одетыми в туники с длинными полами крысами, чьи капюшоны таинственно скрывали их длинные морды, где звенели за следующим столбом крысиные шпаги и звенели крысиные деньги, где похотливые самки танцевали за вознаграждение, где притаились крысы-шпионы и крысы-информаторы, где каждый с мехом раболепственно думал о всезнающем повелителе могущественного Совета Тринадцати и где крыса-Мышатник искала везде изящную крысу-принцессу, именуемую Хисвет-сур-Хисвин.

Мышатник проснулся от этого обеденного сна от резкого толчка. Каким-то образом он выпил больше кубков, чем он сосчитал. Он видел, что Сквии возвратился к крысиному столу и встал перед желтым куском, который Фрикс положила на серебряное блюдо с его края. Под наблюдением

других крыс Сквии вытащил нож — железяку с украшениями. Мышатник пробудил себя окончательно другим толчком и вдохновленный сказал:

— Ах, хорошо быть крысой, Белая Принцесса, чтобы я мог так близко подходить к вам, служа вам!

Демоиселла Хисвет крикнула:

— Требуется дань!

Она улыбнулась от удовольствия, показав — он показался Мышатнику таким — тонкий розовый язык, запачканный наполовину голубым, и полость рта, запачканную так же. Затем она сказала более трезво:

— Вы уверены, что вы желаете? Ведь некоторые желания выполняются. — Затем она весело продолжала:

— Тем не менее это было очень галантно сказано, Человек-с-кинжалом. Я должна наградить вас. Фрикс, сядь справа от меня.

Мышатник не мог видеть, что было между ними, поскольку одетая в халат фигура Хисвет скрывала от него Фрикс, но из-за плеча на него, блестя, как черный шелк, выглядывали веселые глаза служанки. Казалось, Хисвет шептала на ухо Фрикс, игриво потираясь носом.

Между тем раздался слабый высокий стук, когда Сквии быстро застучал железкой и ножом, заостряя последний. Мышатник едва мог видеть голову и плечи крысы и едва видимое мерцание блеска металла над столом. Он почувствовал желание встать, возможно, подойти ближе и рассмотреть чудо, чтобы мельком увидеть нечто из интересных действий Хисвет и Фрикс, но его задержала большая вялость то ли от вина, то ли от волнующего ожидания или от безупречной магии, он не мог сказать.

У него была одна большая тревога, что Фафхрд будет вне себя от того, что он сделал более искусный комплимент, чем его собственный, комплимент настолько искусный, что он даже смог отвлечь Фрикс от своего дела, но затем он заметил, что подбородок Фафхрда опустился на грудь, и до его ушей донесся чистый звук варварского мягко грохотавшего храпа.

Первой реакцией Мышатника было злорадствующее утешение. Он радостно вспомнил времена, когда он прыгал с благородными серыми девушками, пока его товарищ храпел, не просыхая. Ведь сколько должен был Фафхрд сделать лишних глотков или даже целых стаканов!

Фрикс резко оттолкнулась и чрезмерно расхихикалась. Хисвет продолжала шептать ей на ухо, пока Фрикс хихикала и ворковала, время от времени продолжая проказливо следить за Мышатником.

Сквиин вложил с тонким «КЛАХ» шпагу в ножны, вытащил вилку с украшениями, вонзил ее в желтое мясо жаркого размером с него самого и начал очень ловко его резать.

Фрикс наконец встала, приняла от Хисвет удар и направилась вокруг стола, улыбаясь, к Мышатнику.

Сквиин поднял вилку с крошечным куском баранины и махнул ею так, чтобы было видно всем, затем поднес ближе к морде, чтобы понюхать и попробовать.

Мышатник в своем сне испытал внезапный приступ предчувствия дурного. Ему пришло в голову, что Фафхрд просто не мог тайком пить так много вина. Почему северянин не подавал признаков жизни в течение прошедших двух часов? Разумеется, удары по голове иногда действуют через некоторое время.

Тем не менее его первой реакцией была яростная ревность, когда Фрикс остановилась позади Фафхрда и, перегнувшись через его плечо, посмотрела ему в лицо.

Затем раздался громкий писк оскорбления и тревоги Сквиин, и белая крыса прыгнула на кровать, все еще держа нож и вилку с куском баранины, свисавшим с нее.

Из-под век, которые опускались все ниже и ниже, Мышатник следил за Сквиин, жестикулировавшим со своими соплеменниками, когда он драматически обратился к Хисвет с почти человеческой интонацией и в конце концов поднес баранину к своему рту с обвиняющим писком.

Затем, несмотря на писк, Мышатник услышал множество скрытых шагов по главной палубе, которая находилась над каютой. Он попытался привлечь к этому внимание Хисвет, но обнаружил, что его губы и язык онемели и стали непослушными его желаниям.

Фрикс внезапно схватила волосы на лбу Фафхрда и толкнула вверх-вниз его голову. Челюсть северянина лениво отвисла, его глаза закатились, показав только белки.

Затем раздался тихий удар в дверь, совершенно такой же, когда раньше помощник кока приносил еду.

Хисвет и Фрикс обменялись взглядами. Последняя опустила голову Фафхрда, метнулась к двери, хлопнула по бруску через дверь и замкнула брусок цепью — решеточка была уже закрыта — когда что-то — по звуку мужское плечо — тяжело, с треском, ударило в толстые доски.

Звук продолжался, и через несколько ударов сердца добавилось нечто более увесистое, как будто запасная мачта, качаясь подобно тарану, долбила по двери, которая при каждом ударе, видимо, уступала.

В конце концов Мышатник понял, что, как он ни хотел, произошло нечто, с чем он не мог ничего поделать. Он

сделал большое усилие, чтобы сбросить вялость и подпрыгнуть.

Он обнаружил, что не может пошевелить даже пальцем. Фактически все, что он мог делать, так это не дать своим глазам закрыться и наблюдать через ресницы, как Хисвет, Фрикс и крысы завертелись в вихре молчаливой активности.

Фрикс приставила свой стол к трясущейся двери и начала нагромождать на него другую мебель.

Хисвет вытащила из-за себя с кровати различные темные длинные ящики и начала их открывать. Так же быстро, как она открывала их, белые крысы вооружались маленькими, отливающими синим металлом орудиями, которые были в ящичках: шпагами, пиками, даже зловеще выглядевшими железными самострелами и колчанами со стрелами на поясах.

Они взяли больше оружия, чем могли сами использовать. Сквии торопливо одел черный шлем с плюмажем, который соответствовал его мохнатым щекам. Вокруг ящичков собралось десять крыс — это Мышатник заметил точно.

В середине двери появилась трещина.

Тем не менее Фрикс отпрыгнула оттуда к лестничному люку, ухватила и подняла его. Хисвет встала на пол около него и просунула голову вниз в темную аккуратную дыру.

Нечто сильно похожее на животное было в движениях обеих женщин. Может, причиной этому была только узкая площадка и низкий потолок, но Мышатнику казалось, что они двигались на всех четырех.

Время от времени опустившаяся на грудь голова Фафхрда поднималась и затем судорожно падала, когда он храпел.

Появилась Хисвет и сделала знак десяти крысам. Ведомые Сквии, они опустились в люк. Их отливавшее синим оружие мелькнуло, раз или два звякнуло и исчезло во мраке. Фрикс схватила темную одежду из занавешенной ниши. Хисвет схватила ее за запястье и толкнула служанку вперед и вниз по трапу и затем исчезла сама. Перед тем, как опустить крышку люка, она напоследок осмотрела каюту. Когда ее красные глаза мельком взглянули на Мышатника, ему показалось, что ее лоб и щеки заросли шелковыми белыми волосами, но это могло оказаться неясным соединением ресниц и ее собственных растрепавшихся волос, легших ей на лицо.

Дверь в каюту раскололась, и мачта длиной в человеческую ногу с треском пронеслась сквозь нее, перевернув подложенный стол и разметав мебель сверху и напротив него. После

конца мачты кучей вбежали три полных страха матроса, сопровождаемые Слинуром, низко державшим тесак, и Звездным человеком, офицером-навигатором, с взведенным курком самострела.

Слинур немного прошел вперед, быстро и внимательно осмотрелся, а затем сказал:

— Наше мясо с маком подействовало на похотливо возжелавших мошенников, кроме Хисвет и ее служанки-нимфы. Крыс в клетках нет. Матросы, входите! Звездный человек, прикрой нас!

Сперва осторожно, но вскоре в спешке матросы зашли в каюту, опрокидывая пустые ящики и встряхивая их, чтобы убедиться, что под ним, оттащив от стен сундуки и набросившись на незапертые, выметая гардероб Хисвет большими меховыми охапками из занавешенной ниши, в которой он висел.

Мышатник опять сделал громадное усилие заговорить или двинуться с не большим успехом, чем была попытка немного приоткрыть веки. Моряк грубо дернул его, и он беспомощно толкнулся в сторону от ручки кресла, не полностью свалившись в него. Фафхрда стукнули сзади и повалили вниз лицом на стол с блюдом тушеных слив, опрокинутых кубков и разбитых тарелок.

Звездный человек направлял самострел на каждое новое открываемое пространство. Слинур рыскал как орел, слегка отбив в сторону шелковые занавески кончиком своего тесака и используя его, чтобы опрокинуть крысиный стол, пристально при этом осматриваясь.

— Вот здесь этот сброд пировал, как люди, — с отвращением сказал он. — Мясо было перед ними. Должно быть, они бесчувственны к нему.

— Похоже, что они почувствовали дозу даже через маскировку специями и предупредили женщин, — вставил Звездный человек, — крысы знают удивительно много о ядах.

Когда стало очевидно, что ни крыс, ни девушек в каюте не было, Слинур крикнул с яростной тревогой:

— Они не могут выйти на палубу — трап наверху охраняется нашей стражей. Отряд помощника в кормовом трюме. Возможно, кормовые окна...

Затем Мышатник услышал, что одно из окон позади него открылось, и оттуда крикнул плотник «Скуинда»:

— Никто здесь не проходил. Где они, капитан?

— Спроси кого-нибудь более умного, чем я, — кисло бросил ему Слинур. — Конечно, они не здесь.

— Если бы эти двое могли сказать! — произнес Звездный человек.

Он указал на Мышатника и Фафхрда.

— Нет,— строго сказал Слинур.— Они только солгут. Закрой дверцу на левый борт на задвижку. Я подниму ее и поговорю с помощником.

Затем на главной палубе раздались торопливые шаги, и помощник «Скуинда» с кровоточащим лицом вбежал в разломанные двери, наполовину подхватив и поддерживая матроса, который, казалось, держал толстой рукой свою окровавленную щеку.

— Почему ты покинул трюм? — спросил Слинур первого.— Ты должен быть со своими людьми внизу.

— В кормовом трюме на нас из засады напали крысы.

Помощник тяжело дышал.

— Дюжина черных, ведомая белой, некоторые вооружены, как люди. Щпага из сияющего металла почти выколола мне глаза. Два чавкавших прыгуна разбили нашу лампу. Было бы глупостью бороться с ними в темноте. Едва ли хоть один человек из моей группы не покусан. Я оставил их охранять передний вход в трюм. Они говорят, что эти раны отравлены, и говорят о том, как бы заколотить дверь.

— О, чудовищная трусость! — крикнул Слинур.— Вы раскрыли мою ловушку, которую я приготовил для уничтожения их в самом начале. Сейчас это сделать труднее. О, царапины! Испугались крыс!

— Говорю вам, они вооружены! — запротестовал помощник.

Затем он толкнул вперед матроса.

— Вот мое доказательство — стрела в его щеке.

— Не трогай ее, капитан,— умолял матрос.

Слинур двинулся, чтобы рассмотреть его лицо.

— Она тоже отравлена.

— Успокойся, парень,— приказал Слинур,— и убери руки. Я держу ее крепко. Конец неглубоко под кожей. Я вырву ее, как жало. Держите его руки, помощник. Не дергай лицом, парень; а то тебе будет хуже. Если она отравлена, надо ее скорее вырвать. Сейчас!

Матрос взвизгнул. Свежая кровь брызнула из щеки.

— В самом деле, грязи на острие нет,— сказал Слинур.

Он осмотрел окровавленный кончик.

— Не похоже, что она отравлена. Помощник, перевяжи рану на корме, вытащи остальное.

— Есть, кроме того, самое прямое доказательство, — сказал Звездный человек.

Он ковырялся около кучи и передал Слинуру маленький самострел.

Слинур подержал его перед собой. В бледном свете свечей он отсвечивал голубым, в то время как темные глаза капитана были похожи на агаты.

— Воплощение зла! — крикнул он. — Возможно, это было хорошо, что на вас напали из засады. Это научит каждого моряка ненавидеть и бояться всех крыс, как и должен делать хороший торговый моряк. А сейчас, быстро уничтожив всех крыс на «Скуинде», уничтожить сегодняшнюю предательскую глупость, когда ты аплодировал крысам и позволил им быть удостоенными твоих одобрений, соблазненный злой девушкой и подкупленный этим Мышатником.

Мышатник все еще парализованный и волей-неволей следивший за Слинуром, когда Слинур указал на него, признал, что это было для него хорошим поворотом дела.

— Сперва, — сказал Слинур, — выволоките этих двух жуликов на палубу и привяжите их к мачтам или перилам. Я не дам им загубить мою победу, когда они проснутся.

— Может, мне открыть люк и стрельнуть в трюм? — энергично спросил Звездный человек.

— Тебе лучше знать.

Это было все, что ответил Слинур.

— Может, поднять крысиную лампу и просигналить галере? — продолжил помощник.

Слинур помолчал, потом сказал:

— Нет. Это дело «Скуинда» — смыть сегодняшний позор. Кроме того, из-за горячей головы Лукин — плохой работник. Забудьте, что я сказал, джентльмены, но это так.

— Но все же мы будем в большей безопасности с галерой, стоящей рядом, — отважился промолвить помощник. — Даже сейчас крысы могут прогрызть у нас дыры.

— Эта история с Крысиной Королевой внизу не похожа на правду, — возразил Слинур. — Быстрота, вот что нас спасет, а не опора кораблей. Сейчас слушайте внимательно. Охрана будет у всех входов в трюм. Охраняйте люки и закрытые двери, внимательно следите, проверяйте каждого человека. Соберите на главной палубе все, без чего мы не можем обойтись при кораблевождении. Двигайтесь!

Мышатник пожелал, чтобы Слинур не говорил этого «двигайтесь» так решительно, поскольку два матроса немедленно схватили его за лодыжки и с энтузиазмом поволокли его

вон из замусоренной каюты на главную палубу. Его голова билась о неровности. Правда, он не мог чувствовать ударов, он только слышал их.

На западе небо было четвертью сферы из звезд, на востоке — масса тумана внизу и прозрачная дымка сверху, с выпуклой луной, сиявшей через последнюю, как бледная бесформенная серебристая лампа-призрак. Ветер ослаб. «Скуинд» спокойно двигался под парусами.

Один матрос прислонил Мышатника к грот-мачте лицом к корме, пока другой его привязывал. Когда моряки привязали его руки по швам, Мышатник почувствовал в своем горле щекотку, и жизнь возвратилась в его язык, но он решил пока не говорить. Слинур в своем настроении может приказать заткнуть ему рот.

Следующим развлечением для Мышатника было наблюдение за Фафхрдом, которого волокли четыре матроса. Они привязали его по всему телу к ограждению левого борта лицом от борта, головой выше, чем ноги. Это было комическим представлением, но северянин, несмотря на это, храпел.

На главной палубе начали собираться моряки, некоторые бледно молчаливые, но большинство смеющиеся низкими голосами. Пики и тесаки придавали им уверенность.

Некоторые несли сети и остро заточенные длинные вилы. Даже кок пришел с большим топором для резки мяса, которым он играючи махнул в сторону Мышатника.

— Коротышка в восхищении от моей сонной баранины...

Между тем Мышатник обнаружил, что он мог двигать пальцами. Никто не побеспокоился обезоружить его, но, к несчастью, Кошачий Коготь высоко застрял в левой стороне, чтобы какая-нибудь рука могла до него дотянуться и достать его. Он прощупал край своей туники, пока не дотянулся через одежду до маленького круглого предмета, тоньше с одного края, чем с другого. Схватив этот более тонкий конец через одежду, он начал скрести о него одеждой.

Моряки толпились на корме, когда из каюты вышел Слинур с офицером и начал отдавать тихим голосом приказания. Мышатник уловил:

— Убей Хисвет и ее служанку на виду. Они не женщины, а крысы, если не хуже. — Затем он услышал последнее приказание Слинура:

— Расположитесь группами под люками или лестницами, которыми вы ходите. Когда услышите свист боцмана, действуйте!

Эффект этого «действуйте» был испорчен тонким «ТВИНГ», а плотник поднял руки к глазу и закричал. Среди моряков произошло оживление движения. Тесаки ударили по бледной фигуре, которая бегала по палубе.

На миг крыса с самострелом в передних лапках вырисовалась на перилах на фоне бледного тумана. Затем прозвенел самострел Звездного человека, и стрела, пролетев с необычайной точностью или случайно, сбросила крысу с ограждения в море.

— Она была белой, ребята! — крикнул Слинур. — Это хороший знак! — Тем не менее был какой-то беспорядок, но он быстро устранился, особенно когда оказалось, что плотнику попали не в глаз, а только рядом с ним, и вооруженные отряды пошли: один — в каюту, два — в сторону грот-мачты, оставив на палубе костяк экипажа из четырех человек.

Мышатник перетёр ткань и, оттолкнув искромсанный край, вытянул железный тик размером с монету Ланкмара с заостренным до половины своей длины с остротой бритвы краем и начал им перепиливать ближайшую петлю веревки, связывающей его. Полный надежды, он посмотрел в сторону Фафхрда, но лицо последнего все еще висело в бесчувственном положении.

Тихо прозвучал свист, сопровождаемый, как показалось, какими-то десятью дуновениями, из одной части трюма в другую.

Затем раздались взволнованные приглушенные крики, кто-то ударил по палубе снизу, и моряк, размахивая крысой в сети, пронесся мимо Мышатника.

Пальцы Мышатника сказали ему, что он почти перерезал первый узел. Оставив его державшимся на нескольких нитях, он начал перепиливать следующий, выгнув свое запястье так, чтобы сделать это.

Внезапный удар по палубе отдался болью в ногах Мышатника. Он не смог сдержать свой характер и яростно дернул своей острой монетой. Один из основы экипажа крикнул, и рулевой полетел вниз, но другой толкнул румпель. Почему-то раздался звук гонга, хотя около него не было никого видно.

Затем из трюма начали выбегать матросы «Скуинда». Половина из них была без оружия и помешана от страха. Они разбежались. Мышатник мог слышать, как матросы тащили лодки «Скуинда», которые были впереди от грот-мачты, у борта. Мышатник сделал вывод, что моряки внизу испуга-

лись, атакованные батальонами черных крыс, введенные в заблуждение фальшивым свистом, изрезанные и исколотые из темных углов, испытывающие боль от стрел, два удара по глазам и ослеп. Что довершило их разгром, так это то, что, войдя в трюм с засыпанным зерном, они обнаружили, что пространство над ними было заполнено крысиной ордой, а Фрикс позади них бросила огонь во взрывчатое вещество и сбила их с ног, даже не поджигая корабля.

В то же время, что и запаниковавшие моряки, на палубу вышла другая группа, замеченная только Мышатником — тихие и аккуратные ряды черных крыс, которые взбирались вверх к грот-мачте, Мышатник хотел поднять тревогу, но не рискнул иметь дело с истеричными матросами с их тесаками, рубившими крыс вокруг него.

В любом случае его решение настроило Сквии против него. Он взобрался на левое плечо Мышатника. Держась за локон волос Мышатника, Сквии вытянулся перед ним, глядя в левый глаз Мышатника своими двумя голубыми глазами из-под серебряных черных ресниц. Сквии притронулся белой лапой своих губ, призывая к молчанию, затем похлопал по маленькой шпаге на боку и чиркнул пальцем по горлу, показывая наказание за нарушение молчания. Согласно этому он скрылся в тени уха Мышатника, вероятно, чтобы следить за бегавшими в беспорядке матросами, подавать знаки и командовать своим собственным отрядом и быть ближе к яремной вене. Мышатник продолжал пилить монетой.

На корму вышел Звездный человек, сопровождаемый тремя матросами с двумя белыми фонарями у каждого. Сквии попятился назад, теснясь между Мышатником и мачтой, но прислонил к шее Мышатника холодное лезвие шпаги прямо за ухом, как напоминание. Мышатник вспомнил поцелуй Хисвет. Косо посмотрев на Мышатника, Звездный человек отошел от грот-мачты, а матросы повесили свои фонари на мачту на корме, подъемном устройстве и на передней части кормовой палубы, суется около необходимых мест. Он заявил, бормоча, что свет был превосходной военной защитой и контр-оружием, и возбужденно говорил о светоукреплениях и световых палисадах и только хотел послать матросов поискать еще ламп, когда из каюты, хромя, с окровавленным лбом вышел и огляделся Слинур.

— Смелей, ребята, — хрипло сказал Слинур. — Мы — хозяйева на палубе. Аккуратно спускайте шлюпки, шлюпки,

они понадобятся нам, чтобы привезти моряков. Поднять красную лампу! Вы сигнальте в гонг!

Кто-то ответил:

— Гонг за бортом, веревки, на которых он висел, перегрызены.

В то же время с востока появились, окружая «Скуинд», плотные волны тумана, светившиеся мертвым серебряным светом.

Закричал матрос. Это был странный туман, который, казалось, прибывал быстрее, чем убывала сумма света, бросаемая луной и лампами Звездного человека. Исчезли цвета, вскоре вокруг «Скуинда» были только белые тени.

Слинур приказал:

— Достать запасной гонг! Также достать свои самые большие чайники, крышки и все, чем можно подать сигнал тревоги!

Раздались два всплеска, когда шлюпки «Скуинда» ударились о воду.

Кто-то агонизирующе кричал в каюте.

Затем сразу произошли два события. От мачты отделился грот, упав на правый борт подобно кафедральному потолку в бурю, его канаты и привязи к мачте были перегрызены или перепилены маленькими шпагами. Он зловеще полетел в воду, произведя много шума. «Скуинд» наклонился на правый борт.

В тот же самый миг орда черных крыс высыпала из дверей каюты и побежала через перила. Последние, вероятно, убежали из кормовых окон. Они волнами обрушивались на людей, прыгая с равной силой и решимостью или на острия пик, или цеплялись зубами за носы и глотки.

Моряки не выдержали и побежали к лодкам. Крысы прыгали на их спины, преследуя по пятам. Офицеры побежали тоже.

Слинур остался один, приказывая последним остановиться. Сквии вышел со своей шпагой на плечо Мышатника и храбро дал знак своей самоубийственной солдатне, пронзительно пропищав, затем прыгнул вниз, чтобы встать в их ряды. Четыре белые крысы, вооруженные самострелами, взобрались на подъемное устройство и начали стрелять с большим умением.

Раздались всплески, сначала два или три, затем сразу с полдюжины вместе, смешанные с криками. Мышатник повернул голову и уголком глаза увидел двух последних матросов «Скуинда», перепрыгивавших через борт. Напрягаясь,

немного дальше он увидел Слинура с двумя крысами, вцепившимися в его грудь. Четыре белых арбалетчика спрыгнули вниз с журавля и побежали вперед на новую огневую позицию на носу.

Из воды раздались и умерли хриплые человеческие крики. На «Скуинд» подобно туману опустилась тишина, нарушаемая только неизбежным визгом, но сейчас его почти не было.

Когда Мышатник опять повернул свою голову к корме, перед ним стояла Хисвет. Она была одета в плотно запахнутую черную кожу от шеи до локтей и колен, выглядя как худенький мальчик. На ней был одет кожаный шлем, затянутый на ее висках и щеках, похожий на серебряный шлем Сквии. Ее белые волосы хвостом опускались на ее плечи, становясь темно-фиолетовыми. На ее левом бедре в ножнах висел тонкий кинжал.

— Дорогой Человек-с-кинжалом, — сказала она тихо.

Она улыбнулась своим маленьким ртом.

— Все-таки вы не покинули меня.

Она потянулась, почти погладила его по шее своими пальцами.

— Вы связаны! — сказала она.

Она притворилась, будто впервые заметила веревку и убрала руки.

— Мы должны исправить это, Человек-с-кинжалом!

— Премного благодарен, Белая Принцесса, — смиренно сказал Мышатник.

Тем не менее он не отпускал заточенную монету, которая, хоть и немного притупилась, сейчас почти наполовину перерезала третью петлю.

— Мы должны исправить это, — повторила Хисвет немного отсутствующе.

Ее взгляд остановился за Мышатником.

— Но мои пальцы так мягки и слабы, чтобы заняться такими узлами, какие я вижу. Фрикс освободит вас. Сейчас на корме я должна услышать рапорт Сквии. Сквии!

Когда она повернулась и пошла на корму, Мышатник увидел, что волосы ее были пропущены через дыру, окаймленную серебром, в черной макушке ее черного шлема.

Сквии прошел мимо Мышатника и, когда нагнал Хисвет, занял позицию справа от нее, а три крысы шли позади нее, шагая с важным видом — передние лапы на шпагах, головы высоко подняты — похожие на капитан-генералов за своей императрицей.

Когда Мышатник возобновил свое перетирание петель, он посмотрел на Фафхрда, привязанного к ограждению, и увидел, что черный котенок согнулся над грудью Фафхрда и медленно проводил выпущенными когтями по его щеке, в то время как северянин храпел. Затем котенок укусил Фафхрда за ухо, наклонив голову. Фафхрд жалобно вздохнул, но затем опять захрапел.

Котенок повторил почесывание по щеке.

Две крысы, белая и черная, шли рядом, и котенок тихо, но страшно завопил на них.

Крысы остановились и посмотрели, затем побежали к корме, видимо, чтобы доложить о неприятном аспекте Сквии или Хисвет.

Мышатник решил разорвать путы без больших хлопот, но здесь появились четыре арбалетчика, таща медную клетку с испуганными, пищавшими крапивниками. Мышатник вспомнил, что видел ее, висящую в матросском кубрике на носу. Они опять остановились около подъемной лебедки и начали стрелять в птиц. Они освободили одну из них, пораженную ужасом, трепещущее создание, затем, когда она взлетела, сбивали ее хорошо нацеленной стрелой на расстоянии пяти-шести ярдов, даже не промахнувшись. Раз или два один из них пристально посмотрел на Мышатника и направил на него стрелу.

Вниз по лестнице с кормы сошла Фрикс. Сейчас она была одета, как ее хозяйка, за исключением того, что у нее не было шлема, а только плотно прилежавшая серебряная сетка, хотя с ее запястий исчезли серебряные кольца.

— Леди Фрикс! — крикнул Мышатник высоким голосом, почти весело.

Трудно сказать, как нужно говорить на корабле, заполненном крысами, но высокий голос, казалось, подходил.

Улыбаясь, она подошла к нему.

— Фрикс — лучше, — сказала она. — Леди — это обязывающий титул.

— Тогда, Фрикс, — сказал Мышатник, — по пути вы не могли бы отогнать этого чертового черного кота от нашего пропитанного маком друга? Он выцарапает ему глаза.

Фрикс огляделась по сторонам, чтобы увидеть, о чем говорит Мышатник, но все еще продолжала идти к нему.

— Я никогда не препятствовала удовольствиям и огорчениям других персон, так трудно быть уверенным, что есть что, — объяснила она ему.

Она подошла ближе.

— Я выполняю приказы только моей хозяйки. Сейчас она приказала мне сказать тебе, чтобы ты был терпеливым, в хорошем настроении.

Твои испытания скоро кончатся. Она послала меня с подарком.

Приподняв свой подбородок, она мягко поцеловала Мышатника в каждое из верхних век.

Мышатник сказал:

— Это поцелуй, которым зеленые жрецы Джила запечатлевают глаза покидающих этот мир.

— Да? — тихо спросила Фрикс.

— Да,— сказал Мышатник.

Он тихонько пожал плечами и быстро продолжил:

— Так развяжи сейчас эти узлы, Фрикс, это то, что приказала твоя хозяйка. Тогда, возможно, ты дашь мне самый живой поцелуй. После я присмотрю за Фафхрдом.

— Я выполню приказ только из уст моей хозяйки,— сказала Фрикс.

Она отставила голову немного в сторону.

— Она ничего не сказала мне о развязывании узлов, но не похоже, что она хотела приказать мне освободить тебя.

— Непохоже,— согласился Мышатник немного мрачно.

Он удерживался от того, чтобы перерезать монетой третий узел до тех пор, пока не уйдет Фрикс. Если он мог перерезать третью петлю, он мог отделаться от остатков петель за несколько ударов сердца.

Как будто услышав, с кормы легко спустилась Хисвет и остановилась около него.

— Дорогая хозяйка, вы приказывали мне развязать веревки у Человека-с-кинжалом? — сразу спросила Фрикс, будто она хотела сказать это.

— Я послежу здесь,— торопливо ответила Хисвет.— Иди на корму, Фрикс, послушай и понаблюдай за моим отцом. Он чересчур долго задерживается этой ночью.

Она также приказала крысам-арбалетчикам, которые расстреляли свою последнюю птицу, возвращаться на корму.

Глава шестая

После того, как Фрикс и крысы ушли, Хисвет посмотрела на Мышатника в течение долгих ударов сердца, немного нахмурившись, пристально изучая его своими красными глазами.

Со вздохом она окончательно сказала:

— Я хочу быть уверенной.

— Уверенной в чем, Белая Принцесса? — спросил Мышатник.

— Уверенной, что твоя любовь — правда, — тихо ответила она все же откровенно, как будто он знал точно. — Многие люди — мужчины и женщины — так же, как и демоны и звери, говорили мне, что они действительно любят меня, но, по правде говоря, я думаю, никто из них не любил меня, кроме Фрикс, чье счастье — это быть в тени, только за то, что я молодая или красивая, или просто Демоиселла из Ланкмара, или неприятно умная, или имеющая богатого отца, или наделенная властью, будучи кровно связанной с крысами, которые являются надежным символом власти в больших мирах, чем Нехвон. Ты действительно любишь меня, Серый Мышатник?

— Конечно, я люблю тебя, Призрачная Принцесса, — сказал Мышатник с едва заметной запинкой. — Правда, я люблю тебя, какая ты есть, Хисвет. Я люблю тебя нежнее, чем кого-нибудь в Нехвоне и во всех других мирах, на небесах или в аду.

Затем Фафхрд, жестоко поцарапанный или ударенный котенком, испустил самый жалобный стон на страшно высокой ноте, и Мышатник импульсивно сказал:

— Дорогая принцесса, сперва прогоните этого кота от моего большого друга, поскольку я боюсь, что он ослепнет и умрет, и тогда мы будем рассуждать о нашей большой любви на краю вечности.

— Что я имею в виду, — тихо сказала с упреком Хисвет. — Если бы ты действительно любил меня, Серый Мышатник, ты бы не боялся, что твой ближайший друг или жена, или мать, или ребенок под пыткой и умирают на твоих глазах, пока я наблюдаю за тобой, когда я касаюсь тебя кончиками пальцев. С моими поцелуями на губах и с моими руками вокруг тебя, когда я все подчеркиваю тебе свою благосклонность, ты следишь за тем, чтобы твой большой друг не остался без глаз и не умер из-за этого кота или, может быть, не оказался съеденным крысами, и не можешь быть совершенно довольным. Я прикасаюсь к нескольким вещам в этом мире, Серый Мышатник. Я не прикасаюсь ни к мужчинам, ни к мужским дьяволам, ни к самцам животных, довольствуясь этим через Фрикс. Помни это, Серый Мышатник!

— Будь уверена в этом, Дорогой Свет Моей Жизни! — горячо ответил Мышатник, сейчас, конечно, с некоторым видом сумасшедшего полубожания, с которым он имел дело с тех пор, как он соприкасался с той же самой манией и был хорошо с ней знаком. — Пусть варвар умрет от потери крови из-за булавочных уколов! Пусть кот выцарапает ему глаза! Пусть крысы пируют на нем, его костях! Что это значит, пока мы обмениваемся сладкими словами и ласками, излагая друг другу наши совершенные тела и наши души!

Тем не менее он опять начал яростно пилить своей сейчас притупившейся монетой, не обращая внимания на то, что Хисвет следила за ним. Это заставило его подумать о Кошачьем Когте, лежавшем около его ребер.

— Это сказано в моем духе, — сказала Хисвет с почти тающей нежностью.

Она поднесла пальцы так близко к его щеке, что он мог почувствовать слабый холодный ветерок от ее движения. Затем, повернувшись, она крикнула:

— Эй, Фрикс! Пошли сюда Сквии и Белый Отряд. Пусть каждый придет сюда с двумя черными товарищами по выбору. У меня есть кое-какая награда для них, некоторое специальное удовольствие Сквии!

Что бы случилось дальше — как сейчас, так и после того — трудно сказать, поскольку в этот момент раздался крик Фрикс из тумана, счастливо позвавший вниз:

— Эй! Черный парус! Благословенная Демоиселла, это твой отец!

С правого борта из жемчужного тумана появился острый треугольник верхней части черного паруса, шедшего в сторону «Скуинда» с волочившимся коричневым гротом. Два багра порознь в двух местах поднялись и вцепились в ограждение правого борта, захлопал черный парус. Фрикс бегом отправилась вперед и оказалась у перил посередине между баграми, край трапа опустился с черного катера. Мышатник подумал, что это, должно быть, ужасный корабль.

Затем на верху трапа над перилами появилась туманная фигура старого ланкмарца, затянутая в черную кожу, а на его левом плече сидела белая крыса, цепко вцепившись своей правой лапкой в поле его черной кожаной шапки. Его сопровождали два худых, лысых мингола с желто-коричневыми лицами, похожими на старые лимоны. У каждого на плече сидела большая черная крыса, которая держалась за черное ухо.

В этот момент — более к месту — Фафхрд опять захрапел более громко, открыл глаза и выпустил отсутствующий стон человека, накурившегося опиума:

— Миллион обезьян! Уберите их, говорю я! Этот черный слуга ада мучает меня! Уберите его!

При этом черный котенок привстал, вытянул свою маленькую дьявольскую мордочку и ударил Фафхрда в нос. Не обращая внимания на эту помеху, Хисвет протянула руку в сторону новоприбывших и громко крикнула:

— Приветствую, о, Командующий моего Отца! Приветствую, несравненный капитан Криг! Тобой покорен «Клейм», сейчас мной! — «Скуинд», и именно этой ночью после маленького события с моим участием мы увидим гибель всей остальной флотилии. Тогда это обозлит Моварла. Минголы пройдут через Затопленную Землю, Глипкерио будет свергнут, и крысы будут повелевать Ланкмаром под моей и вашей властью!

Мышатник, переставший беспрестанно тереть петлю, случайно заметил морду Сквии в этот момент. Маленький белый капитан спустился на призыв Хисвет с кормы с восемью белыми товарищами — двое были перевязаны — и сейчас он метнул на Хисвет молчаливый взгляд, который, казалось, говорил, что он не может сомневаться в последнем пункте ее бахвальной речи об управлении Ланкмаром крысами.

У отца Хисвет, Хисвина, было длинное лицо, все в морщинах, заросшее недельной белой стариковской бородой. Он казался постоянно согнутым, и все же, несмотря на это, он живо двигался, делая быстрые, маленькие шаркающие шаги.

Он ответил на хвастливую речь дочери раздраженным взмахом своей черной перчатки в сторону своей груди и немного нетерпеливым «Т-ст-с!» неодобрения, затем своей странной неторопливой походкой прошелся по кругу по палубе, пока у трапа ожидали минголы. Хисвин обошел Фафхрда и его черного мучителя и Мышатника и остановился перед Хисвет, все еще согнувшись, переминаясь с ноги на ногу, быстро и раздраженно сказав:

— Сегодня ночью действительно неразбериха! Ты играешь и фантазируешь с мужчинами, которые связаны! У меня печать астролога! Я знаю! Луна прошла так много! «Шарк», гребя, как сумасшедший, продирается сквозь пелену тумана! Черный шар с маленькими огоньками, мчащийся над водами! Кроме того, сейчас, прежде чем найти тебя, огромное морское чудовище проплыло с бормочущим дьяволом на своей голове. Оно фыркнуло на нас, как будто мы были обедом,

но мы ускользнули от него! Дочь, ты, твоя служанка и твои маленькие люди должны перейти в катер с нами, приостановившись лишь для того, чтобы убить этих двух и оставить отряд грызунов-самоубийц, чтобы потопить «Скуинд»!

— Да, «Скуинд»!

Мышатник мог поклясться, что он услышал, как крыса на плече Хисвина пронзительно шепелявила лоцману.

— Потопить «Скуинд»? — переспросила Хисвет. — По плану мы должны были привести его в Ильтмар с мингольским экипажем и продать его груз.

— Планы изменились! — выпалил Хисвин. — Дочь, если мы не покинем этот корабль через сорок вздохов, либо «Шарк» наткнется со всем избытком своей энергии на нас, или нас съест чудовище с сумасшедшим в клоунской одежде, пока мы беспомощно дрейфуем! Отдай приказание Сквии! Затем вытащи нож и порежь эти две дурацкие глотки! Быстро!

— Но, папа, — возразила Хисвет, — у меня в мыслях есть нечто другое насчет них. Не смерть, по крайней мере, не вместе. Нечто далекое от артистического, даже любя.

— Я даю тебе тридцать вздохов, чтобы помучить каждого, прежде чем ты убьешь их, — уступил Хисвин. — Тридцать вздохов и не более. Помни! Я знаю тебя!

— Пап, не будь грубым! Среди новых друзей! Почему ты всегда внушаешь обо мне неправильное впечатление? Я не хочу больше выносить этого!

— Та-тат-та! Ты — позерка даже больше, чем твоя мать-крыса.

— Я говорила, что не выношу этого. Пришло время все делать с моими поправками!

— Тише! — приказал ее отец.

Он согнулся еще ниже и приложил руку к левому уху, в то время как белая крыса Григ повторила этот жест с другой стороны.

Сквозь туман едва слышно различалось бормотание:

— Готтоэрдаммметр небел! Фред, во зинд зи? (Проклятый туман! Друзья, где вы?)

— Этот бормотун! — крикнул Хисвин, выдохнув. — На нас нападает чудовище. Дочь, быстро вытаскивай нож и убивай, или я прикажу своим минголам отправить их на тот свет!

Хисвет подняла свою руку против отвратительной возможности. Ее гордая, украшенная голова буквально согнулась от неизбежности.

— Я сделаю это, — сказала она. — Сквии, дай мне свой самострел. Заряди серебряный.

Белый крысиный капитан скрестил руки на груди и с ноткой требования пропищал на нее.

— Нет, ты не можешь его убить, — резко сказала она. — Ты не можешь убить никого из них. Они мои!

Раздался другой короткий писк Сквии.

— Ну хорошо, твои люди могут убить маленького черного. Сейчас быстро твой самострел, или я прокляну тебя! Помни, только маленькая серебряная стрела!

Хисвин торопливо подошел к минголам, сейчас он обошел по маленькому кругу, почти плюясь. Фрикс, улыбаясь, двинулась к нему и прикоснулась к его руке, но он отмахнулся от нее яростным толчком.

Сквии с бешенством шарил в своем колчане. Его восемь товарищей отправились к Фафхрду и черному котенку, который спрыгнул перед Фафхрдом, с вызовом рыча.

Фафхрд с окровавленным лицом огляделся, наконец протер глаза, упиваясь отчаянной ситуацией, опьяненный маком, пробужденный ударом по носу.

Затем из тумана раздалось другое бормотание:

— Готтвердаммтер ниргендсвелът! (Богом проклятый мир Нехвон).

Налитые кровью глаза Фафхрда раскрылись и прояснились вместе с большим вздохом. Связанный узлами, он наполнил свою мощную грудь.

— Хунгк! — крикнул он.

Из тумана донесся энергичный ответ, становясь громче с каждой секундой.

— Хунгк! Хунгк!

Семь из восьми белых крыс, которые шли по палубе, сейчас возвратились, неся растянутого между ними, все еще царапавшегося черного котенка, по одной на каждой лапе и ухе, в то время как седьмая пыталась совладать с бившим из стороны в сторону хвостом. Восьмая шла, прихрамывая, позади, на трех лапах, с парализованным от кошачьего удара плечом.

Из каюты переднего кубрика и из всех углов палубы выбежали черные крысы, чтобы злорадно посмотреть на их традиционного врага, захваченного и преданного мучению, до тех пор, пока от их черных тел на палубе не стало тесно.

Хисвин отдал команду своим минголам. Каждый вытащил нож с кривым лезвием. Один направился к Фафхрду, другой к Мышатнику. Черные крысы скрыли их ноги.

Сквиин свалил свои тонкие стрелы на палубу. Его лапа выбрала бледно блестящую стрелу и插ставила ее в самострел, который он в спешке протянул хозяйке.

Она подняла его в своей правой руке в сторону Фафхрда. Когда мингол, двигавшийся к Мышатнику, шел перед ней, свой кинжал он держал перед собой. Она взяла кинжал и выстрелила вперед мингола.

Между тем Мышатник перетер все три узла одним рывком. Другие все еще держались у него на лодыжках и горле, но он протянул руку, вытащил Кошачий Коготь и ударил мингола, в то время как Хисвет оттолкнула желтого человека в сторону.

Кинжал резанул ее по белой щеке от челюсти до носа.

Другой мингол, придвинув свой нож к горлу Фафхрду, внезапно упал и покатился по палубе, черные крысы пищали и в удивлении кусали его.

— Хунгк!

Из лунной дымки над ограждением левого борта, где лежал связанный Фафхрд, неясно вырисовывалась большая, зеленая драконья голова. С челюсти с кинжаловидными зубами на северянина упала слюна.

Как тяжеловесный человек-из-ящика, голова вынырнула и метнулась вниз, нижняя челюсть задребезжала по дубовой палубе и, унеся три большие крысы, проделала в их рядах прореху. Челюсти сомкнулись на их больших визжащих пастьях в нескольких дюймах от катившейся головы мингола. Затем зеленая голова качнулась наверху, и ужасная вонь разнеслась от зеленовато-желтой кожи шеи.

Но даже когда она хотела нанести второй удар, она уступила по размерам той, которая сейчас появилась из тумана, вторая зеленая голова дракона, вчетверо большая и фантастическая, украшенная красным, оранжевым и пурпурным — с первого взгляда наездник казался частью туловища. Эта голова сейчас двигалась вперед, как будто она была отцом всех драконов, дважды нанеся такой же ущерб черным крысам, как и первая, и удовлетворила свою жадность двумя белыми крысами, схватив их у плененного крысами котенка.

Она прервала свою первую атаку так внезапно — возможно, чтобы присоединить к трапезе котенка — что ее разноцветный наездник, который бесполезно махал своим копьем, слетел вперед с зеленой головы. Наездник пролетел мимо грот-мачты, отбил в сторону удар мингола, нацеленный в Мышатника, и заскользил по палубе к ограждению первого борта.

Белые крысы позволили сбежать котенку, который побежал к грот-мачте.

Затем две зеленые головы, заморенные голодом в течение двух дней малым ловом рыбы — их последней реальной пищей на Крысиных Скалах — начали методично очищать палубу «Скуинда» от крыс, уклоняясь от людей, хотя не очень осторожно, а столпившиеся крысы мало что сделали, чтобы избежать этих смертоносных движений. Возможно, при их склонности к мировому господству они доросли до людей и достаточно цивилизовались, чтобы испытывать воображаемую, беспомощную панику и чтобы овладеть кое-какими человеческими талантами вызывания и продолжения разрушения.

Возможно они принимали драконьи головы как два жерла войны и ада, в которые должны они броситься волей-неволей.

Во всяком случае, они гибли дюжинами и десятками. Три белые крысы были в числе этих погибших.

Между тем более большие люди на борту «Скуинда» поразному встретили лицом к лицу решительно изменившуюся ситуацию.

Старый Хисвин поднял свой кулак и ударил большую драконью голову, когда после первого гигантского глотка она вопросительно подобралась к нему, как бы пытаясь решить, то ли это сгорбленная фигура очень странного человека, то ли очень большая крыса. Но когда возник воняющий призрак, Хисвин проворно перекатился под перилами, как будто в кровати, и мягко опустился на веревочную лестницу с беспрестанно пищавшим в ужасе Григом, намертво вцепившимся в черную кожу.

Два хисвинских мингола поднялись и присоединились к нему, дав обещание вернуться к своему кози, спокойными шагами, так быстро, как только могли.

Фафхрд и Карл Треухерз смотрели на свалку с противоположной стороны главной палубы, один связанный, другой — изумленный.

Сквии и белая крыса с именем Сисс пробежала над головами скованных апатией товарищей и взобрались на перила правого борта. Здесь они посмотрели назад. Сисс металась в ужасе, но Сквии — украшенный черным плюмажем шлем закрывал его левый глаз — погрозил своим маленьким мечом и пропищал вызов.

Фрикс подбежала к Хисвет и оттащила ее к ограждению правого борта. Когда они оказались около веревочной лестницы, Сквии сошел с нее, чтобы уступить дорогу своей

повелительнице, прихватив с собой Сисс. Затем, как будто во сне, Хисвет повернулась. Меньшая драконья голова ошибочно направилась к ней. Фрикс прыгнула на дорогу, широко разведя руки в стороны и улыбаясь, немного похожая на балерину, вызывающую занавес. Возможно, это было так внезапно, или ее движение показалось агрессивным, но это заставило дракона отпрянуть, клацнув зубами. Две девушки взобрались на борт.

Хисвет опять повернулась — четкая, красная линия от Кошачьего Когтя пересекала ее лицо — и направила свой самострел на Мышатника. Затем возникла слабая серебряная вспышка. Хисвет бросила самострел через спину в море и, сопровождаемая Фрикс, спустилась по лестнице. Багры отцепились, висящий парус наполнился, и черный катер скрылся в тумане.

Мышатник почувствовал боль в правом виске, но забыл о ней, пока сматывал веревки с плеч и лодыжек. Затем он перебежал палубу, не обращая внимания на зеленые головы, лениво добравшие последние крысиные кучки, и перерезал веревки Фафхрда.

Всю оставшуюся ночь два авантюриста разговаривали с Карлом Треухерзом, рассказывая друг другу неправдоподобные вещи о своих мирах, в то время как пресыщенная дочь Сциллы медленно кружила вокруг «Скуинда». Сперва одна голова спала, затем — другая. Беседа была медленным, неуверенным делом даже с помощью малого ланкмарско-немецкого, немецко-ланкмарского словаря для пространственно-временных и межкосмических путешественников, и ни одна сторона в действительности не верила в большую часть рассказов, но все же делала вид, что верит во имя дружбы.

— Все мужчины на Завтра одеты так же пышно, как ты? — спросил Фафхрд. Он любовался оранжево-пурпурным нарядом немца.

— Нет. Хагенбек заставляет делать это, чтобы распространить славу о его зоопарке, — объяснил Карл Треухерз.

Перед рассветом рассеялся последний туман, и они увидели на фоне моря посеребренный силуэт погруженной в воду горбатой луны, черный корабль Карла Треухерза парил на расстоянии полета стрелы к западу от «Скуинда». Его маленькие огоньки мягко мерцали.

Немец радостно закричал, пробудив свое сонное чудовище ударом копья по перилам, сел верхом на большую голову и отплыл, крикнув им:

— Ауфвидерзеен!

Фафхрд узнал за ночь достаточно в бормотании, чтобы знать, что это значит: «Мы еще встретимся».

Когда чудовище и немец подплыли под корабль, пространственно-временной двигатель каким-то образом поглотил их. Затем немного позже черный корабль исчез.

— Он нырнул в бесконечные волны на пузырь Карла — Завтра, — уверенно сказал Серый Мышатник. — Нинг и Шеел, немец — мастер колдовства!

Фафхрд моргнул, нахмурился, а затем просто пожал плечами. Черный котенок потерял о его лодыжку. Фафхрд осторожно поднял его на уровень глаз, сказав:

— Я не удивлюсь, котенок, если ты бы оказался одним из Тринадцати Кошек или маленьким агентом, посланным, чтобы будить меня, когда нужно проснуться.

Котенок важно улыбнулся в жестоко исцарапанное лицо Фафхрда и мурлыкнул.

Ясный безоблачный рассвет распростерся по воде Внутреннего Моря, показав им две первые лодки «Скуинда», переполненные людьми, Слинура, уныло сидевшего на ближайшей корме, но вставшего с поднятой рукой, когда он узнал фигуры Мышатника и Фафхрда.

Далее была военная галера Лукина «Шарк» и три других грузовых корабля: «Тучни», «Карп» и «Гроупер». На севере горизонта виднелись маленькие зеленые паруса драконьих кораблей Моварла.

Мышатник, проведя своей правой рукой по волосам, почувствовал короткий, прямой, с закруглившимся концом рубец на левом виске. Он знал, что здесь осталась мягкая серебряная стрела Хисвет.

Глава седьмая

Фафхрд проснулся от первого и любовного стремления с убеждением, что сейчас был полдень. Он знал, где он был, и в основном что произошло, но его воспоминания о последней половине дня и около того в этот момент были туманны. Он был в положении человека, который стоит на земле, окруженный остроконечными скалами, но наполовину скрытыми туманом.

Он был и в крытом листьями Кварч Наре, главном из восьми так называемых Городов. Правда, никто из них не мог сравниться с Ланкмаром, единственным городом Внутреннего моря, который стоил своего имени.

А был он в своей комнате, в разбросанном — низком, не обнесенном стеной, но все же стройном, деревянном дворце Моварла. Четыре дня назад Мышатник уплыл на «Скуинде» в Ланкмар с грузом леса, который экономный Слинур погрузил на корабль, чтобы доложить Глипкерио о доставке четырех пятых зерна, о черном предательстве Хисвина и Хисвет и об остальном сумасшедшем приключении. Фафхрд, тем не менее, решил остаться в это время в Кварч Наре.

Для него это было прекрасное место не потому, что он нашел здесь любовь красивой девушки Хренлет.

Фафхрд медленно сел в постели, но сознание было отчасти сдавлено. Он не снял ни ботинок, ни какой-нибудь другой одежды, и даже не отвязал свой короткий топор, лезвие которого, к счастью оказавшееся в толстых кожаных ножнах, уперлось ему в бок. Все же он был полон чувством счастливого завершения. Да, он все же не был уверен, но это было великое чувство.

Не открывая глаз и не двигаясь ни на малейшую часть толщины ланк морской пенни векового возраста, он сориентировался.

Слева в пределах досягаемости руки должен был быть большой оловянный кувшин белого вина. Даже сейчас он мог чувствовать его холод. Хорошо.

Справа — легко достать — Хренлет. Он мог почувствовать ее тепло и слышать звук ее храпа, очень громкий в самом деле.

В самом деле. Хренлет ли это, или во всяком случае, только Хренлет? Она была очень веселой последней ночью перед тем, как он подошел к игральному столу, игриво угрожая ему познакомить со своей рыженькой и страстной кузиной из Осл Хруспа, где они нажили огромное богатство на рогатом скоте... Могло случиться ли, что... во всяком случае, также хорошо или даже лучше.

В то время как на его пушистых подушках... О, здесь было объяснение этому сформировавшемуся чувству удовлетворения!

Поздней ночью он выгреб последний золотой ланкмарский рилк, последний золотой кварчнарский гронт, последнюю золотую монету восточных земель, Квармола или еще откуда-нибудь! Да, он помнил это хорошо, он вытащил их всех — и в самой простой игре — шесть или семь — где банкир выигрывает, если угадывает число монет, которые игрок держит в своей руке.

Эти дураки из Восьми Городов не поняли, что они пытались сделать свои кулаки больше, когда держали шесть золотых монет, и сжимали, когда держали семь. Да, он обчистил все их карманы и все внутренние мешочки. В конце он безумно поставил четверть своих выигрышей против странновыгравированного тонкого оловянного свистка, полагая, что он обладает таинственными свойствами, и выиграл его тоже. Затем он отсальютовал им всем и, шатаясь, тяжело ушел, счастливый, нагруженный золотом, как галеон с сокровищами, к кровати Хренлет. К Хренлет ли?

Он был не уверен.

Фафхрд позволил себе сухой, скребущий звонок. Был ли человек когда-либо так счастлив? Около левой руки — вино, около правой — прекрасная девушка, наиболее похоже, что две, поскольку из-под простыни доносился сильный, приятно пахнувший запах.

Пахла ли это более сочно фермерская или пастушья — рыжая дочь? Пока под подушками...

Он с удивлением повернул голову.

Он не мог ясно почувствовать плотную выпуклость кошель с золотыми монетами, так как подушек было много, и они были толстыми, но он мог представить его себе.

Он попытался вспомнить, почему он сделал эту последнюю, легкомысленную ставку. Этот хвастун с курчавой головой утверждал, что этот тонкий оловянный свисток достался ему от мудрой женщины и что он вызывал тринадцать весьма полезных животных какого-то вида.

Это напомнило Фафхрду мудрую женщину, которая рассказала ему в его молодости о том, что каждый вид животных обладал правлением тринадцати, и поэтому это тронуло те его сентиментальные чувства, и он захотел иметь этот свисток в качестве подарка для Серого Мышатника, который безрассудно любил подтверждение магии.

Да, это было то, что надо!

Со все еще закрытыми глазами Фафхрд наметил свой распорядок действий. Он внезапно слепо вытянул левую руку и, не нащупывая, остановился на оловянном кувшине — он был даже покрыт росой — и осушил его наполовину. Это был нектар! Он поставил кувшин обратно.

Затем правой рукой он погладил девушку — Хренлет или ее кузина? — от плеча до бедра. Она была покрыта короткой колючей шкурой. При его любовном поглаживании она громко промычала.

Фафхрд широко раскрыл глаза и сложился в кровати так, что солнечный свет, бивший через некое застекленное окно, осветил его желтым и заставил удивиться отполированным вручную деревянным панелям комнаты, их граням, бесконечно изменявшимся арабескам. За ним лежал на подушках так же, как и он, и, возможно, пьяный, большой, длиннорукый, с розовыми ноздрями, рыжеватый теленок. Внезапно он отдернул назад ноги, за ним девушки не было — или даже еще одного теленка — вообще.

Он засунул правую руку под покрывала. Пальцы его наткнулись на знакомую, двойного шитья кожу его кошелька, но вместо того, чтобы быть плотно набитым золотыми монетами, в нем ничего не было, кроме тонкого цилиндра маленького свистка, гладкого, как пресный сархенмарский блин.

Он откинул постельное белье так, что оно прошумело высоко и дико в воздухе, похожее на разорванный в шквал парус.

Засунув обобранный кошелек за пояс, он спрыгнул с кровати, схватил свою длинную шпагу яростным движением — он использовал ее для быстрых целей — и через тяжелую двойную драпировку вылетел через дверь, остановившись только чтобы прочистить горло последним вином. Несмотря на ярость к Хренлет, он допускал, пока поспешно пил большими глотками, что она поступила здесь честно: его товарищ по кровати был женщиной, рыжеволосой, без сомнения из деревни, по отношению к теленку — прекрасной, тогда как его встревоженное мычание не имело ничего общего с гортанными любовными звуками.

Общая комната была другим чудом из полированного дерева — моварлское королевство было таким молодым, что те его леса все еще были его главным богатством.

Большинство окон выходило на лес. Из стен и потолка вперед выдавались фантастические демоны и крылатые воины-женщины, все вырезанные из дерева. Там и тут к стене были прислонены прекрасно отполированные луки и копья. Широкий дверной проем вел в узкий двор, где под неравномерной зеленой крышей без усталости бегал гнедой жеребец. Город Кварч Нар имел столько же деревьев, сколько и домов.

Около общей комнаты, развалясь, сидела дюжина мужчин, одетых в зеленое и коричневое, пивших пиво, игравших в кости и говоривших. Это были сильные темнобородые парни, немного меньше, хотя и ненамного, чем Фафхрд.

Фафхрд сразу заметил, что они походили на парней, которых он обчистил от их золотых монет в последнюю ночь, а это толкало его — возбужденного яростью и пылавшего от поглощенного вина — в роковую неосторожность.

— Где эта воровка Хренлет, рожденная по ошибке? — взревел он. Он тряс своей шпагой над головой.

— Она украла из-под подушек весь мой выигрыш!

Немедленно человек двадцать прыгнули на ноги, положив руки на эфес шпаги. Самый здоровый шагнул к Фафхрду, холодно сказав:

— Ты смел намекнуть, что благороднейшая девушка из Кварч Нара разделила с тобой кровать, варвар?

Фафхрд понял свою ошибку. Его связь с Хренлет, ясная для всех, никогда до этого не обсуждалась, потому что женщины Восьми Городов уважали своих мужчин и могли делать все, что они желали, не обращая внимания на распущенность. Но горе тому иноземцу, который упомянет это вслух.

Все же ярость Фафхрда повела его дальше.

— Благородная? — крикнул он. — Она — лгунья и проститутка! Ее руки — это две белые змеи, медленно заползшие под одеяло ради золота, не ради мужчины! Несмотря на которые, она также пасла свой стада между моими простынями!

При этом дюжина шпаг выскочила из ножен и бросилась в атаку. Фафхрд отбросил логику, когда было почти поздно. Казалось, был только один выход, чтобы спастись. Он стартовал прямо к большой двери, отражая своей — все еще не в ножнах — шпагой поспешные удары оруженосцев Моварла, пробежал через двор, прыгнул в седло гнедого и пришпорил его в галоп.

Он рискнул оглянуться, когда подкованные копыта гнедого начали высекать искры по твердой, узкой лесной дороге.

Он был награжден ярким блеском желтых волос Хренлет, опершейся на обнаженные руки в своем движении в верхнем окне и сердечно улыбавшейся.

Полдюжины стрел злобно просвистели вокруг него, и он сосредоточился на том, чтобы выжать из гнедого больше скорости.

Он находился в 3-х лье на извилистой дороге в Келлг Нар, бежавшей на восток через густой лес к берегу Внутреннего Моря, когда он понял, что все дело было в трюке, сработавшем проигравшими в эту ночь в союзе с Хренлет, чтобы вернуть свое золото и, возможно, одну из своих девушек, и поэтому стрелы летели намеренно мимо.

Он приостановил гнедого и прислушался. Звука погони он услышать не мог. Это достаточно хорошо подтверждало его предположение.

Все же сейчас возвращаться не стоило. Даже Моварлу было бы тяжело защитить его после слов о кварчнарской леди.

Между Кварч Наром и Клелг Наром портов не было. Он должен был, по крайней мере, объехать Внутреннее Море, как-нибудь избежав минголов за Клелг Наром, если он хочет возвратиться в Ланкмар и получить свою долю награды от Глипкерио за то, что они привели все торговые корабли, кроме «Клейма», в целости в порт.

Это было очень трудно.

Все же он не ненавидел Хренлет. Лошадь его была сильной, и на ней была одета седельная сумка с пищей, уравновешенная белой флягой вина. Кроме того, красноватая масть гнедого восхитительно подражала цвету шкуры теленка. Это была грубая, но хорошая работа.

Также он не мог отрицать, что Хренлет великолепно вела себя на простынях — превосходный сорт изящной, но покрытой мехом коровки и также остроумной.

Он открыл свой плоский кошелек и проверил, на месте ли маленький свисток, который он упустил в своих мыслях и который был единственным выигрышем в Кварч Наре.

На одной из его сторон были нанесены неразборчивые знаки, а на другой — изображение маленькой лежащей кошки. Он широко усмехнулся, тряхнув головой. «Каким дураком я был вчера, когда играл пьяным!» Он хотел выбросить свисток, затем вспомнил Мышатника и положил его в кошелек.

Он прищепил гнедого и пустился галопом в сторону Клелг Нара, насвистывая жуткий, но быстрый марш минголов.

Нехвон — это большой пузырь, несущийся вперед через воды бесконечности, как воздушное шампанское или — для моралистов — как шар вонючего газа из грязнейшего, кишящего червями болота.

Ланкмар — это континент, прочно сидящий на твердых водах внутри пузыря, зовущегося Нехвон, с горами, холмами, городами, равнинами, изогнутыми побережьями, пустынями, озерами, болотами и пшеничными полями, источником богатства континента с другой стороны Хлала, величайшей реки.

На краю северного континента, на восточной банке Хлала был расположен хозяин пшеничных полей и своего богатства

город Ланкмар, старейший в мире, Ланкмар, окруженный толстыми стенами против варваров и зверей, с толстым дном против ползучих растений, пресмыкающихся и грызунов.

На юге города Ланкмар были расположены Пшеничные ворота. Их двадцатифутовая толщина и тридцатифутовый пролет часто отражали скрипящий звук волочимых волами фургонов, вывозивших золотистое, сухое, съедобное ланкмарское сокровище.

Также были Великие Ворота, самые большие и наиболее знаменитые, и более маленькие Конечные Ворота. Далее были Южные Казармы с их одетыми в черное солдатами, Квартал Богачей, Парк Удовольствий и Плаца Темных Наслаждений. Следующая была Улица Проституток и улицы других ремесел. За ними, пересекая город от Болотных Ворот до доков, шла улица Богов с ее многочисленными лживыми фанатиками Богов в Ланкмаре и ее единственным приземистым храмом Богов из Ланкмара, более похожим на старинное надгробие, кроме своей высокой квадратной, вечно молчаливой колокольни. Затем были трущобы и не имеющие окон дома знати, большие башни с зерном, похожие на гигантский лес из пней размером в дом. В конце концов, встав лицом к Внутреннему Морю на севере и Хлалу на западе, были Северные Казармы и на твердой, обработанной морем скале — Цитадель и Радужный Дворец Глипкерио Кистомаркеса.

Похожая на подростка девушка-служанка, неся на своей бритой голове с помощью короны-кольца большой поднос со сладкой едой и с наполненными серебряными кубками, похожая на связанного ходока, топала по зеленой прихожей Голубого Аудиенц-Зала. На ней были одеты черные кожаные ошейники вокруг шеи, запястий и тонкой талии. Яркие серебряные цепочки немного короче, чем ее руки, были приделаны к ее ожерельям на запястьях для того, чтобы ее руки не дотягивались до пищи Глипкерио или даже до подноса, а чувство равновесия каждой девушки было совершенным. Кроме ее ошейников, она была совершенно нагой. За исключением коротко подстриженных ресниц, она была всецело обрита — одно из причудливых желаний монарха, чтобы ни один волос не упал в его суп. Она выглядела как кукла, у которой парик приклеен, а брови покрашены.

Изразцы морского цвета, облицовавшие зал, были шестиугольными и большими, как ладонь руки. Большинство были плоскими, но то там, то здесь были изразцы с фигурами морских созданий: моллюсков, осьминогов, морских коньков.

Девушка была почти на пол-пути к узкой, занавешенной арке, ведущей в Голубой Аудиенц-Зал, когда ее взгляд остановился на изразце в полу, уходившем от арки куда-то влево. Он был с фигурой морского льва.

Он поднимался на высоту большого пальца, похожий на люк, и глаза с черным блеском отвернулись от нее.

Она вздрогнула с головы до ног, но ее плотно сжатые губы не издали ни звука. Кубки слабо звякнули, поднос начал соскальзывать, но она опять сохранила равновесие мягким ныряющим движением и затем пошла большими, полными страха шагами вокруг страшного изразца, насколько могла вправо так, что край подноса оказался едва ли на расстоянии ширины пальца от стены.

Прямо под краем подноса, как будто это была крышка портика, открылся плоский зеленый изразец в стене, как дверь, и высунулась черная крысиная морда с обнаженными зубами.

Девушка конвульсивно отпрянула, все еще в полном молчании. Поднос свалился с ее головы. Она попыталась поддержать его.

Изразец, клацнув, широко открылся. Из отверстия выбралась длиннотелая черная крыса. Поднос стукнулся о плечо девушки, она тщетно потянулась к нему своими согнутыми руками, затем поднос ударился о пол с нервным лязгом, и все разлитые кубки покатались.

Когда умолкли серебряные отзвуки, слышались только быстрые мягкие «топ-топ» ее босых ног, бежавших по обратному пути, каким она пришла. Один кубок повернулся в последний раз. В зеленой прихожей наступила пустынная тишина.

Через двести ударов сердца она была нарушена долгими приглушенными звуками шагов босых ног. Тем путем, которым убежала девушка, возвращался отряд. Первые вошли коричневые повара в белых халатах, с бритыми головами и настороженными глазами. Каждый был вооружен резакom в одной руке и длинной вилкой — в другой, вторые — два обнаженных и бритых поваренка, несущих множество мокрых и сухих тряпок и метлу из черных перьев. За ними шла девушка. Ее серебряные цепи были зажаты в ее руке, чтобы они не бряцали из-за ее дрожи. Позади нее шла чудовищно откормленная женщина в одежде из толстой шерсти, которая подходила к ее двойным цепям, толстым пальцам и чудовищно толстым ногам и лодыжкам. Ее черные волосы были собраны в большой круглый узел, проткнутый

длинными, с черным отливом булавками, так что казалось, что она носила на своей голове колючую планету.

Казалось, она была лишь футляром, поскольку ее задыхающееся лицо отягощалось жиром угрюмости и ненависти. Ее черные глаза всматривались твердо и все подозревающе из складок жира, в то время как черные усики, подобно призрачной черной многоножке, пересекали ее верхнюю губу. Вокруг своей широкой талии она носила широкий кожаный пояс, на котором на расстоянии висели ключи, плети, цепи и кнуты. Поварята верили, что она умышленно нарастила горы жира, чтобы не позволять звенеть им и таким образом незаметно шпионить за ними, когда она подходила.

Сейчас толстая кухарская королева и хозяйка дворца злобно высматривала в прихожей, затем развела своими бугристыми ладонями, поглядев на девушку. Ни один из зеленых изразцов не был смещен.

Как в немом спектакле, девушка горячо кивнула, указывая от талии на изразец с морским львом, затем с дрожью пробралась вперед между пролитыми кубками и дотронулась до него пальцами.

Один из поваров быстро встал на колени и мягко обстукал изразец и окружавшее его суставом пальца. Все время слабый звук был одинаково твердым. Повар попытался всунуть концы своей вилки под изразец с морским львом с каждой стороны, но неудачно.

Девушка побежала к стене, где открылась другая полированная дверь, и дотянулась до голых изразцов. Ее тонкие руки беспомощно дернулись. Другой повар ударил по изразцам, которые она указывала, без глухого стука.

Выражение глаз дворцовой хозяйки изменилось от подозрительного до уверенного. Она двинулась на девушку как штормовая туча, глаза ее светились. Внезапно она вытянула вперед две свои похожие на ляжки руки, щелкнув при этом хлыстом по серебряному кольцу в ошейнике девушки. Этот сухой треск был очень громким.

Девушка дико потрянула головой три раза. Ее дрожь стала затихать, затем исчезла вообще. Когда дворцовая хозяйка повернулась спиной к тому пути, которым они пришли, она опустила голову и плечи, а первый мстительный рывок вниз поставил ее на четвереньки, и она быстро растянулась в собачьей позе.

Под пристальным взглядом одного из поваров поварята начали медленно убирать с пола, завертывая каждый бокал в тряпки, прежде чем положить их на поднос, чтобы они

не стучали. Их взгляды, полные страха, остановились на бесчисленных изразцах.

Серый Мышатник стоял на мягко нырявшем носу «Скуинда» и заметил парящую Цитадель Ланкмара через рассеивающийся туман. Позади него на востоке вскоре появились квадратные сверху минареты дворца повелителя. Каждый оканчивался камнем разного цвета, а на юге стояли серовато-коричневые зернохранилища, похожие на дымчатые скирды.

Он приветствовал первый морской ялик, который он увидел с борта «Скуинда». С черным котенком, зашипевшим на него и против команды Слинур перед тем, как Слинур мог решить намеренно задержать его, он соскользнул вниз по длинному крюку, который человек с ялика зацепил за борт «Скуинда». Приземлившись в ялике, он одобрительно хлопнул по плечу удивленного человека, который держал крюк, затем скомандовал, обещав щедрое вознаграждение, если он со всей скоростью поплывет к дворцовой пристани. Крюк отцепился, Мышатник подошел к тонкому борту суденышка, три гребца поднажали, и судно заскользило на восток над волнами, коричневыми от грязи из Хлала.

Мышатник, утешая, крикнул Слинуру:

— Ничего не бойся. Я сделаю Глипкерио чудесный доклад, расхваливая тебя до небес, и даже Лукина до высот низких облаков.

Затем он повернулся лицом вперед, едва улыбаясь и нахмурившись в своих мыслях. У него было некое чувство вины перед покинутым Фафхрдом, который, видимо, окунулся в бесконечное пьянство и танцы в кругу крепких моварлских оруженосцев, когда «Скуинд» поднимал паруса от Кварч Нара. Большие глупцы умирали от вина и от своих проигрышей каждое утро, но снова рождались после полудня с возвратившейся надеждой и кошельком, чудесным образом наполнившимся опять.

Но он был даже более удовлетверен тем, что сейчас он один должен донести до Глипкерио извинения Моварла за четыре корабля с зерном и рассказать весь удивительный рассказ о драконе, крысах и их человеческих хозяевах или коллегах.

Со временем Фафхрд возвратится в Ланкмар из Кварч Нара с разбитым кошельком и, вероятно, с разбитой головой. Мышатник должен будет занять прекрасные апартаменты во

дворце Глипкерио и нежно раздражать своего большого товарища, оказывая ему гостеприимство и расположение.

Он лениво размышлял, где сейчас были Хисвет, Хисвин и их маленькое окружение: возможно в Сархенмаре или, более возможно, в Илтмаре или даже покинули этот город на верблюдах и уехали куда-нибудь в Восточные Земли, чтобы оказаться подальше от мести Глипкерио и Моварла. Ненароком его левая рука поднялась к виску, мягко дотронувшись до крошечного маленького рубца. Правда, по прошествии времени он уже начал немного ненавидеть Хисвет или храбрую Фрикс.

Конечно, злобные угрозы Хисвет лежали в области любовной игры. Он не сомневался, что она немного тосковала по нему. Кроме того, он пометил ее гораздо хуже, чем она его. Ну, возможно, он встретит ее опять когда-нибудь в каком-нибудь уголке мира.

Эти дурацкие прощающие мысли Мышатника были в его духе. Он знал себя и свои сожаления по какой-нибудь приемлемой девушке. Кварч Нар при Моварле утвердился строго затянутым, по меркам Мышатника, городом, и во время краткой стоянки ему встретилаcь всего одна жуткая девица, одна Хренлет выбрала согрешить с Фафхрдом. Ну, в Хренлет было нечто великанское, хотя она и была худа, а сейчас он уже в Ланкмаре, где он знал дюжину мест, чтобы разогнать тоску.

Илисто-коричневая вода внезапно уступила место зеленой. Ялик проплыл истечение Хлала, который мирно бежал мимо отвесных стен и земли без зелени, где на каждом футе изъеденной волнами скалы стояли Цитадель и дворец. Сейчас гребцы гребли вокруг странного сооружения: медного ската шириной с человека, скрепленного большими бронзовыми полосами, закинутыми вниз с дворцовой галереи почти до самой поверхности воды. Затем он заметил веретенообразный аппарат — если это было им — длиной с трех человек и сделанный из тускло-серого металла, на вершине ската. Это была загадка.

Мышатник нежно любил загадки, правда, больше загадывать их, чем решать, но у него не было времени для этого. Ялик уткнулся в королевскую пристань, и он высокомерно показал шумно требовавшим евнухам и охране свое курьерское кольцо с эмблемой морской звезды от Глипкерио и пергамент с печатью из перекрещенных мечей Моварла.

Второе, казалось, больше всего произвело впечатления на дворцовую стражу. Он немного поклонился по пристани,

взобрался по головокружительно высокой, весело разрисованной лестнице и оказался в Аудиенц-Зале Глипкерио — знаменитой комнате с голубыми стенами, облицованными изразцами, на каждом из которых была изображена эмблема на морскую тематику.

Зал был огромен, несмотря на голубые занавеси, делившие его на две половины.

Пара обнаженных и обритых пажей поклонилась Мышатнику и развела для него занавеси. Их извилистые бесшумные движения на фоне голубого напоминали ему водяных. Он перешагнул через узкий шестиугольный вход, чтобы оказаться приветствованным далеким, но повелительным:

— Тихо!

До того времени, как с губ Глипкерио сорвалась команда, и после того, как одна из длинных рук монарха с худыми пальцами поднялась, чтобы пересечь эти губы, Мышатник был ни жив, ни мертв. Со слабым шелестом за ним опустились голубые занавески.

Это была странная и пугающая сцена.

Сердце Мышатника остановилось в полупредчувствии, что его воображение было совершенно ошибочно на счет его возможности, что сейчас разыгрывалось перед ним.

Три широкие арки вели в галерею, на которой располагился серый аппарат, который он заметил на вершине ската. Сейчас он мог видеть прикрепленный на шарнирах люк, выступающий дугой.

В ближнем конце вала была небольшая, с толстыми прутьями клетка, содержащая десятка два черных крыс, которые пищали, бегали вокруг друг друга непрерывно и иногда угрожающе кусали клетку.

В дальнем конце голубого зала рядом с круглой лестницей, ведущей вверх в самый высокий дворцовый минарет, со своего золотого приемного ложа в форме морской раковины встал возбужденный Глипкерио.

Причудливый повелитель был на голову выше Фафхрда, но таким же худым, как мингол.

Его черная тога делала его похожим на похоронный кипарис. Возможно, чтобы скомпенсировать этот прочный эффект, он носил венок из маленьких фиолетовых цветов вокруг своей головы, волосы на которой были собраны в золотые локоны.

Сразу за ним, опершись на свои руки, похожая на эльфа и одетая в свободную одежду из шелка бледной расцветки, стояла Хисвет.

След от кинжала Мышатника, пересекавший ее лицо от левой ноздри до челюсти, все еще походил на розовую нить и придавал ей сардоническое выражение.

Когда их взгляды встретились, она улыбнулась ему прелестной улыбкой.

На полпути между приемным ложем и крысами в клетке стоял отец Хисвет, Хисвин. Его худое тело было затянато в черную тогу, но у него все еще была одета его плотная шапка с длинными полями. Его взгляд свирепо зафиксировался на крысах в клетке, и он гипнотически махнул на них своими костлявыми пальцами.

— Черные грызуны из глубины... — начал он вслух свистящим от старости, но все еще властно резким голосом.

При этом через узкую арку рядом с аудиенцией-ложем появилась обнаженная молодая девушка, несущая на обритой голове большой серебряный поднос, нагруженный кубками и соблазнительно выглядевшими яствами на серебряных тарелках. Ее руки были скованы друг с другом, в то время как прекрасная серебряная цепочка между ее узкими лоджками мешала ей сделать шаг более, чем двойная длина ее пут на ногах.

Уже без «Тихо» Глипкерио поднял свою длинную узкую ладонь и поднял свой длинный худой палец к губам. Изящные движения девушки были почти незаметными, и она встала как березка в безветренный день.

Мышатник хотел сказать: «Повелитель, это дьявольские чары. Вы находитесь в обществе ваших злейших врагов!», но при этом Хисвет опять улыбнулась ему, и он почувствовал, как пугающе прелестное чувство на деснах и щеках, пробежавшее от серебряной стрелы на его виске, заставило его прикусить язык.

Хисвин приказал своим командным ланкмарским языком, в котором ясно слышался илтмарский акцент и который напомнил Мышатнику шепелявившую крысу Грига:

«Грызуны из темных глубин,

Сейчас вы уйдете в крысиную могилу!

Помутней каждый глаз и отвались каждый хвост!

Вылези мех и остановись сердце!»

Все черные крысы, сгрудившиеся в дальнем конце клетки, подальше от Хисвина, запищали, как будто в безумном ужасе. Большинство из них встали на задние лапы, царапая прутья, как объятая бешенством толпа.

Старик, быстро сделав более сложные, таинственные пассы пальцами, неумело продолжал:

«Затуманьте свои взоры, остановите свое дыхание!
Разлагающим запахом Смерти!
Ваши мозги как сыр, ваша жизнь прошла!
Перевернитесь и умрите!»

И черные крысы сделали это, перевернувшись как актеры-любители, так, чтобы обличить и более сдраматизировать свои падения, упали все же более убедительно, даже с разным «Хлоп» на дно клетки или друг на друга, одеревенело лежа со все еще закрытыми меховыми веками, с вялыми голыми хвостами и ногами с острыми когтями, жестко торчавшими в стороны.

Раздался любопытный, повелительный хлопок, когда Глипкерио зааплодировал своими худыми руками, которые были той же длины, что у людей ноги. Затем похожий на стручок монарх заторопился к клетке такими широкими шагами, что низ его тоги на две трети выглядел сводом палатки.

Хисвет весело прыгнула в его сторону, в то время как Хисвин быстро обошел кругом.

— Разве это не удивительно, Серый Мышатник? — провозгласил Глипкерио своим грубым голосом, делая знак своему курьеру подойти ближе. — В Ланкмаре — крысиная чума. Ты, который сейчас может защитить нас, возвратился как-то медленно. Но — святые Боги с Черными Телами! — мой грозный слуга Хисвин и его несравненная ученица по колдовству дочь Хисвет укротили крыс, которые угрожали торговой флотилии, вернулись назад в нужное время, чтобы принять меры против крысиной чумы, сверхъестественные меры, которые будут, безусловно, успешными, как сейчас они могли продемонстрировать.

При этом эксцентричный повелитель вытянул из-под тоги длинную, тонкую, обнаженную руку и потрепал Мышатника по подбородку, к большому неодобрению последнего, хотя он и замаскировал это.

— Хисвин и Хисвет даже сказали мне, — заметил Глипкерио с усмешкой, — что они некоторое время подозревали, что ты находишься в союзе с крысами. Разве ты не носишь серую одежду, и у тебя разве не маленькая сгорбленная фигура? Не кипятись. Все хорошо, что хорошо кончается. И я прощаю тебя.

Мышатник начал произносить полемические опровержения и обвинение, но только в уме, поскольку он услышал, как сам сказал:

— Милорд, вот безотлагательное послание от Короля Восьми Городов. Кстати, там был дракон...

— О, этот двухглавый дракон! — прервал Глипкерио.

Он трубно усмехнулся, шаловливо подвигал пальцами и сунул пергамент за пазуху, даже не взглянув на печать.

— Моварл сообщил мне с помощью почтового альбатроса о странной массовой иллюзии на моем флоте. Хисвин и Хисвет, оба мастера в психологии, подтвердили это. Моряки, к прискорбию, в большинстве суеверны, Серый Мышатник, и, очевидно, их воображение оказалось более неистово заразительным, чем я думал. Даже ты заразился! Должен ли я ожидать этого от твоего варварского товарища Фафхрда или даже от Слинура и Лукина, от этих капитанов, выбившихся в люди из моряков? Но ты, который, в конце концов, утонченно цивилизован! Тем не менее я прощаю тебе это! О какое счастье, что мудрый Хисвин захотел понаблюдать за флотилией с катера!

Мышатник понял, что он кланяется, и что Хисвет и Хисвин, с его сморщенными губами, хитро улыбались. Он взглянул вниз на кучу крыс в их театрально-смертельных муках. Иссек побери их, но лжезакрытые глаза выглядели незапятнанно остекленевшими!

— Их шерсть не опала, — слабо покритиковал он.

— Ты — тоже буквоед, — сказал ему Глипкерио.

Он усмехнулся.

— У тебя нет поэтической вольности.

— Или способностей для человечески-животного внушения, — важно добавил Хисвин.

Мышатник с трудом наступил — как он думал, тайно — на длинный хвост, который свисал из клетки на изразцовый пол. В ответ на это не последовало никакой реакции.

Хисвин заметил это и слегка щелкнул пальцами. Мышатник предположил, что в глубине кучи крыс возникла суматоха.

Внезапно от клетки стало отвратительно вонять. Глипкерио сглотнул, Хисвет деликатно зажала свои белые ноздри между большим и указательным пальцами.

— У тебя есть вопросы об эффективности этого запаха? — спросил Хисвин Мышатника с наибольшей учтивостью.

— Крысы разлагаются с такой скоростью? — спросил Мышатник.

Ему пришло в голову, что в полу клетки есть плотно зажатая скользящая дверца, а в толстом днище — дюжина давно мертвых крыс и хорошо сгнивший кусок мяса.

— Хисвин убивает двойной смертью, — заявил Глипкерио как-то бледно.

Он положил свою длинную руку на свой узкий живот.

Хисвин торопливо взмахнул рукой и указал на открытое окно позади арочного прохода в галерею. Коричнево-желтый мингол в черной набедренной повязке выпрыгнул оттуда, где он сидел на корточках в углу, поднял клетку и бросил ее по желобу в море. Мышатник сопровождал его. Оттолкнув мингола в сторону резким толчком в ребро и вытянувшись, поддерживая себя другой рукой, вытянутой и схватившейся за изразец сбоку от окна, Мышатник увидел клетку, отвесно летевшую вниз, и скалу, изъеденную морем. Клетка с телами крыс упала с белыми брызгами.

В тот же миг он почувствовал, что Хисвет, которая быстро пошла за ним, плотно надела своим шелковым боком на него от подмышек до лодыжечной кости.

Мышатник подумал, что он разобрал, как маленькие черные фигурки, выбравшись из клетки, проплыли под водой к скале, тогда как железная крысиная тюрьма тонула все глубже и глубже.

Хисвет выдохнула ему в ухо:

— Сегодня ночью, когда лягут вечерние звезды. Плаца Темных Наслаждений. Роща Кабинетных деревьев.

Тихо повернувшись назад, изящная дочь Хисвина приказала одетой в черное с серебряными цепями служанке:

— Сходи за ильтмарским вином для его Величества! Затем подай нам другое.

Глипкерио с жадностью проглотил кубок искрившегося, бесцветного фермента и стал менее злобным. Мышатник выбрал кубок с более тонким, более сильно действующим веществом, а также окаймленную черным, нежную отбивную с большого серебряного блюда, которое служанка грациозно держала на голове, стоя на коленях и держа стройное тело совершенно прямо.

Когда она встала без всякого усилия волнообразным движением и жеманно двинулась к Хисвину — короткие шажки ее обуславливались серебряной цепью на лодыжках — Мышатник заметил, что, хотя ее передняя часть тела была покрыта как одеждой, так и украшениями, ее обнаженную спину перекрещивал узор из ровно наколотых линий от затылка до пят.

Затем он понял, что это были не узкие штрихи, нарисованные на спине, а следы от кнута. Так толстая Саманда добивалась самой артистичной дисциплины. Невысказанный мученический договор между женоподобным, толщиной с рейку, Глипкерио и толстой, как пузырь, хозяйкой дворца

был как поучителен, так и отвратителен. Мышатник хотел знать, была ли девушка оскорблена.

Он также представил Саманду, плюющую через ее запятанный черный шерстяной наряд в огромный, пылающий жаром очаг или скользящую под своим свинцовым весом на толстых коленях вниз по медному скату галереи.

Глипкерио сказал Хисвину:

— Так нужно только завлечь крыс на улицы и прочитать им то, что ты сказал.

— Совершенно верно, о разумнейшее величество, — заверил его Хисвин. — Хотя мы должны немного обождать до тех пор, пока звезды не окажутся на наиболее могущественных местах в океане неба. Только тогда магия будет убивать крыс на расстоянии. Я произнесу свое заклинание с голубого минарета и уничтожу их всех.

— Я надеюсь, что эти звезды поднимут паруса и увеличат скорость, — сказал Глипкерио.

Но моментально тревога омрачила его детское восхищение, что отразилось на его длинном, с низким лбом лице.

— Мои люди начали терзать меня, чтобы я сделал что-нибудь для того, чтобы рассеять крыс или загнать их обратно в норы. Что может помешать их выманить, ты не подумал?

— Не терзайте свой могущественный мозг этим затруднением, — заверил его Хисвин. — Испугать крыс нелегко. Примите против меры те, какие вы хотите. Между тем скажите своему совету, что у вас в резерве есть мощное оружие.

Мышатник предложил:

— Почему бы не увеличить количество страниц со смертельным заклинанием Хисвина и не прочесть их у крысиных нор? Крысы, будучи под землей, не смогут сказать, что звезды на неправильном месте.

Глипкерио сказал:

— Э, но здесь необходимо, чтобы эти маленькие звери также видели движущийся палец Хисвина. Ты не понимаешь эти тонкости, Мышатник. Ты передал послание Моварла, теперь покинь нас.

Его желтые глаза были похожи на свирепые золотые монеты на его узкой голове. Взмахнув своей черной тогой, он добавил:

— Но оцени то, что я простил тебя за твою задержку, Маленький Серый Человек, и твои драконьи иллюзии, и твои сомнения в том, что Хисвин обладает магическими способностями. Но я не прощу во второй раз. Никогда не повторяйте подобного опять.

Мышатник поклонился и вышел. Когда он миновал похожую на статую девушку со спиной со следами от плетки, он прошептал:

— Как твое имя?

— Рифа,— выдохнула она.

Прошелестев, подошла Хисвет, чтобы зачерпнуть полную ложку икры. Рифа автоматически встала на колени.

— Темные наслаждения,— прошептала дочь Хисвина.

Она прокатила маленькие черные рыбы икринки между своей укушенной пчелой верхней губой и розово-голубым языком.

Когда Мышатник ушел, Глипкерио нагнулся к Хисвину так низко, что его длинная фигура стала похожа на виселицу:

— Слово в твое ухо,— прошептал он.— Крысы даже меня иногда делают нервным.

— Они — самые страшные животные,— угрюмо заверил его Хисвин, — которые могут испугать даже богов.

Фафхрд скакал на юг по каменистой морской дороге, которая вела из Клелг Нара в Сархенмар и которая была зажата между степью, скалистыми горами и Внутренним Морем. Темные морские волны зловеще достигали высшей точки, когда они приближались к берегу и обрушивались с бесконечным грохотом в нескольких ярдах ниже дороги, которая была влажной и скользкой от их брызг. Над головой давили низкие темные облака, которые, казалось, имели меньше водяного пара, чем дыма вулканов или от горящего города.

Северянин похудел — он потел и согнал вес — а его лицо было зловещим. Вокруг его горящих огнем глаз осела пыль, волосы сделались тусклыми от нее же. Он ехал верхом на высокой, мощной с выпиравшими ребрами серой кобыле с угрожающими глазами, также горевшими огнем. Зверь выглядел таким же проклятым, как и ландшафт, по которому они ехали.

Он продал гнедого минголам за эту верховую лошадь и, вопреки своему темпераменту, извлек наибольшую выгоду из сделки, так как гнедой явно дышал на ладан во время сделки. Добравшись до Клелг Нара по лесной дороге, он выследил трех похожих на петухов минголов, приготовившихся похитить грациозных двойняшек-сестер. Он ухитрился расстроить это безжалостное и неэстетическое мероприятие, потому что он не дал минголам времени на то, чтобы они пустили в ход свои луки, только копья, в то время как

короткие узкие сабли не шли ни в какое сравнение с его Серым Жезлом. Когда последний из трех не выдержал, выплевывая ругательства и кровь, Фафхрд повернулся к одинаково одетым девушкам, только чтобы обнаружить, что он спас только одну из них — еще до того, как вытащить свою кривую саблю, мингол перерезал одной горло. После этого Фафхрд завладел одной из лошадей минголов, несмотря на дьявольское брыканье и кусание. Выжившая девушка среди других ее криков упомянула, что ее семья могла остаться живой среди защитников Клелг Нара, так что Фафхрд перебросил ее через луку седла вопреки ее яростной борьбе и усилиям укусить. Когда она немного сникла, он так плотно пошевелил ее тонкие конечности и большие, как у лемура, глаза, что ее возобновившаяся защита подкрепилась ужасными девичьими проклятиями и частично детским слэнгом на счет того, что все мужчины без исключения были волосатыми зверями, это вместе с насмешками на счет его пышно опушенной груди. И хотя, привлеченный симпатией, он оставил без внимания ее молодость — ей, казалось, было лет двенадцать, хотя она была высока для своего возраста — и недавнюю тяжелую утрату, все же, когда он возвратил ее не очень благородной и странно подозрительной семье, она отдала ему вежливое обещание через год или два возвратиться к нему, наморщив при этом курносый носик, сардонически улыбнувшись своими голубыми глазами и поведя своими тонкими плечиками, оставив Фафхрда в полном сомнении мудрости, что он пожалел ее и спас. Все же он заработал свежую лошадь и тугой мингольский лук с колчаном стрел.

Клелг Нар был местом, где дома враждовали друг с другом, в то время как полукругом на востоке каждую ночь горели лагерные огни минголов. К своему ужасу Фафхрд узнал, что в течение нескольких недель в клелгнарской гавани не было ни одного корабля, половину периметра гавани занимали мингольские. Они не поджигали города, потому что дерево было большим богатством для худых обитателей безлесных степей. В самом деле, их рабы разбирали дома так же быстро, как завоеватели их завоевывали, и драгоценные планки и изящная резьба постоянно вывозились на восток или более часто тянулись на повозках.

Так что, несмотря на молву, что на юге находилась ветвь мингольской орды, Фафхрд отправился в этом направлении на своей лошади со злобным нравом, укрощенной кнутом и кусочками меда. Сейчас, с дымившимся над морской дорогой

небом, казалось, что минголы не пощадили Сархенмар от огня, как это они сделали с Клелг Наром.

Также подтверждением того, что минголы взяли Сархенмар, был вид беженцев с дикими глазами, отчаявшихся, в лохмотьях, пыльных, которые начали заполнять дорогу в своем бегстве на север, заставляя Фафхрда обходить снова и снова поверху склона холма, чтобы спасти их от новых варварских копыт. Он расспросил нескольких беженцев. Но они были немногословны от страха, бормоча так же дико, как будто он появился у них из какого-то кошмара. Фафхрд кивнул себе — он сказал, какая склонность к жестокости была у минголов.

Но затем беспорядочная орда мингольской конницы проскакала мимо него в том же самом направлении, что и бывшие сархенмарцы. Их лошади были в пене, а худые морды искажены от страха. Они, казалось, были здесь не из-за Фафхрда, позволив ему только подумать, что они нападут на него, казалось, не из-за злобы, а из-за боязни того, что они нагнали на своем пути таких беженцев.

Лицо Фафхрда посуровело и нахмурилось, когда он пустил лошадь галопом против потока, думая о том, что за ужас должен был так напугать минголов и сархенмарцев.

Черные крысы появились в Ланкмаре днем — не украдкой, визжа и пища, а только показались. Они выглядывали из труб и заново прогрызенных нор, сидели в оконных прорезях, притаились в закрытых помещениях так же тихо и с такими же уверенными глазами, как и кошки, и так же часто пропорционально в будуарах знати, как и в домашних клетках бедноты.

Как только их замечали, раздавался вздох изумления и тонкий визг, спешащие звуки шагов и броски черными котелками, браслетами, ножами, шахматными фигурками или любым другим предметом, какой можно было кинуть. Но часто бывало время до того, как крысы были замечены, такими спокойными и домашними они казались.

Некоторые спокойно трусили рысцей между лодыжек и качающимися ногами толпы по покрытым кафелем или мощенным булыжником улицам, похожие на обласканных карликовых собачек, вызывая у людей резкие повороты, когда они узнавали.

Пять штук сидели, похожие на черные, яркоглазые бутылки, на верхней полке в магазине богатейшего бакалейщика Ланкмара до тех пор, пока они не высмотрели все,

что им было нужно, и истерично заброшенные глыбами корней специй, тяжелыми храспскими орехами и даже банками с икрой, они неторопливо прошли в крысиную нору, которой днем раньше не было в стене за полкой. Среди черных мраморных скульптур, обрамлявших стены храма Зверей, одна-другая дюжина поставила в тупик двуногих, похожая на резьбу до высшей точки ритуала, при которой они испустили писк и начали медленно, уверенно пробираться через ниши. Позади слепого попрошайки Нарха молча свернулись три крысы, ошибившись в его грязном мешке, до тех пор, пока вор не попытался его украсть.

Другой случай произошел с драгоценной подушкой ручной черной мартышкой Екатерины, племянницы повелителя и самой страстной пожирательницы любовников, когда она вытянула свою полную руку, чтобы ударить животное, ее пальцы с позолоченными ногтями дотронулись не до бархатного меха, а до короткого и колючего.

Во время приливов и вспышек ужасной Черной Болезни крысы иногда захватывали улицы и дома Ланкмара, но затем они убегали и скрывались или расползались в норы, никогда больше не появляясь с их присущей им дерзкой осторожностью.

Их поведение заставляло народ, рассказчиков и толстобородых, косоглазых ученых вспомнить полные страха басни о том, что существует город, населенный крысами размером с человека, на том самом месте, где три века находился императорский Ланкмар, что у крыс был свой собственный язык и правительство, и это была единственная империя с границами неизвестного мира, сосуществуя с человеческими городами, но более объединенная, и что под плотно соединенными камнями мостовой Ланкмара далеко внизу, под их привычными норами и ниже, чем докапывались люди, существовала мышинная метрополия с низкими потолками, с улицами и домами, все это тускло освещено, как и хранилища, заполненные украденным зерном.

Сейчас, казалось, будто бы крысы владели не только легендарным подземным городом — крысиным Ланкмаром — но и также Ланкмаром на поверхности, так свободно они стояли, сидели и передвигались.

Моряки со «Скуинда», готовые внушать страх друзьям по таверне и много выпившие, своими рассказами об ужасной крысиной атаке на их корабле, обнаружили, что Ланкмар интересуется только собственной крысиной чумой. Они испытали огорчение и страх. Некоторые из них возвратились

на «Скуинд» как в убежище, где была обновлена световая защита Звездного человека и беспокойно по корме расхаживали Слинур и черный котенок.

Глава восьмая

Глипкерио Кистомаркес приказал зажечь тонкие свечи, пока свет заходящего солнца все еще играл в его величественной банкетной морской зале. Все же, похожий на стручок, монарх казался очень веселым, когда с множеством хихиканий и визгливого смеха он уверял своих тупых, нервных членов совета, что они обладают секретным оружием, которое уничтожит крыс в кульминационный момент их наглого вторжения и что Ланкмар будет освобожден от них еще до следующего полнолуния. Он осмелял своего с морщинистым лицом капитан-генерала Олега Мингольского Несчастье, который хотел созвать свои войска из других городов, чтобы бороться с захватчиками в меху. Он, казалось, был не в себе из-за своей непонятной скороговорки, которая доносилась из-за драпировки с ярким узором всякий раз, когда затишье в разговоре и звон столовых приборов позволял услышать ее, или из-за маленькой горбатой четвероногой тени, отбрасываемой светом свечей.

Когда длинный обед проходил своим обычным порядком, он, казалось, становился все более веселым и беззаботным — ФБИ, что-то шептало в их компаньонские уши. Но дважды вздрогнула его правая рука, когда он поднимал свой бокал с вином с высокой нежностью, в то время как под столом его покрытые потом пальцы левой руки непрерывно дрожали. Он вытянул свои длинные худые ноги и зацепил каблуки своих позолоченных ботинок за серебряное кольцо своего кресла, чтобы не ставить на пол свои ноги.

На открытом воздухе вставала луна, выпуклая и тусклая, освещала маленькие, низкие фигурки, двигавшиеся вдоль каждого гребня крыши города, кроме крыш улицы Богов, обоих больших храмов Богов. В Ланкмаре и грязных карнизах Храма из Ланкмара и его большой квадратной колокольни, которая никогда не издавала колокольного звона.

Серый Мышатник угрюмо тащился вверх и вниз по бледной песчаной дороге, которая вилась вокруг рощи ароматных деревьев-кабинетов. Каждое дерево походило на огромную верхнеконечную, в форме полушария корзину. Их листва и ветви образовывали толстую, упругую, теснопереплетенную

корону, которая, отяжеленная темно-зелеными листьями и совершенно белыми цветами, дико изгибавшимися в сторону и вниз так, что внутренняя сторона была колоколообразная, образовывала очень уединенное помещение со стенами из листьев и цветов. Огненные жуки, светящиеся осы и ночные пчелы, находя пищу на цветках, неясно обрисовывали каждый шатер своими бледными мерцающими, золотыми, фиолетовыми и розовыми огоньками.

Из двух или трёх мягко-мягко переливающихся внутренностей уже доносился слабый шепот парочек или, возможно, — как подумал Мышатник со злобной мыслью — тех, кто выбрал одно из невинных и традиционно чтимых мест, чтобы устроить ночное мародерство. Более молодой или в другую ночь Мышатник послушал бы второразрядных искателей уединения, чтобы ограбить выбранные ими жертвы до них, но сейчас, чтобы поиздеваться, у него были другие крысы.

Высокие дома на востоке скрывали луну так, что остальная Плаца Темных Наслаждений позади неясно мерцавших деревьев-кабинетов была почти на ощупь темна, кроме того места, где виднелось что-то маленькое и тусклое, похожее на лавку или палатку, или призрачное пламя и угольный жар говорили о том, что там была горячая пища и питье, или там какая-то куртизанка ритмично махала своим алым фонарем, пока прогуливалась. Эти последние огни на мгновение раздражали Мышатника, хотя были времена, когда они его притягивали так же, как цветочные кабинеты, и дважды они промелькнули в его снах, когда он на «Скуинде» возвращался домой. Но несколько очень затруднительных визитов этим днем — первый к светской подружке, затем в самые щекотливые городские бордели — продемонстрировали ему, что его мужество, которое он так жадно чувствовал в Кварч Наре и на борту «Скуинда», было упущено, кроме тех случаев — он сперва подозревал, сейчас отчаянно надеялся — которые касались Хисвет. Все время в течение этого злополучного дня, когда он обнимал девушку, сквозь ее лицо проглядывались черты тонкого треугольного лица дочери Хисвина, вызывая временами появление на его лице выражения тупости и грубого сравнения, в то время как маленькая серебряная стрела в его виске вселяла в него чувство большой тоски и невеселой безопасности в его теле.

Отраженное от его тела, это чувство заполнило его мозг. Он глупо сознавал, что крысы вместо больших потерь, которые они потерпели на борту «Скуинда», заполнили Ланкмар.

Крысы сдерживались даже менее многочисленными потерями, чем люди, и быстро их компенсировали. А Ланкмар был городом, к которому он чувствовал маленькую, но все же привязанность, так же, как люди к очень большому любимцу. Все же крысы угрожали ему так или иначе то ли из-за дрессировки Хисвина, то ли из-за какого-то более глубокого источника ума и организации. Даже сейчас он мог представить войска черных крыс, идущие по лужайкам и вдоль крыш Плацы за светящимися деревьями-кабинетами, окружая его в большой засаде, выстроившись в черный ряд. Он также сознавал, что он потерял какую бы то ни было веру Глипкерио, которую он имел к нему, и что Хисвин и Хисвет после их, по-видимому, полного поражения поменялись с ним местами и, должно быть, повторят это опять, как только любимец Глипкерио должен будет опять выиграть.

Но Хисвет — не разбитый враг. Она была девушкой, к которой он раболепствовал, единственным существом, которое смогло вызвать в нем такое справедливое, расчетливое эгоистичное «я». Он прикоснулся кончиками пальцев к маленькому шраму от серебряной стрелы у виска. Это, должно быть, выразило его мысль через тонкую кожу спины. Но он боялся того, что должно было за тем случиться: он может потерять не только его надоевшее пресыщение, но и сущность всего чувства или даже свою жизнь. Кроме того, он не хотел соединять свои серебряные узы с Хисвет.

Раздались крошечные шажки по гравию дорожки, слабейший звук, который, тем не менее, более чем пара звуков от шагов, заставил его осмотреться. Две тонкие монахини в черных одеяниях Богов из Ланкмара и в привычно-узких, выступающих капюшонах, которые совершенно скрывали их лица в тени, подошли к нему, рука в руку в длинных рукавах.

Он знал куртизанок с Плацы Темных Наслаждений, снимавших почти всю одежду, чтобы разжечь чувства своих клиентов, молодых и старых, и привлечь или снова возобновить их интерес: разорванная сорочка нищей девчонки, чулки, короткие штаны и коротко подстриженные волосы пажей, бусы и браслеты девушек-рабынь с Восточных Островов, прекрасная кольчуга, шлем с забралом и изящный меч воющего принца из тех же областей Нехвона, шуршащая растительность лесных нимф, зеленые или багряные травы морской нимфы, естественная одежда школьницы, вышитая одежда любого жреца из Богов в Ланкмаре — народ

города Черной Тоги редко или почти никогда не беспокоился о совершенных против таких богов богохульствах, поскольку их были тысячи, и они легко подменялись.

Но было одно одеяние, которое куртизанка не смела подделывать: простые, прямо падающие мантии и капюшоны монахинь Богов из Ланкмара.

И все же...

Менее чем в дюжине ярдов от него две стройные фигуры свернули с дорожки к ближайшему дереву-кабинету. Одна развела своими руками шелестевшие, висящие ветки — черный рукав свисал с ее руки как крыло летучей мыши, — другая проскользнула внутрь. Первая медленно последовала за ней, но до этого ее капюшон немного съехал назад, показав на мгновение осиное, фиолетовое, улыбающееся личико Фрикс.

Сердце Мышатника подпрыгнуло. То же сделал и он.

Когда Мышатник вошел в тень среди взрыва вытесненных белых цветов — как будто дерево само выпустило цветы, чтобы приветствовать его — две тонкие фигуры обернулись лицом в нему и откинули свои капюшоны. Так же, как и в последний раз, когда он ее видел на борту «Скуинда», черные волосы Фрикс были собраны в серебряную сетку, улыбка все еще искажала ее губы, хотя взгляд был холодным и мрачным.

Волосы Хисвет сами по себе были серебристо-белым чудом, губы ее соблазнительно надулись, как будто посылая ему поцелуй, в то время как взгляд ее прыгал по нему с шаловливым весельем.

Она придвинулась к нему, на шаг.

Со счастливым, шумным криком, который мог слышать только он, кровь хлынула по артериям Мышатника к его центру, вмиг оживляя его вялое мужество, как вызванный магией джинн небрежно строит башню.

Мышатник покорился крови и слепо бросился к Хисвет и обнял ее.

Но дружным движением, похожим на полуразворот в медленном танце, две девушки поменялись местами, так что он обнаружил, что обнимает Фрикс, щекой к щеке, поскольку в последний момент она отвернула свою голову в сторону.

Затем Мышатник освободился, бормоча вежливые и в самом деле искренние оправдания, так как через ее мантию тело Фрикс чувствовалось изящно соблазнительным, и более интересно выпуклым, кроме того, что в это мгновение из-за плеча Фрикс высунулась Хисвет и, опрокинув свое лицо

эльфа в сторону, внедрила свои полуразведенные губы в рот Мышатника, которые моментально начали как будто бы усердно отпивать маленькими глотками нектар.

Ему казалось, что он был на Седьмом Небе, которое предназначалось для самых молодых и прекрасных богов.

Когда наконец Хисвет убрала от него свои губы, держа его лицо так близко, что свежий след, проделанный Кошачьим Когтем, был розовой полосой с синими краями от прекрасных ноздрей до грациозной, окруженной бархатом челюсти, она мгновенно пробормотала ему:

— Радуйся, очаровательный Человек-с-кинжалом, так как тебя своими собственными губами поцеловала Демоиселла из Ланкмара. Эта близость — почти за гранью воображаемого, и ты поцеловал меня в губы — близость, которая не укладывается в понимание. А сейчас, Человек-с-кинжалом, обхвати поплотнее Фрикс, пока я займу твои глаза и утешу твоё лицо, которое, правда, является благороднейшей частью кожи, это самый сильный колдун души. Конечно, это унижительная для меня работа, как будто божество должно чистить и смазывать нефтью запачканные землей солдатские ботинки, но все же я сделаю это с радостью...

Между тем, тонкие пальцы Фрикс расстегнули его пояс на куртке. С самым беззвучным скольжением и тончайшим двойным ХУНГК он соскользнув вниз вместе со Скальпелем и Кошачьим Когтем на упругий, коротко подстриженный дерн, выбеленный почти до белого цвета постоянной тенью кабинетного дерева.

— Помни, твои глаза только на мне, — прошептала Хисвет со слабой, но твердой ноткой упрека. — Я остаюсь не ревнивой к Фрикс так долго, как только ты будешь совершенно не обращать на нее внимания.

Хотя свет все еще был бархатно-мягким, внутри тени кабинетного дерева казалось светлее, чем снаружи. Наверное, вошла луна. Возможно, здесь сконцентрировался блеск кормившихся нектаром огненных жуков, светившихся ос и ночных пчел. Несколько их лениво кружилось внутри тени, мерцая внутри и снаружи, как кокетливые драгоценные луны.

Мышатник ухватился руками за тонкую талию Фрикс более плотно, между тем шепча Хисвет:

— О, Белая Принцесса! О, ледяная прямота к страсти! О, холодная богиня эротики! О, сатанинская дева!

В то же время она оставляла крошечные поцелуи на его веках, щеках, ушах и собирала их длинными серебристыми

ресницами своих мигавших глаз, так что растение любви было нежно возделано и росло. Мышатник пытался вернуть те знаки, но она остановила его рот своим. Когда его язык ласкал ее зубы, он заметил, что два ее передних, центральных резца были какими-то слишком большими, но в своем увлеченном состоянии это показалось ему еще одним пунктом красоты. Пусть даже, если Хисвет и заимела кое-какие принадлежности дракона или гигантского паука или крысы, он будет любить и оберегать их каждую и все.

Даже, если над ее головой из-за спины поднимется суставчатая мачта белого влажного жала скорпиона, он должен удовлетворить свою любовницу поцелуем. Внезапно он решил, что не может пойти так далеко, хотя, с другой стороны, он почти мог, так как в это мгновение ресницы Хисвет топорщились над следом от серебряной стрелы у него на виске.

Это был действительно экстаз, как заверил он сам себя. Ему казалось, что он был сейчас не на седьмом, а на верхушке Неба, где наслаждались, мечтали и предавали себя удовольствиям несколько избранных героев, в то же время с изумлением смотря вниз на всех богов, выполнявших тяжелую работу со своими воробьино-выглядевшими, ладанно-дышавшими и судьбо-предначертанными во многих рядах внизу.

Мышатник мог бы и никогда не узнать, что произошло дальше — и это также могло ужасно отличаться от счастливого — если бы не то, что больше не удовлетворенный даже сверхэкстазом, он решил больше не повиноваться подобным приказаниям Хисвет и мельком взглянуть на Фрикс. Сначала он послушно не обращал внимания на нее ни зрительно, ни по слуху, но сейчас ему пришло в голову, что это должно закрутить распутившиеся тетивы катапульты удовольствия, если бы он наблюдал за обеими девушками — до некоторой степени — двуголовый свет любви.

Так что Хисвет опять потеряла об его ухо своим розово-голубым языком, и в то время, как он поддерживал ее, чтобы держаться на этом маленькими изгибами своей головы, и издавал стоны удовольствия, он перекатил свои глаза в другую сторону и тайно посмотрел на Фрикс.

Его первой мыслью было, что, положив щеку на угол, ей было неудобно держать свою голову, чтобы не глядеть в сторону Мышатника и своей хозяйки. Второй его мыслью было, что, хотя ее щеки ярко пылают, ее взгляд был холодным, тусклым, меланхоличным и застывшим где-то да-

леко, возможно, на игре в шахматы, где она, Мышатник и даже Хисвет знали меньше, чем пешки, возможно, на сцене из непредставимо далекого детства, возможно...

Или, возможно, она следила за чем-то ближе, чем нечто позади него и не совсем вдалеке...

Хотя это было невежливым — убрать ухо от сводившего с ума языка Хисвет, он повернул голову в направлении, в котором он направил свои глазные яблоки, и, взглянув из-за плеча, увидел черный контур на фоне бледной пульсировавшей стены цветочного кабинета, согнутый силуэт с наполовину вытянутой рукой и с чем-то блестящим синеватым на конце руки.

Мышатник мгновенно согнулся, резко отпрянув от Фрикс, и затем наполовину обернулся, отбив в сторону черную руку своей левой рукой, которую сразу обхватила служанка Хисвет.

Этот удар был к месту. Когда тыльная сторона его левой руки ударила по худому запястью желтой руки, державшей нож, он почувствовал острую боль от острия на своей руке. Затем его правая ударила в лицо мингола, выводя его — во всяком случае на миг — из его толстокожей безмятежности.

В то время, как скрытно-одетая в черное фигура качнулась назад под ударом, она, казалось, разделилась на две, как некое создание из слизи, воссоздавшее себя. Второй вооруженный кинжалом мингол выбежал из-за первого и двинулся к Мышатнику, который с проклятьем схватил свой Коготь, потому что его рукоятка первой попала ему в руку.

Фрикс, которая все еще стояла сонно в своих черных тканях, сказала своим сильным отсутствующим голосом:

— Тревоги и прогулки. Вошли два мингола.

Позади нее Хисвет выкрикнула раздражительно:

— О, мой проклятый, все портящий отец! Он всегда разрушает мои самые эстетические создания в области удовольствия либо из-за своей отвратительной и самой неэтической ревности, либо из-за...

В это время первый мингол пришел в себя, и они вдвоем осторожно бросились к Мышатнику, мерцая своими ножами перед свежими, узкоглазыми, желтыми лицами. В то время, как они двигались, Мышатник с Кошачьим Когтем чуть впереди его груди отбросил их назад внезапным взмахом своего пояса в другой руке. Тяжелые ножи его меча Скальпея ударили одного из них в ухо, так что тот вздрогнул от боли.

Тотчас оказалось время для того, чтобы прыгнуть вперед и прикончить их единственным ударом кинжала, если он будет удачлив.

Но Мышатник не сделал этого. Он не знал, было ли этих минголов только двое, и не покинули ли Хисвет и Фрикс этого спектакля, а если они были заодно с этими убийцами, то не прыгнут ли они на него со своими ножами, в то время как он атаковал этих тощих, черных убийц. Более того, с левой руки капала кровь, и он не мог сказать, как плоха была его рана. В конце концов, ему в гордую голову пришло, не желая того, то, что он столкнулся с опасностью, которая могла оказаться слишком большой даже для его ловкости, и что он сделал грубую ошибку в ситуации, которую он не полностью понимал, что даже сейчас, в состоянии опьянения, рисковал своей жизнью из-за предположительно необычного экстаза, что он отважился больше не зависеть от изменчивой удачи, и что — особенно в отсутствие сильного Фафхрда — он особенно нуждался в мудром совете.

За два удара сердца он повернулся спиной к своим убийцам, устремился мимо куда-то смотревших Фрикс и Хисвет и вырвался через цветочную стену ветвистого кабинета со вторым и даже большим взрывом белых цветов.

Через пять ударов сердца, пока он бежал на север по Плаце Темных Удовольствий под светом недавно взошедшей луны, он застегнул пряжку на поясе и вынул из маленького мешочка-брелка бинт, которым он начал ловко перевязывать рану. Еще через пять ударов сердца он спешил по узкой, замощенной аллее, которая вела по направлению к Болотным Воротам.

Поскольку он решил это — как и многое, что он любил делать — пришло время, когда он должен рискнуть пробраться через предательства, плохо пахнущее Болото, Зеленое Болото и спросить совета у своего наставника — чародея Шеебла-Безглазое лицо.

Фафхрд прищипорил свою высокую кобылу, на юг по горячим улицам Сархенмара, поскольку дороги, которая вела бы вокруг этого города, не было, вокруг города, повернутого фронтом к Внутреннему Морю и спиной к пустым горам. Через эти сухие скалистые холмы вела только одна единственная дорога на восток к внутреннему, опоясанному пустыней, Морю Чудовищ, на берегу которого одиноко стоял Город Вампиров, избегаемый всеми другими людьми.

Ночь была облачной, и единственным освещением являлось пламя, изливавшееся длинными лентами и трепещущими простынями с крыш, из дверей и окон зданий, нагревавшее их тонкие, из обожженной глины стены до красноты и покрывая их щегольским, покрытым рябью, похожим на фарфор, лоском там, где они не совсем растаяли и завалились.

Хотя широкая улица была пустынна, налитые кровью глаза Фафхрда внимательно смотрели с его изможденного, покрытого копотью, залитого потом лица. Он засунул свой меч в ножны, а свой короткий топор в широкий футляр, вытащил мингольский лук и держал его наготове в своей левой руке, повесив пучок стрел высоко за свое правое плечо. Его облегчавшая седельная сумка и наполовину полная фляга стучали по его выпиравшим ребрам, пока плоский кошелек, все еще пустой, если не считать смехотворного плоского свистка, болтался на груди.

К его удивлению, кобыла не боялась окружающего огня. Фафхрд слышал, что минголы — абсолютно точно — приучили своих лошадей ко всем видам страха почти так же строго, как себя, убивая без жалости тех, кто испугался: животное с седьмой попытки, человека — со второй.

Все же лошадь Фафхрда внезапно остановилась как вкопанная, как раз недалеко от узкой улицы, фыркая своими мыльными ноздрями и смотря своими широкими глазами, более дикими и налившимися кровью, чем глаза Фафхрда. Когда шпоры не смогли заставить ее сдвинуться с места, Фафхрд слез с кобылы и начал ее толкать вперед с животной силой в сторону центра, заполненного дымом, с пылавшими стенами улиц.

Затем впереди из-за обрушившегося горевшего угла на него обрушилась цепь атакующих, которая выглядела с первого взгляда набором необычно высоких и худых красного цвета скелетов; каждый был одет в жалкие доспехи и размахивал в своих костлявых руках коротким, суживающимся Обоюдоострым мечом.

После мгновенного шока Фафхрд понял, что это, должно быть, вампиры, чье мясо и внутренние органы, как он слышал — с большим скептицизмом, но не сейчас — стали прозрачными, кроме тех мест, где кожа стала полупрозрачной на половых органах, у губ и на маленьких грудях у женщин.

Говорили также, что они едят только мясо, преимущественно человеческое, и что было очень любопытно наблюдать за рядом кусков, которые они проглатывали и которые ме-

шались внутри их решетки из ребер, мало-помалу превращаясь в пищу и исчезая из виду по мере того, как их бесцветная кровь усваивала и преобразовывала пищу, допуская, что простой, нормальный человек может даже иметь случай понаблюдать за пиром вампиров, не став одним из съестных припасов.

У Фафхрда все внутренности были заполнены страхом, но также и возмущением, что он совершенно нейтральный в войне между Вампирами и Сархенмаром и минголами, попался в засаду, поскольку сейчас первый скелет швырнул своей правой рукой меч, а Фафхрд мягко отклонился в сторону, когда меч, крутясь, пролетел через задымленный воздух.

Засунув руку за плечо, он вставил стрелу в лук и уложил самого первого вампира выстрелом, который поразил его ребра как раз с левой стороны груди. К его удивлению, он обнаружил, что иметь в качестве врага и цели скелет, чтобы попасть в жизненные органы, было легче.

Сейчас, когда вампиры оказались ближе, издавая ужасные, воинственные крики, он заметил отблеск пламени, сверкавший там и здесь у них на стеклянной коже, и понял, что даже считая их тела такими же твердыми, они не были исключительно твердым, хотя и мускулистым народом.

Он уложил еще двух врагов — последнего стрелой в темную глазницу — затем бросил лук, выхватил короткий топор и меч и сделал длинный удар последним, когда четверо оставшихся вампиров, приблизившись к нему, уменьшили скорость.

Серый Жезл пришелся вампиру под подбородок, заставив его остановиться. Было странным видеть скелет, рухнувший без шума. Следующим ударом ударил короткий топор, обезглавив другого врага, чей зеркальный череп покатился по земле, а туловище, упав вперед, замочило всю рукоятку топора северянина невидимой, теплой, мягкой жидкостью.

Эти страшные результаты дали третьему вампиру время, чтобы обежать вокруг его погибших товарищей и нанести Фафхрду удар, который, к счастью, пришелся выше, скользнув по его ребрам и не оставив глубокой раны.

Длинное, широкое, причинившее боль лезвие, тем не менее, превратило негодование Фафхрда в ярость, и он ударил этого вампира так сильно по черепу, что короткий топор дернулся и был вырван из руки Фафхрда. Его ярость перешла в почти слепящее, красное неистовство, не притупляя сексуальные оттенки, так что, когда он заметил у четвертого.

последнего вампира на ребрах бледные груди, похожие на розы, зачехнувшие там, он выбил оружие из ее рук коротким разоружающим ударом меча, когда она устремилась к нему. Затем она споткнулась, растянувшись во весь рост на дороге, из-за удара левой по ее челюсти.

Он стоял, тяжело дыша, внимательно высматривая в разбросанных скелетах признаки движения — их не было — и пристально оглядываясь вокруг, боясь приближения других отрядов вампиров. Их также не было.

Объятая ужасом серая кобыла во время схватки металась, стуча железными копытами. Сейчас она поднимала и опускала свою большую голову, терзая тыльную сторону своих черных губ большими зубами, и со стоном ржала.

Вложив в ножны Серый Жезл, Фафхрд осторожно встал на колени около женщины-вампира и надавил двумя пальцами на ее невидимую челюсть. Он почувствовал слабый пульс. Не церемонясь, он поднял ее за запястье. Она весила немного больше, чем он думал, так что ее стройность удивила его так же, как упругость и ровная кожа ее невидимой спины. Холодная голова сдержала его горячие мстительные импульсы. Он перекинул ее на седло так, что ее ноги свисали с одной стороны, а туловище с другой. Кобыла посмотрела назад через плечо и, опять потерзав губу, обнажила желтые зубы, но не более этого.

Фафхрд перевязал рану на руке, вытащил короткий топор из его ловушки и вложил в футляр, подобрал лук, оседлал кобылу и пустил ее легким галопом вниз по окруженной огнем улице через кольца дыма и вихри обжигающих искр. Он постоянно высматривал засады. Спустя немного он повесил свой лук через левое плечо и положил левую руку на тонкие, невидимые ягодицы, чтобы убедиться, что женщина была здесь.

Крысы в Ланкмаре грабили ночью. Везде в старом городе они помаленьку воровали, и не только пищу. Они утащили зеленые, согнутые, медные монеты с мертвых глаз возчиков и платиновые драгоценности из носа, ушей, губ, и надежно закрепленную нагрудную драгоценность у худой, как дух, тети Глипкерио, проделав в тонкой дубовой задней двери аккуратную нору.

Богатейший бакалейщик потерял все свои лущеные Хруспские орехи, серую икру из моря, разделяющего Сол Плернс, сушеные сердца жаворонков, наделенное силой мясо тигра, обсыпанные сахаром прозрачные пальчики и облатки перги, в то время как менее дорогие лакомства были не тронуты.

Редкие рукописи были изъяты из Большой Библиотеки, включая оригинальные документы системы канализации и туннелей под самой старинной частью города. Конфеты, исчезнувшие со столов, игрушки из детской комнаты принцессы, лакомые кусочки с серебряных, возбуждающих аппетит, с золотой мозаикой подносов и жесткое зерно из лошадиных кормушек, незастегнутые браслеты с рук обнимающихся влюбленных, кошелек и удобно свисающие карманы вооруженных самострелами охотников — на крыс обчищались, а из-под носов котов и хорьков исчезла их пища.

Особенно пугало то, что крысы не прогрызали ничего, кроме того, где это было необходимо, чтобы проделать входы. Они исчезали, ничего не пачкая, оставляя только следы когтей и зубов, да черный помет в аккуратных пирамидках, как будто присматривая за отсутствующего владельца за домом, который, может быть, они потом займут.

Было поставлено множество изобретательных ловушек, на показ выставлялись нежные, соблазнительно выглядевшие яды, крысиные норы затыкались тяжелыми затычками и медными тарелками, свечи горели в темных углах, в каждом удобном месте стоял недремлющий наблюдатель. Все было без пользы.

Доводя до ужаса, крысы показали человеческую проницательность во многих своих акциях. Некоторые из их раскрытых входов выглядели скорее выпиленными, чем прогрызенными, а выпиленная часть располагалась, как дверь. Они цеплялись веревками за лакомства, висевшие с потолка для безопасности, и несколько напуганных хозяек утверждали, что видели их, бросающих такие веревки, как было, или даже сбивающих предметы крошечными самострелами. Они, казалось, практиковались в разделении труда, некоторые действовали как наблюдатели, другие как предводители и охранники, третьи как квалифицированные воры, в то время как другие носильщики, более послушные писку команды.

Хуже всего было то, что люди, которые слышали их редкий писк и звуки, которые они выпускали, утверждали, что это были вовсе не животные звуки, а язык Ланкмара, хотя и произносимый так тихо и так высоко, что его невозможно было узнать.

Страхи Ланкмара росли. Раздавались пророчества, что черный завоеватель, командовавший бесчисленной ордой безжалостных приверженцев, которые подражали цивилизации и носили грязные шкуры, должен завоевать город. Думалось,

что это относится к минголам, но могло оказаться, что это относилось и к крысам.

Даже толстая Саманда была внутренне напугана грабежом кладовых повелителя и продовольственных кладовых и этим непрерывным, невидимым звуком шажков. Она согнала всех девушек и пажей с их кроватей два часа назад и в похожей на пещеру кухне перед ревевшим очагом, достаточно большим, чтобы зажарить две туши и сердца двух дюжин быков, провела большой допрос и наказание кнутом, чтобы успокоить свои нервы и отвлечь свои мысли от реальных преступников. Похожие на худые, медные статуи в оранжевом свете, каждая бритая жертва, согнутая, стояла или лежала плашмя перед Самандой, как было указано, и терпела его или ее артистично выполненные удары, потом целовала черный край юбки Саманды или мягко поглаживала лицо и шею полотенцем цвета белой лилий, охлажденное в ледяной воде и скрученное, поскольку этот великан-людоед хлестал своим кнутом до тех пор, пока пот не начинал капать с черной сферы ее волос и падал каплями с ее усов. Стройная Рифа была исхлестана больше всех, но она отомстила, сунув полный кулак прекрасного белого перца в таз с ледяной водой, когда она обмакивала в него полотенце. Правда, это привело к учетверению следующего наказания, но когда кто-то достигает своей цели, невинный волей-неволей страдает.

Спектакль наблюдала избранная аудитория из поваров в белых халатах и ухмылявшихся цирюльников, некоторые из которых были явно не к месту в армии слуг. Они оценивающе гоготали и хихикали. Это также наблюдал Глипкерио из-за занавески в галерее. Длинный, как жердь, повелитель оцепенел, и его аристократические, медлительные нервы были так же успокоены, как и Саманды, до тех пор, пока он не заметил на самых высоких, мрачных кухонных полках сотни пар точек глаз непрошенных наблюдателей. Он отпрянул назад в свои хорошо охраняемые личные комнаты в своей черной тоге, хлопавшей как парус, вырванный в шквал с яхты с высокой мачтой. «О,— подумал он,— лишь бы только подчиняющая мазь Хисвина сработала!» Но старый торговец зерном и колдун сказал ему, что одна из планет все еще была не на своем месте, и поэтому магия не сработает. События в Ланкмаре начали походить на состязание между какой-то звездой и крысами. Ну, если даже худшее перейдет в еще худшее, у него также был запасной путь спасения из Ланкмара и Нехвона. Он хихикнул, пыхтя в своем водоворотном полете. Пробившись в какой-нибудь другой мир, он,

без сомнения, быстро будет объявлен монархом всего мира или, для начала, вполне достаточно княжества. Как думал Глипкерио, он был очень разумным повелителем, и, таким образом, если он потерял Ланкмар, у него будет чем утешиться.

Глава девятая

Шеебла Безглазое лицо вошел в хижину, не повернув своей покрытой капюшоном головы, быстро нашел маленький предмет и вытянул его вперед.

— Здесь твой ответ на Нашествие крыс на Ланкмар,— сказал он.

У него был глубокий, густой голос, быстрый и скрипучий, как будто в средний бурун столкнулись круглые камни.

— Решив эту задачу, ты решишь все.

Смотря снизу с расстояния более ярда, Серый Мышатник увидел на фоне бледного неба силуэт маленькой пузатой бутылочки, зажатой между тканью рукава Шееблы, который никогда не показывал своих пальцев, если они у него были.

Серебряный свет восхода разбивался на куски, проходя через хрустальную затычку бутылочки.

Мышатник не был поражен. Он был утомлен и завяз ногами в болоте, которые сейчас погрузились на глубину лодыжки в засасывающую грязь, и оседал все время глубже и глубже. Его серый, грубый шелк покрылся липкой грязью и разорвался. Он боялся, что не поможет даже самый лучший портновский ремонт. Его оцарапанная кожа, где она была сухой, покрылась болотной, грязной, заставлявшей чесаться солью. Перевязанная рана на его левой руке болела и горела, а сейчас начала болеть и шея из-за того, что он все время вытягивал ее, чтобы смотреть вверх.

Еще вокруг него тянулось мрачное пространство Большого Соленого Болота, акры острой, как нож, морской травы, скрывавшей предательские овраги и смертельные омуты, прыщавые, низкие, заполненные вившимися карликовыми деревьями и распухшими колючими кустарниками. В то время, как его фауна начиналась с морских пиявок, гигантских червей, ядовитых угрей и водяных кобр и кончалась видящими клювом, низко летающими падальщиками и далеко прыгающими, с когтями на лапах, соляными пауками.

Хижина Шееблы была черным домом, почти таким же большим, как внутренняя часть дерева-кабинета, в котором

последним вечером Мышатник перенес экстаз и попытку убийства. Она стояла выше уровня Болота на пяти согнутых шестах или ногах: четыре по краям и пятая в центре. Каждая нога кончалась круглой пластиной, такой же большой, как вынутый кверху щит, и, по-видимому, была отравленной, так как каждая была окружена маленькой мертвой коллекцией тел фауны Болота.

У хижины был единственный вход, низкий и закругленный кверху, как вход в нору. Сейчас в нем лежал Шеебла с подбородком на согнутом левом локте, вытянув вперед пузатенькую бутылочку и, кажется, всматриваясь вниз на Мышатника, не обращая внимания на нелогичность, вызванную безглазым взглядом. Все же, несмотря на окаймляющий сейчас в ночной тьме на востоке неба розовый цвет, Мышатник не мог увидеть выражение лица в глубине капюшона. Устало и, возможно, в тысячный раз, Мышатник подумал, а что, если Шеебла был прозван Безглазым, потому что он был слепым в прямом понимании этого слова, или между ноздрями и макушкой головы у него была только кожа, или он имел голый череп вообще, или, возможно, на месте глаз у него были дрожащие усики.

Эта мысль не заставила его дрожать от страха, он был в ярости и устал, и пузатая бутылочка все еще не привлекла его внимания.

Отбив в сторону тыльной стороной своей одетой в перчатку руки соляного паука, Мышатник крикнул наверх:

— В этом наверное достаточно яда, чтобы отравить всех, кроме крыс Ланкмара. Эй, ты, в черном мешке, разве ты не пригласишь меня выпить, поесть и отдохнуть? Я прокляну тебя или же с помощью чар я украду у тебя неведомое!

— Я — не твоя мать, хозяйка или служанка, а твой колдун,— ответил Шеебла своим резким, пустым голосом.— Прекрати свои детские страхи и выпрями свою спину, маленький серый!

Это последнее показалось Мышатнику ультимативным и пренебрежительным по отношению к его вытянутой шее и напряженной спине. Он горько подумал о сухожилии, причинявшем боль в спине, которое он повредил. Он покинул Ланкмар через Болотные Ворота, к испуганному удивлению охранников, которые упорно советовали ему не делать в одиночку вылазки на Болото днем. Затем он прошел по вьющейся дамбе под лунным светом к поврежденному огнем, но все еще возвышающемуся серому Дереву Морского Ястреба. Там, после долгого наблюдения, он опознал хижину

Шееблы по пульсировавшему синему зареву из ее дверей и смело бросился вперед к ней через похожую на мечи морскую траву.

Затем наступил кошмар. Глубокие овраги, колючки и бугры появлялись тут и там, где он не ожидал их, и он быстро потерял свое обычно непогрешимое чувство направления. Маленькое голубое зарево мигнуло и окончательно появилось далеко справа, затем время от времени, казалось, приближаясь и удаляясь, ставя в тупик. Он понял, что должен идти кругами и согласиться, что Шеебла опустил на местность головокружительные чары, возможно, чтобы предохранить себя от нападения, работая над неким особенно трудным и гениальным волшебством. Только после почти двух случаев гибели в сыпучих песках и после столкновения с длинноногим болотным леопардом с горящими голубыми глазами, которого Мышатник принял за хижину, потому что животное, оказалось, имело привычку моргать. Он наконец добрался до своей цели, когда уже тускнели звезды.

После этого он вывалил или скорее забросил наверх к Шеебле все свои неприятности, предлагая подходящие решения для каждой проблемы: любовное питье для Хисвет, дружеское питье для Хисвина и Фрикс, покровительствующее зелье для Глипкерио, охраняющую от минголов мазь, черный альбатрос, чтобы найти Фафхрда и чтобы рассказать ему все, и чтобы он поторопился обратно, и, возможно, что-нибудь еще против крыс. Сейчас у него было последнее.

Мучаясь, он повернул голову, чтобы не перекрутить шею, смахнув прочь с ножен Скальпеля щелчком морскую кобру, затем сердито посмотрел вверх на маленькую бутылочку.

— Как этим пользоваться? — спросил он. — Налить у каждый крысиной норы? Или я должен это влить в избранных крыс и отпустить их? Я предупреждаю тебя, что если в ней есть следы Серной Болезни, я натравлю на тебя весь Ланкмар, чтобы вырвать тебя из Болота.

— Ничего такого, — презрительно сказал Шеебла. — Найди место, где собираются крысы, затем вылей это.

Брови Мышатника приподнялись, спустя немного он спросил:

— Что произойдет? Придаст ли это мне дурной глаз для крыс, так, что мой взгляд будет убивать их насмерть? Сделает ли это меня достаточно проницательным, чтобы я мог выследить их главные места гнездования сквозь землю и камень? Или это до изумления увеличит мою хитрость и мои умственные способности?

По правде говоря, он как-то сомневался, что последнее возможно в какой-то степени.

— Нечто похожее на все это, — рассеянно ответил Шеебла. Он кивнул своим капюшоном.

— Это поставит тебя на правильную позицию, чтобы справиться с ситуацией. Это придаст тебе мощи, чтобы бороться с крысами, а также чтобы убивать их, что до этого не мог совершить ни один человек на земле. Вот.

Он опустил бутылочку. Мышатник схватил ее. Шеебла мгновенно добавил:

— Действие зелья длится десять часов, по точному пульсу, который составляет десятую миллиона ударов в день, так что сам видишь, что вся твоя работа закончится за три восьмых этого времени. Не забудь рассказать мне как-нибудь после всего подробности твоего приключения. А сейчас прощай, не сопровождай меня.

Шеебла исчез внутри хижины, которая мгновенно согнула свои ноги, парами подняла свои, похожие на щиты, ступни с засасывающим ШЛЕПС и пошла прочь, сперва немного тяжеловато, но затем более быстро, ступая, как большой черный жук или водяной клоп. Ее плоские части сносно тормозили по примятой морской траве.

Мышатник смотрел ей вслед с яростью и удивлением. Он понял сейчас, почему хижина была такой неуловимой, и что он не шел правильно с помощью своего чувства направления, и почему высокое Дерево Морского Ястреба не было теперь на виду.

Колдун заставил его долго гоняться за ним этой ночью, и это, без сомнения, было смешным с точки зрения Шееблы.

И когда это пришло на ум усталого, измученного телом Мышатника, что Шеебла мог сейчас без труда доставить его в окрестности Болотных Ворот в своей ходячей хижине, ему захотелось швырнуть вслед удалявшемуся жилищу вшивую, маленькую бутылочку, которую он держал.

Вместо этого он плотно завязал вокруг черного пузырька кусок бинта, конец пропустил под дно, чтобы быть уверенным, что пробка не выскочит, засунул бутылочку в середину напоясного кошелька и пообещал себе, что, если зелье не решит его проблем, он даст почувствовать Шеебле, что весь город Ланкмар поднимется на ноги и все топча пройдет через Большое Соленое Болото, чтобы рассчитаться с колдуном в его хижине. Затем он с большим трудом выдернул свои ноги одну за другой из грязи, в которой он завяз почти до колена, сорвал пару пульсировавших пиявок с левой ноги Кошачьим

Когтем, использовал тот же самый кинжал, чтобы убить гигантского червя, обернувшегося вокруг правой лодыжки, выпил последний, причинивший боль, глоток вина из своей фляжки, отбросив ее прочь, и направился к крошечным башням Ланкмара, сейчас плохо видимым на дымчатом западе прямо под падавшей, блеклой, выпуклой луной.

Крысы в Ланкмаре наносили вред, причиняя боль и раны. Собаки приходили, завывая, к своим хозяевам, чтобы те вытащили похожие на иголки стрелы из их морд.

Кошки расползлись по тайным убежищам, чтобы переждать, пока крысиные укусы загноятся и заживут. Визжавшие хорьки были обнаружены в крысиных ловушках, которые отбивали плоть и ломали кости.

Черная мартышка Элакери почти утонула в ароматной и масляной воде в глубокой, со скользкими краями серебряной ванне своей хозяйки, в которую, пачкая в страхе морду, попал любимец с лапами, похожими на паучьи.

Крысиные укусы на лице заставляли, крича, просыпаться спящих иногда, чтобы увидеть маленькую черную фигурку, удиравшую по одеялу и спрыгнувшую с кровати.

Прекрасные и совершенно ужасные женщины на время сна надевали полные маски из филигранного серебра или толстой кожи. Большинство домовладельцев, от богатейших до беднейших, спали около света свечей и посменно так, чтобы всегда были наблюдатели. Проявился недостаток свечей в то время, как лампы и фонари оставались почти без внимания. У гуляющих были искусаны ноги. На большинстве улиц виднелись только несколько торопившихся фигур, в то время как аллеи вообще пустовали. Только Улица Богов, которая тянулась от Болотных Ворот к зернохранилищам на Хлале, была свободна от крыс, в результате чего она и храм были переполнены молившимися, богатыми и бедными, доверчивыми и хитрыми атеистами, молившимися за избавление от Нашествия Крыс сто и одному Богу в Ланкмаре, чей храм в виде колокола, стоявший на конце улицы у амбаров напротив узкого дома Хисвина, торговца зерном, был всегда закрыт.

В неистовой репрессии крысиные норы затоплялись отравленной водой, с ревом вниз накачивались испарения горящего фосфора и сульфура. По приказу Высшего Совета и со странно раздвоенного одобрения Глипкерио, который болтал о своем скверном оружии, с реки Хлал, с пшеничных полей на юге и на западе массово вызывались профессиональные ловцы крыс. По приказу Олега Мингольского Не-

счастье, действовавшего без разрешения своего повелителя, из Товилийса, Картишла и даже с конца Земли в Ланкмар бегом были переброшены полки одетых в черное солдат, которые по пути получили оружие и форму, которые удивили и вызвали насмешки даже больше, чем над своими квартирмейстерами и над фанатически мыслившей ланкмарской военной бюрократией: длинные трезубцы, мечи для метания, утыканные множеством тонких остриев, свинцовые металлические сети, серпы, тяжелые кожаные рукавицы и сумчатые маски из того же материала.

Пока «Скуинд» стоял на приколе у похожих на башни хранилищ рядом с улицей Богов, ожидая нового груза, Сли-нур нервно ходил по палубе и приводил в порядок гладкие медные доски размером чуть более ядра, расположенные поперек на половине пути вверх на каждом из причальных канатов, служившие, чтобы сбить любую крысу, взбирающуюся наверх. Черный котенок располагался, главным образом, на верхушке мачты, беспокойно вглядываясь в город и спускаясь только за тем, чтобы проглотить пищу.

Ни одна из кошек не приходила на пристань, чтобы обнюхать борт «Скуинда», или не была замечена крадущейся по докам.

В Радужном Дворце в комнате с зелеными изразцами и в середине круга вооруженных вилами пажей и охранников-офицеров с обнаженными кинжалами и маленькими одно-ручными самострелами на взводе, Хисвин искал средство, чтобы справиться с историей похожего на жердь монарха Ланкмара, пока полдюжина грациозных обнаженных служанок, одновременно гладя его брови, лаская пальцы, целуя пальцы на ногах, угощая вином с крошечными, как зерна мака, пилюлями опиума, надежно его успокаивали.

Отпрянув от своих восхищавшихся министров, которые смягчились, но не прекратили своих жалоб, Глипкерио раздраженно промычал:

— Хисвин, ты должен поторопиться. Мои люди недовольны. Мой Совет и Капитан-Генерал приняли меры в обход меня. Прошел даже сумасшедший слухок о смещении меня с моего раковичного трона в пользу моего кузена, идиота Родомикса Кистомаркеса-Недействительного. Хисвин, ты должен немедленно вывести своих крыс на улицы днем и ночью и всех их проклясть с помощью своих заклинаний. О, когда эта планета достигнет своего истинного места на усеянной звездами сцене, чтобы ты смог сказать и сплести своим пальцем свою смертельную для крыс магию? В чем дело, Хисвин? Я приказываю этой планете двигаться быстрее! Иначе я пошлю

морскую экспедицию через неизвестные Внешние Моря, чтобы покарать ее!

Худой, с округлыми плечами, торговец зерном скорбяще всосал свои щеки под козырьком своей черной кожаной шапки, поднял свои маленькие, блестящие глаза под потолок и, как обычно, сделал самое набожное лицо.

— Увы, мой храбрый повелитель, — сказал он, — нельзя абсолютно проследить точно путь звезды. Она скоро встанет на свое место, никакого страха, но как скоро, даже самый ученый астролог не может предугадать. Благотворительные волны подгоняют ее вперед, в то время как злобная зыбь отбрасывает назад. Она в глазе небесной бури. Как драгоценность в виде огромного айсберга, плывущая в голубых водах небес, она покоряется их течениям и ярости. Вспомни также, что я говорил тебе о твоём предателе Сером Мышатнике, который сейчас вступил в союз с сильными колдунами, выступающими против нас.

Нервно собрав свою черную тогу и хлопнув своими длинными пальцами по розовой руке девушки, которая искала, как бы получше устроить его одежду, Глипкерио зло выплеснул:

— Теперь Мышатник. Тогда звезды. Как ты бессилен как маг! Думаешь, что крысы так же хорошо управляют звездами, как и улицами и коридорами Ланкмара?

Рифа, которая была той самой девушкой, испустила беззвучный, философский вздох и быстро, как мышь, сунула свою руку, по которой пришелся шлепок, под тогу повелителя и начала очень мягко почесывать живот, между тем представляя себя подпоясанной тремя кожаными петлями с ключами, плетью, кнутами и цепями Саманды, в то время как плачущая хозяйка стоит обнаженная перед ней на коленях и дрожит.

Хисвин произнес нараспев:

— Чтобы отвергнуть эту злобную мысль, я предлагаю вам самый сильный полиндром: крысы не живут на злой звезде. Говорите это вслух и про себя, когда ваша ярость к вашим покрытым шерстью врагам будет иссякать, что делает вас меланхоличными, о, мой сын храбрый военачальник!

— Ты болтаешь, а мне нужны действия, — выразил недовольство Глипкерио.

— Я пришлю вам свою дочь Хисвет, чтобы она заботилась о вас. Сейчас она обучает эстетическим прыжкам новую дюжину белых крыс в серебряных клетках.

— Крысы, крысы! Ты хочешь свести меня с ума? — яростно прошипел Глипкерио.

— Я тотчас прикажу уничтожить ее белых крыс, хотя они успешно обучаются, — спокойно сказал Хисвин.

Он склонился так, что не было видно его злого лица.

— Затем, как желает ваше Высочество, она придет, чтобы успокоить ваши напряженные борьбой нервы с помощью мистических ритмов, известных на Восточных Островах. В то время, как ее служанка Фрикс будет делать нежные массажи, известные только ей и, конечно, практикам из Куармла, Кокнаба и Клеша.

Глипкерио пожал плечами, надул губы и издал маленький смешок, нечто среднее между равнодушием и невольным удовлетворением.

В этот миг полдюжины офицеров и пажей сбились в кучу и направили свои взоры и оружие на дверь, в которой появилась маленькая низенькая тень.

В тот же миг — ее мозг был слишком поглощен и возбужден воображаемыми криками и стонами Саманды, которую таскали по полу кухни, вырывая из ее шарообразной прически волосы, и кололи булавами, выдернутыми оттуда же — Рифа по невнимательности ущипнула пучок волос, которые неожиданно встретили ее скребущие мягкие пальцы.

Монарх вздрогнул, как от удара, и издал тонкий, пронзительный визг.

Карликовая белая кошка вбежала в дверь, нервно оглядываясь беспокойными розовыми глазами, и сейчас, когда Глипкерио закричал, исчезла, как будто сметенная невидимой метлой.

Глипкерио закрыл рот, затем помахал указательным пальцем перед носом Рифы. Это было все, что она могла сделать — не укусить мягкий, надушенный предмет, который выглядел таким же длинным и отвратительным для нее, как белая гусеница гигантской лунной моли.

— Расскажешь Саманде! — приказал он. — Опишешь ей во всех подробностях свое нарушение. Скажешь ей, чтобы она проинформировала заранее о часе твоего наказания.

Против своей привычки Хисвин разрешил себе маленькое скрытое выражение своего презрения к уму повелителя. Своим пышным профессиональным голосом он сказал:

— Для лучшего эффекта расскажешь мой полиндром задом-наперед буква за буквой.

Мышатник мирно храпел на тонком матрасе в маленькой спальне над магазином Наттика Быстрые пальцы, портного,

который яростно чинил и чистил одежду и принадлежности Мышатника. Один полный и один полупустой кувшин отдыхал на полу около матраца, в то время как под подушкой Мышатника, зажатая в его левой руке для большей безопасности, покоилась маленькая бутылочка, взятая им у Шееблы.

Уже давно был полдень, когда он окончательно выбрался из Большого Солнечного Болота и с трудом вошел через Болотные Ворота, крайне истощенный. Наттик обещал ему ванну, вино и кровать и то чувство безопасности, которое Мышатник мог получить от приюта у старого трущобного друга.

Сейчас он спал сном истощения, его мозг щекотали сны счастья, которое должно быть с ним, когда под взглядом Глипкерио он докажет ему предательство Хисвина с крысами. Его сны не принимают того факта, что Хисвин едва ли мог считаться врагом крыс, а скорее их союзником, коварный торговец не решил, что наступило время поменяться ролями.

Фафхрд, вытянувшись во впадине на травянистой вершине холма, залитого лунным светом и светом костра, разговаривал с лежащим скелетом с длинными конечностями, имевшим имя Кришкра, но которую он сейчас называл лучшим именем Бонни-Кости. Было довольно странно видеть этот вид, который все же способен тронуть сердце впечатлительных приверженцев и противников расовой дискриминации во всех из множества вселенных.

Немного странно подобранная пара нежно осматривала друг друга. Курчавость Фафхрда, обилие волос на теле на фоне его бледной кожи, видная там, где была расстегнута его куртка, была очаровательно подчеркнута изгибавшимся треском костра, отраженного там и здесь от кожи Кришкры на фоне ее белых костей. Похожие на двух алых пескарей, соединивших головы и хвосты, ее гибкие губы играли или лежали, искрившиеся рядом, постоянно открываясь и обнажая ее жемчужные передние зубы. Ее груди возвышались над ее грудной клеткой, как разделанные пополам груши, незаметно переходя по цвету от бледнейшего розового до алого.

Фафхрд задумчиво осмотрел переднюю и обратную сторону этих колоритных украшений.

— Почему? — окончательно спросил он.

Ее смех прозвучал как стеклянный звон.

— Другой глупый Грязный Человек! — сказала она поланкмарски со своим периферийным акцентом. — Девушки

не вампиры, то есть все твои предыдущие женщины, я полагаю, чтобы их разрубили в аду на кусочки! — привлекли внимание к их местам привлекательности, скрывая их с помощью богатых одежд и драгоценных металлов. Мы, которые прозрачны телом и презираем все одеяния, должны пойти другим путем, применяя косметику.

Фафхрд лениво усмехнулся в ответ. Он посмотрел назад и вперед, между своим бело-ребрым товарищем и луной, видимой через серые ветви мертвого ключевого дерева на краю впадины, и обнаружил в этом удовлетворение. Он подумал, что как это странно, хотя и не так уж сильно, что его чувства к Кришкре переменились так быстро. Ночью, когда она пришла в сознание после нокаута через милю — или примерно через милю — после горящего Сархенмара, он был готов опустошить и убить ее, но она вела себя с таким мужеством и позже доказала такое присутствие духа и показала себя таким сочувствующим товарищем и обладала хорошим умом, хотя и сухим, как приличествует скелету, что когда розовый край захода добавился к пьянящему огню города, казалось почти естественным, что она должна была ехать на седельной подушке позади него, когда он возобновил свое путешествие на юг. Он подумал, что, в самом деле, такой товарищ может обескуражить, не сражаясь, бандитов, которые кишели вокруг Илтмара, хотя вампиры и миф. Он протянул ей хлеб, от которого она отказалась, и вино, которое она скупно выпила. К вечеру его стрела уложила пустынную антилопу, и они хорошо попиrowали. Она проглотила свою порцию в сыром виде. Это было правдой, что говорили о пищеварении вампиров.

Фафхрд сперва волновался из-за того, что, казалось, она не мстит за ее убитых товарищей, и он подозревал, что она может применить свое экстремальное дружелюбие, чтобы он потерял осторожность, и она затем убьет его, но позже он решил, что его жизнь или его смерть не считалась бы большим подвигом для вампиров, которые прежде всего так сильно походили на скелеты.

Серая мингольская кобыла, привязанная к мертвому дереву на краю впадины, вскинула морду и заржала.

В миле или более впереди на ветреной стороне темноты выскользнула летучая мышь, похожая на сильно машущего крыльями черного альбатроса, и запорхала к земле, как черный живой лист.

Фафхрд вытянул руку и пробежал пальцами по невидимым на плече длинным волосам Кришкры.

— Бонни-Кости, почему ты зовешь меня Грязным Человеком? — спросил он.

Она спокойно ответила:

— Весь твой вид для нас кажется волосатым, для тех, чье тело так же играет со сверканием, как бегущая вода в ручье, не тронутая ни человеком, ни дождем. Кости прекрасны. Они сделаны, чтобы быть видимыми.

Она вытянула казавшуюся скелетной мягко прикоснувшуюся руку и поиграла волосами на его груди, затем стала серьезной, взглянув на звезды.

— У нас, вампиров, такое эстетическое отвращение к грязной плоти, что мы считаем священным долгом переделывать ее в кристальную плоть, уничтожая ее. Не твою, в конце концов, не этой ночью, Грязный Человек, — добавила она, резко ущипнув рыжий локон.

Он легко поймал ее за запястье.

— Так твоя любовь — это самое противоестественное, во всяком случае, по меркам вампиров, — сказал он с оттенком дискуссии.

— Если ты так говоришь, хозяин, — ответила она сардоническим, насмешливо-покорным голосом.

— Я стою, вернее лежу, исправленный, — проворчал Фафхрд. Я — счастливчик, какие бы ни были твои побуждения и какое бы имя ты мне ни дала.

Его голос опять очистился.

— Скажи мне, Бонни-Кости, как вы узнали Ланкмарский?

— Глупый Грязный Человек, — снисходительно ответила она. — Потому что это наш родной язык.

Ее голос стал мечтательнее.

— Он произошел от языков, на которых говорили тысячелетия назад и даже более давно, когда Ланкмарская империя простиралась от Квармолла до Тролстепских гор, от Края Земли до Моря Чудовищ, когда Кварч Нар был Хваршмаром, и были только мы, вампиры, воры аллей и кладбищ. У нас был другой язык, но ланкмарский был легче.

Он положил свою руку на ее бок, чтобы посмотреть в ее черные глаза-впадины.

Она едва захныкала и слабо пробежала пальцами вниз по его бокам. На миг охваченный боевым порывом, он сказал:

— Скажи мне, Бонни-Кости, как ты ухитришься что-нибудь видеть, если свет проходит через тебя? Ты видишь что-нибудь позади себя?

— Вопросы, вопросы, — стонуще пожаловалась она.

— Я только хочу стать менее глупым.

— Но я хочу, чтобы ты был глупым, — ответила она.

Она вздохнула, затем, положив голову на свой локоть так, что она повернулась лицом ко все еще горевшему костру — древесина густого, колючего дерева горела медленно и с жаром — она сказала:

— Посмотри внимательно в мои глаза. Нет, держи их на фоне огня. Ты видишь в каждом из них радугу? Это свет отражается в видящей части моего мозга, и там формируется очень маленький зрительный образ.

Фафхрд согласился, что он видел две радуги, затем пылко продолжил:

— Не прекращай смотреть на огонь. Я хочу тебе кое-что показать.— Он взял в одну руку цилиндр и приблизил конец цилиндра к одному из ее глаз, затем щелкнул пальцами, держа их плотно на другом конце.

— Вот! —сказал он. — Ты можешь видеть огонь через концы моих пальцев, правда можешь? Так что я — частично прозрачный, я — частично кристальный, в конце концов.

— Я могу,— согласилась с монотонной усталостью. Она посмотрела в сторону от его рук и огня на его лицо и волосатую грудь.

— Но я хочу, чтобы ты был грязным, — сказала она.

Она положила на его плечи руки.

— Дорогой, будь самым грязным грязнулей.

Он посмотрел на освещенный луной череп с жемчужными зубами и черными глазницами, в каждой из которых виднелся слабый, опаловый лунный месяц, и он вспомнил, как мудрая женщина с Севера сказала ему и Мышатнику, что они оба в милости у Смерти. Ну она была права, по крайней мере, на счет того, как признался Фафхрд сейчас, когда руки Кришкры начали притягивать его.

В это мгновение прозвучал тонкий свист, такой высокий, что был почти неслышным, пронзавшим ухо, как игла более тонкая, чем волос. Фафхрд обернулся.

Кришкра быстро подняла голову, и они заметили, что находились под наблюдением не только серой мингольской кобылы, но также и глаз черной летучей мыши, которая висела на высокой серой ветке колючего дерева.

Наполненный предчувствием, Фафхрд указал пальцем на свисавшего черного летуна, который тотчас перепорхнул вниз на предоставленный плоский насест.

Фафхрд поднял со своей ноги маленький черный шарик пергамента, упругий, как будто он был сделан из очень тонкого, упругого железа, поместил порхателя обратно на

первичное место, развернул черный пергамент и, поднеся его поближе к огню и свои глаза к нему, прочитал следующее послание белыми буквами:

«Мышатник в ужасной опасности, как и Ланкмар. Посоветуйся с Нингауне Семь Глаз. Жизнь в скорости! Не потеряй маленький свисток!»

Подписью был маленький недорисованный овал, который, как знал Фафхрд, был один из знаков Шееблы Безглазое Лицо.

Положив белую челюсть на сложенные костяшки пальцев, Кришкра наблюдала за северянином своими непостижимо черными глазами, когда он застегнул пряжку своей шпаги.

— Ты оставляешь меня, — заявила она ровным голосом.

— Да, Бонни-Кости, я должен нестись на юг как ветер, — торопливо согласился Фафхрд. — Мой друг в огромной опасности.

— Человек разумеется, — заметила она с той же безжизненностью. — Даже вампиры спасают свою любовь к своим женщинам ценой товарищей по оружию.

— Это другой вид любви, — сказал Фафхрд.

Когда он отвязывал кобылу от колючего дерева, он пощупал свой пустой кошелек, свисавший с луки седла, чтобы удостовериться, что в нем все еще находится маленький цилиндрок. Затем он сказал практично:

— Здесь еще половина туши антилопы, чтобы у тебя были силы дойти домой. Она также не сварсна.

— Так ты думаешь, что мой народ ест падаль и что половина мертвой антилопы — это достойная мера того, что я думаю о тебе?

— Ну ладно, я всегда слышал, что вампиры... Нет, разумеется, я не пытаюсь откупиться. Посмотри сюда, Бонни-Кости. Я не доказываю тебе, в тебе много хорошего. Достаточно того, что я должен нагрянуть в Ланкмар как гром среди ясного неба, остановившись только, чтобы проконсультироваться с моим колдуном. Я не могу взять тебя или кого-нибудь другого в это путешествие.

Кришкра любопытно огляделась.

— Кто просил прийти? Летучая мышь?

Фафхрд прикусил губы, затем сказал:

— Возьми мой охотничий нож.

Когда она не ответила, он положил нож около ее руки.

— Ты можешь стрелять из лука?

Девушка наблюдала за каким-то невидимым слушателем.

— Следующее, что спросит Грязный Человек — могу ли я порезать печень. О, ну я должна несомненно была устать от него в другую ночь и под предлогом, лаская его шею, ударить по большой артерии под ухом, выпить его кровь и жадно съесть его отвратительное грязное тело, оставив только его глупые мозги из-за страха заразиться и стать идиоткой.

Воздержавшись от разговора, Фафхрд положил мингольский лук и свой колчан со стрелами рядом с охотничьим ножом.

Затем он опустился на колени, чтобы на прощанье поцеловать ее, но в последнее мгновение вампир повернула свою голову так, чтобы его губы наткнулись только на холодную щеку.

Когда он встал, то сказал:

— Верь этому или нет, но я вернусь и найду тебя.

— Ты ничего не сделаешь, — заверила она его, — и меня нигде не будет.

— Тем не менее я буду искать, — сказал он.

Он отвязал кобылу и встал рядом с ней.

— За тебя, которая осчастливила меня самым сверхъестественным и самым удивительным экстазом, чем любая женщина в мире!

Смотря в ночь, девушка-вампир сказала:

— Поздравляю, Кришкра. Твой подарок человечности: капризные чувства. Будь как гром среди ясного неба, Грязный Человек. Я тоже дорожу чувствами.

Фафхрд сжал губы, долго посмотрел на нее. Затем, когда он надел шлем, летучая мышь подлетела к нему и повисла на нем.

Кришкра кивнула головой.

— Я говорила — мышь.

Фафхрд сел верхом на кобылу и пустил лошадь легким галопом вниз по склону холма.

Кришкра подпрыгнула, схватив лук и стрелу, подбежала к краю травянистого поддонника и установила мушку в спину Фафхрда, подержала ее в течение трех ударов сердца, затем резко повернулась и выпустила стрелу в колючее дерево. Стрела воткнулась в центр серого ствола.

Фафхрд быстро обернулся на Щелк, Ж-Ж Чьюнк! Худая рука махала ему на прощание и продолжала делать это до тех пор, пока он не достиг дороги у основания склона, где он пустил кобылу быстрым галопом.

На вершине холма Кришкра стояла, погруженная в мысли, в течение двух ударов сердца. Затем она отвязала от пояса

нечто невидимое, которое она кинула в середину затухающего костра.

Шипение и яркие искры вырвались из костра, когда яркое голубое пламя взвилось вверх на дюжину ярдов и горело в течение многих ударов сердца, прежде чем погаснуть. Кости Кришкры выглядели как синее железо, ее ярко-блестящая плоть походила на куски тропического ночного неба, но никто не видел эту красоту.

Фафхрд наблюдал похожий на иглу огонь через плечо, когда он, качаясь, скакал вперед, и, нахмурившись, посмотрел навстречу ветру.

Этой ночью в Ланкмаре крысы убивали.

Кошки умирали от быстрых дротиков, метаемых самострелами, которые протыкали щелевидные глаза, чтобы проникнуть в мозг. Яд, предназначенный для крыс, изобретательно оказывался в кусках собачьего обеда.

Мартышка Элакери умерла в изголовье кровати из сандалового дерева этой толстой распутницы прямо напротив ее высокого, до потолка зеркала из ежедневно полируемого серебра. В своих колыбелях умирали дети.

Несколько взрослых были обстреляны глубоко проникавшими стрелами, смазанными черным веществом, и умерли в конвульсиях через час агонии. Многие пьяницы пили, чтобы успокоить свои страхи, но неосторожно пьяные погибали от ловких порезов, которые повреждали артерии. Тетя Глипкерио, которая тоже была матерью Элакери, была задушена петлей, повешенной над темными ступеньками лестницы, которая была скользкой от пролитого масла. Смелая проститутка зашла на Пляцу Темных Удовольствий и была до смерти заедена живьем, в то время как никто не слышал ее криков.

Крысы оставляли некоторые ловушки, которые были так сложны и так искусны, что многие люди стали настаивать, что некоторые из крыс, особенно редкостные и уклончивые альбиносы, вместо когтей имели на передних лапах маленькие когтистые руки. Также поступали многие донесения, что крысы ходили на задних лапках.

Хорьки стадами загонялись в крысиные норки. Ни один из них не вернулся. Жуткие, с мешками, в коричневой форме солдаты, собравшиеся в отряды, напрасно искали цели для своего нового, предложенного им оружия.

Самые глубокие колодцы в городе были умышленно отравлены из-за предположения, что город крыс уходил так далеко в глубину, и чтобы лишить этот город запасов воды.

В крысиные норы безрассудно налили горючее вещество, и солдаты были оторваны от своего прямого долга, чтобы сражаться с возникшими в результате этого пожарами.

Бегство из города началось днем и продолжалось ночью на яхтах, баржах, лодках и плотах, так же как на север уезжали на повозках, в экипажах или пешком через Пшеничные Ворота и даже на восток через Болотные Ворота, в то время как по совету Хисвина и старого тугодума городского капитан-генерала Олега Мингольское Несчастье команды Глипкерио секли их до крови. Военная галера Лукина была одной из нескольких галер, которые сгоняли гражданские суда и возвращали их к причалам — всех, кроме тяжело нагруженных золотом, способных дать взятку яхт.

Немного спустя, как о новом грехе, распространился слух, что был заговор с целью убить Глипкерио и посадить на его трон широко любимого и заботливого бедного кузена Радомикса Кистомаркеса-Недействительного, который, как известно, держал у себя семнадцать любимых кошек.

Ударная волна просто одетых констеблей и ланкмарцев была послана из Радужного дворца через освещенную факелами темноту, чтобы схватить Радомикса, но он не терял времени и затерялся вместе со своими кошками в трущобах, где он и они имели много друзей как среди людей, так и среди кошек.

Пока ночь насилия распространялась со скоростью шага улитки, на улицах остановилось движение, и наступила странная тишина и темнота, с тех пор как опустели и были сверху забаррикадированы все подвалы и все первые этажи. Только улица Богов все еще была заполнена народом там, где крысы все еще не атаковали, где комфорт боролся со страхом. Где-нибудь в другом месте единственными звуками были быстрый, нервный звук марширующих отрядов полицейских и солдат ночной охраны, топот и писк, который становился даже более смелым и многочисленным.

Рифа, вытянувшись, лежала перед большим кухонным очагом, пытаясь игнорировать сидевшую в своем хозяйском кресле Саманду и осматривавшую свои кнуты, розги, весла и другие инструменты наказания, иногда внезапно взмахивая одним из них в воздухе. Очень длинная, тонкая цепь соединяла ошейник на шее Рифы и большое железное кольцо,

углубленное в кухонной, покрытой изразцами стене рядом с центром комнаты. Иногда Саманда пристально смотрела на нее, и всякий раз, когда звонок отзванивал полчаса, она приказывала девушке обратить внимание и, возможно, исправить какой-нибудь пустяк, такой, как наполнить большую кружку Саманды вином. Все же пока она не ударяла и, насколько знала Рифа, не посылала сообщение Глипкерио, чтобы известить его о времени наказания его служанки.

Рифа поняла, что наказание умышленно откладывается, и попыталась заставить потеряться свой мозг в снах и фантазиях, но сон — несколько раз она погружалась в него — вызывал кошмары и заставлял пробуждаться через каждые полчаса, полных ужаса, в то время, как фантазии жестокого господства над Самандой были совершенно не к месту в данной ситуации.

Она попыталась сочинять, но материал, который у нее был, оказался слабым, одетый с серое человек со шпагой, который спросил ее имя в день, когда ее били за то, что она испугалась крыс и уронила свой поднос. В конце концов, он был вежлив и, казалось, смотрел на нее более, чем на оживлённый поднос, но, конечно, с тех пор он забыл про нее.

Неожиданно в ее мозгу вспыхнула мысль, что, если она сможет подманить Саманду поближе, она может, если будет достаточно быстрой, задушить ее цепью, но эта мысль только ужаснула ее. В конце концов она прочитала благословения такие, как за то, что у нее не оказалось волос, чтобы ее за них таскали или жгли.

Серый Мышатник проснулся через час после полуночи, чувствуя прилив энергии и готовность к действиям. Его забинтованная рана не беспокоила его, хотя левая рука была все еще немного застывшей. После того, как он не смог удачно встретиться с Глипкерио днем, и не знал, как действует противокрысная магия Шееблы в присутствии повелителя, он решил снова поспать, выпив оставшееся вино.

Действуя молча, так как Наттик Быстрые Пальцы не мешал — как он мог слышать, тот устало храпел рядом с ним — он быстро прикончил половину кувшина и затем начал более задумчиво высасывать другую.

Все еще сонный, он капризно отказался идти.

Вместо этого, чем больше он пил, тем более оживленным он становился до тех пор, пока, наконец, пожав плечами и

улыбнувшись, он взял Скальпель и Кошачий Коготь, даже не зазвенев, и украдкой сошел вниз по лестнице.

Здесь тускло горевшая рожковая лампа осветила его одежду и снаряжение, все аккуратно лежавшее на чистом рабочем столе Наттика. Его ботинки и ремень были вычищены, протерты и затем с помощью смазки коровьим маслом возвратили прежнюю эластичность. Его шелковая серая туника и плащ выстираны, высушены и аккуратно зашиты, каждый новый шов и заплата соединены и прошиты двойным швом.

Поблагодарив за приют, он быстро оделся, поднял один из двух больших, смазанных маслом одинаковых ключей из тайного места, отперев дверь, открыл ее на хорошо смазанных петлях, выскользнул в ночь и закрыл дверь за собой.

Он стоял в глубокой тени. Лунный свет беспристрастно серебрил изношенные временем стены напротив, их раскраску, плотно закрытые маленькие окна и низкие запертые двери над выдолбленными в камне ступеньками и истертыми булыжниками, окаймленными бронзой деревянными щелями, раскиданными отбросами, хламом. Улица была безмолвной и опустевшей до тех пор, пока она просматривалась, скрываясь за поворотом из виду. «Так, — подумал он, — отличаясь от этого только тем, что там по улицам должны, думаю, скользить скелеты на узких, цвета слоновой кости ногах, с чем-то вроде «Клац или Клик».

Двигаясь как большая кошка, он вышел из тени. Раздуваемая, но деформированная луна смотрела вниз на него почти слепяще над коньком крыши Наттика. Затем он пошел по этому посеребренному миру, шагая быстрой, с длинными шагами походкой на своих с губчатой подошвой ботинках, по центру Дешевой Улицы по направлению к изгибающемуся пересечению Улицы Мыслителей и Улицы Богов. Улица, Проституток тянулась параллельно Дешевой Улице, сперва все четыре проходили вдоль извилистой Болотной стены, которая находилась позади Степной Улицы.

Сперва тишина ничем не нарушалась.

Когда Мышатник двигался как кошка, он не вызывал много шума. Затем он начал слышать это — звук очень мелких шажков, почти как первые капли маленького дождя или первое дыхание шторма по верхушкам деревьев. Он сделал паузу и огляделся.

Шаги смолкли. Его глаза обшарили тень и ничего не различили, кроме двух блестящих в хламе предметов, которые могли оказаться каплями воды или рубинами, или еще чем-нибудь.

Он выбежал. Шаги возобновились опять, только сейчас их было больше, как будто шторм нарастал.

Он пошел немного быстрее, и затем все они оказались около него: две бушующие линии маленьких, низких, посеребренных фигурок, вырвавшихся из тени и из-за куч мусора, из дренажных щелей слева, и даже несколько выскользнули из-под дверей.

Подпрыгивая, он побежал гораздо быстрее, чем его шаги. Скальпель был похож на серебряный язык гада, поражая одного за другим в жизненный орган, как будто он был неким фантастическим сборщиком мусора, а крысы — живым, маленьким мусором. Они продолжали стремиться приблизиться к нему спереди, но большинство он обратил в бегство, а остальных насадил на вертел. Вино, которое он выпил, придало ему совершенную уверенность. Его действия стали почти танцем смерти с крысами, фигурировавшими как люди, а он — их седой, серый повелитель, вооруженный рапирой вместо косы.

Тени и посеребренные стены менялись сторонами по мере того, как искривлялась улица. Самая большая крыса миновала Скальпель и прыгнула на его кисть, но он ловко смахнул ее кончиком Кошачьего Когтя, в то время как его шпага проткнула еще двух. Он весело сказал сам себе, что никогда в своей жизни он не был так правдиво и до такой степени Серым Мышатником, уничтожавшим мышей.

Затем что-то пронеслось мимо его носа, как яростная оса, и все изменилось.

Он вспомнил в яркой вспышке крайне странную ночь решения на борту «Скуинда», которая для него стала почти фантазией его памяти, и вооруженные самострелами крысы, и Сквии со шпагой, нацеленной в сердце, и он полностью осознал в Ланкмаре, что имел дело не с обычными или даже сверхнеобычными крысами, а с чужой и враждебной культурой разумных существ, конечно, маленьких, но, возможно, более умных и, конечно, более плодовитых и нацеленных более на убийство, чем люди.

Оставив позади себя писк, он побежал так быстро, как только мог, повторно рубя Скальпелем, но засунув свой кинжал за пояс, и вытащил кошелек с черной бутылочкой Шееблы.

Ее не было. С упавшим сердцем и полуругаясь, он вспомнил, что, выпив вина, оставил ее под подушкой у Наттика.

Он помчался по темной улице Мыслителей с ее высокими зданиями, не пропускавшими свет луны. Большинство крыс

вывалило наружу. Его нога подскользнулась на одной из них, и он почти упал. Еще две железные осы пролетели мимо его лица, и — он никогда не поверил бы в это из чужих уст — это была маленькая, отливавшая голубым, стрела. Он побежал мимо затемненной, длинной стены здания Воровской Гильдии, главным образом думая о том, как увеличить скорость, а совсем не о том, как уничтожить побольше крыс.

Затем почти сразу Дешевая Улица резко повернула. Впереди него горели яркие огни, и находилось множество людей. Через несколько шагов он был среди них, крысы исчезли.

Он купил у уличного торговца маленькую кружку обожженного углем пива, чтобы занять время, пока его страх и тяжелое дыхание не исчезнут. Когда его сухое горло потеплело и немного промочилось, он посмотрел на восток через два квартала по улице Богов по направлению к Болотным Воротам, затем на запад, где было больше сверкавших кварталов, чем он мог ясно видеть.

Ему казалось, что весь Ланкмар собрался сегодня ночью здесь, под светом горящих факелов, ламп и рожковых свечей и яркого света ослепительных столбов, молясь и ругая, жалуюсь и выпивая, чавкая и нашептывая ужасные слухи. Он удивился, почему крысы щадили только эту часть города. Неужели они больше боятся человеческих богов, чем людей?

У Болотных Ворот на конце улицы Богов располагались только хижины самых новых, самых бедных и самых трущобных Богов Ланкмара. Неужели большинство из собравшихся здесь собрались в честь какого-нибудь тощего отшельника или священника, кожа которого прилипла к спине, пришедшего из пустынь Восточной Земли?

Мышатник свернул на другую сторону и начал медленно и зигзагом идти сквозь замолчавшую толпу, здороваясь со старыми знакомыми, то там, то здесь покупая кубок вина или четверть пинты спирта у уличных торговцев, поскольку ланкмарцы верили, что религия и наполовину опьяненный мозг — или, в конечном счете, облегченный выпивкой мозг — прекрасно соответствуют друг другу.

Вопреки моментальному искушению, он успешно прошел по перекрестку с Улицей Проституток, перехватив дротик, летевший ему в висок, чтобы напомнить ему, что эротический опыт должен кончиться бесполезно. Хотя Улица Проституток была темной, девочки, молодые и старые, были сегодня ночью нарасхват, делая свой бизнес в затемненных

портиках, искусно обеспечивая людям действенное изгнание страха после молитв и вина.

Чем дальше он уходил от Болотных Ворот, тем более богато и пышно проходили службы Богам в Ланкмаре, чьи учреждения даже были с посеребренными колоннами и священниками с золотыми цепочками и отделанными золотом одеяниями. Из открытых дверей вырывался яркий желтый свет, крепкий ладан, шум сказанных нараспев проклятий и молитв — все против крыс — так далеко, как Мышатник мог слышать.

Все же крысы не полностью отсутствовали на Улице Богов, как заметил он. Маленькие черные головы выглядывали то тут, то там из кровли, в то время как он более чем однажды, видел за решетками дренажных труб янтарные глаза.

Но сейчас он выпил достаточно вина и спирта, чтобы не бояться таких пустяков. Несмотря даже на его недавнее сражение, его память возвратилась в те времена, когда Фафхрд был бедным, обрванным служителем Бвадреса, единственного священника Иссека из Джуги, а сам он лейтенантом Бандита Пилла, который грабил всех священников и молящихся людей.

Он пришел в себя в хваловском конце Улицы Богов, где храмы все были с золотыми дверями, а их шпили взметнулись высоко в небо, и одежды священников были расцвечены всеми цветами радуги из-за драгоценностей. Вокруг него толпились люди в почти таких же богатых одеждах, и сейчас, прорываясь через толпу, он внезапно увидел под зеленым бархатом капюшона и высоко взбитыми, переплетенными серебром, черными волосами меланхолично-веселое лицо Фрикс с темными глазами, смотревшими на него.

Что-то бледно-коричневое, маленькое и несимметричной формы бесшумно выпало из ее рук на тротуар из керамического кирпича с латуnią. Затем она повернулась и ушла. Он бросился за ней, схватил маленький квадрат свернутого пергамента, но два аристократа, их кортежи и торговец в одежде из золота встали на его пути и, когда он освободил от них дорогу, твердо усмирив свой зажженный вином темперамент, чтобы избежать дуэли, ни зеленого бархатного одеяния, ни какой-нибудь женщины, отдаленно напоминавшей Фрикс, не было.

Он расправил скомканный пергамент и прочитал его под светом низко качавшейся рожковой масляной лампы:

«Будь, как герой, терпелив и храбр, и твое желание будет исполнено за твои рискованные ожидания, и все чары рассеются.

Хисвет».

Он взглянул вверх и обнаружил, что прошел последний шикарно светившийся, паривший храм Богов в Ланкмаре и подошел к неосвященной низкой площади с молчаливой квадратной колокольной Богов из Ланкмара, чьи предки — диетыки с коричневыми костями в черных тогах — которым ланкмарцы не поклонялись, но все же боялись и чтили за их глубочайшие, спящие умы, оставили позади себя всех других богов и дьяволов в Нехвоне.

Записка Хисвет вызвала в нем возбуждение, моментально погашенное этим видом. Мышатник двигался вперед от последней уличной лампы до тех пор, пока он не оказался на темной улице лицом к темному храму. Он собрал в своем опьяненном уме все, что он когда-нибудь слышал об ужасных Богах из Ланкмара: они не нуждались в священниках, службе или даже поклонении, они довольствовались своими темными храмами до тех пор, пока они не разрушались. В мире, где практически все другие боги, включая богов в Ланкмаре, казалось, не требовали ничего, кроме поклонения, большого количества служб, более сильного своего обновления, чтобы они были рассеяны во всех краях мира.

Это было очень необычно и даже зловеще. Они возникали только тогда, когда Ланкмар находился в прямой опасности — и наказывали — не ланкмарских врагов, а его народ — и после этого они исчезали в своем мрачном логове как можно быстрее.

На крышах этого храма не было крысиных фигур или теней вокруг него.

Мышатник с содроганием повернулся спиной к храму, а через улицу, подпертый большими, туманно видимыми цилиндрами зернохранилищ и с обратной стороны дворцом Глипкерио с его радужными минаретами, посиневшими от лунного света, располагался узкий, из темного камня дом Хисвина, торговца зерном. Только одно окно на верхнем этаже горело светом.

Дикие желания проснулись в Мышатнике, разбуженные запиской Хисвет, и он очень желал вскарабкаться в это окно, несмотря на то, что стены выглядели ровными и были построены из черного, как сажа, камня, но простое чувство держалось в нем сильнее, чем дикое желание, несмотря на огонь вина.

Кроме того, Хисвет написала «терпение» до «храбрости».

С сожалением пожав плечами, он отвернулся обратно к залитой светом Улице Богов, отдав, может, большую половину своего кошелька жеманной, украшенной драгоценностями девушке-рабыне за маленькую керамическую фляжку редкого белого бренди из лотка, свисавшего с ее плеч, прямо под ее обнаженными грудями, сделал один глоток холодно-огненного содержимого и от-этого глотка, придавшего храбрости, пошел по смоляно-черной Монашеской Улице, намереваясь пройти по перекрестку за Улицей Мыслителей и по Улице Кораблей и доплестись домой к Наттику на Дешевую Улицу.

На борту «Скуинда», свернувшись в вороньем гнезде, терзался и хныкал во сне черный котенок, как будто преследуемый кошмарами взрослого кота или даже тигра.

Глава десятая

На рассвете Фафхрд украл ягненка и углубился в пшеничное поле к северу от Ильтмара, чтобы приготовить завтрак для себя и своей лошади. Толстые котлеты, жаренные им, в конце концов, хорошо опаленные на толстой зеленой ветке над маленьким огнем, были очаровательны, но кобыла, когда она свирепо ела глазами своего нового хозяина, казалось говорила: «Я съем эту котлету, хотя это — мягкий, облачный и изнеженный овощ, не похожий на жесткую мингольскую пшеницу, на которой они взрастили меня и выработали у меня храбрость, и которая оттачивает зубы».

Они закончили свою трапезу и поторопились скрыться, когда оскорбленные пастухи и фермеры, крича, пошли по полю высокой зеленой пшеницы. Камень, брошенный пастухом, который, возможно, в свое время размозжил голову не одной дюжине волков, прожужжал рядом с быстро опустившейся головой Фафхрда. Он не пытался ответить, а, увеличив скорость, оказался вне зоны досягаемости. Затем он направил лошадь иноходью перед тем, как пройти Ильтмар, чтобы дать себе время подумать; вокруг которого не было дорог, а квадратные башни которого уже виднелись впереди, обманчиво блестя золотом в новых лучах свежего солнца.

Ильтмар, обращенный фронтом к Внутреннему Морю на севере Затопляемой Земли, которая лежала к западу от Ланкмара, был большим, коварным и проявлявшим внима-

ние только к деньгам городом. Хотя ближайший к Ланкмару, он расположился на пересечении дорог известного мира, примерно равноудаленный от охраняемых пустынями Восточных Земель, лесистой Земли Восьми Городов и степями, где в больших тентовых городах кочевали безжалостные минголы. Будучи так размещен, он всегда находил случай посредством обмана или тайной силы обобрать всех путников. Его сухопутные пираты и морские бандиты, которые делились со своими непокорными баронами, которых все боялись, и все же большие силы не позволяли кому-нибудь из них превосходить в таком стратегическом пункте, как Ильтмар, поддерживавшего таким образом независимость посредника, хотя большинство из них были вороватые и не заслуживавшие доверия.

Центральное поселение, где пересекались все слухи Нехвона вместе с путешественниками, тоже являлось причиной, почему Нингаубле Семь Глаз расположился в запутанной, охраняемой чарами пещере у подножья маленьких гор на юге Ильтмара.

Фафхрд не заметил признаков мингольского разезда, который не совсем ему нравился. Легче было пробраться через встревоженный Ильтмар, бездельничающий под солнцем, но со свинячьими глазами, всегда ищущими добычу.

Сейчас он пожалел, что не взял с собой Кришкру, как он хотел раньше. Ее ужасные кости должны были лучше гарантировать безопасность прохода, чем паспорт Короля Востока с посыпанным золотом воском его огромной печати. Какой дурак, вместо того, чтобы полюбить до безумия, либо убежать, человек был с новой женщиной!

Он пожалел также, что отдал ей лук, и что у него не было двух луков.

Тем не менее, он прошел три четверти пути через этот мощный мусором город с его постельными клопами в гостиницах и смолистым вином до того, как наткнулся на неприятность. Большой пышный караван, безусловно, направлявшийся домой в Восточные Земли, отвлек его внимание. Только бесконечно повторявшаяся расцветка скромных зданий вокруг него была эмблемой ильтмарского крысо-бога.

Трудности начались через два квартала после каравана и состояли из семи запуганных и рябых жуликов, одетых в черные ботинки, черные узкие штаны, куртки и черные плащи с капюшонами, откинутыми назад, чтобы показать плотно подогнанные черные ермолки. Казалось, в миг улица опустела, в следующий миг все семь были вокруг него,

угрожая зазубренно-заточенными шпагами и другим оружием, и ему пришлось слезть с лошади.

Один едва не схватил лошадь под уздцы. Это было явной ошибкой. Она встала на дыбы и ударила его железом копыт, несмотря на его бдительность, по его черепу так же аккуратно, как дуэлянт. Фафхрд вытащил свой Серый Жезл и в конце вытаскивания шпаги по горлу ближайшего черного бандита пришелся рубящий удар. Встав обратно на ноги, лошадь внезапно лягнула задней ногой и выпустила кишки неблагодарного товарища, приготовившегося запустить короткий дротик в спину Фафхрда.

Затем лошадь и всадник поскакали прочь на такой скорости, что южные окраины города, ильтмарская баронская охрана были проскочены до того, как эти малопорядочные, одетые в железо бандиты могли их остановить.

Через пол-лиги Фафхрд обернулся.

Признаков погони не было, но в этом его трудно было убедить, он знал ильтмарских бандитов. Они были упрямыми.

Зажженные сейчас жаждой мести так же, как голодом добычи, четыре оставшихся черных жулика, без сомнения, будут его преследовать. К этому времени у них будут стрелы или, в конце концов, больше дротиков, и они будут использовать их на почтительном расстоянии. Он начал высматривать на склонах впереди узкую, почти незаметную тропу, ведущую в подземное жилище Нингаубле.

Глипкерио Кистомаркес понял, что совещание Совета Безопасности было более того, что он мог выдержать. Он включал в себя Внутренний Совет плюс Военный Совет, который превосходил по своему составу. Оба совета включили в свой состав дополнительно знаменитых людей, в том числе и Хисвина, который до сих пор не сказал ничего, хотя его маленькие черные глаза были полны внимания. Но все другие, махая своими похожими на крылья рукавами для акцента, не делали ничего, а говорили и говорили о крысах!

Длинный, как жердь, повелитель, который не выглядел высоким когда сидел, так как весь рост его был в ногах, уронил свои руки под стол, чтобы скрыть то нервное состояние, в котором они извивались, похожие на гнездо нервных, белых змей, но, возможно, из-за того, что сейчас у него развился сильный лицевой тик, который заставлял съезжать его венок из нарциссов на глаза на каждый его тринадцатый вздох, он высчитал это и обнаружил это число решительно зловещим.

Кроме того, он быстро и мало позавтракал и — хуже того — не видел того, как были избиты паж или рабыня или даже отшлепаны перед завтраком, так что его длинные нервы, более тонкие, чем нервы других людей, из-за его сверхаристократичности и длинных конечностей, были в самом жалком состоянии. Это было вчера — как он вспомнил — когда послал одну девушку к Саманде для наказания и все еще не получил новостей от его властной хозяйки дворца. Глипкерио хорошо знал о муке отложенного наказания, но в этом случае, казалось, мука превратилась в откладываемое удовольствие для себя.

Звероподобная, толстая женщина должна обладать большим воображением. Он спросил себя, почему только эти наблюдения за истязаниями могли ее успокоить. Он был человеком очень злоупотреблявшим судьбой.

Сейчас какой-то одетый в черную тогу идиот перечислял девять аргументов за вознаграждение всех священников ильтмарского крысо-бога, пришедших в Ланкмар и совершивших соответствующие молитвы.

Глипкерио встал так резко и нетерпеливо, что был выведен из себя чрезмерными комплиментами себе, с которыми каждый говоривший предвосхищал свою речь, и всякий раз, когда говоривший останавливался более чем на момент вздоха или для эффекта, он наобум говорил «да» или «нет», надеясь, что это убыстрит дело, но, по-видимому, все шло к другому. Олегния Мингольское Несчастье еще хотел что-то сказать, а он был самым скучным, длинноречивым и неувлекательным оратором среди всех.

К нему подошел паж и, встав на колени, почтительно протянул свиток грязного пергамента, дважды сложенного и скрепленного печатью с помощью свечной мази.

Он схватил его, взглянув на безошибочно большой и толстый отпечаток большого пальца Саманды на черной, как сажа, печати, развернул свиток и прочитал черные каракули:

«Она будет исхлестана белой от жара проволокой, когда пробьет три. Не опоздай, маленький повелитель, так как я буду тебя ждать».

Мысли Глипкерио на миг сконцентрировались на том, что то ли в половине, то ли без пятнадцати три он слышал последний удар.

Помахав сложенной запиской — или, возможно, это только так дико задрожала его рука — он сказал на одном дыхании, при этом вызываясь смотреть:

— Важные новости о моем секретном оружии! Я должен остаться один с моим отправителем.

Не дожидаясь реакции, но с последним тиком таким сильным, что его венок упал ему на нос, повелитель Ланкмара устремился через посеребренную из пурпурного дерева арку вон из комнаты Совета.

Хисвин выскользнул из своего кресла с кратким, со сжатыми губами поклоном Совету и торопливо вышел вслед за ним так быстро, как будто у него под ногой были скорее колеса, чем ноги. Он догнал Глипкерио в коридоре, твердо взяв его под руку на высоте его одетой в черное головы и быстро посмотрев вперед и назад, высматривая подслушавших, сказал мягко, но все же возбужденно:

— Радуйся, о могущественный ум всего Ланкмара, оставшаяся планета наконец встала на свое место, присоединилась к своему звездному флоту, и сегодня ночью я произнесу свои заклинания, которые спасут твой город от крыс!

— Что? А, да. Хорошо, — ответил Глипкерио, главным образом, чтобы отвязаться от объятий Хисвина.

Одновременно он откинул назад свой желтый венок так, чтобы он оказался на макушке его головы с белыми волосами.

— Но сейчас я должен... Оставь меня.

— Она будет стоять и ждать наказания, — прошипел Хисвин с явным презрением. — Я сказал, что сегодня ночью, когда пробьет двенадцать, я произнесу свое заклинание, которое спасет Ланкмар от крыс, а также и ваш трон, который вы потеряете, если мы не прогоним крыс сегодня ночью.

— Но в том-то и дело, что она не подождет, — ответил Глипкерио с мучительным волнением. — В двенадцать, говоришь? Но этого не может быть. Не в три! — точно?

О, самый мудрый и самый великий хозяин времени и вод космоса!

Хисвин заискивающе проворчал, как будто на цыпочках, затем он впился ногтями в руку Глипкерио и сказал медленно, выделяя каждое слово:

— Я сказал, что этой ночью. Мои дьявольские шпионы уверили меня, что красный план отложен на этот вечер, чтобы убаюкать осторожность народа, чтобы затем в полночь напасть. Чтобы быть уверенным, что они всё будут произносить свое смертоносное заклинание с самого высокого минарета города, ты должен будешь за час до этого приказать всем солдатам, как и твоим полицейским, собраться в Южных Бараках. Скажи Капитану-Генералу Олега, что ты желаешь, чтобы он выступил перед нами с ободряющей

речью. Старый дурак не сможет противостоять этому искушению. Вы поняли меня, мой повелитель?

— Да, да! — страстно забормотал Глипкерио..

Он скорчился от хватки Хисвина, еще не согласившись, но думая только о свободе.

— В одиннадцать вечера сегодня всех солдат и полицейских убрать с улиц... оратор — Олегния. А сейчас, пожалуйста, Хисвин, я должен идти...

— Чтобы увидеть, как избивают девушку, — спокойно закончил за него Хисвин.

Он вцепился в Глипкерио ногтями.

— Ждите меня ровно в четверть двенадцатого в вашей Голубой аудиенц-зале, откуда я заберусь на Голубой минарет, чтобы произнести свое. Вы САМИ должны быть там вместе с вашими пажами, чтобы сообщить свое известие всем людям. Смотрите, чтобы они были обеспечены жезлами власти. Я пошлю свою дочь и ее служанку, чтобы она успокоила вас, а также несколько моих мингольских слуг, чтобы, если понадобится, они поддержали ваших пажей. Лучше, если для них также будут жезлы власти. Также...

— Да, да, дорогой Хисвин, — вклинился Глипкерио со своим отчаянным бормотанием. — Я очень благодарен Фрикс и Хисвет. Очень хорошо. Я помню все. В четверть двенадцатого. Голубая зала. Пажи, жезлы для минголов. А сейчас я должен идти...

— Также, — неумолимо продолжал Хисвин, — остерегайтесь Серого Мышонка!

Его ногти действовали, как захлопнувшийся капкан.

— Пошлите своих людей понаблюдать за ним. А сейчас идите к вашим забавам бичевания, — весело добавил он.

Он вытащил свои ногти из рук Глипкерио.

Массируя следы, которые проделали ногти, все же с трудом понимая, что он был свободен, Глипкерио пробормотал:

— А, да, Мышатник — плохо, но остальное хорошо! Премного благодарен, Хисвин! А сейчас я должен идти...

Повернувшись, он пошел стремительными и неправдоподобными длинными шагами.

— ...чтобы увидеть девушку!..

Хисвин не мог удержаться, чтобы не ответить.

Как будто слова его ударили между лопатками, Глипкерио обернулся при этом и прервал Хисвина с некоторым воодушевлением.

— Совершить дело наипервейшей важности! У меня есть другое секретное оружие, старик, а также другие колдуны!

Затем он опять пошел быстрой походкой, которая заставляла его ногу вытягиваться во всю длину.

Приложив костлявую руку к сморщенным губам, Хисвин мелодично крикнул ему вслед:

— Я надеюсь, что ваше тело уже достаточно натерзалось и будет кричать очень успокаивающе, храбрый повелитель!

Серый Мышатник показал свое курьерское кольцо стражникам у покрытого черепицей входа во дворец. Он был наполовину уверен, что это не сработает. У Хисвина было два дня, чтобы настроить глупый ум Глиппи против него. И в самом деле, были осведомительные взгляды и долгое ожидание, достаточное для Мышатника, чтобы почувствовать полную силу своего похмелья и поклясться так много никогда не пить, опять так смешивая, и поразиться своей глупости и удаче в рискованном приключении последней ночью на темных, кишевших крысами улицах, и возвращении пьяным к Наттику прямым по некоторым самым темным улицам, не попав при этом во вторую крысиную западню.

Ну, в конце концов, он обнаружил черную бутылочку Шееблы у Наттика, оставленную в тот момент, когда он пытался выпить еще и держал эту ободрявшую, возбуждавшую записку Хисвет. Как только он кончит здесь дела, он пойдет прямо в дом Хисвина и...

Стражник вернулся откуда-то и кисло кивнул. Он вошел внутрь.

От усмехавшегося губами третьего дворецкого, который был старым любителем посплетничать с Мышатником, он узнал, что повелитель Ланкмара заседает вместе со своим Советом Безопасности, в который сейчас входит Хисвин. Хисвин воспротивился мгновенному сильному импульсу испытать магию Шееблы перед выдающимися людьми Ланкмара и в присутствии своего главного врага, однако он уверенно похлопал по черной бутылочке в своем кошельке. В конечном счете, ему нужно узнать место, где собираются крысы, чтобы проверить все дело, и чтобы лучше его обработать, ему нужен один Глипкерио. Он углубился в темные, запутанные нижние коридоры дворца, чтобы, не теряя времени, подслушать или поболтать, как будет возможно. Как обычно случалось, когда он убивал время, Мышатник вскоре оказался перед кухней. Хотя он нежно ненавидел Саманду, он обратил особое внимание на ухаживание за ней, потому что он знал о ее власти во дворце, любил ее грибы и муслиновое вино.

Задние и все же безупречно чистые коридоры, которые он сейчас проходил, были пусты. Прошло полчаса после того, как мылась обеденная посуда, а ужин, главным образом, еще не начался, и каждый уставший слуга, который мог, рухнул либо на койку, либо на пол. Также угроза крыс без сомнения обескураживала как слугу, так и хозяина. Однажды он подумал, что слышал позади себя слабый звук шагов, но он исчез, когда он оглянулся, и ничего не появилось. Временами он начинал ощущать запахи пищи, огня, горшков, мыла, судомойки. Молчание становилось почти жалким. Затем где-то резко три раза позвонил звонок, и впереди прозвучало: «Вон» резким голосом Саманды.

Мышатник непроизвольно вздрогнул, кожаный занавес надулся, и три поваренка и девушка-рабыня, торопясь, молча, вышли в коридор. Их обнаженные ноги не вызывали ни звука при ходьбе по изразцам, в свете, проникавшем вниз через маленькие высокие окна, они выглядели как восковые манекены, когда они друг за другом прошли мимо него. Хотя они уклонились от него, казалось, они его не видели, или, возможно, это была какая-то вбитая плетью дисциплина «глаза вперед».

Так же молча, как и они, которые даже не могли произвести шум падающих волос, так как утренняя стрижка лишила их всего, Мышатник бросился вперед и поднес глаз к щели в кожаном занавесе.

Четыре другие двери на кухне, даже одна в галерею, также имели кожаные занавеси. В большой, жарко натопленной комнате находились только двое. Толстая Саманда, потевшая в своем черном шерстяном платье и под колючим темно-фиолетовым пудингом ее сложенных в кучу черных волос, нагревала в раскаленном добела очаге семь проволочных плетей с длинными рукоятками. Она немного сдвинула их вперед: пучки горели тускло-красным. Она по усы вытянулась в улыбке, пролив соленый дождь, когда ее большие, выпуклые глаза остановились на Рифе, которая стояла с руками по швам и высоко поднятым подбородком почти в центре комнаты, наполовину отвернувшись от огня. На девушке был только кожаный ошейник.

Ромбовидные шрамы от последнего наказания плетью все еще отчетливо виднелись на ее спине.

— Встань прямее, моя любимая, — заворковала, как корова, Саманда. — Или лучше, если твои руки будут привязаны к балке, а ноги к кольцу в люке в подвал?

Сейчас сухая вонь грязной воды на полу особенно сильно ударила в ноздри Мышатнику. Взглянув вниз через дверь, он заметил большое деревянное ведро, наполненное почти до краев, с большой мокрой шваброй, сложенной вокруг серой, пенившейся мылом воды.

Саманда опять проверила семь проволочин. Они светились ярко-красным.

— Сейчас, — сказала она. — Держись, моя дражайшая.

Проскользнув через занавес и прихватив швабру за ее тонкую обломанную ручку, Мышатник подбежал к Саманде, держа огромную, похожую на капающую голову медузы швабру между их лицами, надеясь, что Саманда не узнает нападавшего. Когда огненные проволоочки слабо прошипели по воздуху, он ткнул швабру прямо в лицо Саманды с сильным чмоканьем и серыми брызгами так, что Саманда отлетела на ряд до того, как споткнуться о длинную вилку для пыток и упасть спиной на свою задницу.

Оставив швабру лежать на ее лице — ручка была напротив ее лба, — Мышатник повернулся, заметив при этом водянистый желтый глаз за ближайшей занавеской, а также последнее мерцание красных проволочин, лежавших на середине пути между очагом и Рифой, которая стояла, деревянно прямая, с закрытыми глазами и с напряженными мускулами, ждущими огненного удара.

Он взял ее за руку. Она закричала от удивления со скрытым напряжением, но он не обратил внимания на это и поторопил ее в сторону двери, через которую он вошел, затем быстро остановился при звуке множества ног за ней. Он толкнул девушку к другим занавесям, у которых в щелях не было видно глаз.

Затопало еще больше ног. Он метнулся обратно на середину комнаты, все еще твердо держа Рифу.

Саманда, все еще лежа на спине, отбросила швабру и бешено вытирала глаза своими толстыми пальцами, визжа из-за жгучего мыла от ярости.

К водяному желтому глазу присоединился его партнер, когда ворвался Глипкерио, с косо висевшим венком из нарциссов, в распахнутой черной тоге и со стражниками с обеих сторон, направивших на Мышатника блестящие, коричнево-стальные наконечники пик, в то время как позади них толпились другие охранники.

Другие с копьями наготове заполнили три других двери и появились даже в галерее.

Направив длинные, белые пальцы на Мышатника, Глипкеро завизжал:

— О, самый неверный, Серый Мышатник! Хисвин намекал мне о твоих действиях против меня, а сейчас я поймал тебя при этом!

Неожиданно Мышатник присел на корточки и потянул напряжением обеих рук за большое, углубленное железное кольцо.

Толстый квадратный люк, сделанный из твердого дерева, поднялся вместе с кафелем, повернувшись на петлях.

— Вниз! — приказал он Рифе.

Она повиновалась с похвальным спокойствием. Сгорбившись, Мышатник последовал за ней, позволив крышке упасть. Она захлопнулась вовремя, чтобы отбить острия двух копий, брошенных в Мышатника, и, вероятно, с мыслью сделать из них рычаг для рук, чтобы поднять потом крышку. Мышатник подумал про себя, что восхитительные клинья из этих застрявших наконечников из коричневого железа будут крепко держать люк.

Сейчас он был в абсолютной темноте, но ранее он увидел форму и длину каменных ступеней и пустое место, облицованное каменными плитами, под примыкавшей, покрытой селитрой стеной. Опять взяв Рифу за руку, он провел вниз по ступенькам через песчаный пол в паре ярдов от стены. Затем он оставил девушку и нащупал в своем кошельке кремьень, свой трут, железяку и короткую, толстую свечу.

Сверху донесся треск. Это, без сомнения, был треск ломавшегося копья, как будто кто-то пытался вытащить застрявший наконечник.

Затем кто-то заглушил его приказом:

— Оставь!

Мышатник усмехнулся в темноте, думая, что это заклинит наконечник из коричневого железа еще плотнее.

Посыпались маленькие искры, прозрачное пламя засветилось на кончике трута, маленькое, круглое пламя, похожее на золотое насекомое с сапфировым центром появилось на верхушке свечи и начало уверенно увеличиваться. Мышатник щелчком потушил трут и поднял свечу рядом с головой. Ее пламя неожиданно стало большим и ярким.

В следующий момент руки Рифы сцепились вокруг него, и она начала задыхаться с пересохшим ртом в ужасе рядом с его ухом.

Окружив их с трех сторон и обратив их спиной к старинной каменной стене с ее бледными кристаллическими пятнами,

стояла дюжина рядов молчаливых крыс, построенных полукругом на расстоянии длины копья — сотни, даже тысячи чернущих длиннохвостых, и еще больше вываливало из множества нор у основания стены в подвале, которая была то тут, то там загромождена бочонками и мешками.

Мышатник внезапно усмехнулся, бросил трут, сталь и кремень обратно в кошелек и нащупал что-то другое.

Между тем, он заметил высокую, узкую нору около себя, недавно прогрызенную или, возможно, высеченную и обработанную киркой, судя по кусочкам раствора и маленьким осколкам камня, разбросанным перед ней. Крысы из нее не выползали, но он был осторожен на этот счет.

Мышатник вытащил квадратную черную бутылочку Шеблы, размотал повязку и вытащил кристаллическую затычку.

Грубые тупари на кухне сейчас над головой заколотили по крышке — еще одна бесполезная атака!

Крысы все еще выбирались из нор в таком количестве, что они грозили стать черным ковром, покрывавшим весь пол подвала, кроме маленького пространства, где Рифа держалась за Мышатника.

Он улыбнулся, поднес бутылочку к губам, немного попробовал, задумчиво подержал на языке, поднял бутылочку и позволил ее содержимому, слабо булькая, перейти в его рот и далее в горло.

Рифа, не рассоединяя рук, сказала немного укоризненно: — Я тоже могу выпить немного вина.

Мышатник, счастливо подняв на нее брови, объяснил: — Это не вино. Это волшебство.

Ее собственные брови были выбриты, а то они наверняка поднялись бы в изумлении. Он подмигнул ей, отбросил бутылочку в сторону и уверенно стал ждать прихода своих антикрысиных сил, какие бы они ни были.

Сверху донесся стон металла и медленный скрип крепкого дерева. Сейчас они действовали правильно, с помощью засова. Явно, ловушка должна открыться как раз в тот момент, когда Глипкерио станет свидетелем победы Мышатника над крысиной армией. Все складывалось прекрасно.

Черное море до сих пор молчаливых крыс начало волноваться, и оттуда донесся яростный писк и шум маленьких зубов.

Лучше и лучше! — этот, похожий на военный, вид, должно быть, вдохнул в их поражение какую-то жизнь.

Он лениво заметил, что оказался в центре розового пятна грязи, которое он, должно быть, не заметил в спешке и в волнении. Он никогда не видел такой почвы в подвале.

Его глазные яблоки, как ему показалось, опухли и немного горели, и внезапно он почувствовал в себе силы бога. Он взглянул на Рифу, чтобы подбодрить ее, чтобы он не боялась того, что сейчас могло произойти — скажем, его тело засветится золотым огнем или два ярко-алых луча из его глаз вспыхнут, чтобы иссушить крыс или нагреть их до взрыва.

Затем он спросил себя: «Залезть на Рифу?»

Розовое пятно стало большой лужицей, загнутой над подошвами его ботинок.

Раздался раскалывающийся звук, и из кухни на массу крыс брызнул свет.

Мышатник с ужасом, как дурак, уставился на них. Они были такими же большими, как коты! Нет, черные волки! Нет, ужасные черные люди на четвереньках. Он схватился за Рифу и обнаружил себя тщетно пытающимся обнять своими руками гладкую белую икру толщиной с собранную колонну.

Он посмотрел вверх на удивленное и полное страха лицо Рифы на высоте двух этажей. Тут в его ушах эхом прокатились слова Шееблы, сказанные невнимательно, дьявольски непонятные: «Встань на верный путь, чтобы справиться с ситуацией».

О, да, в самом деле!

Грязная лужа и ее серая кайма стали еще больше, и он оказался в ней по щиколотки.

Он схватился за ногу Рифы моментом позже со слабой и неприятной надеждой, поскольку как оружие, так и его одежда, которые соприкасались с ним, уменьшались вместе с ним. Она может также уменьшиться при его прикосновении. Он, в конце концов, должен иметь товарища.

Возможно, к его чести, он не стал орать: «Подними меня!»

Случилось лишь то, что сверху загредел глубокий, невнятный голос из уст Рифы, больших, как окаймленный красный щит:

— Что ты делаешь? Я боюсь. Вызови магию.

Мышатник отпрыгнул от телесной колонны, шлепая по розовому, гладкому веществу, почти скользя по нему, и выхватил свою шпагу-Скальпель. Он был чуть больше иглы для починки парусов. В то время как свеча, которую он держал в левой руке, была размеров, подходящих для того, чтобы осветить комнату в кукольном домике.

Раздался громкий, смущенный, усиленный гомон и топот лап, воинственные крики оглушили его, и он увидел огромных черных крыс, бросившихся на него с трех сторон рядами, подпрыгивая на серую ступеньку, затем они зашлепали по розовой грязи, вызывая в ней рябь.

Рифа, пораженная ужасом, наблюдала, как необъяснимо уменьшившийся спаситель повернулся через осколок скалы, приземлился в розовых брызгах и, размахивая своей розовой шпажкой перед собой, прикрыв свою кукольную свечу плащом и опустив голову, нырнул в крысиную нору позади нее.

Крысы бегом, слегка задевая ее лодыжки и кусая друг друга, бросились, чтобы быть первыми в норе за Мышатником.

В других местах крысиная стая исчезла в других норах. Ни одна крыса не осталась достаточно долго, чтобы укусить ее за ногу.

Ее нервы не выдержали. Ее первые шаги перемешали розовую грязь и серую пыль. При этом она закричала и побежала вверх по ступенькам. Крысы уклонялись из-под ее ног. Она выцарапала себе путь среди нескольких стражников, влетела с расширенными глазами на кухню и осела, рыдая и тяжело дыша, на кафель. Саманда защелкнула цепь на ее ошейнике.

Фафхрд, с руками, соединенными в кольцо выше и перед головой, чтобы избежать удара по черепу от вспышек, а также неожиданных царапин на лице от паутины, от похожих на призрачные пальцев и от тонких крыльев, наконец увидел зубчатое, зеленое зарево впереди.

Вскоре он вышел из черного туннеля в большую, со множеством выходов пещеру...

Что-то горело в центре ее каменного пола зеленым огнем, который поддерживался бревнами кроваво-красного цвета, двумя худыми, в изорванных туниках, быстроглазыми мальчишками, которые выглядели как типичные уличные мальчишки из Ланкмара или Ильтмара, или любого другого упадочного города. У одного под левым глазом был морщинистый рубец. С другой стороны огня от них на низком, широком камне сидела неприлично толстая фигура, так хорошо одетая и закрытая капюшоном, что ни кусочка ее лица или рук не было видно.

Он сортировал большую кучу высушенных объедков и осколков горшков, держа их через черную ткань своих сверх-

длинных свисавших рукавов, и проверял их, поднося их к голове почти внутрь капюшона.

— Добро пожаловать, мой Добрый Сын, — сказал он Фафхрду.

Его голос был похож на дрожащую, сладкую флейту.

— Какой счастливый случай привел тебя сюда?

— Ты знаешь! — резко сказал Фафхрд.

Он шагнул вперед до того самого места, где он мог смотреть через скачущий зеленый огонь в черный овал, защищенный передним краем капюшона.

— Как помочь Мышатнику? Что с Ланкмаром? Почему — во имя всех богов смерти и разрушения — так важен этот оловянный свисток?

— Ты говоришь загадками, Добрый Сын, — ответил успокаивающий голос флейты.

Обладатель его возвратился к сортировке объедков.

— Какой оловянный свисток? В каких неприятностях сейчас Мышатник? Безрассудная молодость! А что с Ланкмаром?

Фафхрд выпустил поток проклятий, который бесследно прогрохотал среди сталактитов над головой. Затем он вытащил из своего кошелька маленький черный цилиндр, послание Шееблы, и держал его между указательным и большим пальцами, которые трясло от ярости.

— Посмотри, тот-кто-не-знает-ничего! Я оставил любимую девушку, чтобы ответить на это, а сейчас...

Фигура в капюшоне щебечуще засвистела, и по этому сигналу черная летучая мышь, о которой Фафхрд забыл, приземлилась с его плеча, выхватила острыми зубами из его сжатых пальцев записку и приземлилась на толстую, скрытую рукавом руку или щупальце, или чем бы еще оно ни было. Это поднесло летучую мышь к отверстию капюшона, которая любезно залетела внутрь и там исчезла в угольной черноте.

Затем последовал пискливый, неразумный, приглушенный капюшоном диалог, пока Фафхрд приставил свои руки к губам и раздражался. Двое худых мальчишек скрытно усмехнулись ему и дерзко перешептывались. Их яркие глаза никогда не покидали его. Наконец щебечущий голос сказал:

— Сейчас это ясно для меня. О, терпеливый Сын. Шеебла Безглазое Лицо и я не жалели сил — небольшая колдовская потасовка — и сейчас он ищет, как усилить свои позиции. Ну, ну, первые успехи Шееблы! Хо-хо-хо!

— Очень смешно! — проворчал Фафхрд. — Спешка — это главное в нашем разговоре. Затопляемая Земля подни-

мается, гоня свою воду, когда я входил в пещеру. Моя быстрая, но заезженная лошадь щиплет снаружи твою скаредную траву. Чтобы преодолеть Затопляемую Землю до того, как она встанет на место, я должен уйти в течение получаса. Что я должен сделать с Мышатником, Ланкмаром и этим оловянным свистком?

— Добрый Сын, я ничего об этом не знаю, — просто ответил другой. — Только желания Шееблы, как воздух, ясны для меня: О хо-хо, подумать, что он... Подожди, Фафхрд! Не громыхай сталактитами опять. Я не заколдовал их против падения. Во вселенной не существует чар, через которые настоящий товарищ не сможет прорваться. Я советую тебе никогда не бояться. Но я должен сначала сделать предсказание. Рассыпьте, ребята, золотую цепь, но экономно, не потеряйте. Она стоит в десять раз больше, чем в нерастворенном состоянии.

Двое мальчишек — каждый залез в сумку позади себя — бросили в основание зеленого пламени блестящий золотой водоворот. Пламя мгновенно потемнело, хотя поднялось высоко, даже без копоти. Наблюдая за ним сейчас в почти по-ночному темной пещере, Фафхрд подумал, что мог бы увидеть мимолетные, искаженные тени высоких горбатых людей, зверей с низкими плечами, прекрасных восковых танцующих женщин и тому подобное, но все было нечетким или даже без намека на жизнь.

Затем из большого капюшона вышли к темнеющему огню два зеленоватых овала, каждый с вертикальной черной полосой, похожие на драгоценные кошачьи глаза. В полуярде от капюшона они остановились и замерли в готовности. К ним на скорости присоединились два больших, оба разошлись и перемещались быстрее. Затем один пришелся сверху аркой над огнем до тех пор, пока он не оказался в опасности испечься. Наконец, два, которые дрейфовали с противоположной стороны, почти невозможно далеко вокруг огня, стали наблюдать с места рядом с Фафхрдом.

Щебечущий голос здраво сказал:

— Лучше всего смотреть на проблему со всех сторон.

Фафхрд соединил свои лопатки и сдержал дрожь. Этого только не хватало — показать, что ты смущен, наблюдая за тем, как Нингаубле посыпал свои семь глаз на их, по видимому, неопределенные растяжимые беседы, особенно в случаях, когда он, застенчивый, как девственница в купальном халате, держал их скрытно.

Прошло так много времени, что Фафхрд начал в нетерпении щелкать пальцами сперва быстро, затем более искусно.

Он посмотрел на пламя. В нем не было ничего, кроме мучившихся, вспенившихся теней.

Наконец зеленые глаза залетели снова в капюшон, как сверхъестественный флот, возвращающийся в порт. Пламя опять стало ярко-зеленым, и Нингаубле сказал:

— Добрый Сын, сейчас я понял твою задачу и ответы на нее, но только частью. Я видел много, но все же не могу объяснить всего. Серый Мышатник сейчас как раз на двадцать пять футов ниже самого глубокого подвала во дворце Кистомаркеса Глипкерио, но он не похоронен и не мертв, хотя в двадцати четырех случаях из двадцати пяти он мертв, в подвале, который я упомянул. Но он жив.

— Но как? — почти глуповато сказал Фафхрд.

Он вытянул руку с растопыренными пальцами.

— Не имею ни малейшего понятия. Он окружен глазами, но рядом с ним два друга — в некотором роде. О, Ланкмар — это ясней. Он захвачен, его стены везде обрушены, и отчаянное сражение идет на улицах сильным войском, которое превосходит жителей Ланкмара. Мой бог, пятьдесят к одному — и вооруженные самым современным оружием. Все же ты можешь спасти город, ты можешь повернуть течение битвы — эта часть проходит очень ясно, — если ты только успеешь в храм Богов из Ланкмара, взберешься на его колокольню и ударишь в колокола, которые молчали бесчисленное количество веков, вероятно, чтобы разбудить этих богов. Но это только предположение.

— Мне не нравится думать о том, что придется иметь дело с этой пыльной компанией, — объяснил Фафхрд. — Из этого, что я слышал о них, они скорее похожи на ходячие мумии, чем на настоящих богов, и даже на бездушных и нелюбящих существ, из которых сыплется нечто, похожее на песок, с ядовитыми старческими причудами.

Нингаубле пожал плечами, покрытыми тканью.

— Я думал, что ты храбрый человек, пристрастившийся к поступкам безрассудной храбрости.

Фафхрд сардонически ухмыльнулся, а потом спросил:

— Но даже если я должен позвонить в эти ржавые колокола, как может выстоять Ланкмар с обрушившимися стенами и неравенством пятьдесят к одному?

— Я сам хочу знать, — уверил его Нингаубле.

— И как я попаду в храм, если улицы заполнены сражающимися?

Нингаубле опять пожал плечами.

— Ты герой. Ты должен знать.

— Ну ладно. А оловянный свисток? — проскрежетал Фафхрд.

— Ты знаешь, я ничего не знаю об оловянном свистке. Извини. Он с тобой? Можно я гляну?

Ворча, Фафхрд вытащил его из худого кошелька и протянул мимо огня.

— Ты свистел в него? — спросил Нингаубле.

— Нет, — ответил Фафхрд.

Он с удивлением поджал губы.

— Не свистел! — воскликнул Нингаубле. — Ни в каком случае никогда не свисти в странные свистки. Это может вызвать дела, которые гораздо хуже, чем изувечивание мастифами или полицией. А сейчас дай его мне.

Он вытащил его у Фафхрда двойным сгибом оживленного рукава и поднес его ближе к капюшону, вращая по часовой стрелке, а потом против, окончательно змеевидно выпустив четыре глаза и подвергая свисток тщательному осмотру на расстоянии большого пальца.

Наконец он убрал свои глаза, вздохнул и сказал:

— Ну, я не уверен, но здесь в подписи тринадцать знаков. Я не могу их расшифровать. Ты подумай: их тринадцать сейчас. Если ты свяжешь этот факт с тонкой, лежащей кошачьей фигурой на другой стороне... Ну, я думаю, когда ты свистнешь в этот свисток, то свяжешься с Боевыми Котами. Подумай, это только предположение, и одно из нескольких, каждое не совсем возможное.

— Кто это — Боевые Коты? — спросил Фафхрд.

Нингаубле передвинул своим полным плечом и шеей под одеждой.

— Я никогда не был уверен, но согласно различным слухам и легендам — о, да и какая-то пещера, тянущаяся на север от Холодной Пустыни и к югу от Куармола, — я пришел к опытному заключению, что они — военная аристократия всех кошачьих племен, кровожадный внутренний круг из тринадцати членов, словом, дюжина и один берсерк. Я допускаю на миг — подумай, — что они должны появиться, когда их вызывают, возможно, этим свистом, и немедленно нападают на любое существо из существ, зверя или человека, который оказывается угрозой для кошачьего племени. Так что я должен предупредить тебя, чтобы ты не свистел в него, кроме случаев, когда здесь же присутствуют враги котов, более достойные атаки, чем ты, так как я полагаю,

что ты убил несколько тигров и леопардов в свое время. Держи.

Фафхрд взял и положил свисток в кошелек, потребовав:

— Но во имя окаймленного льдом черепа Бога, когда я должен в него свистеть? Как может Мышатник выжить в двух случаях из пятидесяти, когда похоронен на восьмидесяти-двух футов глубине? Какое огромное, пятьдесят к одному, войско может штурмовать Ланкмар без месяцев слухов и рапортов об их приближении? Какой флот мог довести...

— Не надо больше вопросов! — пронзительно вставил Нингаубле. — Твои полчаса кончились. Если ты хочешь миновать Затопленную Землю, чтобы спасти город, ты должен сейчас скакать в Ланкмар. Не надо больше слов.

Фафхрд неистовствовал дальше, но Нингаубле сохранял упрямое молчание, поэтому Фафхрд произнес последнее, оглушительное проклятие, которое заставило упасть маленький сталактит, который едва не вышиб ему мозги, и удалился, не обращая внимания на раздражающие мальчишеские улыбки.

Вне пещеры он сел на мингольскую кобылу и пустил ее мягким галопом, сопровождаемый облаками пыли из-под копыт по залитому солнцем сухому, шелестящему склону, вниз к широкому, с милую тянущемуся на запад перешейку из темно-коричневой скалы, наполовину покрытому там и здесь мутной морской водой.

Это была Затопленная Земля. На юге блестела безмятежная голубая вода Моря Востока, на севере — беспокойные серые воды Внутреннего Моря и блестящие квадратные башни Ильтмара. Также на севере он заметил четыре маленьких, пыльных облачка, похожих на его собственное, которые спустились по ильтмарской дороге, по которой он ранее ехал. Почти уверенно он подумал, что четыре черных бандита наконец решили преследовать его, пылающие жаждой мстить за троих убитых товарищей. Он сузил глаза и слегка подтолкнул серую кобылу в сильный прыжок.

Глава одиннадцатая

Мышатник бежал, оставляя след на серых холодных помоях, через обширный, с низким потолком зал, окаймленный столбами, как рудник, с бесконечными кирпичами и секциями из ручек от копий и ручек от метлы и освещенный посаженными в клетки светящимися жуками и червяками,

иногда шипящим факелом, который держал в руке крыс-паж в коротких клетчатых штанах и в куртке, освещая путь для какой-нибудь персоны в маске или персонам высокого ранга. Несколько разукрашенных драгоценностями или чудовищно толстых крыс, также в масках, передвигались в носилках, которые несли две или четыре коренастых, мускулистых почти обнаженных крысы. Хромая, старая крыса, несущая два мешка, которые дергались изнутри, вытянула тусклых, усталых жуков из их клеток и заменила их свежими и яркими. Мышатник торопился, передвигаясь крадучись, с постоянно согнутыми коленями, податым вперед туловищем и вытянутым вперед подбородком. Это причиняло его ногам боль, но это придавало ему, как он надеялся, силуэт и походку крысы, идущей на двух лапах. Вся его голова была закрыта цилиндрической маской, вырезанной из полы его плаща, с проделанными дырками для глаз и скрепленной с помощью проволоки, которая до этого скрепляла ножны Скальпеля, и выбивающейся из-под его подбородка на несколько дюймов вперед и вниз, чтобы придать впечатление, что маска прикрывает длинное крысиное рыло.

Он только догадывался, что должно случиться, если кто-то подойдет к нему и будет настолько внимателен, чтобы заметить, что его маска и плащ, разумеется, тоже сделаны из крошечных крысиных шкур, крепко сшитых между собой. Он надеялся, что крысам докучали пропорционально меньшие крысы, хотя он не заметил какой-нибудь более мелкой крысы до сих пор. Кроме того, существовала поговорка о маленьких клопах, у которых есть еще более маленькие клопы, и так далее. В любом случае он мог утверждать при аресте, что прибыл из далекого крысиного города, где так бывало.

Чтобы держать любопытных и сомневающихся на расстоянии, он вертел свои руки в рукавицах на ручках Скальпеля и Кошачьего Когтя и яростно пищал или ворчал такие страшные ругательства, как: «Все ловцы крысиной мелюзги!» или «Толстой свечой и коркой бекона!» по-ланкмарски, так как сейчас его маленькие уши слышали достаточно быстро, и он знал, что этот язык хорошо распространен под землей и особенно у аристократов нижних уровней.

Это было более чем естественно, что крысы, которые жили паразитами на человеческих фермах, кораблях и городах, должны были скопировать язык людей так же, как и многие другие пункты поведения и культуры. Он уже заметил других одиноких, вооруженных крыс-храбрецов или берсерков,

вероятно, которые вели себя в раздражительной и опасной манере, которую он сейчас принял.

Его бегство из крысиного подвала осуществилось благодаря его собственному хладнокровию и мешавшему рвению его преследователей, которые дрались за то, чтобы быть первыми, так что туннель позади него оказался заблокированным.

Свеча была самым надежным помощником в его спуске на первых, уходивших вниз, грубо вытесненных, затем грубо выкопанных ходов, где он пробирался крадучись и прыгая, приостанавливаясь на скалистом, выбитом или вырытом склоне в грунте только тогда, когда его скорость становилась такой большой, что грозила катастрофическим падением. Первый зал с колоннами был также черным, почти как смола.

Здесь он быстро надернул свой плащ на лицо до глаз, поскольку его свеча показывала ему многочисленных крыс, большинство из них, стоя прямо, носили темную одежду, иногда только пару штанов или куртку, или шляпу с опущенными полями, или халат, или пояс для крюка с коротким лезвием. Некоторые несли кирку или лопату, или брус через плечо. Была крыса, одетая полностью в черное, вооруженная шпагой и кинжалом, с окаймленной серебром маской во все лицо — в конце концов, Мышатник сошелся на том, что это была крыса.

Сперва он пошел по ходу вниз по регулярным ступенькам, вытесанным в скале или вырезанным в гравии, и остановился на повороте на лестницу, все-таки заинтересовавшись полным вони альковом.

В нем находились первые, которые он видел, лампы из огненных жуков и полдюжина маленьких помещений, каждое с закрытой дверью, с большими просветами сверху и снизу. После момента сомнений он устремился в одну из комнат, в которой не виднелось задних ламп и ботинок снизу, и, уверенно накинув крючок на двери позади себя, начал немедленно и быстро делать для себя крысиную маску. Его инстинктивное предположение о назначении этих помещений подтвердилось большой двуручной корзиной, наполовину полной пометом крыс, и корзиной с вонючей мочей. После того, как он сделал длинномордую маску и надел ее, он потушил свечу, положил ее в кошелек и затем успокоился, в конце концов позволяя себе удивиться, что все его одежды и пожитки уменьшились в размерах пропорционально его телу.

Он сказал себе сам, что это, должно быть, объясняет широкий серый край розовой лужицы; которая появилась вокруг его ботинок наверху в подвале. Когда с помощью магии он был уменьшен, излишек пылинок или атомов его плоти, крови и костей пролился, образовав розовую лужицу, в то время как его серая одежда и железное оружие просочилось, образовав серую каемку, которая была скорее порошкообразная, чем грязевидная, разумеется, потому что металл и ткань содержат мало воды и поэтому не текут подобно плоти. Ему пришло в голову, что эта розовая лужа весит в двадцать раз больше, чем Мышатник в своем крысином состоянии, и на миг он почувствовал сентиментальную печаль.

Окончив свое занятие, он приготовился продолжать свой спуск, когда донеслись спускавшиеся шаги, быстро сопровождаемые ударом в дверь его комнаты.

Без промедления он отбросил крючок и открыл толчком дверь. Лицом к нему стояла одетая в черное, с черно-серебряной маской крыса, которую он видел на уровне выше, а позади нее — три крысы без масок, с вытащенными крюками, которые выглядели и, возможно, были острее, чем большие человеческие пальцы.

После первого взгляда Мышатник стал опускать свои глаза, так как боялся, что цвет, форма и особенно расположение его глаз могли выдать его.

Тот, который был в маске, сказал быстро и четко на прекрасном ланкмарском:

— Ты видел кого-нибудь и слышал кого-нибудь спускающимся вниз, в особенности вооруженного человека, магически уменьшившегося до приличествующего нормального размера?

Мышатник опять без промедления и наиболее яростно взвизгнул и, грубо толкнув вопрошающего в плечо и других в сторону, изрыгнул проклятие:

— Идиоты! Опиумные маньяки! Жующие коноплю! Прочь с моей дороги!

На лестнице он приостановился, чтобы быстро посмотреть назад и прорычать громко и пронзительно:

— Нет, разумеется!

Затем он с достоинством пошел вниз по лестнице, хотя и переступая через две ступеньки.

На следующем уровне крыс не было видно, а находились ароматные зерна. Он заметил ящики с пшеницей, ячменем, просом вперемежку и дикий рис с Реки Возделанной Земли.

Это, возможно, было хорошее место для хранения. Но чем он мог поживиться из скрытого?

Следующий уровень — третий сверху — был заполнен боевым шумом и шеренгой вонючих крыс. Он заметил крысу-копьеносца, тренировавшегося в бронзовых кирасах и шлеме, и другой отряд, изучавший самострел, в то время как другие окружили стол, где указывали маршрут на карте.

Мышатник даже на момент остановился здесь.

На середине каждого пролета лестницы располагалось укромное местечко, похожее на то, которое он использовал. Он взял на заметку в своей голове эту информацию.

Освежающе чистый, сырой воздух дул на четвертом уровне. Он более ярко освещался, и большинство крыс гуляли в нем, богато одетые и в масках. Он завернул на этот уровень, потому что ветер поступал из внешнего мира, и это было маршрутом спасения. Идя против ветра с яростным визгом и проклятиями, он продолжал играть свою случайно взятую на себя роль своенравной, полусумасшедшей, храброй крысы или крысы-хулигана.

В действительности он обнаружил себя пытавшимся так убедительно стать крысой, что без его желания глаза его начали сейчас сопровождать со злобным интересом двигавшихся самок крыс, одну из них в розовом шелке с жемчугом, в маске такого же стиля, что и одежда, которая вела на ремне то, что сперва было похоже на маленькую крысу, а затем он понял, что эта маленькая, хорошо вычищенная, со страхом в глазах мышь, а также повелительно-высокую крысу в темно-зеленой шелке, расшитом осколками рубинов, и державшую в одной руке кнут, а в другой — короткие ремни к двум, с пылавшими огнем глазами, быстро дрожавшим строптивым самкам, которые выглядели такими же большими, как мастифы и, без сомнения, даже более кровожадными.

Все еще сладострастно рассматривая это поразительно гордое существо, когда она проходила мимо него в золотой, всей в рубинах маске, он пошел медленнее, столкнувшись с крупной крысой, одетой в одежду и маску из горноста, слишком волосатой, с длинной толстой золотой цепочкой вокруг шеи, а вокруг олдерменской талии с усеянным золотом поясом, с которого свешивалась тяжелая сумка, глухо звякнувшая при столкновении с Мышатником.

Прощелкав: «Простите, купец!», при задыхающемся визге последнего, Мышатник пошел дальше, даже не взглянув назад.

Он самодовольно усмехнулся под маской. Эти крысы были круглыми дураками или, возможно, уменьшение в размере заострило его и так острый ум.

На миг он захотел повернуть назад, заманить и раздеть толстого спутника, но тотчас понял, что в человеческом мире звенящие куски золота будут меньше, чем требуется.

Эта мысль заставила его размышлять над проблемой, которая смутно его ужасала с тех пор, как он попал в крысиный мир. Шеебла сказал, что действительно продолжается, вероятно, он вырастет до нормального размера так же быстро, как он уменьшился. Случись это в норе или даже в зале высотой в полфута с колоннами, это будет катастрофой. Эта мысль заставила его вздрогнуть.

Сейчас Мышатник не имел в мыслях оставаться на девять часов в крысином мире. С другой стороны, он совершенно не хотел уходить сразу. Приключения в Ланкмаре в качестве живой серой куклы почти наполовину ночи не привлекали его.

Также было стыдно, особенно, если при размере с куклу он должен будет доложить свои важные мысли о крысином мире Глипкерио и Олега Мингольское Несчастье, возможно, с наблюдающей Хисвет... Кроме того, он уже был в огне от планов убийства крысиного короля, если он был, или срыва их явного плана захвата. Он странно почувствовал большое полудоверие и все же не понял, что это было из-за того, что он сам был таким же высоким, как Фафхрд, относительно, а не самым маленьким человеком, которым он был всю жизнь.

Тем не менее всегда была возможность, что из-за какой-нибудь непредвиденной случайности он может оказаться без маски, взятым в плен и заключенным в крошечную камеру. Это была паническая мысль.

Но даже волнующей была мысль о главной проблеме времени. Оно двигалось для крыс быстрее или медленнее?

У него сложилось впечатление, что жизнь и все процессы здесь двигались в более быстром темпе. Не было ли это правдой?

Правда ли, что он сейчас явно слышал крысиный ланкмарский, который до этого звучал как писк, потому что его уши слышали быстрее, или из-за того, что просто стали меньше, или потому, что большинство крысиных голосов произносили речь чересчур высоко для человеческих ушей, чтобы слышать, или даже потому, что крысы говорили на

ланкмарском только в своих норах? Он тайком нашел свой пульс. Он казался таким, как всегда.

Но не может же быть, чтобы равно увеличили скорость и его чувства, и скорость мышления, так что он не заметил разницы? Шеебла что-то говорил о дне, длящемся десятую часть миллиона ударов сердца. Был ли это день крысиный или человеческий? Были ли крысиные часы так коротки, что девять крысиных часов могли пройти примерно за сто человеческих минут? Он почти поддался искушению броситься наверх по первой увиденной лестнице.

Нет, погоди. Если время измеряется пульсом, а его пульс нормален, тогда он не должен здесь спать, чтобы успеть? Это действительно приводило в замешательство.

— Срам, колбасы, кошачьи потроха и жареные собачьи глаза! — услышал он свое искреннее проклятие.

Во всяком случае, некоторые вещи были ясны. До того, как он посмеет отдохнуть или вздремнуть, пусть только поспать, он должен понять способ измерения времени в подземном мире. Также, чтобы разобраться в крысиных ночах и днях, он должен быстро узнать о ночных привычках грызунов. Для какой-то цели его мозг возвратился опять к высокой крысе с парой строптивых землероек. Он сказал себе, что это нелепо. Сон и сон, а он очень короток, если спишь с другим.

Он вышел из своего туннеля, чтобы полностью осознать, что его чувства некоторое время говорили ему: этих гуляк стало меньше, ветерок стал более влажным, холодным и свежим, а также пахнувшим морем, колонны впереди из настоящей скалы, в то время как через двери, высеченные между ними, виднелся желтый свет, еще не яркий, мерцающий и совершенно непохожий на свет огня светящихся жуков, червей и маленьких факелов.

Он прошел через мраморную дверь и заметил мраморные ступеньки, шедшие вниз.

Затем он ступил между двумя скалистыми колоннами и остановился на краю удивительного места.

Это была грубо высеченная пещера со множеством крыс, высоких и гораздо более широких, и наполненная едва волновавшейся морской водой, которая передавала слабый поток желтого света, который струился через большую широкую дыру под водой примерно на глубине крысиного копы и в другом конце пещеры с блестящим потолком. Вокруг этого морского озера на расстоянии около двух крысиных копий над водой проходила, скорее, узкая скалистая дорога, вы-

глядевшая частью естественной, частью высеченной и обработанной, на которой он стоял. В дальнем конце в тени над большой подводной дырой он мог неясно рассмотреть фигуры и блестящее оружие полудюжины или примерно так бездвижных крыс, по-видимому, настороже.

Пока Мышатник наблюдал, желтый свет стал еще желтее, и он понял, что это должно быть свет после полудня, несомненно, полдень дня, в который он попал в крысиный мир. Так как восход был в шесть часов, а он попал в крысиный мир после трех, то он провел здесь более трех из его девяти часов. Самое важное, что он связал течение времени в крысином и большом мире, и он почувствовал нечто, похожее на удовлетворение.

Он также вспомнил «мертвых крыс», которые, кажется, упали из клетки, сброшенной из дворцового окна во Внутреннее Море после демонстрации Хисвином его заклинания. Они могли преспокойненько проплыть под водой в эту пещеру или в любую другую, похожую на эту.

Ему в голову также пришла мысль, что он раскрыл секрет влажного ветра. Он знал, что сейчас был прилив на час или приблизительно, и вовремя поднятая вода выдавливала воздух через зал.

При низком приливе большая дыра частью должна быть под водой, позволяя воздуху в пещере освежаться.

Возможно, некоторые из этих крыс были немного более бесхитростными, чем он думал.

В этот миг он почувствовал легкое, нечеловеческое прикосновение к его правому плечу. Обернувшись, он увидел отступившую назад от него с обнаженной рапирой, отклоненной немного в сторону, одетую в черное, в черной маске, крысу, которая помешала ему скрыться.

— Что это значит? — угрожающе провизжал он. — Безволосый хвост Бога, почему меня преследуешь, ты, черная собака?!

Не более похожий на крысиный ланкмарский, чем язык Мышатника, другой тихо ответил:

— Что вы делаете в ограниченной зоне? Я должен попросить вас снять маску, сэр.

— Снять маску? Скорее я увижу цвет твоей печени,мышь! — дико сказал Мышатник.

Он знал, что это никогда не должно произойти — изменить характер своего поведения.

— Должен ли я позвать своих помощников, чтобы снять маску силой? — Осведомился другой тем же самым мягким,

ленивым голосом. — Но в этом нет необходимости. Твое нежелание снять маску окончательно подтверждает мою мысль, что ты — магически уменьшившийся человек, который проник в Нижний Ланкмар, чтобы шпионить.

— Опять это опиумное воображение? — забушевал Мышатник.

Он положил руку на рукоять Скальпеля.

— Убирайся, сумасшедшая мышь, упавшая в чернила, до того, как я не перерезал тебе глотку!

— Ваши угрозы и хвастовство бесполезны, сэр, — ответил другой.

Он слабо и забавно усмехнулся.

— Вы удивлены, как я определил вашу личность? Полагаю, вы думаете, что вы очень умны. В действительности вы выдали себя более чем однажды. Во-первых, облегчившись, где я впервые встретил вас. Ваш помет был другой формы, цвета, консистенции и сильнее по запаху, чем у моих соотечественников. Вы должны были найти «содержащее воду». Во-вторых, хотя вы пытались затемнить ваши глаза, глазные дырки в вашей маске так же раскосы, как и все человеческие глаза. В-третьих, ваши ботинки явно сделаны соответственно человеческой, а не ноге грызуна, хотя вы догадались ходить на носках, чтобы передразнивать наши ноги и походку.

Мышатник заметил, что черные ботинки другого имели гораздо более тонкие подметки, чем его собственные, и были сделаны из мягкой кожи как подметки, так и над большим изгибом лодыжки.

Другой продолжал:

— Я сразу понял, что ты чужак, иначе ты бы никогда не посмел оттолкнуть в сторону и оскорбить много раз величайшего дуэлянта и быстрейшую шпагу во всем нижнем Ланкмаре.

Левой лапой в черной перчатке другой отдернул свою серебряную маску, открывая стоявшие торчком овальные уши, длинную, яростную, черную морду и огромные, выпуклые, широкие черные глаза. Обнажив свои большие белые резцы в шумной, натянутой улыбке и перевесив свою маску через грудь быстрым ударом, он закончил:

— Свивомило, к вашим услугам!

Наконец сейчас Мышатник узнал огромное тщеславие, почти такое же, как его собственное, которое заставило его преследователя оставить своих подчиненных позади в зале, в то время, как он один пошел, чтобы произвести арест. Одновременно вытащив Скальпель и Кошачий Коготь, спе-

циально не останавливаясь, чтобы снять маску, Мышатник сделал свой самый быстрый выпад, закончив его страшным ударом в шею. Ему показалось, что в своей жизни он никогда не двигался так быстро. Маленькие размеры, конечно, имеют свои особенности.

Вспышка, лязг — и Скальпель отбит кинжалом Свивомило, выскочившим со скоростью молнии. Затем рапира Свивомило перешла в наступление, и Мышатник едва отбивал ее быстрыми ударами как кинжала, так и рапиры, рискованно подходя к краю воды. Непроизвольно у него появилась мысль, что у его противника было больше времени, чем у него, будучи меньшего размера, в практиковании быстроты, в то время как его маска мешала ему видеть, и если она немного слезет, то ослепит его вообще. Вдобавок, непрекращающиеся атаки Свивомило не давали времени на то, чтобы сдернуть маску. С внезапным отчаянием он сделал выпад вперед, ухитрившись связать Скальпелем рапиру, что моментально выключило оба оружия из боя, и мгновением позже внезапно лязгнул Кошачий Коготь по лапе Свивомило, державшей кинжал, и с помощью точного глаза и хорошей удачи порвал внутренние сухожилия противника.

Затем, когда Свивомило замер и отпрыгнул назад, Мышатник освободил Скальпель и ткнул им в другое натягивавшееся сухожилие, длинный выпад, дважды отбив своим острием двойной и круговой удары Свивомило, и окончательно нанес удар, который прошел через шею крысы и остановился у позвонка.

Алая кровь залила черное кружево на горле Свивомило и потекла вниз по груди с одним коротким, задыхающимся вздохом, так как удар Мышатника затронул как дыхательное горло, так и артерии.

Справедливо хвастливый, но глупо-безрассудный дуэлянт упал мордой вперед и остался лежать.

Мышатник сделал ошибку, пытаясь вложить в ножны окровавленную шпагу, забыв, что ножны Скальпеля больше не были удлинены жесткой проволокой, и что сделало это затруднительным. Он проклял ножны, ослабевший и ничего не державший, как и вялый хвост Свивомило.

В двух скалистых проходах появились четыре крысы в латах и шлемах с пиками наготове. Размахивая своей окровавленной шпагой и кинжалом, Мышатник бросился через свободный проход и с визгом, чтобы очистить себе путь, пронесся через зал к мраморной двери, которую он заметил заранее, и нырнул вниз по белой лестнице.

Знакомый закоулок на повороте содержал только три комнаты, каждая была с дверью из слоновой кости с серебром. В центральную входила крыса в белых сапогах, одетая в широкий белый плащ с капюшоном и несшая в лапе, одетой в белую перчатку, жезл из слоновой кости с большим сапфиром на верхушке.

Мышатник без промедления закончил свой ныряющий спуск броском в закоулок.

Он швырнул вперед себя одетую в белое крысу, хлопнул и закрыл на крючок позади себя дверь из слоновой кости.

Оправившись, жертва Мышатника повернулась и, с униженным благородством размахивая жезлом перед своей белой маской, усеянной драгоценностями, сказала:

— Кфо пофмел побефпокоить грубым прикофновением сле-на фовета Грига из Внутреннего Фикла Фринадцати? Форговец!

В то время как часть мозга Мышатника осознала, что это шепелявила крыса, которую он видел на борту «Скуинда», сидевшая на плече Хисвина, его глаза донесли ему, что в этой комнате не было корзин для помета, а посередине возвышалось серебряное туалетное сидение, от которого шел звук и запах лившейся воды. Это, должно быть, было одно из «содержащих воду», про которые упоминал Свивомило.

Уронив Скальпель, Мышатник отбросил назад капюшон Грига, подняв его маску над головой, опрокинул шипящего члена совета и ткнул его мордой в дальний край серебряного хранилища, а затем Кошачий Коготь перерезал мохнатое горло Грига почти от уха до уха так, что его кровь брызнула вниз в текущую воду. Как только агония жертвы затихла, Мышатник сдернул белый плащ с капюшоном с Грига, хорошо проверив, что на них нет крови.

В этот момент он услышал звуки шагов нескольких особей, спускавшихся по лестнице. Действуя с дьявольской страстью, Мышатник разместил Скальпель, костяной жезл и маску за «содержащее воду», затем поднял мертвое тело так, чтобы оно село на то же самое, а сам встал, согнувшись. Затем он молча поклонился с большой искренностью Иосеку из Джуни, первому богу, которого он мог вспомнить, единственному, которому однажды служил Фафхрд.

Волнистые, с крюками, коричнево-желтые наконечники копий заблестели над дверью. Две кабины с одной стороны и две с другой были настежь открыты. Затем, после паузы, во время которой он надеялся, что кто-нибудь поглядит под

центральную дверь, чтобы заметить белые сапоги, раздался тихий шепот, а затем почтительный голос спросил:

— Извините, Благородный, но вы недавно не видели какую-нибудь персону в сером плаще и маске из прекраснейшего серого меха и вооруженного рапирой и кинжалом?

Мышатник ответил голосом, который он попытался сделать твердым и повелительным:

— Я нифего не фидел, фэр. Около фрох удароф фердфа назад я флышал, как кто-то пробефал фниф по лефнифе.

— Наше огромное спасибо, Благородный, — ответил спрашивавший, и звуки шагов быстро затопали вниз, на пятый уровень.

Мышатник сделал долгий, мягкий вздох и быстро закончил свою молитву. Затем он быстро возобновил работу, поскольку знал, что перед ним стоит большая задача, в какой-то степени страшная. Он вытер и вложил Скальпель и Кошачий Коготь в ножны. Затем он проверил плащ, капюшон и маску своей жертвы, обнаружив, что на них почти нет крови, отложил их в сторону. Он заметил, что плащ мог скрепляться спереди костяными пуговицами.

Затем он снял высокие сапоги Грига из белейшей замши и натянул их на свои ноги. Хотя их мягкость помогала, они надевались отвратительно, подошва покрывала больше не-много, чем площадь его носков. Все же это будет все время напоминать ему поддерживать крысиную походку. Он также попытался надеть длинные белые перчатки Грига, которые налезали хуже, если это вообще было возможно. Все же он сумел надеть их. Его собственные сапоги и перчатки он надежно закинул за свой серый пояс.

Затем он раздел Грига и бросил его одежду одну за другой в воду, оставив только острый, с костью и золотом кинжал, пачку пергаментных маленьких свистков, нижнюю рубашу Грига и двухконечный кошелек, наполненный золотыми монетами с изображением крысиной головы с одной стороны, окруженной венком пшеницы, а на другой — запутанный лабиринт и номер, сопровождаемый инициалами С.В.О.Н.Л. «Со времен образования Нижнего Ланкмара?» — блестяще попытался расшифровать он. Он повесил кошелек над своим поясом, укрепил кинжал золотым крючком на его ножнах и засунул непросмотренные свитки в свой собственный кисет.

Затем с ворчанием отвращения он закатал рукава и, используя кинжал с костяной ручкой, продолжил расчленять мохнатое тело на куски достаточно мелкие, чтобы они шлепались в воду и уносились прочь.

Эта ужасная задача была наконец решена. Он заботливо вытер кровавые брызги нижним бельем Грига, использовал его, чтобы отполировать серебряный круг, затем бросил в него его после другого хлама.

Не позволяя себе остановиться, он опять натянул белые замшевые сапоги, надел белый плащ, который был сшит из прекраснейшей шерсти, и застегнул его на все пуговицы спереди, высунув руки через разрезы в плаще с обеих сторон.

Затем он надел маску, обнаружив, что он должен с помощью кинжала расширить узкие глазные щели у их внутренних краев, чтобы можно было видеть своими узко посаженными человеческими глазами.

После этого он завязал капюшон, опустив его как можно дальше, практически скрывая искажения маски и отсутствие мохнатых крысиных ушей. В конце он натянул длинные, плохо подходящие ему белые перчатки.

Хорошо, что он действовал быстро, не оставляя себе времени на отдых, поскольку сейчас слышались звуки шагов, поднимавшихся вверх по лестнице, и опять гладко изогнутые наконечники копий, как и под его дверь, появились типично изогнутые крысиные сапоги из прекрасной черной кожи, украшенные рельефом золотой рыбы.

Раздался резкий стук, и скрежещущий голос вежливо, но все же безапелляционно сказал:

— Извините, Член Совета. Это Хриист. Как лейтенант стражи пятого уровня, я должен попросить вас открыть дверь. Вы здесь заперлись надолго, и я должен попросить вас открыть дверь, чтобы убедиться, что шпион, которого мы ищем, не приставил к вашему горлу нож.

Мышатник кашлянул, взял жезл с сапфиром, широко открыл дверь и величественно ступил вперед, явно прихрамывая, снова приняв усталыми ногами приносившую боль крысиную походку, вызвавшую у него внезапную, мучительную судорогу в его левой икре.

Крысы с копьями упали на колени.

Одетая по-модному крыса, чьи одежды, маска, перчатки и ножны рапиры также были покрыты прекрасно выведенными золотыми росписями, отступила назад на два шага.

Направив сжатый взгляд только на нее, Мышатник холодно сказал:

— Фи фмеефь пофрефифить и порофить Флена Фовета Грига при его уединении. Ну, фифмофно, фвой фели дофтатофно вафны.

Хриист сдернул с себя широкополую шляпу с перьями черных канареек.

— Я уверен в них, Благородный. В Нижнем Ланкмаре свободно разгуливает человеческий шпион, колдовски уменьшившийся до нашего размера. Он уже убил этого ловкого, если не непокорного и тщеславного воина Свивомило.

— Действительно ифвиняюфие новофти! — прошепелявил Мышатник. — Немедленно вофьмите этого фпиона! Не фалейте ни фил, ни людей. Я проинформирую фофет, Хриифт, ефли еще это не фделано!

И пока голос Хрииста сопровождал его с извинениями, благородностями и заверениями, Мышатник царски ступил вниз по белой мраморной лестнице. Его хромота, едва заметная из-за поддержки, оказываемой его жезлом, никому не бросилась в глаза.

Сапфир на верхушке жезла мерцал, как голубая звезда Ашша. Мышатник чувствовал себя королем.

Фафхрд ехал на запад через сгущавшиеся сумерки. Подковы мингольской кобылы выбивали искры из кремнистой субстанции Затопленной Земли. Искры были едва видны, как и некоторые из самых больших звезд. Дорогу становилось всё более трудно различать. На севере и на юге Внутреннее Море и Море Востока представляли собой угрюмые серые пространства, первое с колыхавшимися пятнами. Сейчас, в конце концов, напротив последней, грязной ленты захода, окаймлявшей запад, он различил неровную черную линию невысоких деревьев и возвышавшихся кактусов, которые обозначали начало Большого Соленого Болота.

Это было желанное зрелище, но все же Фафхрд сильно нахмурился, две вертикальные морщины появились у внутреннего края его бровей. Левая морщина, можно сказать, была вызвана из-за того, что преследовало его.

Бросив неторопливый взгляд через плечо, он увидел четырех всадников, которых он впервые заметил спускаясь на Сархинмарскую дорогу, и которые скакали на расстоянии полутора полетов стрелы позади него. Их лошади были черными, и сами они были одеты в черные плащи и капюшоны.

Он знал сейчас, что они были четырьмя черными ильтмарскими бандитами, а ильтмарские сухопутные бандиты голодали только из-за добычи, отбросив месть. Было известно, что они преследовали жертву до самых Болотных Ворот Ланкмара.

Правая морщина, которая была глубже, из-за почти незаметного наклона с юга на север к бушевавшему впереди

черному горизонту. Что это был действительно незначительный наклон Затопляемой Земли в противоположном направлении, доказывалось тем, что мингольская кобыла скакала с креном влево. Ближайшей целью было — достигнет ли он дамбы Болота до того, как вода проглотит его.

Ланкмарские философы верят, что Затопляемая Земля — это обширное длинное поле, вогнутое снизу, состоящее из скалистого грунта, такое пористое внизу, что имеет тот же самый вес, что и вода.

Вулканические газы из источников Ильтмарских Гор и ядовитые пары из невероятно глубоких источников дрожжевидного Большого Соленого Болота постепенно наполняют вогнутую поверхность и поднимают огромное поле над поверхностью морей, но затем увеличивается нестабильность, вызванная большей площадью крышки поля. Поле начинает качаться. Поддерживающие его газы и пар улетучиваются посредством больших, изменяющихся столбов огня через воды на север и юг. Затем поле ныряет отчасти под воду, и весь медленный, ритмичный процесс повторяется опять.

Так что крен подсказал Фафхрду, что Затопляемая Земля вот-вот должна погрузиться. Сейчас крен увеличивался так быстро, что ему пришлось немного натянуть правую узду, чтобы удержать лошадь на дороге. Оглянувшись через правое плечо, он увидел, что четыре других всадника также поскакали быстрее, фактически быстрее его.

Когда его внимание возвратилось к его цели, болоту, он увидел рядом с водами Внутреннего Моря выстреливаемые вверх линии серых, пенящихся гейзеров — первый способ выпуска пара, — как воды Моря Востока внезапно приблизились.

Затем скала под ним начала очень медленно крениться в противоположном направлении до тех пор, пока, наконец, он не потащил лошадь за левую узду, чтобы удержать ее на дороге. Он был очень рад, что она была мингольским животным, натренированным не обращать внимания на все и вся нематериальное, даже на землетрясение.

А сейчас еще и вода Моря Востока влилась в длинный грязный, булькающий частокोल взрывавшегося газа, в то время как вода из Внутреннего Моря, пенясь, достигала дороги.

Все же болото было очень близко. Он мог рассмотреть отдельные кривые деревья, кактусы и заросли гигантской морской травы, выделявшиеся сейчас очень отчетливо на покрасневшем западе.

Затем он увидел прямо перед собой брешь, которая — милостивый Иссекдолэна — должна была быть дамбой.

Белые искры вылетали из-под железных копыт кобылы. Дыхание зверя стало дребезжащим.

Но сейчас в ландшафте произошли новые тревожные изменения, хотя и очень легко. Почти незаметно все большое Соленое Болото начало подниматься. Затопляемая Земля начала свое периодическое погружение.

С обеих сторон, с севера и с юга, серые стены смыкались на ней, пенившиеся фронты бушевавшей воды Внутреннего Моря и Моря Востока обрушились, чтобы затопить большое каменное поле, когда его газовая подпорка улетучилась.

Черный барьер высотой в ярд неясно вырисовывался впереди. Фафхрд, низко согнувшись в седле, подталкивал кобылу в бока пятками, и большим длинным прыжком лошадь подняла их на нужный ярд, и опять обнаружила место на твердой земле, и без остановки понеслась галопом, за исключением того, что сейчас взамен того, чтобы звенеть копытами по камням, они безмолвно ударяли по плотному гравию дамбы.

Позади послышался возрастающий, грохочущий, рычащий рев, который внезапно вырос до грохочущей верхней точки.

Фафхрд оглянулся назад и увидел вспышку воды — сейчас не серой, а прозрачно-белой в остаточном свете с запада — где волны Внутреннего Моря встретили волны Моря Востока, как раз на дороге.

Он хотел посмотреть вперед, но заметил свое движение, когда из этого бледного, пенящегося взрыва появилась черная лошадь и всадник, затем другой, затем третий, но не более. Четвертый, видимо, был поглощен пучиной. Волосы встали дыбом на его спине при мысли о прыжках трех других зверей со всадниками на них, и он разразился проклятьем, чтобы мингольская кобыла увеличила скорость, зная, что этот вид слов для нее непонятен.

Глава двенадцатая

Ланкмар готовился к другой ночи ужаса, когда тени вытянулись до бесконечности, а солнечный свет стал темно-оранжевым. Его жители не были убеждены уменьшившимся числом кровожадных крыс на улицах. Они чувствовали электрическое спокойствие перед штормом, и они забаррикадировались в верхних этажах, в то время как наступила ночь. Солдаты и полицейские, согласно своему характеру, либо

усмехались с облегчением, либо хватались за бюрократические пустоты, когда они получили приказы, что они будут размещены в Южных Бараках за час до полуночи, чтобы Олегния Мингольское Несчастье прочел речь, а он имел репутацию читающего самые скучные из всех Капитан-Генералов в истории Нехвона, кроме того, он брызгал слюной и вонял кислятиной.

На борту «Скуинда» Слинур отдал указание зажечь огонь на всю ночь и во все глаза охранять корабль, в то время как черный котенок, покинув «воронье гнездо», расшагивал по ближайшим к берегу перилам, время от времени издавая встревоженное мяуканье и осматривая темные улицы, как будто со смесью искушения и страха.

Поскольку на некоторое время Глипкерио успокоил свои нервы, наблюдая за утонченными истязаниями Рифы, главным образом намереваясь потрепать скорее ее нервы, чем тело, и проверить ее многочасовым допросом с помощью хорошо натренированных инквизиторов, которые выпытывали у нее признание, что Серый Мышатник был предводителем крыс, так как его уменьшение до размеров крысы это полностью доказывало, а также заставить ее разгласить информацию о магических методах Мышатника и его колдовских уловках.

Девушка, правда, привела Глипкерио в состояние восторга. Она реагировала на угрозы, дьявольски дразнясь и относительно меньше чувствуя боль таким веселым, неумолимым способом.

Но через некоторое время он, тем не менее, встал поскучевший и съел легкий ужин, нагретый ему при красном зареве захода в его морском портике вне голубого Аудиенц-Зала и за началом большого медного сказа, где колебался большой свинцовый маятник, прикасаясь к нему для уверенности. Он не лгал Хисвину, он в конце концов обладал одним секретным оружием, хотя оно не было оружием наступления, а скорее, последней защитой. «Хотя, пожалуй, я не должен его использовать, Хисвин обещал, что в полночь он прочитает свое заклинание против атакующих крыс, а до сих пор Хисвин неудач не терпел. Разве он не выгнал крыс с флотилии с пшеницей, в то время как его дочь и ее служанка ублажали Глипкерио, который, к удивлению, не испытывал необходимости в истязаниях. Он видел собственными глазами, как Хисвин убивал крыс своим заклинанием, в то время как он, со своей стороны, соберет своих солдат

и полицейских в Южных Бараках в полночь, чтобы выслушать этого нудного Олега Мингольское Несчастье».

Он сказал себе, что он выполнил свою часть, Хисвин должен сделать свою, и в полночь его несчастья и досада уйдут.

Но столько времени до полуночи! Скука поглотила одетого в черную тогу, с букетом из пурпурных анютиных глазок, похожего на стручок боба монарха, и он начал печально думать о кнутах и Рифе. За всеми другими людьми он, повелитель, обремененный управлением и церемониями, мечтал не имеющий времени даже для самых любимых увлечений и невинного развлечения.

Допросчики Рифы между тем махнули рукой и сдали ее под надзор Саманды, которая время от времени тайно зло-радствовала, описывая девушке различные методы избиения и других пыток, с которыми дворцовая хозяйка посетит ее, как только ее сентиментальные инквизиторы покончат с ней. Много раз обрубанная девушка пыталась устроиться поудобнее, с мыслью, что ее сумасбродный серый спаситель сможет вернуть себе соответствующие размеры и возвратиться, чтобы спасти ее. Конечно, и вопреки всем гадким инсинуациям, которые она вытерпела, Серый Мышатник уменьшился до крысиных размеров против своей воли.

Она вспомнила многие ужасные рассказы, которые она слышала о ящерице и лягушке-принце, возвращенном к порядочному и соответствующему росту поцелуем любящей девушки, и вопреки ее страданиям ее глаза сонно закрылись.

Мышатник искоса посмотрел через маску Грига с проделанными отверстиями на прекрасный Зал Совета и других членов Верховных Тринадцати. Уже место действия становилось для него тягостно знакомым, а он чертовски отвратительно пытался шепелявить. Однако собрался ради сверхусилий, которое было тем, что щекотало его нервы.

Его появление было само по себе туповатостью, а также неизбежностью. Добравшись до пятого уровня после того, как он расстался с Христом и его крысами-пикейщиками, упавшими позади него у основания белой мраморной лестницы, и камергер торжественно прошел перед ним, звеня в выгравированный серебром колокольчик, который, возможно, звенел на ножке танцовщицы из храма на Улице Богов в верхнем мире. Таким образом, ступая величаво с помощью его жезла с сапфиром на верхушке, хотя еще немного прихрамывая, он безмолвно вошел в зал Совета и прошел к креслу, которое он сейчас занимал.

Зал был низким, но обширным, с золотыми и серебряными канделябрами, без сомнения украденными из дворцов и церквей над головой. Среди них было несколько, которые выглядели, как драгоценный скипетр из канцелярии и жезлы повиновения. На дальнем конце у дальней стены, наполовину скрытой колоннами, стояла группа крыс-пикейщиков, официантов и других слуг, носильщиков со своими носилками и тому подобное.

Зал был освещен золотыми и серебряными клетками с огненными жуками, ночными пчелами и светящимися осами, большими, как орлы, и их было так много, что пульсация их света была едва видна.

Мышатник решил, что, если придет необходимость отвлечь внимание, он должен будет выпустить нескольких светящихся ос.

Во внутреннем круге особенно пышного круга стоял большой круглый стол, вокруг которого, по-видимому, сидели Тринадцать, все в масках, одетые в белые одежды и капюшоны, из которых высывались одетые в белые перчатки руки.

Напротив Мышатника на едва более высоком кресле сидел Сквии, хорошо знакомый с того времени, как он притаился на плече Мышатника, угрожая перерезать ему артерию под ухом. Справа от Сквии сидел Сисс, в то время как слева сидела молчаливая крыса, к которой все остальные обращались как Лорд Недействительный, был одет в черный плащ, капюшон, маску и перчатки. Что-то неуловимо знакомое было в нем, возможно потому, что цвет его одежды напоминал Мышатнику Свивомило, а также Хрииста.

Девять неупомянутых крыс были явно второстепенными членами, помогавшими дополнять бреши в Круге Тринадцати, образованные убитыми белыми крысами на борту «Скуинда», поскольку они никогда не говорили и, когда происходило голосование, они только соглашались бормочущее с преобладающим мнением среди Сквии, Сисса, Лорда Недействительного и Грига — он же Мышатник — или, если мнение разделялось два к двум, воздерживались.

Вся плоскость стола была скрыта круглой картой из материала, который был, по-видимому, хорошо выдубленным куском человеческой кожи с очень тонко и красиво сделанными дырками. Карта сама по себе была ничем, кроме многочисленных точек: золотых, серебряных, красных, черных и толстых, как пятна мух в лавке торговца фруктами в трущобах. Сперва Мышатник не мог ничего придумать,

кроме того, что это было какое-то жуткое, густое звездное поле. Затем ему показалось с помощью ссылок, которые делали другие, что это оказалось ничем иным, как картой всех крысиных нор Ланкмара.

Сперва это знание не оживило для Мышатника карту, но затем он постепенно начал видеть в по-видимому случайно сгруппированных и изменившихся точечных линиях, во всяком случае, главные здания и улицы Ланкмара. Разумеется, весь участок города был перевернут, потому что составлялся снизу вместо того, чтобы составляться сверху.

Золотые точки обозначали крысиные норы, неизвестные людям и используемые крысами, красные — для нор, известных людям, но все же используемых крысами, серебряные — для нор, неизвестных людям, но не часто используемых и крысами, в то время как черные обозначали норы, известные людям и избегаемые грызунами Нижнего Ланкмара.

Во время своего Совета три худых пажа молча ходили, меняя цвет крысиных нор и даже переделывая новые, согласно информации, нашептанной им другими пажами, которые непрерывно приходили и уходили, также тихо ступая лапами. Для этой цели три крысы использовали кисти, каждая сделанная из единого лошадиного волоса, разветвленного на кончике, которыми они пользовались очень умело, и каждая на руке имела привязанную подставку для четырех чернильниц с необходимыми красками.

То, что узнал Мышатник во время Совета, было просто ужасно: общий план захвата всего Верхнего Ланкмара, который начнется за полчаса до полуночи, уточнения информации и расположения групп пикейщиков, отдельных стрелков, группы меченосцев, бригад с отравленными стрелами; поджигатели, одинокие убийцы, убийцы детей, крысы-паникеры, вонючие крысы, кусатели животных и другие берсерки, строители ловушек для людей, таких, как «подножки» из веревок, острые, как иглы копья и удушающие арканы, артиллерийские бригады, которые должны тащить составные части своего оружия, которое собирается наверху, до тех пор, пока его мозг больше не смог запоминать все данные.

Он также узнал, что все главные удары будут нанесены по Южным Баракам и особенно по Улице Богов, которые до сих пор щадились.

В конце концов он узнал, что целью крыс было не истребление людей или их изгнание из Ланкмара, а безоговорочная капитуляция Глипкерио и порабощение приверженцев Повелителя, затем добиться уговором и продолжением

террора того, что Ланкмар будет продолжать, как всегда, предаваться своим развлечениям и делам, будет продолжать торговлю и обмен, рождения и смерти, посылки кораблей и караванов, собирание пшеницы — особенно пшеницы! — но под руководством крыс.

К счастью, весь этот краткий инструктаж провели Сквии и Сисс, у Мышатника, то есть у Грига, ничего не спросили, как и у Лорда Недействительного, за исключением того, чтобы поддержать мнение по трудным вопросам и участвовать в голосовании. Это также дало Мышатнику время подумать о способах, как пустить кошку в планы крыс.

В конце концов инструктаж кончился, и Сквии спросил стоя о идеях, которые бы улучшили план главного штурма, как будто он не ожидал что-нибудь при этом услышать.

При этом Мышатник встал — немного неуклюже, поскольку проклятые ненормальные несоответствующие крысиные сапоги вызвали у него судорогу — поднял свой жезл, безошибочно прикоснулся к группе серебряных точек на карте и на западном краю Улицы Богов жезлом.

— Почему бы штурм не сделать дефь? — спросил он. — Я полагаю, что во время пика фразения фафть крыф, одетая ф черное, зайдеф из фрама Богоф иф Ланкмара. Это фафтавит людей думать, что дафе боги иф города отфериулифь от них, фтав фафтифески крыфами.

Он сглотнул своим влажным, усталым горлом. Почему, дьявол, Григ шепелявил?

Его предложение, по-видимому, на миг поставило в тупик других членов Совета.

Затем Сисс сказал удивленно, восхищенно, завистливо и как будто против желания:

— Я никогда не думал об этом.

Сквии сказал:

— Храм Богов из Ланкмара давно покинут людьми и крысами, как вы хорошо знаете, Григ. Тем не менее...

Лорд Недействительный раздражительно сказал:

— Я против. Зачем вмешиваться в неизвестное? Люди Ланкмара боятся и избегают храма своих городских богов. Так же должны поступать и мы.

Мышатник посмотрел на одетую в черное крысу через отверстия в маске:

— Мы крыфы или не крыфы? — спросил он. — Или мы дафе более труфливые, чем фуеверные люди? Где вафа крыфина храброфть, Лорд Недействительный? Или нефавифи-мая, фкепфифефкая крыфиная фметка? Моя фтрафегия фа-

пугает людей и придафт больфе храброфти крыфам! Фквии, Фыфф, разве это не факт?

Предложение было пущено на голосование. Лорд Недействительный проголосовал против, Сисс, Мышатник и— после паузы — Сквии — за, другие девять подскочили.

Итак, Операция Черная Тѳга, как ее окрестил Сквии, была быстро добавлена к плану сражения.

— У нас есть четыре часа на организацию, — напомнил Сквии своим нервным голосом.

Мышатник усмехнулся под своей маской. Он чувствовал, что Боги из Ланкмара, если они когда-нибудь встанут, будут на стороне человеческого населения Ланкмара.

«Будут ли?» — запоздало подумал он. В любом случае его первым желанием было, как бы выбраться из Зала Совета, и как можно быстрее. У него немедленно появилась уловка. Он махнул пажу.

— Фафови нофилки, — приказал он. — Эфо фовефание уфомило меня. Я фуффую уффалофть. И фудорогой ффодит ногу. Я немного побуду ф фвоем доме и фтобы офдохнуфь.

Сквии оглядел сго.

— Жена? — недоверчиво переспросила белая крыса.

Серый Мышатник мгновенно ответил:

— Какое фебе дело, если я фак фофу фвою хофяйку?

Сквии немного поглядел на него, затем пожал плечами.

Носилки прибыли почти мгновенно, несомые двумя очень мускулистыми, полуобнаженными крысами. Мышатник осторожно перекатился в них, положив свой костяной жезл позади себя, приказав: «Домой!» и мягко помахав на прощание Сквии и Лорду Недействительному, когда его не спеша вынесли. На миг он почувствовал себя самым блистательным умом во всей вселенной и вполне могущим справиться с остальными, даже в крысиной норе. Он напомнил себе, что в конце концов у него было четыре часа до того, как магия Шееблы закончит свое действие, и он станет опять человеческих размеров. Он сделал все, что мог, для Ланкмара. Сейчас он должен был подумать о себе. Он лениво подумал, что удобства крысиного дома должны быть приятны. Он должен испытать это до того, как окажется наверху. Это действительно был ужасно утомительный совет после всего, что произошло ранее.

Сквии повернулся к Лорду Недействительному, когда носилки исчезли из виду за колоннами, и сказал через свою украшенную драгоценными камнями белую маску:

— Так и у Грига есть хозяйка, старый мисогимист! Возможно, это она заставила его мозги лучше соображать, чтобы придумать такую замечательную операцию, как операция «Черная Тога».

— Мне все еще не нравится, хотя ты голосовал против меня, и я должен был оставаться в одиночестве, — раздражительно пропищал другой из-под своей черной маски. — Сегодня ночью и так много неопределенности. Вот-вот начнется главное сражение. В Нижний Ланкмар пробрался магически уменьшившийся человеческий шпион. Изменение в характере Грига. Эта бешеная мышь с пеной на челюстях там, вне зала Совета, когда ты убил ее, пропищала трижды. Необычный гул ночных пчел в залах Совета. А сейчас новая операция, принятая без подготовки.

Сквиин дружески хлопнул Лорда Недействительного по плечу.

— Ты сегодня без ума, товарищ, и видишь дурные знаки в каждом ночном клопе, — сказал он. — Григ, во всяком случае, сделал самое серьезное замечание. Мы все могли бы немного отдохнуть и освежиться. Особенно — ты перед своей военной миссией. Пошли.

Передав стол Сиссу, он и Лорд Недействительный вошли в занавешенный альков. По пути Сквиин распорядился о вине и еде. Когда за ними задернулись занавески, Сквиин расположился в одном из двух кресел за маленьким столом и снял свою маску. В пульсирующем фиолетовом свете трех серебряных клеток со светящимися осаами, освещавшими альков, его длинная, белоопушенная, с голубыми глазами морда выглядела особенно зловеще.

— Подумать только, — сказал он, — что завтра мои люди будут хозяевами Верхнего Ланкмара. Тысячелетие мы, крысы, проектировали и строили, рыли туннели, учились, боролись, а сейчас, менее чем через шесть часов...

За это стоит выпить! Это напоминание мне, товарищ, что не время ли сейчас для принятия целебного напитка?

Лорд Недействительный зашипел с испугом, рассеянно приготовившись снять свою черную маску, засунув одетую в черную перчатку руку в свой кошелек, и вытащил ее вместе с крошечной белой бутылочкой.

— Стой, — с ужасом приказал Сквиин.

Он поймал одетую в черную перчатку руку.

— Если ты выпьешь это сейчас...

— Я сегодня нервничаю до истерии, — согласился другой.

Он положил обратно белый пузырек в свой кошелек и вытащил черный. Перед тем, как выпить его содержимое, он окончательно снял свою черную маску. Лицо под ней было не крысиное, а оказалось с бусиничными глазами, размером с крысиное лицо Хисвина, торговца пшеницей.

Сделав глоток из черной бутылочки, он, казалось, испытал облегчение и расслабился. Морщины на его лице сгладились.

— Кто хозяйка Грига, Сквии? — внезапно стал размышлять. — Не простая девочка — я ручаюсь — или тщеславно напыщенная куртизанка.

Сквии пожал своими горбатыми плечами и цинично сказал: — Наиболее драгоценный, очаровательный самец глупее очаровательной самки.

— Нет! — горячо сказал Хисвин. — Я чувствую холодный хищный ум, ум не Грига. У него была твоя амбиция, занять твое место, как ты знаешь, затем его огни потухли, как угли, тлеющие в холодной золе.

— Это точно, — раздумчиво согласился Сквии.

— Кто сжег его опять? — спросил Хисвин с явным подозрением. — Кто его хозяйка, Сквии?

Фафхрд поднял мингольскую кобылу вверх до того, как это с железным сердцем животное должно было свалиться от усталости. Он с трудом сделал это — так решительно решило умереть это суровое существо. Все еще останавливаясь, он почувствовал, как ее ноги подогнулись под ней, и он быстро свалился из седла, чтобы она не придавила его своим весом. Она была вся в мыле, ее голова свешивалась между ее дрожавшими передними ногами, а ее впалые ребра работали как меха, когда она со свистом втягивала воздух.

Он слегка положил свою руку на ее сотрясавшиеся лопатки. Она никогда не сможет добраться до Ланкмара, он знал это точно. Они были на полпути через Большое Соленое Болото.

Слабый лунный свет, светившийся сзади, освещал слабым золотом гравий дороги и разукрасил желтым верхушки деревьев, но все же не мог осветить наклонный спуск к поверхности болота с морской травой и черным основанием.

Кроме гула, треска насекомых и голосов ночных птиц, слегка освещенная лунным светом площадка была безмолвна, но, как с содроганием понял Фафхрд, все же не настолько.

Со времени сверхъестественного спасения трех черных всадников из грохочущих волн Затопляемой Земли и их стучащего непоколебимого преследования его по сгущавшейся ночи он все меньше мог думать о них, как о мстительных

ильтмарских бандитах, и все больше — как о сверхъестественной тройке смерти.

Кроме того, в течение нескольких миль его преследовало по болоту, держась на расстоянии броска копья, нечто огромное, длинноногое и шатавшееся, хотя ясно никогда не видимое. Наиболее вероятным казался какой-то гигантский знакомый и послушный черным всадникам джинн.

Эти страхи так напугали его, что Фафхрд в конце концов пустил кобылу самым быстрым галопом, отрывавшись до тех пор, пока не смолк стук копыт погони, хотя это не подействовало на шатавшуюся фигуру, которая оставалась неизбежно присутствующей. Он вытащил Серый Прутик и обратился лицом к нововосшедшей луне.

Затем он начал очень слабо различать это — глухой ритмичный стук копыт по гравию. Появились они.

В тот же миг из глубокой тени, где должен был быть знакомый гигант, он услышал шумный голос Мышатника:

— Сюда, Фафхрд, к голубому свету. Веди свою лошадь. Быстро!

Ухмыльнувшись так, что волосы поднялись на его шее, Фафхрд взглянул на юг и увидел светившуюся голубую фигуру, похожую на скругленное сверху, маленькое светящееся голубым окошко в черноте болота. Он бросился к нему вниз с дамбы по наклонному южному скату, таща за собой кобылу, и обнаружил под своими ногами полосу скорее твердой земли, чем болотной грязи. Он энергично продвигался вперед через темноту, погружаясь по щиколотку и прыгая вперед, когда он вытаскивал свою обессиленную лошадь. Сейчас было похоже на то, что голубое окошко оказалось едва ли не над самой головой.

Стук с востока стал громче.

— Шевели ногами, лентяй! — услышал он крик Мышатника тем же самым сильным голосом.

Наверное, Серый Мышатник простудился на сыром болоте или — боже упаси — жар из-за его миазм.

— Привяжи свою лошадь к пню колючего дерева, — сипло продолжил Мышатник. — Там есть для нее пища и лужи. Затем поднимись. Быстрее!

Фафхрд повиновался без слов и лишнего движения, так как звук копыт стал очень громким.

Когда он прыгнул и ухватился за основание голубого окошка и втащил себя в него, голубое свечение исчезло. Он вскарабкался внутрь на покрытый ковром пол, чего бы это

ни было, и быстро изогнулся так, чтобы посмотреть назад на путь, которым он прошел.

Мингольская кобыла была невидима внизу в темноте. Гребень дамбы едва был освещен лунным светом.

Затем из-за группы колючих деревьев на скорости выскочили три черных всадника, стук двенадцати копыт сейчас стал грохочущим. Фафхрд подумал, что он мог бы увидеть вокруг ноздрей и глаз высоких черных лошадей дьявольское, фосфоресцирующее свечение, и он едва мог разобрать черные плащи и капюшоны всадников, развевавшиеся из-за их скорости. Они без остановки пронеслись мимо того места, где он сошел с дамбы, и исчезли за другими зарослями колючек на западе. Он сделал длинный вздох.

— Сейчас отойди от двери и подкрепись, — проскрипел из-за плеча голос, который вообще не был голосом Мышатника. — Я буду управлять этим экипажем.

Волосы, которые уже опустились обратно на шее Фафхрда, опять встали дыбом.

Он не раз слышал каменно-грубый голос Шееблы Безглазое Лицо, хотя никогда не видел и тем более не входил в его легендарный дом. Он быстро зацепился с одной стороны спиной к стене. Что-то гладкое, круглое и холодное прикоснулось к тыльной стороне его шеи: висящий на стене череп — это почти походило на него.

Черная фигура медленно двинулась на месте, которое он освободил. Неясно вырисовавшийся силуэт в дверном проеме, его края тронуты лунным светом, он видел черную мантию и капюшон.

— Где Мышатник? — спросил своим голосом Фафхрд.

Дом дал сильный крен, Фафхрд наощупь схватился за что-то и, к счастью, обнаружил две подпорки.

— В неприятности. Глубоко закопался в неприятности, — грубо ответил Шеебла. — Я подделал его голос, чтобы ты быстрее прыгнул сюда. Как только ты исполнил то, что на тебя наложил Нингаубле — колокольчики, не правда ли? — ты должен немедленно обратиться к нему за помощью.

Дом сделал второй наклон, третий и затем начал качаться и метаться, как корабль, но в быстром ритме и более трястись, как будто дом был в положении гигантского пьяного жирафа.

— Куда движемся? — спросил Фафхрд немного спокойнее.

— Откуда я знаю и почему я должен тебе говорить, что я делаю? Я не твой крлдун. Я доставлю тебя в Ланкмар тайными путями, как расположение к этому толстому, се-

миглазому, многословному дилетанту в колдовстве, который воображает себя, как моего коллегу, и опростофилил тебя, поставив себя твоим наставником, — ответил надменный голос из-под капюшона.

Затем чуть смягчившись, хотя еще грубее, он сказал:

— Дворец Повелителя, вероятно. А сейчас заткнись.

Тряска дома, а также его скорость увеличились. Ветер бил в лицо, хлопая краями капюшона Шееблы. Под покрытой пятнами луной на болоте вспыхивали искры.

— Кто эти всадники, преследующие меня? — спросил Фафхрд.

Он крепко держался за подпорки.

— Это ильтмарские бандиты, помощники страшного, с руками, как косы, Повелителя?

Ответа не последовало.

— В чем все дело? — упорствовал Фафхрд. — Главный штурм бесчисленным, все еще безымянным войском Ланк-мара.

— Неизвестные черные всадники. Глубоко закопавшийся Мышатник и полностью в неприятностях, но все еще живой. Оловянный свисток, может быть вызывающий Военных Котов, которые опасны для того, кто вызывает их. Ничего непонятного.

Дом дал особый сильный крен. Шеебла все еще не сказал ни слова. Фафхрд почувствовал приступ морской болезни и отдался тому, чтобы удержаться.

Глипкерио, нервничая, проткнул своей с венком из анютиных глаз, с золотым обручем головой на своей длинной шее кожаную занавесь на кухне и, моргая своими желтыми глазами на яркий свет огня, лукаво усмехнулся дружеской, глуповатой улыбкой.

Рифа, прикованная за шею, сидела, скрестив ноги, перед огнем, опустив голову.

Окруженная четырьмя другими девушками, сидевшими на корточках, Саманда дремала в своем кресле. Сейчас все же, несмотря на то, что не было никакого шума, ее храп прервался, она открыла свои свинячьи глазки на Повелителя и привычно сказала:

— Входи, маленький повелитель, не стой, как застенчивый жираф. Разве тебя тоже напугали крысы? Идите по своим местам, девочки. — Три девушки мгновенно встали. Саманда вырвала длинную булавку из своей сферической прически

и слегка вонзила ее, чтобы пробудить четвертую, которая спала на корточках.

Молча, если не считать единственного быстро смолкнувшего визга одной из них, четыре девушки сделали присест Глипкерио, два для Саманды и заторопились, как восковые манекены. Рифа устало оглянулась. Глипкерио обошел вокруг, смотря куда угодно, кроме как на нее. Его подбородок подергивался, длинные пальцы нервничали, вися и запутываясь.

— Неугомонный клоп укусил тебя, маленький повелитель? — спросила его Саманда. — Сделать тебе маковый отвар? Или ты хочешь увидеть, как ее бьют плетью?

Она направила большой, толстый палец на Рифу.

— Инквизиторы сказали мне, чтобы я ничего не делала, но разумеется, если ты прикажешь мне...

— О, разумеется нет, — запротестовал Глипкерио. — Кстати, о плетях. У меня появились кое-какие новые в моей личной коллекции. Я хочу показать тебе, дорогая Саманда, включая одну, по общему мнению, из далекого Кираая, покрытую слоем грубого земного стекла, если ты только можешь пойти со мной. Также есть хорошенькая, украшенная рельефом шестихвостка с серебряным боком, утыканым...

— О, ты хочешь общества, как все другие, напуганные ими, — сказала ему Саманда. — Ну, я хочу сделать тебе одолжение, маленький повелитель, но палачи сказали мне, что я должна всю ночь следить за этой испорченной девчонкой, которая в союзе с предводителем крыс.

Глипкерио прокашлялся и в конце концов сказал:

— Ну, ты могла бы продолжить, я думаю, если бы ты действительно хотела.

— Так я могу, — искренне согласилась Саманда.

Она наконец приподняла свою одетую в черное тушу из кресла.

— О, нет! — еще более протестующе ответил Глипкерио.

Затем, насупившись и потерзав свои худые плечи, он задумчиво добавил:

— Хотя бывают времена, когда, чтобы освоить новый инструмент боли, он просто должен...

— Просто, — согласилась Саманда.

Она отщелкнула серебряную цепь от ошейника Рифы и пристегнула его к короткому ремню.

— Иди первым, маленький повелитель.

— Пошли сперва в мою спальню, — сказал он ей. — Я пойду впереди, чтобы убрать с пути своих охранников.

Он сделал свой длиннейший, натягивающий тогу шаг.

— Нет необходимости, маленький повелитель, они все знают о твоих увлечениях, — крикнула Саманда сзади него.

Затем она резко подняла Рифу на ноги.

— Пошли, девочка. Ты — существо чрезвычайно честное. Радуйся, что я — не Глипкерио, иначе бы ты была уже мертва и брошена вниз на съедение крысам.

Когда они окончательно прошли через пустые, занавешенные шелком коридоры в спальню Глипкерио, он встал в замешательстве и смятении перед своей открытой, украшенной драгоценностями, толстой дубовой дверью. Его черная тога шуршала от его нервного напряжения.

— Нет никаких охранников, — объяснил он. — Кажется, мои приказы исполнили с большей глупостью, продлив их далее, чем мне казалось, и моя охрана ушла вместе с солдатами и полицейскими в Южные Бараки.

— Зачем тебе нужна охрана, если у тебя есть я, чтобы охранять тебя? — шумно спросила Саманда.

Она шумно хлопнула жезлом, свешивавшимся с ее пояса.

— Это верно, — согласился он немного с сомнением.

Он выловил из своей тоги большой, сложный золотой ключ.

— Сейчас запри девочку здесь, Саманда, если хочешь, пока мы пойдем посмотреть мои новые приобретения.

— И решим, какие из них попробовать на ней? — спросила Саманда своим грубым голосом.

Глипкерио потрянул своей головой как будто в неодобрении и, взглянув наконец на Рифу, сказал отеческим голосом:

— Нет, разумеется нет. Я только вообразил, что бедное дитя заскучает во время нашего отсутствия.

Все же он не мог полностью удержаться от внезапной страсти в своем тоне и от скрытого взгляда своих глаз.

Саманда отстегнула ремень и втолкнула Рифу внутрь.

Глипкерио предостерег ее в последнем минутном предчувствии:

— Не трогай моего ночного лекарства.

Он указал на золотой поднос на серебряном ночном столике.

На подносе стояли как флакончики из кристаллов, так и кубок с длинной ножкой и с бледно-абрикосовым вином.

— Не трогай ничего или я сделаю так, что ты будешь умолять о смерти, — усилила его слова Саманда.

Она внезапно стала серьезно-жесткой.

— Встань на четвереньки у основании кровати со склоненной головой в позе послушания номер три и не двигайся до тех пор, пока мы не придем.

Как только толстая дверь закрылась, тихо щелкнул замок, и золотой ключ, звякнув, был вытащен с другой стороны, Рифа подошла прямо к ночному столику, плюнула в ночное лекарство, понаблюдала за пузырями, медленно переворачивавшейся пеной.

Она горячо пожелала, чтобы у нее были хоть какие-нибудь волосы, чтобы бросить их в это, но, как оказалось, в комнате не было ничего пушистого или шерстяного, а ее брили каждое утро..

Она открыла привлекательный флакон из кристаллов, держа их в руках, разборчиво глотая их содержимое, когда осматривала комнату, отделанную панелями редкой древесины из Восьми Городов и даже более редкими сокровищами, надолго остановилась перед тяжелой золотой шкатулкой, полной обработанных, но не вправленных драгоценных камней — аметистов, аквамаринов, сапфиров, нефритов, топазов, огненных рубинов, опалов и ледяных изумрудов, как осколки разбитой радуги.

Она также заметила вешалку с женской одеждой, сшитой для кого-то очень высокого и худого и, к удивлению, кроме этих свидетельств изнеженности, вешалку с оружием из коричневого железа.

Она оглядела несколько полок с фигурками из коричневого стекла, достаточно долго, чтобы понять, что самой изящной и ценной была — почти безошибочно — фигурка тонкой девушки в сапогах и убогом свитере с тонкой плетью. Она смахнула ее с полки, чтобы та разбилась о полированный пол, и кнут превратился в порошок.

С вымученной улыбкой она спросила сама у себя, что они могли ей сделать, что они собирались сделать.

Она взобралась на кровать, где вытянулась и расточительно терзала, пользуясь полным ощущением прекрасных льняных простыней по ее исколотым конечностям, телу и голове, и снова и снова высасывая из кристаллического флакончика несколько капель нектара своими игриво, высокомерно искривленными губами. Она сказала сама себе, что будь она проклята, если она не выпьет достаточно, чтобы напиться перед последним возможным мгновением. Кроме того, Саманда и Глипкерио вряд ли могли мучить вялое тело и затуманенный мозг с большим для себя удовольствием.

Глава тринадцатая

Мышатник, развалившись боком на своих носилках — хвост одного из носильщиков-крыс почтительно качался на расстоянии руки от его головы — заметил, что, не покидая Пятого Уровня, они вступили в широкий коридор с твердо стоявшими на посту пикейщиками и с тринадцатью плотно занавешенными дверьми. Первые десять занавесей были белыми с серебряным, следующие — черные с золотом, последние три белые с золотом.

Вопреки его усталости и грандиозному чувству безопасности, Мышатник беспрестанно наблюдал в течение всего путешествия, подозревая, хотя и не очень серьезно, что Сквии и Лорд Недействительный сопровождали его, а затем был еще Христ, с которым тоже приходилось считаться, который мог обнаружить какую-нибудь улику в месте, где хранится вода, вопреки его аристократической работе, которую, как чувствовал Мышатник, он сделал. Время от времени были крысы, которые могли сопровождать его носилки, но все они в конце концов отворачивали в запутанные коридоры. Последнее, что привлекло его ленивое подозрение, были две худые крысы, одетые в черные шелковые плащи с капюшонами, в маски и перчатки, но они даже не посмотрели на него, а исчезли рука в руку за черно-золотой занавесью, шепча друг другу сплетни:

Его носилки остановились у следующей двери, третьей с конца. Хотя Сквии и Сисс превосходили Грига, но он превосходил Лорда Недействительного. Это могло пригодиться, хотя было ясно по впечатлению Совета.

Он сел, затем встал с помощью жезла — сейчас судорога в ноге усилилась — кинул первой крысе серебряную монету с изображением зерна, которую вытащил из кошелька Грига. Он предположил, что чаевые — обычное дело для любых существ, в особенности для крыс. Затем, не осмотревшись, он прохромал через тяжелую занавесь, по ходу заметив, что они были сотканы из прекрасной, мягкой, золотой проволоки и прекрасных белых шелковых ниток. С другой стороны занавеси был короткий темный проход, занавешенный на другом конце также занавесью. Он прошел через вторую и оказался один в обманчивой запущенной квадратной комнате с занавешенными дверями в каждой из трех стен.

Здесь были два закрытых буфета, письменный стол со стулом, множество свитков в серебряных футлярах, которые подозрительно походили на наперстки из человеческого ми-

ра, перекрещенные шпаги и боевой топор висели на темных стенах, и очаг, в котором красным пылал единственный гигантский кусок угля через свою оболочку из белого пепла.

Над очагом, или скорее жаровней, по стене виднелось окаймленное бронзой полушарие примерно такого же размера, как крысиного размера голова Мышатника. Полушарие было жестковатым, с большим зеленовато-коричневым кругом и с черным в центре. В приступе ужаса Мышатник узнал мумифицированный человеческий глаз.

В центре комнаты была застелена кушетка с большой черной подставкой для тех, кто много читает лежа, а за кушеткой — массивный низкий стол с ничем, кроме трех колокольчиков: один медный, один серебряный и один золотой.

Отбросив страх, поскольку он является чрезвычайно бесполезным чувством, Мышатник взял серебряный колокольчик и энергично позвонил в него, решив посмотреть, что он вызовет.

У него было немного меньше времени, чтобы решить, что эта комната — комната придирчивого холостяка с прилежными наклонностями, когда через занавесь в задней стенке прошла толстая серая крыса в безупречном длинном белом халате, с шапочкой на голове. Она повернулась и показала свое серебряное рыло и затуманенные глаза, а также серебряный поднос, который она несла, на котором стояли тарелки с поднимавшимся от них паром и дымившийся серебряный кувшин.

Мышатник коротко указал на стол. Повариха — так ему показалось — поставила поднос, затем нерешительно двинулась к Мышатнику, как будто, чтобы помочь с одеждой. Мышатник указал ей прочь и неумолимо на заднюю дверь. Будь он проклят, если он не оберется неприятностей, шепелявя в собственном доме Грига. Кроме того, у слуги слух может быть острее, чем у коллег. Повариха поклонилась и удалилась.

Мышатник удобно расположился на кушетке, решив не снимать все же свои перчатки и сапоги. Сейчас, когда он развалился на кушетке, второе беспокоило его больше.

Тем не менее, он снял свою маску и положил ее рядом, после чего прикончил обед Грига.

Дымившийся кувшин оказался с вином. Оно очень облегчило его холодное, сухое горло и успокоило нервы, и было очень ароматным. Единственная черная долька, качавшаяся в кувшине, была размером с лимон, а косточка корицы —

размером со свиток пергамента. Затем, используя Кошачий Коготь и принесенную двухзубую вилку, он начал резать и жадно есть дымившиеся котлеты из говядины, поскольку его нос подсказал ему, что они были сделаны, например, из ребенка. С другой тарелки с дымившимся содержимым он взял на пробу что-то, что походило на маленькие сладкие картофелины. Оказалось, что это сваренные зерна пшеницы так же, как и желтоватые кубики, примерно такие же большие, как игральные кости, сделанные из зерен, в то время, как черные шары, большие, как фаланга его большого пальца, оказались икрой. Он разом вонзил свою вилку в одну из икринок и зачавкал, перемежая это с наполнением рта говядиной.

Довольно странно — есть хорошую нежную говядину, прожилки которой были такими же толстыми, как и его пальцы.

Съев обед Грига и выпив мускатное вино, Мышатник снова надел свою маску и вернулся к состоянию плана возвращения в Верхний Ланкмар. Но золотой колокольчик отвлек его мысли от практических дел, так что он взял его и позвонил.

Удивляться, не позволяя мозгу затуманиваться — было одним из его девизов.

Едва замолкли вдали мелодичные ЧИНКС, как тяжелая занавесь на одной из дверей разошлась, и появилась тонкая, стройная крыса или, скорее, как заключил он, самка крысы, одетая в халат, капюшон, маску, домашние туфли и перчатки — все из прекрасного, лимонно-желтого шелка. Она держала занавесь отдернутой, посмотрела на него и мягко сказала:

— Лорд Григ, ваша хозяйка ждет вас.

Первой реакцией Мышатника оказалось удовлетворенное тщеславие. Так у Грига была хозяйка, и его мгновенный ответ на вопрос Сквии «Жена» на Совете оказался великолепным проявлением интуиции.

И человеческого и крысиного размера он мог перещеголять любого. Он обладал умом несравненным во всей Вселенной.

Затем Мышатник встал и подошел к Тонкой, одетой в желтое фигуру. Что-то отвратительно знакомое было в ней. Он удивился бы, если бы она не оказалась той самкой в зеленом, которую он видел, ведущую на коротком поводке свору строптивых зверьков. С достоинством и уравновешенно она прошла около него.

Используя ту же уловку, что и с поварихой, он молча указал на дверь, что она должна идти перед ним. Она молча

согласилась, и он прошел за ней в темный, изгибающийся коридор.

Он решил, что она была также отвратительно заманчивая. Он разглядывал ее тонкий силуэт и чувствовал ее запах мускуса и парфюмерии. Скорее запоздало, он вспомнил, что она была крысой и, таким образом, была его врагом. Но была ли она действительно крысой? Он изменился в размерах, так почему бы это не могли сделать и другие? Если это действительно служанка, то какая должна быть у нее хозяйка? Без сомнения — она должна быть толстой, как он решил цинично про себя, толстой, как свинья, и волосатой, как ведьма. Его волнение росло.

Поддавшись моментальной мысли сориентироваться, он обнаружил, что боковая дверь, из которой они вышли, вела к занавешенным черным апартаментам Лорда Недействительного, вероятнее, чем к апартаментам Сисса и Сквии.

Наконец одетая в желтое самка отодвинула утяжеленные золотом черные створки, затем светло-фиолетовые шелковые. Мышатник прошел мимо нее и обнаружил себя смотрящим через вырезанные отверстия для глаз в маске Грига на большую спальню, прекрасно и с изяществом обставленную множеством предметов, но все же самую таинственную и самую пугающую из всех, какие он только видел.

Она была с драпировкой на стенах, ковром на полу, расписанным потолком и обитой мебелью, вся в серебре и фиолете, второй цвет — точное дополнение желтого платья его проводницы. Она освещалась не прямо, а из-под узких контейнеров с большими, как угри, скользкими светящимися червями, расположенными большим серебряным зеркалом, так что Мышатник видел больше, чем отображение его одетой в белое фигуры и его изящного цицерона, который опять соединил шелковые фиолетовые занавески взмахом руки.

Поверхности столов были заставлены косметикой и маленькими чашечками — все, кроме одного, рядом со второй, задрапированной серебром дверью, на которой не было ничего, кроме штук сорока или около того, как черных, так и белых пузырьков.

Между столами висели на серебряных цепочках ближе к стене и ярко освещенные лучезарным светом светившихся червей клетки серебряные со скорпионами, пауками и блестящими паразитами, все размером со щенка собаки или детеныша кенгуру. В одной просторной клетке свернулась кольцом квармоллская гадюка, огромная, как пион. Они лязгали своими клыками или шипели, смотря что это было,

в то время как один скорпион яростно гремел своим жалом по блестящим прутьям своей клетки, а гадюка высунула свой трехзубцовый язык между прутьями своей.

Короткая стена была пуста, кроме двух картин, высоких и широких, как двери: одна, изображающая на сумрачном фоне девушку и крокодила, другая — мужчину и самку леопарда, расположенных так же.

Почти в центре комнаты стояла большая кровать, покрытая только туго натянутой белой льняной простыней, сотканые нити которой очень походили на холсты, с одной толстой белой подушкой.

На этой кровати навзничь лежала фигура. Ее голова покоилась на подушке, чтобы видеть Мышатника через отверстия в ее маске, несколько не менее тонкая, чем его проводная, но все же по-другому идентичная и одинаково одетая, кроме шелка ее наряда, который был более тонким и фиолетовым вместо желтого.

— Ну, вот мы и встретились под землей. Приветствую тебя, Серый Мышатник, — мягко сказал знакомый серебряный голос.

Она посмотрела на него.

— Душенька, устрой нашего гостя удобнее.

Тишайшие шажки приблизились к нему. Немного повернувшись, Мышатник увидел, что его проводница сняла свою желтую маску, показывая веселое и все же с меланхолическими глазами, темное лицо Фрикс.

Ее черные волосы свисали двумя длинными косами, заплетенными тонкой медной проволокой.

Без большого затруднения, чем улыбка, она начала легко расстегивать длинную одежду Грига. Мышатник немного поднял свои руки и позволил себя раздеть так пассивно, как будто во сне, и даже с меньшим вниманием к процессу, поскольку он очень пылко обследовал фигуру в фиолетовой маске на кровати. Он знал, конечно, кто это должен быть, без всяких доказательств, поскольку серебряная стрела пульсировала в его виске, а голод, который преследовал его, возвратился, еще более усиливаясь.

Ситуация была странной, почти за гранью понимания. Почти догадавшись, что Фрикс и другая использовали эликсир, похожий на эликсир Шееблы, Мышатник мог поклясться, что они все трое были нормального человеческого роста, кроме присутствующих знакомых ему гадов, скорпионов и пауков, таких огромных.

Это казалось таким большим облегчением — снятие его вызывающих судорогу крысиных сапог искусным рывком, когда он поднял правую ногу, а затем левую. Все же, хоть он и так послушно подчинялся приказам Фрикс, он оставил свою шпагу Скальпель, свисавшую с его пояса, и после некоторого неясного импульса маску Грига.

Он почувствовал, что маленькие ножны на его поясе пусты, и понял с приступом опасения, что он оставил Кошачий Коготь в апартаментах Грига вместе с жезлом.

Эти тревоги растаяли, как снег весной, когда та, которая была на кровати, масляно спросила:

— Вы не хотите подкрепиться, дражайший гость?

Он ответил:

— Я буду очень рад.

Она подняла руку в фиолетовой перчатке и сказала:

— Дорогая Фрикс, принеси сладкого вина и мяса.

Пока Фрикс готовила на дальнем столе, Мышатник прошептал:

— Ах, самая любезная, дорогая Хисвет, как я полагаю, это вы?

Сердце его глухо билось.

— Что до того, так это вы должны решить сами, — кокетливо ответил звенящий голос.

— Тогда я буду называть вас Хисвет, — смело ответил Мышатник, — узнав в вас мою королеву и принцессу из принцесс. Знаете, прелестная Демоиселла, что с тех пор, как наши восторги в дереве-кабинете были так грубо прерваны минголами, мой ум, моя магия были направлены всецело на вас.

— Это слишком маленький комплимент, — сказала она. И грациозно развалилась на спине.

— Я не могу в него поверить.

— Верьте! Вы должны! — властно заявил Мышатник.

Он ступил вперед.

— Знайте, что мое намерение в этом случае — не говорить с вами через плечо Фрикс, вашей дорогой компаньонки, а в более близкой степени.

— Вы думаете, что я — не Хисвет! — парировала она.

Мышатник надеялся, что это было ложным негодованием.

— Иначе вы никогда не осмелились бы на такое богохульство!

— Я надеюсь на дальнейшее! — объявил Мышатник с мягким любовным ворчанием.

Он шагнул вперед более быстро. Гадюка яростно забилась, ударяясь о серебряные прутья, лязгая, гремя и еще более шипя. Тем не менее, Мышатник, кинув пояс со шпагой на край кровати, бросился бы прямо на Хисвет, поставив на кровать колени, если бы Фрикс в этот момент не бросилась и не оказалась между ними на простой льняной простыни с подносом с маленькими графинами со сладким вином, с кристальными кубиками для питья и с тарелками со сладкими лакомствами на них.

Не полностью закрытый, Мышатник вытянул свою руку и сорвал маску из фиолетового шелка с лица, скрытого под ней.

Одетая в фиолетовую перчатку рука мгновенно выхватила у него маску, но не одела ее снова и перед ним было худое треугольное лицо Хисвет, пылавшие щеки, яркие красные глаза, но надутые губы, усмехавшиеся достаточно, чтобы показать очень выделявшиеся жемчужные верхние резцы, все обрамленное в рамку из серебристо-белых волос, переплетенных, как у Фрикс, но с более тонкой проволокой из серебра в две косы, которые свешивались до талии.

— Ну, что ж... — сказала она.

Она улыбалась.

— Я вижу, что ты самый порядочно-наглый, и что я должна защищаться.

Опустив руку вниз со своей стороны кровати, она вытащила длинный, с тонким лезвием и с золотой ручкой кинжал. Игриво махнув им на Мышатника, она сказала:

— Сейчас подкрепись из кубков и тарелок, которые перед тобой, и отведай превосходное мясо, дорогой гость.

Мышатник исполнил, налил себе и Хисвет.

Он краем глаза заметил, что Фрикс, бесшумно двигаясь в своей шелковой одежде, скатала сапоги Грига и перчатки в его белый капюшон и одежду и положила их на стул рядом с картиной человека и леопарда, и что она сделала аккуратный узелок из остальных вещей Мышатника — его собственных вещей — и положила его рядом с первым. Он подумал, что она самая энергичная и предусмотрительная служанка и очень преданная своей хозяйке, слишком преданная. Он пожелал в этот миг, чтобы она вышла и оставила его наедине с Хисвет, но она, казалось, не собиралась этого делать, а Хисвет не приказывала ей удалиться, так что больше не отвлекаясь, Мышатник начал тихую любовную игру, ловя одетые в фиолетовое пальцы левой руки Хисвет, когда они двигались в направлении конфет, или щупал края

ее фиолетовой одежды, во втором случае напоминая о разногласии в степени их одетости и предлагая исправить это снятием одного или двух пунктов ее одежды. Хисвет, в свою очередь, ловко тыкала своим кинжалом в его хватавшую руку, пытаясь как будто приколоть ее к подносу или кровати, и он должен был вовремя отдергивать ее.

Это была забавная игра, этот танец руки и острого, как игла, кинжала, или казалась забавной для Мышатника, особенно после того, как он осушил кубок или два огненного бесцветного вина, и он, когда Хисвет спросила его, как он попал в крысиный мир, весело рассказал ей историю черного зелья Шееблы, и как он сперва думал, что действие зелья — это дьявольски несправедливая, колдовская шутка, но сейчас он ошастливлен этим, как самым лучшим, что сделано в его жизни. Он отчасти выдумал свой рассказ, чтобы произвести впечатление, а его единственным побуждением было выиграть ее расположение и кровать.

Он закончил отвечать, рассоединив два пальца, чтобы позволить кинжалу Хисвет пройти между ними.

— Как вы и дорогая Фрикс догадались, что я исполнял роль Грига?

Она ответила:

— Очень просто, милостивый шутник. Мы пришли, чтобы проводить моего отца с Совета, так как он, Фрикс и я должны совершить еще одно важное путешествие в эту ночь. На расстоянии мы слышали, как ты говорил, и я узнала твой настоящий голос, вопреки твоему искусному шепелявению. После этого мы следили за тобой.

— Ах, я могу надеяться, что ты любишь меня так нежно, если ищешь для себя трудности, чтобы так хорошо обо мне знать, — увлеченно пропел Мышатник.

Он отвел руку в сторону от шторма.

— Скажи мне, божественная, как получилось, что ты, Фрикс и твой отец может жить и обладает большим авторитетом среди крыс?

Своим кинжалом она вяло указала куда-то в сторону стола с белыми и черными бутылочками, объяснив ему:

— Моя семья использовала то же самое зелье, что и у Шееблы, бесчисленное количество веков, а также белое зелье, которое возвращает нас к нормальному человеческому размеру. В течение этих веков мы скрещивались с крысами, приходя к божественно прекрасным монстрам, таким, как я, но также и к совершенно безобразным, даже по человеческим меркам. Эти последние из моей семьи навсегда оставались под землей, но остальные присоединялись к пре-

имуществам и удовольствиям обитания в двух мирах. Скрещивание также привело к тому, что оказалось много крыс с человекоподобными руками и мозгами. Распространение цивилизации среди крыс — это, в основном, наша заслуга, и мы будем руководить, как высшие правители и правительницы, или даже как боги и богини, когда крысы будут управлять людьми.

Этот разговор о скрещивании и монстрах как-то напугал Мышатника и навел на мысль, даже вопреки его сильной привязанности к Хисвет. Он вспомнил старое подозрение Лукина на борту «Скуинда», что Хисвет под своей девичьей одеждой скрывает свое крысиное тело, и он удивился, какая форма была у грациозного тела Хисвет. Например, был ли у нее хвост. Но в общем он был уверен, что то, что он открыл бы под ее фиолетовой одеждой, удовлетворило бы его совершенно, особенно после того, как его влюбленность в дочку торговца пшеницей переросла почти все границы.

Тем не менее, внешне он не показал своего удивления, но спросил как будто лениво:

— Так твой отец — это Лорд Недействительный, и ты, и он, и Фрикс регулярно перемещаетесь между большим и малым мирами?

— Покажи ему, дорогая Фрикс, — лениво приказала Хисвет...

Она подняла тонкие пальцы, чтобы скрыть зевок, так, как будто игра руки и кинжала начала ей наскучивать.

Фрикс отошла от стены в место, где ее голова с ее естественно-блестящей черной оболочкой и заплетенной блестящей медью косой, поскольку она откинула назад свой капюшон, оказалась между клетками с карманной гадюкой и самыми бешеными скорпионами. Ее черные глаза были глазами лунатика, зафиксированными на вещах бесконечно далеких. Скорпион метнул свое мокрое жало между прутьями в дюйме от ее уха, раздвоенный язык гадюки дрожал от ярости напротив ее щеки, в то время как ее зубы стучали по серебряным прутьям и роняли яд, который маслом покрывал ее одетое в желтый шелк плечо, но она, казалось, ничего не замечала. Пальцы ее правой руки, тем не менее, двигались вдоль ряда медальонов, украшавших резервуар со светящимися червями и, не глядя вниз, они направила на два из них.

Картина девушки и крокодила медленно поднялась, открыв ступеньку неосвященной лестницы.

— Она ведет прямо в мой дом и дом отца, — объяснила Хисвет.

Картина опустилась, Фрикс надела два других медальона, и компания из человека и леопардихи поднялась, открыв лестницу.

— Она ведет через золотые норы прямо в личные апартаменты того, кто является повелителем сейчас — Глипкерио Кистомаркеса, — сказала Хисвет Мышатнику.

Вторая картина скользнула обратно на место.

— Как ты видишь, любимый, мы действуем везде.

Она подняла свой кинжал и слегка притронулась к его горлу. Мышатник позволил немного этому кинжалу перед тем, как схватить между пальцами кончик и отодвинуть его в сторону. Затем он мягко взялся за конец одной из кос Хисвет. Она не оказывала сопротивления. Он начал выдергивать красивые серебряные проволочинки из прекрасных серебряно-белых волос.

Фрикс стояла, как статуя, между зубами и жалом, казалось, наблюдая за происходящим вне реальности.

— Фрикс, она из твоего рода — смесь прекраснейших человеческих и крысиных качеств? — спокойно спросил Мышатник.

Он не переставал заниматься делом, которое позволяло ему наступать на предмет его сердечного желания.

Хисвет вяло тряхнула головой, отложив в сторону свой кинжал.

— Фрикс — моя самая дорогая для меня служанка и почти сестра, но не по крови. В действительности она принцесса и, может быть, была бы сейчас королевой в своем собственном мире. Во время путешествия между мирами она потерпела здесь аварию и была захвачена демонами, от которых мой отец освободил ее за ту цену, что она всегда будет мне служить.

При этом Фрикс, наконец, сказала, хотя и не двигая губами и языком и даже не смотря на них.

— Или до тех пор, прелестная хозяйка, пока я трижды не спасу твою жизнь, подвергая опасности свою. Это уже однажды произошло на борту «Скуинда», когда дракон хотел сожрать вас.

— Ты никогда не оставишь меня, дорогая Фрикс, — уверенно сказала Хисвет.

— Я нежно тебя люблю и верно тебе служу, — ответила Фрикс, — но все же все кончается, о, благословенная Демоиселла.

— Тогда у меня будет Серый Мышатник, чтобы защищать меня, и ты будешь не нужна, — как-то обидчиво возразила Хисвет, подняв брови. — Оставь нас ненадолго, Фрикс, так как я должна поговорить с ним один на один.

С самой веселой улыбкой Фрикс вышла из прохода между смертоносными клетками, сделав реверанс в сторону кровати, одела свою желтую маску и быстро вышла через вторую нескрытую дверь, занавешенную пленкой серебра.

Со все еще поднятыми бровями Хисвет повернула к Мышатнику свое тонкое туловище, и ее конусообразное лицо зажглось красотой. Он пылко бросился к ней, но она схватила его вопрошающие руки своими холодными пальцами и, лаская их, и с глазами, поедавшими его, спросила, скорее утверждая, чем вопрошая:

— Теперь ты будешь моим любовником, не правда ли, тот, кто проник в темные и страшные туннели крысиного мира, чтобы покорить меня?

— Конечно, я буду, о, императрица бесконечных удовольствий! — пылко ответил Мышатник.

Он был сведен с ума страстью и верил, что его слова почти достигают края вселенной его чувств.

— Тогда, я думаю, что лучше освободить тебя из этого, — сказала Хисвет, — поскольку это будет препятствием между мной и величайшей красотой, зависящей от обаяния, в то время когда я сейчас, может, всецело завишу от тебя.

Она положила пальцы двух своих рук на его виски и только тогда крохотным щипком, причинившим боль, ловко вытащила ногтями серебряную стрелу из-под кожи Мышатника, как любая женщина выдавливает черный или белый нарыв на лице своего любимого. Она показала ему стрелу, блестящую на его ладони. Он не почувствовал каких-либо изменений в своих чувствах. Он все еще обожал ее, как божество.

Хисвет положила холодную руку на бок Мышатника, но ее красные глаза больше не были вяло таинственными, они ярко искрились. И когда он должен был прикоснуться к ней также, она помешала ему, сказав самым деловым тоном:

— Нет, все еще нет! Сперва мы должны составить план, мой милый, поскольку ты можешь мне сослужить так, как не смогла бы даже Фрикс. Чтобы начать, ты должен убить моего отца, который препятствует мне и нетерпимо ограничивает мою жизнь, так что я смогу стать императрицей всего: а ты — моим самым любимым консортом. Не будет конца нашей мощи. Сегодня ночью — Ланкмар, завтра —

весь Нехвон, затем захват других вселенных за водами пространства, покорение ангелов и демонов в раю и в аду! Сперва, может быть, ты будешь изображать моего отца, как ты изображал Грига и делал это очень похоже, я это сама засвидетельствовала, любимый. Ты — из людей, очень похожих на меня — в мире обмана — дорогой. Затем...

Она что-то увидела на лице Мышатника.

— Ты, разумеется, обещаешь мне все? — резко спросила она или, скорее, утверждающе.

— Ну... — начал Мышатник.

Серебряный драп взвился к потолку, и в бесшумных туфлях ворвалась Фрикс. Ее желтая одежда и капюшон летели позади нее.

— Ваши маски! — закричала она. — Берегитесь!

Она швырнула на их шеи непрозрачное фиолетовое покрывало, скрывая одетую в фиолетовое фигуру Хисвет и раздетое тело Мышатника, а также поднос между ними.

— Сюда идет ваш отец вместе с вооруженными слугами!

Она встала на колени рядом с Хисвет около кровати и склонила свою с желтой маской голову, принимая услужливую позу.

Едва белая и фиолетовая маски оказались на месте, как серебряные занавески скорее упали на пол, чем были грубо отброшены в сторону. Появились Хисвин и Сквии, оба без масок, в сопровождении трех пикейщиков. Вопреки присутствию огромной гадюки в клетке, Мышатник едва отделялся от иллюзий, что все крысы были в действительности пяти и более футов в высоту.

Лицо Хисвина стало сумрачно-красным, когда он осмотрел место.

— О, чудовище! — закричал он на Хисвет. — Бесстыдная дрянь! Развратничать с моим коллегой!

— Не драматизируй, папа! — возразила Хисвет.

Одновременно она быстро прошептала Мышатнику:

— Убей его. Я оправдаю тебя перед Сквии и другими.

Мышатник, шаря под покрывалом с другой стороны кровати за Скальпелем, в то же время подставил надежную, белую, украшенную драгоценностями маску Хисвину.

— Уфпокойфя. Если твоя бофефтвенная дочь выбрала меня иф вфех других крыф и людей, это моя офибка, Хифвин, или ее фафже? Любофь не фнает правил.

— Я оторву за это твою голову, Григ! — закричал на него Хисвин, направляясь к кровати.

— Папа, ты становишься пиратским святошей, — резко, почти превосходно сказала Хисвет, — чтобы предаваться странным вспышкам гнева в эту ночь нашей большой свободы. Твои дни закончились. Я должна занять твоё место в Совете. Скажи ему, Сквии. Папа, дорогой, я думаю, ты потому так безумно набросился на Грига, что ты не там, где он.

— О гадость! Это моя дочь!

С быстротой молодого он выхватил из-за пояса стилет и вогнал бы его в шею Хисвет посередине между фиолетовой маской и покрывалом, если бы не Фрикс, которая внезапно свалилась с колен и выбросила свою левую руку вперед, как будто ударяя ею по мячу. Острие вошло по рукоятку и было вырвано у Хисвина.

Все еще на одном колене, с ярко блестящим лезвием, пронзившим ее ладонь вытянутой руки и с немного капавшей красной кровью, Фрикс повернулась к Хисвину и, сделав грациозный жест другой рукой, сказала чистым, победным голосом:

— Успокойтесь, дорогой отец моей дорогой хозяйки. Эти дела, конечно, могут быть решены на спокойную голову. Вы не должны ссориться этой ночью.

Хисвин побледнел и сделал шаг назад, напуганный сверхъестественным спокойствием Фрикс, которая вызвала мурашки на человеческой или крысиной спине.

Рыскавшая рука Мышатника сомкнулась вокруг рукоятки Скальпея. Он приготовился выпрыгнуть и броситься обратно в апартаменты Грига, схватив узел с одеждой по пути. В какой-то момент в течение последних приблизительно двадцати ударов сердца его большая немеркнущая любовь к Хисвет совершенно исчезла и сейчас начала вонять в его ноздрах.

Но в это время фиолетовые драпы были раздвинуты, и на выбранном пути побега Мышатника появилась крыса Хриист, размахивавшая рапирой и кинжалом, в своем украшенном золотом наряде. Его сопровождали трое гвардейцев в зеленой форме, каждый с обнаженной шпагой. Мышатник узнал кинжал, который держал Хриист. Это был его собственный Кошачий Коготь.

Фрикс быстро прошла за изголовье кровати к месту, которое она ранее занимала, между клетками с гадюкой и скорпионами, со стилетом, все еще торчавшим из ее ладони на левой руке, похожим на большую булавку.

Мышатник услышал ее быстрый шепот:

— Сюжет становится неясным. Во всех порталах вооруженные крысы. Кульминация приближается.

Хриист внезапно остановился и звонко крикнул Сквии и Хисвину:

— Расчлененные останки Члена Совета Грига обнаружены застрявшими на Пятом уровне в решетке канализации! В одеждах Грига человеческий шпион, изображающий его!

Не упуская момента и сделав последнюю попытку, Мышатник выкрикнул:

— Офибка! Это помефательфтво! Я — Григ! Это была какая-то другая крыфа, которая фoferфила это гряфное убийфтво!

Подняв Кошачий Коготь и глядя на Мышатника, Хриист продолжил:

— Я обнаружил этот кинжал человеческого производства в комнатах Грига. Ясно, этот шпион здесь.

— Убей его в кровати! — резко приказал Сквии.

Но Мышатник, предчувствуя недоброе, выкатился из-под своих простыней и занял позицию защиты — обнаженный, с белой маской, отброшенной в сторону, со Скальпелем, блещущим и длинным и смертельно опасным в его правой руке, в то время как его левая рука, ввиду отсутствия кинжала, сжимала в кулаке его пояс и ножны.

С таинственной усмешкой Хриист бросился на него, в то время как Сквии вытащил шпагу и, подпрыгивая, подбежал к кровати.

Под его ногами хрустело стекло с подноса под покрывалом.

Хриист переплел обе длинные шпаги в сторону, ступив в ближний бой Кошачьим Когтем. Мышатник отбил свой собственный кинжал в сторону поясом и ударил левым плечом в грудь Хрииста, опрокинув его на двух шантажистов в зеленой форме, которые таким образом тоже оказались на полу.

Почти в тот же миг Мышатник отбил далеко в сторону Скальпелем рапиру Сквии, когда ее кончик был уже в дюйме от его шеи. Затем, быстро заменив фронт, он фехтовал со Сквии, отбил крысиное лезвие и решительно нанес удар. Одета в белое крыса уже отступила через кровать, в изголовье которой Хисвет — сейчас уже без маски — наблюдала все критично, хотя немного мрачно, но острие шпаги, тем не менее, достало запястье руки Сквии, державшей шпагу, и проткнуло ее.

В это время третья, одетая в зеленое крыса, гигант семи футов высотой, которая присела, чтобы пройти через дверь,

свирепо двинулась вперед, хотя и немного медленно. Между тем Христ встал с пола в то время, как Сквии уронил свой кинжал и переложил рапиру в здоровую руку.

Мышатник парировал удар гиганта на расстоянии волоса от своей обнаженной груди и сделал ответный удар. Гигант вовремя парировал его, но Мышатник опустил острие Скальпеля под лезвие его шпаги и, продолжив удар, пронзил его сердце.

Челюсть гиганта отвисла, показав его большие резцы. Глаза его покрылись пленкой. Казалось, исчезла даже его ярость. Его оружие выпало из бесчувственных рук, и он стоял мертвый на ногах в течение мига, прежде чем упасть. В этот момент Мышатник, немного согнув свою правую ногу, ударил со всей силы гиганта в грудь, высвободив Скальпель из тела, и толкнул его на Христа и его одетых в зеленое крыс-шпажистов.

Один из копейщиков опустил свое оружие, чтобы атаковать Мышатника, но в этот миг Сквии громко скомандовал:

— Прекратить атаки в одиночку! Окружайте его!

Другие быстро подчинились приказу, но в эту короткую паузу Фрикс открыла дверку, которая была у серебряной клетки, и, не обращая внимания на проколотую руку, выкинула ее страшного обитателя, подняв и резко повернув клетку, который приземлился около кровати, где он стал бегать взад и вперед, большой, как кошка, клацая своими клешнями, треща своим хвостом и угрожая жалом над своей головой.

Большинство крыс направило свое оружие на него. Схватив кинжал, Хисвет бросилась в противоположный угол, приготовившись защищаться от своего любимца, Хисвин спрятался за спину Сквии.

В то же время Фрикс опустила свою здоровую руку на медальон на резервуаре со светящимися червями. Картина с человеком и леопардихой поднялась. Мышатнику не нужна была подсказка ее дикой улыбки и очень ярких глаз. Схватив серый узелок со своей одеждой, он побежал по темным ступенькам лестницы, переступая через две за шаг. Что-то просвистело мимо его головы, со звуком «бзиньк» ударило в ступеньку выше и, клацая, полетело вниз.

На лестнице становилось темнее, и он начал бежать только через ступеньку, согнувшись как можно ниже и всматриваясь широко открытыми глазами вперед. Он слабо услышал пронзительную команду Сквии:

— За ним!

Скривившись, Фрикс вытащила из своей ладони стилет Хисвина, слабо поцеловала кровоточащую рану и, сделав реверанс, возвратила его владельцу.

Спальня была пустой, кроме них двоих и Хисвет, которая обмотала свою фиолетовую одежду вокруг себя, и Сквии, который перевязывал с помощью лопатообразных зубов и здоровой руки бинт вокруг своей поврежденной руки.

Пронзенный дюжиной ударов, истекавший темной кровью скорпион все еще корчился на своей спине. Его ноги и клешни дрожали, жало ходило понемногу назад и вперед.

Хриист, две большие крысы-шпажисты и три пикейщика погнались за Мышатником, и звук их шагов удалялся вверх по лестнице и замирал вдали.

Мрачно нахмурившись, Хисвин сказал Хисвет:

— Я все еще должен убить тебя.

— О, дорогой папа, ты не понял всего, что случилось, — дрожащим голосом сказала Хисвет. — Серый Мышатник направил на меня острие шпаги. Это было насилие. С оружием под покрывалом он заставил меня сказать эти ужасные вещи тебе. Ты видел, что я сделала все, чтобы убить его в конце концов.

— Фу!

Хисвин плюнул, отвернувшись наполовину в сторону.

— Она — единственная, кого нужно убить, — заявил Сквии.

Он указал на Фрикс.

— Она позволила шпиону убежать.

— Очень верно, о, могущественный член Совета, — согласилась Фрикс. — Иначе он убил бы половину из вас, а ваши мозги очень нужны, в самом деле необходимы — не правда ли? — чтобы руководить сегодня ночью главным штурмом Верхнего Ланкмара?

Она протянула свою кровоточащую ладонь к Хисвет и быстро сказала: — Дважды дорогая хозяйка.

— Так ты должна быть награждена, — сказала Хисвет.

Она важно сжала свои губы.

— Но за то, что ты позволила шпиону убежать и не предотвратила насилия, ты будешь завтра исхлестана до тех пор, пока не сможешь кричать!

— К удовольствию миледи, завтра, — ответила Фрикс.

К ней возвратился веселый тон.

— Но сегодня ночью нужно работать. Во дворце Глипкерио в Голубом Аудиенц-Зале. Работа есть для каждого из трех,

и для вас, милорд, — добавила она почтительно, повернувшись к Хисвину.

— Это верно, — внезапно сказал Хисвин.

Он нахмурился, ходя взад-вперед между своей дочерью и ее служанкой. После трех раз он пожал плечами и сказал:

— Пошли.

— Как ты можешь им верить? — спросил Сквии.

— Я должен, — сказал Хисвин. — Они нужны, если я хочу должным образом контролировать Глипкерию. Между тем, твое место — рядом с креслом председателя, за столом Совета. Сисс будет в нем нуждаться. Идите! — повторил он двум девушкам.

Фрикс нажала на медальоны. Поднялась вторая картина. Все трое стали подниматься.

Сквии остался в спальне один, покачал от яростных мыслей головой, автоматически перешагнул через труп гиганта и обошел вокруг все еще дергавшегося скорпиона. Он наконец остановился у красивого стола со стоявшими на нем черными и белыми бутылочками с размероизменяющим зельем. Он подошел к столику, похожий на лунатика или того, кто идет по воде. Поиграл с бутылочками так и этак, катая их, затем вслух сказал себе:

— О, почему тот, кто может быть мудрым, командовать огромным войском, непрерывно борется и добывает драгоценные сокровища, все же может быть так низок, как серебряная решётка, и слеп, как разрезанный червь. Мы, крысы, смирились с нашими малыми размерами, загипнотизировались нашей карликовостью и нашей неспособностью вырваться из наших узких туннелей-тюрем, чтобы выпрыгнуть из малой, но смертельной норы — тюрьмы, чьи стены заставляют нас нюхать только рубленую кучу или узкий похоронный склеп.

Он поднял свои голубовато-ледяные глаза и холодно посмотрел на свое, в серебряной шерсти отражение в серебряном зеркале.

— За всю твою славу, Сквии, — сказал он сам себе. — Ты мало думал за свою крысиную жизнь. На этот раз, Сквии, думай больше!

С этим горячим пожеланием он схватил одну из белых бутылочек и положил ее в кошелек, смел все белые бутылочки в свой кошелек, опять помедлил, затем, пожав плечами и сардонически усмехнувшись, сгреб черные пузырьки и поспешно вышел из комнаты.

За его спиной на фиолетовом ковре скорпион все еще слабо вибрировал своими ногами.

Глава четырнадцатая

Фафхрд быстро поднимался под лунным светом на высокую Болотную Стену Ланкмара, к основанию которой Шеебла привез его на расстояние хорошего выстрела из лука от Болотных Ворот.

— В воротах ты сможешь встретить своих преследователей, — сказал Шеебла.

Фафхрд в этом сомневался. Правда, черные всадники двигались со скоростью штормового ветра, но хижина Шееблы пересекла заросли морской травы, как приземный маленький ураган. И все же у него не было доказательств, что он опередил их. Колдуны превосходили всех других, кроме зазывания продавцов. То ли они сбивали вас с ног словами, как Нингаубле, то ли вертели вами, как хотели, с помощью многозначительного молчания, как Шеебла.

Поскольку болотный чародей иначе поддерживал себе шаткое спокойствие во время всего потрясающего, с килевой качкой, с резкими остановками путешествия, желудок Фафхрда чувствовал тошноту.

Но более, чем всем другим — и все более и более — он был удивлен темнотой и тишиной, которыми окутался город. Где был шум битвы? Где были огни? Или же Ланкмар был уже захвачен, что вопреки оптимизму Нингаубле казалось наиболее похожим, но где были крики пытаемых, пронзительные крики насилуемых и ликующий звон и крики победителей?

Он добрался до вершины стены, внезапно подтянулся и прыгнул через широкую амбразуру вниз на широкий парапет, готовый выхватить Серый Прутик и свой топор, но парапет был пуст так далеко, как он мог видеть в обоих направлениях.

Стенная Улица была темной и пустой так далеко, как он мог видеть. На Денежной Улице, тянувшейся на запад и затопленной лунным светом, виднелись едва различимые фигурки. Сейчас молчание было еще более заметным, чем во время подъема. Оно, казалось, заполнило большой, обнесенный стеной город, как вода, заполнившая чашку до самых краев.

У Фафхрда появилось чувство привидения. Ушли ли завоеватели из Ланкмара, вывезя все сокровища и всех жителей из города на каком-то невообразимо большом флоте или караване? Заперли ли они своих замолчавших жертв и себя в безмолвных домах для какого-то обряда массовых пыток в темноте? Поглотила ли земля победителей и побежденных и потом опять закрылась? Была ли это дьявольская, нечеловеческая армия, которая осадила и поглотила жителей города? Или не был ли весь рассказ Нингаубле городской сплетней?

Все это все же до конца не объяснило призрачную пустоту города. Была ли здесь жаркая битва, в этот самый момент происходившая у него на глазах, а он из-за какого-нибудь колдовства Нингаубле или Шееблы не может видеть, слышать или даже чувствовать этого до тех пор, возможно, пока он не заполнит воздух звоном колоколов, про которые ему упоминал Нингаубле?

Ему все еще не нравилась мысль о его миссии с колоколами. Его воображение рисовало богов из Ланкмара, отдыхающих своими мумиями на покрывалах и обернутых вокруг черных тогах, об их ярких глазах, смотрящих между смоляно-наполненных бинтов, и об их смертельных черных жезлах, ожидающих зова из города, который их забыл, но все же боялся, и который они, искренне ненавидя, охраняли. И все же звон колокола должен был быть.

Он заторопился по ближайшей каменной лестнице вниз, переступая через две ступеньки, и пошел на запад по Денежной Улице, которая тянулась параллельно Ремесленной на протяжении квартала.

Он почти представлял, как задевает невидимые фигуры. Пересекая извилистую Дешевую Улицу, темную и пустынную, как и другие, он подумал, что услышал звук шагов с севера такой слабый что он, наверняка, доносился с Улицы Богов. Но он держался выбранного маршрута, который вел по Денежной Улице до Монашеской, затем через три квартала на север к злополучной колокольне.

Улица Проституток, которая была даже более извилистой, чем Дешевая, выглядела также пустынной, но едва он прошел по ней полквартала, когда услышал позади себя звук шагов и бряцанье оружия. Нырнув в узкие тени, он проследил за двойным отделением стражников, торопливо пересекавших улицу под лунным светом, шедших на юг в направлении Южных Барakov.

Они жались друг к другу, следя за каждым шагом, и несли оружие наготове, несмотря на явное отсутствие врага. Это, казалось, подтверждало мысль Фафхрда об армии невидимок. Чувствуя себя более неудобно, чем раньше, он быстро продолжил свой путь.

Сейчас там и здесь он начал замечать свет, вырвавшийся из-за краев зашторенных верхних окон. Этот тусклый свет только увеличивал его чувство сверхъестественного страха. Он сказал сам себе, что все, что угодно, должно быть лучше, чем эта давящая тишина, сейчас нарушаемая только слабым эхом его собственных шагов по залитым лунным светом булыжникам мостовой. А в конце этого пути — мумии!

Где-то слабо, заглушенно пробило одиннадцать часов. Затем вдруг, пересекая узкую, заполненную до краев чернотой Серебряную Улицу, он услышал многочисленный топот, похожий на звук дождя, но звезды над головой были яркими, и он не чувствовал падавших капель. Он побежал.

На борту «Скуинда» котенок, как будто получив приказ, который он не смог проигнорировать, несмотря на страхи, сделал длинный прыжок с реи на палубу, процарапал по ней свой путь и заторопился в темноту, с черной шерстью, стоявшей дыбом, с изумрудными глазами, смотревшими со страхом и готовностью к опасности.

Глипкерио и Саманда сидели в его Комнате Кнутов, вспоминая и выпивая, чтобы привести себя в нужное настроение для избиения Рифы. Толстая дворцовая хозяйка с жадностью пила из больших кружек темное вино из Товилии до тех пор, пока ее черное шерстяное платье не пропиталось потом, и соленые бусинки не оказались на каждой волосинке ее призрачных черных усов. В то же время ее повелитель потягивал фиолетовое вино из Кикэйи, которое она принесла ему из самой верхней кладовой, когда ни дворецкий, ни паж не ответили на дергание за серебряное кольцо и даже на звон в медный сигнальный колокольчик.

Она сказала:

— Они боятся пошевелиться с тех пор, как ушли твои стражники. Я хорошенько их изобью, но только тогда ты, маленький хозяин, исполнишь мою особую забаву.

Сейчас, не обращая внимания на редкие и украшенные драгоценностями инструменты, которые были вокруг них, и блаженно забыв о нашествии грызунов на Ланкмар, их мысли вернулись к простым и счастливым дням. Глипкерио — его венок из анютиных глазок был надет набок, как-то поник — сказал с хихикающим рвением:

— Ты помнишь, когда я купил тебе моего первого котенка, чтобы бросить его в огонь?

— Помню ли я? — ответила Саманда.

Она нежно улыбнулась.

— Я помню, как ты купил мне свою первую муху, чтобы показать мне, как ты аккуратно мог оторвать ей крылья и ноги. Ты был гулякой, но уже худым и высоким.

— Да, но об этом котенке... — настаивал на своем Глипкерио.

Фиолетовое вино скатывалось по его подбородку, когда он делал быстрый глоток трясущейся рукой.

— Он был черным, с голубыми глазами, только что раскрывшимися. Родомикс пытался остановить меня — он тогда жил во дворце, — но ты с криками выгнала его.

— Действительно, — согласилась Саманда. — Брат с бархатным сердцем! И я помню, как кричал и шипел котенок и как потом кричал ты, потому что у тебя его не было, чтобы опять кинуть в огонь. Чтобы развлечь твой ум и подбодрить свой, я раздела и избила новую служанку, такую же худую и высокую, как ты, с длинными белыми косами. Это было до того, как ты приказал обривать волосы.

Она вытерла усы.

— Ты побрил все служанок и пажей. Я думала, что настало время распределить немного мужские удовольствия, и была достаточно уверена, что ты показываешь безразличие к изменчивой моде!

С ликующим смехом она потянулась и бестактно схватила его.

Возбужденный этой щекоткой и своими мыслями, повелитель Ланкмара встал, высокий и черный, как кипарис, в своей тоге, хотя кипарис не дергается, как он, кроме возможно при землетрясении или под самым сильным колдовством.

— Пошли! — крикнул он. — Бьет одиннадцать. У нас едва ли есть время, я должен спешить в Голубую Аудиенц-Залу, чтобы встретиться с Хисвином и спасти город.

— Верно, — подтвердила Саманда.

Она подняла себя своими мускулистыми руками за колени и затем вытолкнулась из зажавшего ее кресла.

— Какие плетки ты выбрал для непослушной и вероломной девчонки?

— Нет! — крикнул Глипкерио с нетерпеливым ликованием. — В конечном счете, хорошо пропитанная старая, добрая собачья плетка, висящая на твоем поясе, всегда лучше. Мы торопимся, дорогая Саманда. Торопись.

Рифа встала с помятой постели, когда услышала, что за-скрипели. Прогнав из своей гладко выбритой головы кош-мары, она неистово нащупала бутылку, чье осушение должно было принести ей защитное забвение. Она поднесла ее к своим губам, но за миг до того, как опрокинуть ее, задер-жалась. Дверь все еще не открывалась, и скрип был страшно тонким и душераздирающим. Взглянув через край кровати, она увидела, что другая, не более фута высотой дверь от-крылась наружу на уровне пола в казавшейся бесшовной панели. Через нее быстро и молча вошел, немного согнув голову, с хорошей фигуркой, худой и мускулистый малень-кий человек, несший в одной руке серый узелок, а в другой, то, что казалось длинной игрушечной шпагой, такой же обнаженной, как и он.

Он закрыл за собой дверь так, что казалось, ее там не было, и внимательно осмотрелся.

— Серый Мышатник! — закричала Рифа.

Она спрыгнула с кровати и встала на колени рядом с ним.

— Ты возвратился ко мне?

Он вздрогнул, подняв свои занятые руки к ушам.

— Рифа, — попросил он, — не кричи так опять. Это вредит моим мозгам.

Он говорил медленно и так низко, но для нее голос его был визгливым, а речь слишком быстрой, хотя и разборчи-вой.

— Извини, — с раскаянием прошептала она.

Она сдержала порыв взять его и прижать к своей груди.

— Лучше, — сказал он ей, — сейчас найди что-нибудь тяжелое и подопри этим дверь. Те, с кем ты, наверное, не хочешь встретиться, позади. Быстрее, девочка!

Она не сдвинулась с колен, а пылко продолжала:

— Почему не действует твоя магия, и ты не становишься опять большим?

— У меня нет палочки, — сказал он, вскипая. — Я надеялся на бутылочку и как другой любой сексуальный дурак не подумал проверить. Рифа!

Внезапно поняв силу своей позиции, она просто подалась к нему и, лукаво улыбаясь, хотя и нежно, спросила:

— С какой куклой-самкой ты сейчас общался? Нет, ты можешь не отвечать на это, но до того, как я двинусь, ты должен отдать мне шесть волосинок из твоей дорогой головы. У меня есть хорошая причина требовать этого.

Мышатник начал безрассудно спорить с ней, затем получ-ше подумал и срезал Скальпелем маленький кусочек своего

кокона и положил его в огромную, перекрещенную морщинами, мерцающую ладонь, где они были прекрасны, как детские волосики, хотя немного длиннее и темнее.

Она проворно встала, подошла к ночному столику и кинула в ночное питье Глипкерио их. Затем, почистив руки над бокалом, она огляделась. Самой подходящей для цели Мышатника вещью была золотая шкатулка с драгоценностями. Она поставила ее перед местом, где была маленькая дверь, узнав у Мышатника, где точно была дверь.

— Это должно немного задержать их, — сказал он.

Он жадно заметил на будущее радужные драгоценности большие, как его кулак.

— Но будет лучше, если ты также принесешь...

Упав на колени, она немного печально спросила:

— Ты не собираешься снова становиться большим?

— Не шуми! Да, разумеется, через час или даже меньше, если верить моему колдуну. Сейчас, Рифа, пока я оденусь, принеси...

Резко щелкнул замок, и запор быстро отошел по желобку. Мышатник почувствовал, как он несется через воздух с помощью Рифы на мягкую, пружинистую кровать, и белая полупрозрачная простыня упала на него.

Он услышал, как открылась большая дверь.

В этот миг рука на его голове твердо прижала его вниз, на корточки, и когда он запротестовал, Рифа прошептала, хотя для него это походило на маленькую бурю:

— Не выгибай простынь. Что бы ни случилось, не шуми и скрывайся, во имя твоей дорогой жизни.

Затем раздался голос, похожий на голос боевых труб, заставляя Мышатника радоваться той защите, которую давала ему простыня.

— Гадкая девчонка ползала по всей кровати! О какая гадость! Я чувствую слабость! Вино! Ах! А-а-р-р-х-х!

Послышались бившие по ушам припадки удушья, ругательства, плевки, а затем — опять боевые трубы, немного заглушенные, как будто заткнутые фланелью, хотя даже более яростные.

— Девочка бросила волосы в мое питье! О, избежь ее, Саманда, до тех пор, пока она не покроется рубцами по всему телу и не станет похожей на бамбуковую ширму. Хлещи ее до тех пор, пока она не будет лизать мои ноги и целовать каждый башмак в помещении!

Затем другой голос, похожий на звук огромных литавр, оглушая через простыню Мышатника и бомбардируя его

уменьшившиеся до толщины золотых листочков барабанные перепонки:

— Иди сюда, девушка, я должна побить тебя плеткой!

Рифа перекарабкалась в изголовье кровати прочь от голоса. Мышатник, согнувшись, сопровождал ее, хотя матрац вздымался, как белопалубный корабль в шторм, а простыня походила на белый платок. Затем он внезапно кончился, как будто с помощью сверхъестественного ветра, а вниз на него смотрело гигантское, красно-черное лицо Саманды, зажженное ликером и яростью, и черное из-за свитых в шар и проколотых булавкой черных волос. И у солнца был черный хвост — поднятая плеть Саманды.

Мышатник бросился к ней через помятую постель, размахивая Скальпелем и все еще неся в другой руке серый узелок со своей одеждой.

Плетка, которая была нацелена на Рифу, изменила направление и свистяще понеслась к нему. Он прыгнул прямо вверх изо всей силы, и плеть прошла прямо под его обнаженными ногами, похожая на черный драконий хвост. К счастью, удержавшись на ногах, когда он приземлился, он опять прыгнул к Саманде и нанес удар Скальпелем в ее закрытую черной шерстью огромную коленную чашечку, спрыгнув на паркетный пол.

Как удар молнии, огромный топор ударил в дерево рядом с ним, заставив задрожать его зубы. Глипкерио, схвативший свой легкий топор с вешалки с оружием, владел им с неправдоподобной скоростью.

Мышатник бросился под кровать, пробежал под ней, что было для него бегом по темному широкому портику с низким потолком, появился на другой стороне, еще быстрее повернулся вокруг ножки кровати, чтобы ударить в лодыжку Глипкерио с обратной стороны.

Но этот парализующий бедро удар не получился, поскольку Глипкерио повернулся. Саманда, немного хромая, подошла к повелителю. Гигантский топор и плеть опять поднялись над ним.

Со скорее счастливо-истерическим криком, который почти порвал перепонки в ушах Мышатника, Рифа бросила свой кристаллообразный флакон с вином. Он пролетел между головами Глипкерио и Саманды, не попав в них, но остановив.

Во время всего этого незамеченный в переполохе и беспорядке золотой ларец с драгоценностями отодвигался толчок за толчком от стены. Дверь за ним открылась достаточно

широко, чтобы могла войти крыса, и появился Хисвин, сопровождаемый вооруженными крысами: три пикейщика без масок, в шлемах из коричневого железа.

Совершенно испуганный этим появлением, Глипкерио бежал из комнаты, сопровождаемый чуть замедлившейся Самандой, чьи тяжелые шаги сотрясали деревянный пол, как землетрясение.

Обезумевший из-за схватки, а также успокоенный тем, что встретил врагов своего собственного размера, Мышатник напал на охранников, используя свою одежду как щит, и страшно крича:

— Иди сюда и ты будешь убит, Хриист!

Но в этот момент он почувствовал, как он с тошнотворной скоростью был прижат к груди Рифы.

— Поставь меня вниз! — закричал он.

Он был все еще в боевом раже. Но все было бесполезно, поскольку пьяная девушка несла его, шатаясь, через дверь и захлопнула ее за собой — еще одна атака на барабанные перепонки Мышатника — прищемив крысиную пику.

Саманда и Глипкерио бросились к дальней широкой голубой занавеси, а Рифа побежала другим путем к кухне и к помещению для слуг. Она несла с собой Мышатника, его серый узелок подпрыгивал вместе с ним, его булабочная шпага была бесполезна, вопреки его визгливым протестам и слезам гнева.

Везде крысы начали штурм Верхнего Ланкмара за полчаса до полуночи, наступая в основном из золотых нор. Было несколько преждевременных вылазок, как на Серебряной Улице, и кое-где несколько задержек в норах, обнаруженных и заделанных людьми в последний момент, но вся атака полностью была мгновенной.

Первыми покинули Нижний Ланкмар дикие отряды четырехногих ходоков, свирепая кавалерия без всадников, дикие крысы из зловонных нор и кроличьих садков под трущобами Ланкмара, грызуны, знающие если не все, то большинство цивилизованных удовольствий и говорившие на большинстве ланкмарских наречий с помощью писка и визга. Некоторые дрались только с помощью зубов и когтей, как самые простые примитивы. Среди них были берсерки и группы специального назначения.

Затем шли убийцы и поджигатели со своими факелами, смолой и маслом. До сих пор не используемый огонь был частью основного плана, хотя при этом крысиные норы

верхнего уровня оказались под угрозой. Но считалось, что победа будет быстро достигнута при помощи огня.

В конце вошли вооруженные в доспехах крысы, кроме тех, кто нес ракеты и части артиллерии, которая должна была быть собрана на месте.

Предшествовавшие набеги почти всегда производились через норы в потолках на уровне земли, через дренажную систему на улице и тому подобное. Но главный штурм этой ночью начался через все возможные норы на верхних этажах и через крысиные норы, которые находились на чердаках, удивляя людей, которые заперлись в предположительно безопасных кварталах, и выгнали их в панике на улицы.

Это отличалось от предыдущих ночей и дней, когда крысы поднимались черными волнами и потоками. Сейчас они падали вниз, как черный дождь, в закрытых помещениях и текли потоками со стен, внося смятение и ужас. Тут и там, в основном под крышами, начал блеснуть огонь.

Крысы ворвались внутрь почти каждого храма и дома культа среди трущоб, тянувшихся вдоль Улицы Богов, выгоняя поклонников до тех пор, пока широкая улица не была забита людьми, слишком испуганными, чтобы посметь встать на темную сторону улицы или создать несколько очагов более или менее организованного сопротивления.

В ассамблейном зале с высокими окнами Южных Баракв Олега Мингольское Несчастье громко, брызгая слюной, говорил дрожащим голосом усталым слушателям, которые, согласно обычаю, оставили снаружи свое оружие, так как солдаты Ланкмара были известны тем, что использовали его при раздражении или для очень наскучивших ораторов. Наконец он резюмировал:

— Вы, которые сражались с черными бегемотами и элфантами, вы, которые разгромили отряды пикейщиков короля Кримаксуса и разбили его слонов-крепостей, разве вы можете быть запуганы грязным сбродом...

В это время открылось восемь больших нор, расположенных высоко в дальней стене, и оттуда, из этих зловещих отверстий батарея самострельщиков в масках запустила свои жужжащие снаряды прямо в старого и страстного генерала. Пять снарядов попало прямо в цель, один перерезал ему глотку, и, ужасно хрипя, он упал с трибуны.

Затем огонь самострелов перенесся на пораженную аудиторию, все еще замершую, некоторые из которой даже зааплодировали смерти Олега, как будто это был карнавальный трюк. Из других крысиных нор, расположенных высоко,

вниз бросали узелки тряпья со смоленой начинкой и подожженные фигурки из белого фарфора, пропитанного смолой, в то время как из различных нижних золотых нор с ревом вырвались вредные испарения, нагнетавшиеся по канализационным трубам.

Группы солдат и полицейских попытались выбежать наружу через двери, но обнаружили их закрытыми снаружи — одно из самых выдающихся достижений групп специального назначения, сделавших все возможное для того, чтобы Ланкмар мог пережить во время мятежа резню своих собственных солдат. С помощью перенесенного тайком оружия и некоторых офицеров по норам начался вестись контр-огонь, но они были трудными целями, и большинство солдат металось так же бестолково, как и молящиеся на Улице Богов, кашляя и крича, в большом затруднении из-за присутствия вредных испарений и еще более из-за душащего дыма маленьких огоньков тут и там, чем от опасности большого огня.

Между тем, черный котенок распластался на крыше бочки в районе хранилищ, пока рядом шел отряд вооруженных крыс. Маленький зверек дрожал от страха, но все же все глубже и глубже уходил в город, понуждаемый чем-то таинственным, чего он не понимал и не мог проигнорировать.

В доме Хисвина на верхнем этаже была маленькая комната, двери и окна которой были плотно заперты изнутри так, что свидетель, если он мог быть здесь, удивился бы, как был выполнен этот запор, чтобы запирать таким образом комнату.

Единственная толстая свеча, которая отчасти загрязняла воздух, не высвечивала какой-нибудь мебели в комнате. Она освещала шесть широких, мелких тазов, которые частью занимали пол. Три из них были заполнены густым розоватым раствором, по которому то и дело пробегала маленькая рябь. По краю каждого таза бежала полоска черной пыли, которая смешивалась с раствором. Вдоль одной стенки висели полочки, на которых стояли маленькие бутылочки, белые — на уровне пола, черные — выше.

На уровне пола открылась крошечная дверка. Хисвин и Хисвет и Фрикс молча вышли из нее. Каждый взял белую бутылочку, подошел к тазу и затем без промедления спустился в него. Черная пыль и розовый раствор замедлили, но не остановили их продвижения. Вскоре каждый стоял в центре раствора, который доходил им до бедра.

Затем каждый осушил свою бутылочку.

Долгий момент ничего не происходило, только рябь рождалась и умирала под слабым светом свечи.

Затем каждая фигура начала расти, в то время как количество раствора быстро уменьшалось. За дюжину ударов сердца тазы оказались пустыми как от раствора, так и от пыли, в то время как в них стояли в полный рост Хисвин, Хисвет и Фрикс в сухой обуви и одетые во все черное.

Хисвин открыл окно, выходящее на Улицу Богов, широко раскрыл ставни, сделал глубокий вдох, осторожно нагнулся, чтобы получше всмотреться, затем, согнувшись, повернулся к девушкам.

— Это уже началось, — мрачно сказал он. — Сейчас мы поторопимся в Голубую Аудиенц-Залу. Время торопит. Я просигналю нашим минголам собраться и сопровождать нас.

Он стремительно пронесся мимо них к двери.

— Идемте!

Фафхрд взобрался на крышу храма Богов из Ланкмара и остановился, чтобы оглядеться и посмотреть вниз перед тем, как закрепиться на колокольне, несмотря на то, что это восхождение мало повторяло его подъем на стену города.

Он хотел знать, что означали эти крики внизу.

Через улицу стояло несколько неосвященных домов, первый среди них был Хисвина, за ним — Радужный Дворец Глипкерио с его залитыми лунным светом, расписанными пастелью минаретами, самый высокий из которых — голубой, похожие на группу высоких, тонких, танцующих девушек, позади группы одетых в черное пиратов.

Сразу под ним располагался непокрытый крышей фронтальный портик храма, и низкие, широкие ступеньки вели к нему с улицы. Фафхрд даже не пытался пройти через обитые медью, изъеденные червями двери под ним. Он даже не допускал мысли ходить, спотыкаясь, вокруг и искать лестницу внутри темноты и пыли, где его щупающие руки могли притронуться к завернутым в темные бинты, одетым в черное фигурам, которые не могут лежать, как все смертные, закопанные в земле. Со всех сторон подъем снаружи казался более удобным и также лучше было бы наблюдать пробуждение Богов из Ланкмара, если они проснутся с колокольни, чем прикосновением к когтистому плечу, обернутому в крошащиеся бинты.

Когда Фафхрд начал свой подъем, Улица Богов была пуста, хотя из открытых дверей ее пышных храмов Богов в Лан-

кмаре струился желтый свет и доносился печальный звук многих ектений, перемешанных с более резкими акцентами экспортных молитв и просьб.

Но сейчас улица заполнилась людьми с побледневшими лицами, в то время как другие все еще выбегали с криками из дверей. Фафхрд все еще не мог увидеть, от чего они бежали, и все больше он думал об армии невидимок. В конце концов он мог представить только вампиров с невидимыми костями, но затем он заметил, что большинство вопивших и бежавших смотрели себе под ноги и на мостовую. Он вспомнил жуткий звук шагов, который сопровождал его бег по Серебряной Улице. Он вспомнил, что Нингаубле упоминал об огромном числе и скрытом источнике армии, осадившей Ланкмар. Он вспомнил, что «Клейм» был потоплен, а «Скуинд» захвачен, главным образом, одними крысами.

В нем мгновенно возникло дикое подозрение.

Между тем некоторые беженцы из храмов встали на колени перед сооружением, на котором он стоял, бились головой о булыжники мостовой и нижние ступеньки и издавали неисчислимы́е просьбы о помощи.

Как обычно, Ланкмар обращался к своим страшным, таинственным богам только в моменты ужаснейшей необходимости, когда все другое не приносило успеха. В это время несколько смельчаков прямо под Фафхрдом забрались в темный портик, ударили и потянули в стороны старинные створки дверей.

Затем раздался громкий скрип, стон и звук чего-то разорванного. На миг Фафхрд подумал, что те под ним что-то сломали и вошли внутрь. Но затем он увидел их, бежавших обратно вниз по ступенькам с выражением страха и повергающих себя на землю, как и другие.

Огромные двери открылись на расстояние между ними с толщину человека, затем через эту узкую щель из храма вышла процессия, освещенная факелами, состоявшая из маленьких фигурок, которые прошли и выстроились в ряд вдоль переднего края портика.

Они были примерно вдвое больше обыкновенных крыс, шли прямо и были одеты в черные тоги. Четверо из них несли факелы, горящие ярким, бело-голубым светом. Каждый из остальных нес нечто, что Фафхрд, взглянув вниз своими орлиными глазами, не мог хорошо рассмотреть — маленькие черные жезлы! Среди них были три белые крысы, а остальные — черные.

Тишина опустилась на Улицу Богов, как будто по какому-то тайному сигналу людские мучители прекратили свои гонения.

Одетые в черное крысы в унисон прокричали так визгливо, что даже Фафхрд их ясно услышал:

— Мы убили ваших богов, о ланкмарцы! Сейчас мы — ваши боги, о народ Ланкмара. Покоритесь вашим братьям по миру и вам не будет причинен вред. Подчиняйтесь командам! Ваши боги мертвы, о ланкмарцы! Мы — ваши боги!

Люди, которые проникли, продолжали так стоять и биться головами, другие из толпы им подражали.

Фафхрд на миг подумал о том, чтобы найти что-нибудь такое, чем бы бросить вниз в эту ужасную, одетую в черное маленькую шеренгу, которая так напугала людей, но к нему пришла мысль, что если Мышатник уменьшился и смог оказаться под самыми глубокими подвалами, то это значило, что Мышатник превратился в крысу с помощью черной магии, наверняка Хисвина.

Убив любую крысу, он может убить своего друга.

Он решил следовать инструкциям Нингаубле и начал взбираться на самый верх колокольни, далеко подтягиваясь своими длинными руками, помогая им и выпрямляя своими еще более длинными ногами.

Черный котенок, заворачивая за длинный угол того же здания, выпятил свои маленькие глаза на ужасную картину одетых в черное крыс, он хотел убежать, но все же не двинул ни мускулом, как солдат, который знает, что у него есть долг, который он должен выполнять, хотя он забыл или не знал сущности этого долга.

Глава пятнадцатая

Глипкерио сидел, волнуясь, на краю своей выполненной в виде морской раковины кушетки из чистого золота. Его легкий боевой топор лежал забытый на голубом полу за ним. Он взял с низкого столика изящный серебряный жезл власти с наконечником в виде морской звезды — несколько дюжин их лежало перед ним — и нервно стал им играть. Но для этого он был слишком взволнован. Жезл выскочил у него из рук и, мелодично клацая, покатился по голубому полу на дюжину футов в сторону. Глипкерио плотно сплел свои руки с длинными пальцами и в волнении потряс ими.

Голубая Аудиенц-Зала освещалась несколькими оплывшими, покрытыми сажей свечами. Центральные занавеси были подняты и добавляли мрака. Лестница, ведущая в голубой минарет, была спиралью теней. Позади темной арки, ведущей в портик, находился большой серый маховик, балансирующий на верхушке медного ската, таинственно блестящий под лунным светом. Узкая серебряная лестница вела к отверстию размером с человека, которое было открыто.

Свечи отбрасывали на украшенную голубыми изразцами внутреннюю стену несколько гигантских теней, одна над другой.

Это делала Саманда, которая стояла, наблюдая за Глипкерио с пристальным вниманием, как будто наблюдая за причудами лунатика.

В конце концов Глипкерио, чей собственный взгляд никогда не отрывался от занавеси, закрывавшей голубую арку дверного проема, начал бормотать сначала тихо, а затем громче и громче:

— Я не могу оставаться здесь больше. Вооруженные крысы во дворце, охрана ушла, волосы в моем горле, ужасная девчонка, этот непристойный, волосатый, прыгающий человек с лицом Мышатника, нет ни дворецкого, ни служанок, чтобы ответить на мой звонок, нет даже пажа, чтобы подрезать свечи, и Хисвин не пришел, Хисвин не идет! Я — на я. Все потеряно. Я не могу оставаться здесь. Я ухожу! Адью, ми! Нехвон, гуд бай! Я найду более счастливую вселенную!

С этим предупреждением он бросился к портику — полоска черной тоги, с которой запорхал вниз последний лепесток анютиных глазок.

Саманда, тяжело ступая после него, схватила его перед тем, как он смог подняться по серебряной лестнице, в значительной степени потому, что он не мог рассоединить руки, чтобы схватиться за поручни. Она обхватила его огромной рукой и направила его обратно в направлении кушетки, между тем выпрямляя и не выпуская его пальцы и говоря:

— Сейчас, сейчас, не совершай сегодняшней ночью оплошностей, маленький хозяин. Мы стоим на твердой земле, в твоем собственном дорогом дворце. Только подумай: завтра, когда кончится эта бессмыслица, у нас будет так много прелестных наказаний! Между тем, чтобы охранять тебя, любимый, у тебя есть я, которая стоит полка. Держись, Саманда!

Как будто послушавшись ее слов, Глипкерио, который в замешательстве отпрянул в сторону, внезапно соединил свои руки вокруг ее шеи и почти устроился, сидя на ее огромном туловище.

Голубая занавесь широко откинулась, но это была только прекрасная Элакерия Глипкерио в серой шелковой одежде, которая грозила мгновенно лопнуть по швам.

Толстая и страстная девушка потолстела даже более за последние несколько дней из-за объедания конфетами, чтобы успокоиться по причине горя матери и умерщвления ее любимой мартышки, и даже больше, чтобы унять свои слезы по самой себе. Но на миг, казалось, слабая ярость выполнила работу меда и сахара.

— Дядя! — крикнула она. — Ты должен тотчас что-то сделать! Стража ушла. Ни одна из твоих служанок или пажей не отвечает на мой звонок, а когда я вышла, чтобы вызвать их, я обнаружила, что эта наглая Рифа — высекли ли ее? — подстрекает всех пажей и служанок взбунтоваться против тебя или сделать нечто равно буйное. В ее согнутой левой руке сидела живая, одетая в серое кукла, махавшая маленькой шпагой — конечно, это был тот, кто распинался — кви-кви! — побуждая к дальнейшим гнусностям.

— Ах, революция? — прорычала Саманда.

Она отставила Глипкерио в сторону и вытащила кнут и дубинку из-за пояса.

— Элакерия, присмотри за дядей. Ты знаешь, не делай оплошностей, — добавила она хриплым шепотом.

Она выразительно постучала у виска.

— Между тем я покажу этим голым девкам и пацанам такую контрреволюцию — век не забудут.

— Не оставляй меня! — умолял Глипкерио.

Он бросился к ней на шею и опять повис на ней.

— Сейчас, когда Хисвин забыл обо мне, ты — моя единственная защита.

Часы пробили четверть первого. Голубые занавеси разошлись, и вошел Хисвин размеренными шагами, взамен своей обычной торопливой походки.

— Для хорошего или плохого я пришел в этот момент? — сказал он.

На нем была одета черная шапочка, тога и кожаный пояс, на котором висели чернильница, перья и сумка со свитками.

Сразу за ним вошли Хисвет и Фрикс в спокойных черных одеждах. За ними закрылись голубые занавеси. Все три лица, окруженные черным, были серьезны.

Хисвин подошел к Глипкерио, который отчасти застыдился спокойствия и хорошего поведения новоприбывших; встал во весь рост на своих, в золотых сандалиях, ногах, привел немного в порядок нарушившиеся складки своей тоги и выпрямил вокруг своих золотистых локонов завязки мягкого растительного материала, что было всем, что осталось от венка из анютиных глазок после вспышки гнева.

— О, мой восхитительный повелитель, — торжественно произнес нараспев Хисвин, — я принес тебе плохие вести.

Глипкерио побледнел и опять начал трястись.

— Первая новость: они звезды, чей приход заставил небеса моргать, как свечу, задутую черным демоном, погашены черными чарами океана неба. Короче говоря, она исчезла бесследно, таким образом, я не могу произнести свое заклинание против крыс. Кроме того, мой долг сообщить вам, что крысы ради политической цели уже захватили Ланкмар. Все ваши солдаты были полностью уничтожены в Южных Бараках. Все храмы захвачены, и каждый Бог из Ланкмара убит неожиданно в своей сухой ароматной постели. Крысы только медлят, конечно, если я объясню им, чтобы захватить ваш дворец и вашу голову.

— Тогда все потеряно, — сказал Глипкерио.

Голос его дрожал, и он был бледен как мел. Повернув голову, он капризно добавил:

— Я говорил тебе, Саманда! Ничего не остается, как кроме последнего путешествия. Мир, адью! Нехвон, прощай! Я найду более счастливый...

В этот раз его движение к портику было остановлено сразу толстой племянницей и огромной дворцовой хозяйкой, окружившими его с двух сторон.

— Сейчас лучше слушайте, — продолжил Хисвин более живым голосом. — С большой для себя опасностью я вступил в контакт с крысами. Оказалось, что у них есть великолепная цивилизация, оказавшаяся во многих случаях лучше, чем человеческая. О, это молодая цивилизация. Эти мудрые грызуны получают удовольствие, и вы будете получать удовольствие от чувств уместности, когда вы узнаете их получше! Во всяком случае, крысы, уважающие меня — ах, это исключительно дипломатия, которую я выработал для вас, дорогой хозяин! — поручили мне передать условия капитуляции, которые оказались внезапно великодушными!

Он вытащил из своей сумки свиток и сказал:

— Я подведу итог.

Он прочитал:

— «...военные действия тотчас прекращаются... по приказу Глипкерио, переданному его глашатаями с жезлами власти... Огни, погашенные и поврежденные, будут исправлены в Ланкмаре ланкмарцами под руководством центра. Отремонтировать крысиные туннели, арки, проходы, уединенные места и другие комнаты людьми, соответственно уменьшенными в размерах. Все солдаты разоружены, готовы к отправлению, заключены в тюрьму и так далее. Все кошки, собаки, хорьки и другой сброд...» Ну, естественно. «Все корабли и все ланкмарцы на борту...» Это достаточно ясно. «Согласно этому каждый ланкмарец волен заниматься своим обычным делом, свободен во всех своих действиях и владениях...» Свободен! Вы это слышали? «Подчиняться только командам его личной крысы или крыс, которые будут находиться на его плече или иначе расположенных на нем или в его одежде».

Он указал на Глипкерио, который стоял очень бледным. Тело его и конечности начали опять дрожать, а на лице начался нервный тик.

— Но ваши крысы, — быстро сказал Хисвин, — из-за отличия вашей высокой должности вообще не крысы, а, скорее, моя дочь Хисвет и, временно, ее служанка Фрикс, которые будут ухаживать за вами днем и ночью, будут наблюдать за вами и только наблюдать, выполняя каждое ваше желание при пустяковом условии, что вы будете выполнять каждую их команду. Что может быть прекраснее, мой дорогой хозяин?

Глипкерио уже пришел в себя.

— Мир, адью! Нехвон, прощай! Я найду...

Между тем он направился к портику, конвульсивно подпрыгивая и приседая в усилиях освободиться от державших его рук Саманды и Элакери. Вдруг, тем не менее, он остановился и крикнул:

— Разумеется, я подпишу!

Он взял пергамент. Хисвин энергично провел его к кушетке и столу, тем временем готовя письменные принадлежности.

События развивались. Глипкерио дрожал так, что едва мог держать перо, а не то что писать. Его первое усилие, приложенное к перу, послало кометный хвост капель чернил по одежде всех окружавших, в том числе и на костлявое лицо Хисвина.

Все усилия сдержать его руку, сперва мягкие, а затем со всей силы, потерпели неудачу.

Хисвин щелкнул своими пальцами в явном нетерпении, затем внезапно указал пальцами на свою дочь. Она вытащила флейту из своей черной одежды и начала играть мелодичную, усыпляющую мелодию.

Саманда и Элакериа опустили Глипкерио лицом вниз на кушетку, одна за плечи, другая за лодыжки, в то время как Фрикс, встав на одно колено, начала кончиками пальцев бить ему по спине от черепа до ягодицы в такт музыке Хисвет, оберегая свою левую руку с перевязанной ладонью.

Глипкерио продолжал конвульсивно дергаться, но постепенно сила этих потрясений тела уменьшилась, и Фрикс смогла перейти от своих ритмичных ударов к ударам руками.

Хисвин, едва находя себе место и щелкнув опять пальцами — его тени двигались так же, как те гигантские крысы, которые изменили свой размер, и метались, сбитые с толку по голубым изразцам — внезапно потребовал жезл власти.

— Где ваши пажы, которые, как вы обещали, должны быть здесь?

Глипкерио вяло ответил:

— В своих квартирах. Бунтуют. Вы украли мою стражу, которая следила за ними. Где ваши минголы?

Хисвин замер, как мертвый, не сделав ни шагу, и нахмурился. Его взгляд вопрошающе уставился на неподвижные, голубые двери — занавеси, через которые он вошел.

Фафхрд, немного запыхавшись, пролез в одно из восьми окон колокольни, сел на подоконник и осмотрел колокола.

Их было всего восемь и все очень большие: пять из бронзы, три из коричневого железа, окрашенные бледно-морской плесенью и темно-синей ржавчиной. Кое-какие веревки сгнили, насколько он знал, века назад. Под ним была черная пустота, пересекаемая четырьмя узкими, плоскими наверху, каменными арками. Он вступил на одну из них ногой. Она его выдержала.

Он качнул самый маленький колокол, бронзовый. Ничего не раздавалось, кроме мрачного скрипа.

Сперва он огляделся, а затем пощупал внутри колокола. Языка не было. Державшее его звено страшно заржавело.

Исчезли также все другие языки колокольни. Вероятно, они упали на дно башни.

Он приготовился использовать свой топор, чтобы заменить будильник, но затем увидел упавшие языки на каменной арке.

Он поднял один руками, как какую-то тяжелую дубинку и, без всякого риска двигаясь по аркам, по очереди ударил в каждый колокол. На него насыпалась ржавчина с железных колоколов.

Их слившийся гром прозвучал громче, чем гром в горах, когда свет молнии ударяет поблизости. Колокола были самыми немзыкальными из всех колоколов, которые слышал Фафхрд. Некоторые наносили великолепные удары, которые вместе периодически терзали ухо. Они, должно быть, были отлиты мастером раздора. Бронзовые колокола визжали, звенели, гудели, грохотали, шумели, лязгали и кричаще перекликались. Железные колокола тяжело охали проржавевшими глотками, рыдали, как левиафаны, трепетали, как сердце всеобщей смерти, и качались, как черная зыбь, пробегающая по плоскому скалистому берегу. Они очень подходили для Богов из Ланкмара.

Металлический шум начал понемногу затихать, и он понял, что был оглушен.

Тем не менее он задержался до тех пор, пока не ударил в колокола три раза.

Затем он посмотрел из окна, через которое вошел.

Его первым впечатлением было то, что половина человеческой толпы глядела прямо на него. Затем он понял, что шум колоколов был тем, что повернуло вверх эти залитые лунным светом лица.

Сейчас многие из них стояли на коленях перед храмом. Другие ланкмарцы валили на Улицу Богов с востока, как будто их подгоняли.

Стоящие вертикально, одетые в черные одежды, крысы стояли все еще такой же короткой шеренгой. Вокруг них витал дух твердой воли, несмотря на их размер, а сейчас с флангов их обошли два отряда вооруженных крыс. Каждая несла небольшое оружие, которое удивило бы Фафхрда, напугавшего глаза до тех пор, пока он не узнал маленькие самострелы, которые использовались на борту «Скуинда».

Звук колоколов умер вдали или опустился слишком низко, чтобы его уши уловили звук, но затем он услышал, сперва слабо, ропот и крики безнадёжного ужаса.

Опять взглянув на толпу, он увидел черных крыс, взбравшихся без сопротивления на некоторые из стоявших на коленях фигуры, в то время как многие другие уже имели что-то черное, сидевшее на их правых плечах.

Прямо внизу раздался скрип, стон и звук чего-то расколовшегося, старинные двери храма Богов из Ланкмара разошлись широко в стороны.

Белые лица, которые только что глядели вверх, теперь всматривались в портик.

Одетые в черное крысы и их солдаты обернулись.

Шагом, по четыре в ряд, из широко открытых дверей вышла ужасная группа худых, коричневых фигур, также одетых в черные тоги. Каждый нес черный жезл. Коричневость была трех сортов: состаренные временем бинты мумий, ломкая, похожая на пергамент кожа, плотно облежавшая скелеты, и сами обнаженные старые коричневые кости.

Самострелы крыс сделали залп. Шаги коричневых скелетов не замедлились. Крысы, одетые в черные тоги, встали на передние лапы, властно пища. Другой бесполезный залп из коричневых самострелов, затем ударили черные жезлы. Каждая крыса, к которой они прикасались, скрючивалась: где стояла, больше не двигаясь опять. Другие крысы, выбежавшие из толпы, тоже были убиты в суете. Коричневая группа двигалась ровным шагом, похожая на смерть на марше.

Затем раздались крики, и человеческая толпа побежала вниз по холмам и даже забиралась обратно в храмы, из которых они спасались бегством. Как и следовало ожидать, народ Ланкмара больше боялся прихода своих собственных богов, чем своих врагов.

Немного пораженный тем, что он вызвал, Фафхрд спустился с колокольни, говоря себе, что он должен избегать жуткой драки внизу и найти Мышатника в огромном дворце Глипкерио.

Около угла основания храма черный котенок узнал высоко вверху спускавшегося огромного человека, которого он царапал и любил, и понял, что сила, державшая его здесь, хотела что-то сделать с этим человеком.

Серый Мышатник выбежал вприпрыжку из дворцовой кухни и побежал вверх по коридору, ведущему к дворцовым обитаемым помещениям. Хотя все еще уменьшенного размера, он наконец-то оделся. За ним шагала Рифа, вооруженная длинным и острым, как игла, вертелом с жареными котлетами на нем в ряд. Сразу за ним маршировало войско пажей, вооруженных резаками и молотками, и служанок с ножами и вилками для пробы.

Мышатник настоял, чтобы Рифа не несла его, и девушка позволила ему это. И правда, это придало ему чувство более мужественное — опять идти на своих собственных ногах и время от времени угрожающе рассекать со свистом воздух Скальпелем.

Все же он был согласен, что чувствовал бы себя намного лучше, будучи опять своего законного роста и рядом с Фафхрдом. Шеебла сказал ему, что действие черного зелья длится девять часов. Он выпил его через несколько минут после трех, так что он должен возвратиться в свой собственный размер сразу после полуночи, если не солгал Шеебла.

Мышатник посмотрел вверх на Рифу более высокую, чем какой-нибудь великан, и с блестящим металлическим оружием, большим, чем меч короля, и почувствовал большую уверенность.

— Вперед! -- пропищал он своей обнаженной армии.

Он старался кричать как можно ниже.

— Вперед, чтобы спасти Ланкмар и его повелителя от крыс!

Фафхрд пролетел последние несколько футов до крыши храма и огляделся. Ситуация внизу сильно изменилась.

Живой человеческий народ убежал.

Все скелетообразные, коричневые ходоки прошли через дверь вниз и шли сейчас на запад по Улице Богов — процессия безобразных призраков. Некоторые из этих духов были непрозрачные, их костлявые ступни неприятно щелкали по булыжникам.

Освещенный луной портик, ступени и каменные плиты за ними были покрыты черными точками мертвых крыс.

Сейчас они двигались медленнее и были окружены тенью более темной, чем та, которую могла отбросить луна. Настоящее море крыс охватывало шедших со всех сторон и увеличивалось быстрее, чем смертельные жезлы могли уничтожить их.

Спереди с обеих сторон Улицы Богов по наклонной траектории пролетели горящие стрелы и ударили в передних идущих. Эти ракеты, в отличие от стрел самострелов, возымели эффект. Куда бы они ни попадали, вытекало масло, и просмоленная кожа начинала вспыхивать и гореть. Идущие остановились, перестали заниматься крысами и посвятили себя тому, что стали вынимать вонзившиеся в них ракеты и сбивать с себя пламя.

Вниз от Болотных Ворот по Улице Богов прошла другая волна крыс, а за ними на трех больших конях скакали три всадника, низко наклонившихся к своим седлам и махавших своими мечами на маленьких зверей. Лошади, плащи и капюшоны всадников были черными. Фафхрд, который чувствовал себя неспособным больше дрожать, почувствовал

другое: как будто на сцену вступила сама смерть, в трех персонажах.

Артиллерия грызунов, повернутая частью вокруг, выпустила в черных всадников несколько горящих ракет, которые пролетели мимо.

В ответ черные всадники атаковали копытами и шпагами артиллерию. Затем они повернулись лицом к коричневым скелетообразным духам, некоторые из которых все еще дымились и горели, и сняли свои черные капюшоны и накидки.

Лицо Фафхрда осветилось улыбкой, что должно было показаться неуместным, зная, что он боялся появления Смерти, но не зная о его приключениях за последние несколько дней.

На трех черных лошадях, отсвечивая белым в лунном свете, сидели три высоких скелета и с уверенностью любовника он узнал первое существо, как Крикшру.

Она, разумеется, искала его, чтобы убить из-за его вероломства! Тем не менее, как почти любой другой любовник в похожих условиях сверхъестественного сражения, он усмехнулся скорее эгоистической усмешкой. Он не терял ни мига, начав свой спуск.

Между тем Крикшра, поскольку это действительно была она, думала, когда смотрела на Богов из Ланкмара: «Ну, я полагаю, что коричневые кости лучше, чем вообще ничего. Тем не менее, они, кажется, очень боятся огня. Хо, сюда еще бегут крысы! И где мой противный Грязный Человек?»

Черный котенок озабоченно мяукнул у подножья храма, где он ожидал Фафхрда.

Глипкерио сейчас спокойный, как подушка, совершенно успокоенный массажем Фрикс и наигрыванием Хисвет, наполовину подписался своим именем, рисуя буквы более витиевато и увереннее, чем он когда-нибудь писал в своей жизни, когда голубые занавеси в самой большой арке были сорваны и отброшены в большую комнату силами Мышатника и Рифы.

По Глипкерио прошла сильная судорога, опрокинувшая чернильницу на пергамент с пунктами капитуляции и пославшая перо, как стрелу.

Хисвин, Хисвет и даже Саманда отвернулись от него к портику, моментально запуганные новоприбывшими. Действительно, было нечто ужасное в этой обнаженной, постриженной наголо армии, вооруженной кухонными инструментами, с дикими глазами, с губами а-ля рычание или плотно сжатыми вместе. Хисвин ожидал, что это будут минголы, и поэтому пережил двойной удар.

Элакерия спряталась за него, крича:

— Они пришли, чтобы убить всех нас! Это революция!

Фрикс стояла, возбужденно улыбаясь.

Мышатник пробсжал по выложенному голубыми изразцами полу, запрыгнул на кушетку Глипкерио и уравновесил себя на ее задней стороне. Рифа прошла быстро следом за ним, угрожая своим вертелом.

Не обращая внимания на то, что Глипкерио отпрянул с бледно-желтыми глазами, смотревшими из-за грубого сооружения из своих переплетенных пальцев, Мышатник громко пропищал:

— О, могущественный повелитель, это не революция! Наоборот, мы пришли освободить вас от ваших врагов!

Он указал на Хисвина.

— Этот в союзе с крысами. В самом деле, его кровь болес крысиная, чем человеческая. Под его одеждой ты обнаружишь хвост. Я видел его внизу, в туннеле. Он член крысиного Совета Тринадцати, устроившего заговор, чтобы вас свергнуть... Он..

Между тем Саманда пришла в себя.

Сейчас она атаковала своих слуг, как черный носорог. Ее шарообразная, проткнутая булавкой прическа приняла более чем роговидную форму. Помахав своей черной плеткой, она страшно заорала:

— Революция? На колени, сволочи и грязные девки. Молитесь!— Удивленные и, из-за своей старой привычки, их горячие надежды погасли при звуках знакомой брани, обнаженные фигуры бросились от нее во все стороны.

Рифа, тем не менее, порозовела от ярости, забыв про Мышатника и про все другое, кроме ее ярости, отравленной многими обидами, она побежала за Самандой, крича своим слугам-товарищам:

— Вставайте и нападайте на нее, вы, трусы! Вас пятьдесят против нее!

С этими словами она с силой ткнула вперед своим вертелом и ударила Саманду сзади.

Дворцовая хозяйка тяжело прыгнула вперед, ее ключи и цспи дико выскользнули с ее черного кожаного пояса. Она смела со своего пути последних девушек и затопала, глухо стуча ногами, в сторону помещений для слуг.

Рифа закричала через плечо:

— Все за ней, до того, как она разбудит поваров и цирюльников на помощь!

Она вылетела из зала.

Девушки и пажи слегка помедлили. Рифа воодушевила их неистовством своей ненависти так же легко, как Саманда погасила их. Изображать героев и героинь, спасающих Ланкмар, было вздором. Они бросились за Рифой.

Мышатник, все еще сохранявший равновесие на качающейся золотой кушетке Глипкерио и торжественно говоривший свою речь, немного запоздало заметил, что он остался один без своей армии и что он все еще был размером с куклу. Хисвин и Хисвет, вытащив из своих черных тог длинные ножи, быстро прошли по кругу между ним и дверью, через которую исчезло его войско. Хисвин выглядел злым, а Хисвет была такой же неприятной, как и ее отец. Мышатник никогда раньше не замечал этого бросавшегося в глаза фамильного сходства. Они начали наступать.

Мышатник подумал, как прыгать.

Позади него тихо шептала Фрикс, хотя это для ушей Мышатника казалось гудением:

— Исчезновение кухонного тирана, преследуемого пажами и служанками, оставило нашего героя один на один с великаном-людоедом! Или с тремя великанами-людоедами.

Глава шестнадцатая

Фафхрд, несмотря на то, что он быстро спустился на стену храма, обнаружил, что ситуация совершенно изменилась к тому времени, когда он добрался до основания.

Боги Ланкмара, хотя не совсем в панике, отходили к открытым дверям своего храма и время от времени огрызались на толпу крыс, которые все еще их окружали.

Вслед за ними все еще тащились пучки дыма — призрачные, освещенные луной. Они кашляли или, даже более похоже, ругались, и это звучало как кашель. Их коричневые головы-черепки были ужасны — выражение расстроенных и пытающихся скрыть свое бессилие, с достоинством что-то бормочущих старцев.

Фафхрд быстро сошел с их пути.

Крикшра и ее два вампира рубили и кололи из своих седел другую волну крыс перед домом Хисвина, в то время как их черные лошади хрустели крысами под своими копытами.

Фафхрд двинулся к ним, но в этот миг на него обрушилась волна крыс, и он вынул из ножен серый Жезл. Используя большую шпагу как косу, он очистил место вокруг себя тремя ударами, затем опять двинулся к вампирам.

Двери дома Хисвина распахнулись, и вниз по низким ступенькам выбежала толпа мингольских рабов. Их лица были искажены страхом, но даже более заметным был факт, что они были худыми, почти до истощения.

Их когда-то тесные ливреи свободно висели на них, их руки были худыми, как у скелетов, а лица похожи на черепа, покрытые кожей.

Было три вида скелетов: коричневые, цвета слоновой кости и желтые. «Чудо из чудес, — подумал Фафхрд, — такой спектр костей».

Позади них, скорее гоня их, чтобы убрать с дороги, шла группа сгорбленных, но рослых, в масках людей, которые были в доспехах и все размахивали оружием — мечами или самострелами. Было нечто ужасно знакомое в их торопливой походке хромящего человека. Некоторые шли с копьями и в шлемах, но без масок. Их лица или скорее морды были крысиными. Все новоприбывшие в масках и без них направились к трем всадникам-вампирам.

Фафхрд прыгнул вперед, с певшим вокруг головы Серым Жезлом, не обращая внимания на новую волну обыкновенных крыс, набросившуюся на него, и, затормозив, остановился.

Крысы с человеческими размерами и с человеческим оружием все еще выходили из дома Хисвина. Будь он героем или нет, он не сможет убить их столько.

В этот миг он почувствовал, как в его ногу впились когти. Он поднял свою левую руку со скрюченными пальцами, чтобы отшвырнуть в сторону от себя то, что сейчас его атаковало, и увидел поднимавшегося по его бедру черного котенка со «Скуинда».

«Этот легкомысленный котенок не должен здесь находиться», — подумал он и открыл свой пустой кошелек, чтобы засунуть туда котенка, и увидел тускло мерцавший на дне оловянный свисток. Он понял, что это была та вещь, за которую можно было зацепиться.

Он вынул свисток, приставил к своим губам и подул в него.

Когда кто-нибудь лениво бьет пальцем по барабану, он не вызывает настоящего грома. Фафхрд открыл рот и почти проглотил свисток. Затем он хотел его выплюнуть, но взамен вставил его в губы опять, заткнул уши руками, для чего-то плотно закрыл свои глаза и тотчас еще дунул в свисток.

Вверх к луне и вниз по улицам Ланкмара, все сотрясая, пронесся ужасный шум. Представьте себе рык леопарда,

рычание тигра и рев льва, смешанные между собой, и это будет слабым намеком на то, что издал оловянный свисток.

Повсюду маленькие крысы застыли в позах, в которых их застал этот звук.

Скелетообразные минголы прекратили свой покачивающийся бег. Огромные, в доспехах, крысы в масках и шлемах, встали перед вампирами. Даже вампиры и их лошади застыли. Мех у черного котенка, висевшего на полусогнутом колене Фафхрда, встал дыбом, а его зеленые глаза стали огромными.

Затем внушающий страх звук умер вдали, далекий колокол пробил полночь, и все сражавшиеся бросились в бой.

Вокруг Фафхрда начали формироваться черные фигуры, которые сперва были не более чем тенями с сиянием вокруг них.

Затем они стали более темными, как полупрозрачный полированный черный рог.

Затем они стали твердыми и бархатно-черными, их лапы лежали на освещенных луной каменных плитах. Это была масса тигров и львов, высотой почти до круп лошади. Их чуть маленькие, с острыми ушами головы медленно качались в такт с длинными хвостами. Их клыки были похожи на иглы из чуть зеленого льда. Их глаза, которые походили на замороженные изумруды, все двадцать шесть, смотрели на Фафхрда, поскольку их было тринадцать.

Затем Фафхрд понял, что они смотрят не на него, а на свисток.

Черный котенок пронзительно завизжал, закричав, как будто это было одновременно боевым криком молодого кота и приветствием.

С рычанием, похожим на звук из свистка, Боевые Коты бросились в атаку. Со сверхъестественной скоростью за четверть из них бросился черный котенок.

Маленькие крысы бросились к стенам, водосточным канavam и дверям, туда, где могли быть норы. Минголы упали на землю.

Наполовину расколотые двери храма Богов из Ланкмара быстро захлопнулись, как это было слышно по звуку.

Четыре Боевых Кота, к которым присоединился черный котенок, бросились к крысам человеческого размера, выходящим из дома Хисвина. Два вампира были скинуты из седел копьями или шпагами. Третий — это была Крикшра — парировал удар рапирой, затем пустил свою лошадь

галопом мимо дома Хисвина к Радужному дворцу. За ним скакали две лошади с пустыми седлами.

Фафхрд приготовился последовать за ней, но в этот момент перед ним появился черный попугай, треща своими крыльями, и маленький костлявый мальчик со сморщенной царпиной под левым глазом и потащил его за кисть руки.

— Мышатник! — пронзительно закричал попугай. — Опасность! Голубой Аудиенц-Зал!

— То же самое сообщение, большой человек, — продребезжал мальчик.

Поэтому Фафхрд, обежав вокруг места схватки крыс в доспехах с Боевыми Котами — жуткая свалка из серебряных мечей и мелькающих когтей, холодных зеленых и горячих красных глаз — выбежал за Крикшрой, поскольку она умчалась в том же направлении.

Длинные копья сразили Боевого Кота, но котенок прыгнул, как блестящая черная комета, в лицо гигантского переднего грызуна с копьем, когда три других Боевых Кота наступали позади него.

Серый Мышатник легко спрыгнул с золотой кушетки в тот момент, когда Хисвин и Хисвет оказались на расстоянии удара. Затем, поскольку они оба обошли кушетку, он пробежал под ней и оттуда под низкий столик.

Во время этой короткой перебежки по открытому месту топор Глипкерио с грохотом ударился об изразцы сбоку от него, в то время как связка жезлов, гремя, упала с другой стороны. Он остановился под центром стола, раздумывая о своем следующем шаге:

Глипкерио осторожно отпрянул в сторону, оставив свой топор, где он остановился после удара. Ладонь Элакерии, тем не менее, скользнула и с силой упала, нанеся неточный удар, и на миг она и ее топор были очень близко от Мышатника.

Затем в один миг стол был крышей на расстоянии длины тела крысы или примерно над головой Мышатника. В следующий миг Мышатник, не двигаясь, ударился своей головой о стол и каким-то образом опрокинул его на бок, не приронувшись к нему руками и несмотря на то, что сейчас он скорее сидел на полу.

При этом Элакерия не была больше жирной распутницей с распухшим серым платьем, а оказалась грациозной нимфой и притом полностью раздетой, а топор Глипкерио, к которому прикоснулось тонкое лезвие Скальпеля, сжался в шерохова-

тую личину с металлическим наконечником, как будто съеденный невидимой кислотой.

Мышатник понял, что возвратился к своему естественному размеру, как и предупреждал Шеебла. В его мозгу вспыхнула мысль, что поскольку ничто не появляется из ничего, атомы, спущенные из Скальпеля в подвале, сейчас перешли обратно из этого топора, в то время как для восполнения своей плоти и одежды он позаимствовал кое-что от Элакерии. Он решил, что она, конечно, извлекла из этого пользу.

Но он сказал себе, что времени для метафизики или для извлечения морали не было.

Он встал на ноги и двинулся на своих выглядевших изумленными мучителей, размахивая Скальпелем.

— Бросай оружие! — приказал он.

Ни Глипкерио, ни Элакерия, ни Фрикс ничего не имели. Хисвет сразу же отбросила свой длинный кинжал, вовремя вспомнив, что Мышатник знал, что она мастерски метала его. Но Хисвин, с пеной от ярости и расстройства, не бросил. Мышатник наставил колыхавшийся Скальпель на его худое горло.

— Отзови своих крыс, Лорд Недействительный, — приказал он, — или ты умрешь.

— Нет! — брызгая слюной, ответил ему Хисвин.

Он тщетно отбивал Скальпель. Затем к нему немного возвратилось понимание, и он добавил:

— Даже если бы я желал, то не смог бы это сделать!

Мышатник, зная — поскольку он присутствовал на Совете Тринадцати, что это была правда, помедлил.

Элакерия, увидев свою наготу, схватила с золотой кушетки легкое покрывало и обернулась в него, затем медленно отошла в сторону, чтобы полюбоваться на свое новое худое тело.

Фрикс продолжала возбужденно улыбаться, но как-то спокойно, как будто это была игра, и она была среди зрителей.

Глипкерио, хотя пытался закрепиться, крепко ухватившись за спиральные перила, явно испытывал сильную дрожь. Его узкое лицо между его периодическими конвульсиями было картиной страха и нервного истощения.

Хисвет выкрикнула:

— Серая любовь, убей старого дурака — моего отца, убей Глипа, а также остальных, разве только если ты не хочешь Фрикс в качестве наложницы, а затем правь Ланкмаром, Верхним и Нижним, с моей добровольной помощью. Вы выиграли игру, мой дорогой. Я признаю себя побежденной.

Я буду твоей самой послушной рабыней. Моя надежда, что в какой-нибудь день я стану твоей фавориткой.

Ее голос был таким звонко-чистосердечным и такая взволнованность была в ее обещании, что, несмотря на свой опыт в ее предательстве, в ее заговорах, несмотря на ледяную убийственность некоторых ее слов, Мышатник был прельщен. Он посмотрел в ее сторону — ее выражение было похоже на выражение афериста, играющего на самых высоких ставках — и в этот момент Хисвин сделал выпад.

Мышатник отбил кинжал в сторону и отступил на два шага, ругая только себя за ослабление внимания. Хисвин продолжал отчаянно нападать, остановившись только тогда, когда Скальпель уколол его горло, распухшее от проклятий.

— Исполни обещание и покажи свою смелость, — крикнула Хисвет Мышатнику. — Убей его!

Хисвин начал проклипать и ее.

Мышатник никогда впоследствии не был уверен, что он должен был сделать, поскольку ближайшие голубые занавеси отдернулись в обе стороны, и из-за них вышли Сквии и Хриист, оба человеческого размера, оба без масок и с поднятыми рапирами, оба властные, холодные, самоуверенные и ужасного вида — белый, черный аристократы.

Сквии без слов сделал шаг вперед и указал шпагой на Мышатника. Хриист повторил это так быстро, что невозможно даже поверить, что он повторил. Из-за них вышли две одетые в зеленое крысы со шпагами и встали с обеих сторон. Затем из-за них вышли три крысы с копьями, как и остальные, человеческого размера и встали по флангам — две с дальнего конца комнаты, а одна — к зеленой кушетке, за которой рядом с Фрикс стояла Хисвет.

Хисвин преодолел свое удивление и указал на свою дочь, приказываяще каркая:

— Убей и ее!

Один копейщик опустил свое оружие и побежал к ним. Когда большое, изгибающееся лезвие пронеслось мимо нее, Фрикс бросилась на оружие, крепко вцепившись в древко. Лезвие прошло мимо Хисвет на расстоянии пальца, и Фрикс упала. Пикейщик выдернул обратно свое оружие и поднял его, чтобы прикончить Фрикс, приколотив ее к полу.

— Стой! — крикнул Сквии. — Никого не убивать пока, кроме этого, в сером. Всем вперед!

Пикейщик послушно повернулся, опять опустив свое оружие, на этот раз на Мышатника.

Фрикс встала и небрежно прошептала на ухо Хисвет:

— Три раза, дорогая хозяйка!

Она повернулась, чтобы увидеть продолжение драмы.

Хотя Мышатник подумал о том, чтобы убежать к портику, он вместо этого бросился в дальний конец комнаты. Это, возможно, было ошибкой. Перед ним у дальней двери оказались два пикейщика, при этом по его следам следовали крысы со шпагами, не давая ему проскользнуть между копьями, убить копейщиков и обежать вокруг них. Он уклонился за тяжелый стол и, внезапно обернувшись, ухитрился легко ранить в бедро бежавшую впереди других крысу в зеленом, но она отпрянула, и Мышатник оказался лицом к лицу с четырьмя рапирами и двумя копьями, а вполне возможно, и со смертью, как заметил он для себя, когда увидел уверенность, с которой Сквии управлял атакой. Поэтому удар с плеча, прыжок, удар с плеча, прыжок, укол, парирование, пинок ногой по столу, он должен напасть на Сквии — укол, отбив ответный выпад, контрответный выпад, отход, Сквии предвидел это — удар, прыжок, укол, прыжок, опять прыжок, удар об стену, укол, что бы он ни хотел делать, он должен делать это более быстро!

Крысиная голова, отделенная от своего тела, покатилась по краю его поля зрения, и он услышал счастливый знакомый крик.

В комнату зашел Фафхрд, обезглавливая сзади третьего пикейщика, который действовал как бы в резерве, и сзади обрушился на остальных.

По быстрому сигналу Сквии крысы со шпагами и два пикейщика повернулись. Последние были слишком медлительны со своим длинным оружием, Фафхрд обрубил древко одного копья, а затем обезглавил его обладателя, отбил второе копьё и до рукоятки проткнул горло крысы, которая владела им, затем встретил атаку двух оставшихся крыс со шпагами, в то время как Хриист и Сквии напали на Мышатника.

Их изогнувшаяся от ярости щетина, обнаженные резцы, длинные, гладкие, яростные морды и огромные голубые и черные глаза были почти так же пугающие, как и их быстрые шпаги, в то время как Фафхрд оказался в равно угрожающем положении со своей шпагой.

При появлении Фафхрда Глипкерио очень тихо для себя сказал:

— Нет, я больше не могу выносить этого.

Он забежал в портик, вверх по серебряной лестнице и прыгнул вниз, через отверстие в веретенообразном устрой-

стве. Его вес разбалансировал этот аппарат, так что он медленно заскользил по медному скату. Он выкрикнул более громко:

— Мир, адью! Нехвон, гуд бай! Я уйду чтобы найти более счастливую вселенную. О, ты расстроил меня, Ланкмар! Плачь, о Город!

Затем серый аппарат заскользил по желобу все быстрее. Он упал внутрь и закрыл за собой люк. С тихим всплеском аппарат исчез под темными освещенными сверху домами.

Только Элакерия и Фрикс, чьи глаза и уши ничего не упустили, заметили исчезновение Глипкерио и слышали его прощальные слова.

С внезапной концентрацией сил Сквии и Хриист таранили стол, через который они сражались, чтобы прижать Мышатника к стенке. Как раз в это время он запрыгнул на стол, уклонившись от удара Сквии, парировал выпад Хрииста, и, удачно направив Скальпель, попал прямо в глаз Хрииста и в мозг, достаточно быстро вытащив свою шпагу, чтобы отбить следующий удар Сквии.

Сквии отступил на два шага. Благодаря своему почти панорамному зрению широко расставленных глаз, он заметил, что Фафхрд прикончил одного из двух крыс со шпагами, пробившись со звериной силой через заслон из легких шпаг и при этом получив только несколько царапин и уколов.

Сквии повернулся и побежал. Мышатник спрыгнул со стола за ним. Посредине комнаты что-то упало голубыми складками с потолка. Хисвет обрезал кинжалом шнуры, поддерживающие занавеси, которые разделяли комнату пополам. Сквии пробежал, согнувшись под ними, а Мышатник почти врезался, быстро отпрянув обратно, когда рапира Сквии ударила через тяжелую ткань в дюйме от его горла.

Мгновением позже Мышатник и Фафхрд определили центральную щель в ткани и внезапно развили их в стороны кончиками своих шпаг, внимательно наблюдая за возможным ударом рапиры или даже броском кинжала.

Вместо этого они увидели Хисвина, Хисвет и Сквии, стоявших под кушеткой в позах пренебрежения, но размером с ребенка, если так можно сказать о крысе.

Мышатник бросился к ним, но еще до того, как он оказался на полпути, они стали маленькими, как крысы, быстро бросились к тайной двери в виде изразца.

Сквии, который бежал последним, повернулся, чтобы яростно пропихать Мышатника, и махнул рапирой перед тем, как над его головой захлопнулся изразец.

Мышатник выругался, а затем расхохотался: Фафхрд присоединился к нему, но его глаза осторожно остановились на Фрикс, все еще стоявшей за кушеткой в полный человеческий рост. Он не упустил из виду Элакерию, выставившую одну изящную ножку.

Все еще бурно смеясь, Мышатник качнулся к Фафхрду, положив ему на плечо руку, и играючи ударил его в грудь, спрашивая:

— Почему ты появился, огромный дикарь! Я был близок к тому, чтобы героически умереть или быть убитым в групповой драке с семью самыми большими в Нижнем Ланкмаре крысами со шпагами. Теперь ты главный герой!

С глазами, застывшими на Фрикс, Фафхрд нежно потер кулаком по подбородку Мышатника, а затем ткнул его локтем достаточно резко, чтобы у него перехватило дух, и он перестал смеяться.

— Трое из них были пикейщиками или крысами с копьями, как я полагаю, ты их зовешь, — поправился он.

Затем грубо объяснил:

— Я скакал галопом две ночи и день — полдороги вокруг Внутреннего Моря, чтобы спасти твою низкорослую шкуру! и сделал так, только чтобы сказали, что я актер!

Мышатник выпалил все еще с кашлем, похожим на ржание:

— Ты не знаешь, как... уменьшившийся! Полдороги вокруг Внутреннего Моря, говоришь... и тем не менее, ты вошел в самый нужный момент. Так ты — величайший актер из всех!

Он упал на колени перед изразцом, который служил потайной дверью, и сказал тоном, в котором были равно смешаны философия, юмор и истерия:

— Я полагаю, что навсегда должен потерять самую большую любовь в моей жизни.

Он постучал по изразцу, который казался очень твердым, и, опустив свое лицо, тихо крикнул:

— Хисвет!

Фафхрд поставил его на ноги.

Фрикс подняла свою руку, Мышатник посмотрел на нее, в то время, как Фафхрд не отводил от нее своих глаз.

— Маленький человек, держи!

Улыбаясь она протянула ему маленькую черную бутылочку, которую он схватил и на которую вытаращился.

— Используй это, если ты опять будешь таким дураком, чтобы захотеть найти мою хозяйку. Я в этом не нуждаюсь.

Я отработала в этом мире свое рабство. Я спасла дьявольскую Демоиселлу три раза. Я свободна.

Когда она сказала последние слова, ее глаза зажглись как лампы. Она откинула назад свой черный капюшон и сделала такой глубокий вздох, что он почти поднял ее над полом. Ее глаза застыли в бесконечности, ее черные волосы поднялись на голове. В волосах затрещал свет, который сформировал голубой нимб и заструился как голубой плащ, вниз по ее телу, над и через ее черное шелковое платье.

Она повернулась и быстро побежала к портику, Фафхрд и Мышатник за ней. Она светилась еще более ярко голубым и кричала:

— Я свободна! Свободна! Обратно в Арилию! Обратно в Мир Воздуха!

Затем она прыгнула с края.

Она не упала в волны, а заскользила по ним, как маленькая светло-голубая планета, затем поднялась в небо, выше и выше, стало слабо-голубой звездой и исчезла.

— Где эта Арилия? — спросил Мышатник.

— Я думаю, это и есть Мир Воздуха.

Фафхрд задумался.

Глава семнадцатая

Крысы покинули Ланкмар после того, как понесли огромные потери. Повсюду они убегали в свои норы и плотно захлопывали двери на тех из них, на которых они были.

Это также произошло в комнате с розовыми лужами на третьем этаже дома Хисвина, докуда Боевые Коты преследовали последних крыс человеческого размера, которые выросли за счет плоти мингольских рабов Хисвина. Чтобы спастись, они выпили из черных бутылочек.

Крысы также потерпели полное поражение в Южных Бараках, где Боевые Коты опустошили их ряды после того, как со сверхъестественной силой обрушили двери.

Когда их работа была выполнена, Боевые Коты снова собрались на месте, где Фафхрд их вызвал, и исчезли так же, как и материализовались. Их все еще было тринадцать, хотя они и потеряли одного из их компании, поэтому вместе с ними ушел черный котенок, рассматривая себя в качестве ученика. Потом большинству ланкмарцев было трудно не поверить, что Боевые Коты и белые скелеты были вызваны Богами из Ланкмара, чья репутация ужасной силы таким

образом была подтверждена, несмотря на их временное поражение от крыс.

По двое, трое и шестеро люди Ланкмара выбирались из мест, где они скрывались, узнавали, что Крысиное Нашествие кончилось, выходили, молились и веселились.

Добрый Радомикс Кистомаркес. Недействительный был вызван из своего места уединения в трущобах и вместе со своими семнадцатью котами вступил в Радужный Дворец.

Глипкерио — его свинцовый корабль плотно обрушился на него под весом воды до тех пор, пока не принял его форму, поистине рукотворный гроб — продолжал погружаться в Подводный Ланкмар, но то ли чтобы достичь твердого дна, или только чтобы сохранить равновесие между мировыми пузырями в водах бесконечности — кто может сказать?

Серый Мышатник вытащил Кошачий Коготь из-за пояса Хрииста, немного удивляясь, что все крысиные трупы оставались размером с человека. Вполне вероятно, что смерть разрушает любое колдовство.

Фафхрд заметил издали три лужи розовой слизи перед золотой кушеткой и осмотрелся в поисках чего-нибудь, что можно было набросить на это. Элаксерия застенчиво запахнула вокруг себя покрывало. Он вытащил из угла разноцветный ковер, который был герцогским выкупом, и накрыл им.

По изразцам застучали копыта. В высоком и широком проеме, занавеси с которого были сброшены, появилась Крикшра, все еще на лошади и ведущая двух других жеребцов-вампиров с пустыми седлами.

Фафхрд спустил скелетообразную девушку вниз и тепло обнял ее, немного к удивлению Элаксерии и Мышатника, но быстро сказал:

— Любимая, я думаю, что тебе лучше надеть твой черный плащ с капюшоном. Твои голые кости для меня высшая красота, но для других, которые здесь находятся, они слишком необычны.

— Уж не стыдишься ты меня, а? О, глупый пуританский Грязный Народ! — заметила Крикшра.

Она кисло улыбнулась, но все же исполнила его просьбу. В то же время в ее глазах вспыхнули радуги.

Другие, к которым направился Фафхрд, состояли из членов Совета, солдат и различных родственников последнего повелителя, включая доброго Радомикса Кистомаркеса. Недействительного и его семнадцать кошек, сейчас каждую из которых нес и оберегал благородный, надеясь заработать

расположение, что было очень похоже, следующего повелителя Ланкмара.

Не все из вновь прибывших были такими банальными.

Один, просигналив стуком копыт по изразцам, был мингольской кобылой Фафхрда, привязь которого была перекушена.

Она встала около Фафхрда и посмотрела налитыми кровью глазами на него, как бы говоря: «Я так уж легко освободилась. Почему ты не взял меня в бой?»

Крикшра потрепала нос свирепого животного и сказала Фафхрду:

— Ты явно человек, который пробуждает к себе глубокие чувства. Полагаю, что ты так же думаешь о себе?

— Никогда не сомневайся во мне, дорогая, — ответил Фафхрд с нежной искренностью.

Среди новоприбывших и возвратившихся была Рифа, выглядевшая учтиво-счастливой, как кот, который полизал крема, или пантера, нанюхавшаяся веселительного газа, и исключительно обнаженная, не считая трех кожаных ремней вокруг ее талии.

Она протянула свои руки Мышатнику:

— Ты опять большой!

Она обрадовалась:

— И ты убил их всех!

Мышатник обнял ее, хотя он нарочно сделал неудовлетворительное лицо и кисло сказал:

— Ты хорошо помогла! Ты и твоя обнаженная армия оставили меня, когда я очень нуждался в помощи. Надеюсь, вы прикончили Саманду?

— Конечно.

Рифа натянуто улыбалась, как пресыщенная леопардиха.

— Какое шипение она издавала! Посмотри, куколка, ее пояс власти три раза обернулся вокруг моей талии. О да, мы загнали в угол ее на кухне. Каждый взял себе булавку из ее прически. Затем...

— Избавь меня от деталей, дорогая, — сразу прервал ее Мышатник. — Это я девять часов был крысой со всеми крысиными гадкими чувствами, а это очень долго. Пошли со мной, любимая, ты должна кое-что сделать, прежде чем здесь рассеется толпа.

Когда они возвратились после недолгого отсутствия, Мышатник нес ящичек, завернутый в свой плащ, в то время как Рифа оделась в фиолетовый халат, вокруг которого на талии три раза был намотан пояс Саманды.

Толпа, казалось, уменьшилась.

Радомикс Кистомаркес Недействительный уже был неофициально провозглашен ланкмарским повелителем.

Он сидел, задумавшись, на золотой раковидной кушетке с семнадцатью кошками, а также улыбавшейся Элакерией, которая завернулась в покрывало, как сафари, вокруг своей фигурки.

Мышатник отвел Фафхрда в сторону.

— Эта девушка, что у тебя... — заметил он, скорее недостаточно о Крикшре.

— Да, не правда ли, — мягко согласился Фафхрд.

— Ты должен был меня видеть, — подхватил Мышатник. — Я не имею в виду Рифу, я имею в виду свою Судьбу, она...

— Не позволяй Крикшре слышать этого слова, — резко предупредил Фафхрд.

— Ладно, как бы там ни было, я хочу опять ее видеть, — конспираторски продолжил Мышатник. — Я только проглочу содержимое этой черной бутылочки и...

— Я возьму в этом инициативу на себя, — резко объявила Рифа.

Она выхватила бутылочку из его рук, посмотрела на нее, затем метко выбросила через окно во Внутреннее Море.

Мышатник посмотрел на нее, когда она повернулась, с виноватой улыбкой.

Хлопая своей черной одеждой, чтобы освежиться, Крикшра вышла из-за Фафхрда.

— Представь меня своим друзьям, дорогой, — приказала она.

Между тем вокруг золотой кушетки никак не уменьшалась толпа из членов Совета, благородных, придворных и офицеров. Дюжине новоприбывших были присвоены новые титулы.

Приговоры на вечное изгнание и конфискацию собственности были вынесены Хисвину и всем другим отсутствующим, виновным и невиновным.

Поступили доклады об успешной борьбе с огнем во всем городе и о полном исчезновении крыс с улиц города.

Были составлены планы полного уничтожения под городом крысиной метрополии Нижнего Ланкмара — искусные и сложные планы, которые для Мышатника не звучали очень практическими.

Становилось ясно, что при Радомиксе Кистомаркесе Недействительном Ланкмар будет более чем когда-либо управляться дурацкой и циничной фантазией.

В такие моменты становилось понятно, почему Боги из Ланкмара были раздражены этим городом.

Мышатнику и Фафхрду были высказаны равнодушные благодарности, хотя большинство из новоприбывших, казалось, не были полностью уверены в той роли, которую сыграли два героя в разгроме крыс, несмотря на то, что Элакерия рассказала о последнем бое, и о морском погружении Глипкерио.

Вскоре, явно, должны прорасти семена заговоров против Мышатника и Фафхрда в свято-тупом мозгу Радомикса, и их ярко-героические роли незаметно потемнели бы в темноте злодейства.

В то же самое время стало очевидно, что новый двор был выведен из себя беспокоившим бродяжничеством четырех зловещих коней, трех вампиров и одного мингольского, с присутствием живого скелета, поскольку Крикшра продолжала носить свой плащ и капюшон слишком свободно.

Фафхрд и Мышатник посмотрели друг на друга, затем на Крикшру, Рифу и поняли, что они обо всем договорились.

Северянин сел на мингольскую кобылу, а Мышатник и Рифа на двух оставшихся лошадях вампиров, и они четверо выехали из Радужного Дворца так тихо, как это было возможно при стуке копыт по изразцам.

С тех пор в Ланкмаре появилась новая легенда о Сером Мышатнике и Фафхрде, как о карлике, размером с крысу, и о высоком, с башню, гиганте, которые спасли Ланкмар от крыс ценой ухода в Задний Мир с самой Смертью, поскольку одетое в черное скелет напоминал мужчину, который без сомнения, сильно раздражал Крикшру.

Тем не менее, на следующее утро всадники под блекнувшими звездами направились на бледневший восток парами через Большое Соленое Болото, каждый из них был еще по-своему весел.

Они реквизировали трех ослов и загрузили их ящиками с драгоценностями, которые Мышатник извлек из спальни Глипкерио, а также с пищей и водой на долгое путешествие, хотя куда они направлялись, точно они так и не договорились.

Фафхрд убеждал всех отправиться в его любимую холодную Пустыню с долгой остановкой в пути в Городе Вампиров.

Мышатник равно соглашался на Восточные Земли, лукаво указывая Рифе, что это идеальное место для принятия солнечных ванн нагишом.

Дернув свою фиолетовую одежду, чтобы получше устроиться в седле, Рифа кивнула, соглашаясь.

— Одежда оказывает такой зуд, — сказала она. — Я едва могу ее носить. Я люблю ездить верхом без седла, чтобы ощущать лошадь своей кожей. А волосы я могу чувствовать, как они у меня вырастают. Ты будешь брить меня каждый день, дорогой.

Он согласился с этим, добавив:

— Тем не менее я не могу согласиться с тобой, дорогая, что она защищает от пыли, одежда придает благородство.

Рифа кисло возразила:

— Я думаю, что в обнаженном теле гораздо больше благородства.

— Фи, девочка, — сказала ей Крикшра. — Что может сравниться с благородством обнаженных костей?

Взглянув на рыжую бороду и такого же цвета волосатую грудь Фафхрда, она добавила:

— Тем не менее, что-то должно быть сказано и о волосах.

ПЕЧАЛЬ ПАЛАЧА

Сидя на своем скромном, с темной обивкой троне, в низком, хаотично выстроенном замке в сердце Страны Теней, Смерть покачала своей белесой головой, слегка помассировав свои опаловые виски и чуть поджав губы, напоминающие цветом виноградные гроздья, усыпанные седым налетом. Его хрупкая фигура была одета в кованую кольчугу с черным поясом, украшенную серебряными черепами, до черноты потускневшими от времени. С пояса свисал обнаженный, непревзойденный меч.

Он был сравнительно маленькой Смертью, всего лишь Смертью мира Невона, но у него хватало своих проблем. Двести горящих и мерцающих жизней, которые предстоит загасить в двадцать ударов сердца. И хотя сердце Смерти билось далеко под землей, словно огромный гулкий колокол, и каждый удар казался маленькой вечностью, но ведь в конце концов и им приходит конец. Теперь оставалось всего девятнадцать, а Властелин Неминуемого, который рангом куда выше Смерти, должен быть удовлетворен.

Посудите сами, несмотря на то, что мысли Смерти были пронизаны холодом и вечным спокойствием, в них все-таки чувствовалось некоторое брожение — сто шестьдесят душ крестьян и всякого сброда, двадцать кочевников, десять воинов, двое нищих, шлюха, торгош, священник, аристократ, ремесленник, король и два героя. Вот что следовало из этой книги.

В три удара он отобрал сто девяносто шесть из двухсот и наложил на них проклятие; где-то почти невидимые создания, ядовитые, наделенные живой плотью и отсиживающиеся до сих пор в темных и громоздких сгустках крови, внезапно начинали размножаться и превращались в бесчисленные орды, беспрепятственно проникающие в вены и блокирующие животворные каналы, куда впадали изъеденные долгой

эрозией артерии, где-то скользкая вездесущая слизь заведомо просачивалась под ступню скалолаза, гадюка знала как извернуться и куда ужалить, а то и паук, где схорониться.

Благодаря своему четкому ходу Смерть только один раз чуть было не ошибся на короле. На какой-то миг в одном из самых глубоких и темных уголков сознания он дрогнул, прикидывая судьбу сегодняшнего правителя Ланкмара, главного города государства Невона.

Этот правитель был добрым и мягкотелым ученым, который по-настоящему любил только своих семнадцать кошек, правда, не желая зла и остальным животным Невона, и который делал вещи, непонятные для Смерти — миловал преступников, мирил воюющих братьев и враждующие семьи, посылал баржи и обозы зерна в голодающие районы, спасал маленьких умирающих зверюшек, кормил голубей, поощрял развитие медицины и всяческих искусств, был прост в обращении и, как свежая фонтанная струя в жаркий день, распространял вокруг себя атмосферу милого и мудрого спокойствия, удерживающего мечи в ножнах, брови прямые, а зубы — не сжатыми. А теперь в этот великий миг, благодаря подготовленному Смертью, пусть не совсем по своей воле, тайному темному заговору, тонкие запястья великодушного монарха были исцарапаны в невинной игре со своим любимым котом, когти которого поздней ночью завистливый тонконосый племянник царственной особы смазал быстро улетающим ядом редкой тропической змеи.

И все-таки на четырех оставшихся, особенно на двух героях — Смерть брал на себя ответственность — он решил исключительно симпровизировать. У него совершенно не было времени присмотреть за Лисквиллом, Безумным Герцогом Ул Храспа, наблюдавшим с высокого балкона в свете факелов за тремя северными берсеркерами, которые орудовали зазубренными семитами в смертельной схватке с четырьмя прозрачными и розовокостными вампирами, вооруженными кинжалами и боевыми топорами. Это был своеобразный эксперимент Лисквилла, который он даже не загадывал досмотреть до конца. Это кровавая бойня, к счастью, давала возможность избавиться от почти что десятков воинов, которых Смерть обрек на уничтожение.

На какой-то миг Смерть почувствовал некоторое угрызение совести, вспомнив, как хорошо Лисквилл служил ему эти годы. Даже лучшие слуги должны когда-нибудь выйти на пенсию, быть преданы земле, а во всех мирах, о которых

Смерть когда-либо слышал, существовала нехватка призванных палачей, страстно преданных, невероятно продуктивных и фантастически услужливых. Когда эта картина дошла до Смерти, он послал туда свою мысль, и стоящий сзади вампир взглянул вверх своими невидящими очами, так что его обрамленные розовым ободком, тусклые глазные впадины остановились на Лисквилле и двух стражниках, стоящих по бокам Безумного Герцога, готовые в любую минуту сомкнуть тяжелые щиты, защищая 'своего' хозяина, и в тот же миг вскинутый над головой короткий топор вампира пролетел сквозь узкую щель между щитами и раздробил Лисквиллу переносицу.

Не успел еще Лисквилл пошатнуться, не успел кто-либо из присутствующих пустить стрелу, чтобы утихомирить убийцу, не успела обнаженная рабыня-девушка, обещанная в награду уцелевшему гладиатору, набрать воздуха для пронзительного крика, а волшебный взор Смерти уже сосредоточился на Харборриксине — городе-цитадели Короля Королей. Но не на внутреннем убранстве громадного Золотого Дворца, хотя Смерть успел заметить его пышность и величие, а на грязной мастерской, где очень старый человек смотрел прямо перед собой, сидя на грубых нарах, искренне желая, чтобы холодный свет зари, проникающий сквозь окна и ставни, больше никогда не тревожил паутинки, призрачно мерцавшие над его головой.

Этот старец, который носил имя Горекса, был в Харборриксине, а, возможно, и во всем Невоне, самым искусным умельцем: работающим с драгоценными и черными металлами, изобретателем хитроумнейших механизмов, но последние тяжкие двенадцать месяцев он не занимался работой, утратив к ней интерес, как, впрочем, и к другим радостям жизни. Собственно, это произошло с тех пор, как его единственную привычку Исафем, которая была последней уцелевшей наследницей и одаренной ученицей в его трудном деле, изящную, красивую и едва сформировавшуюся девочку с миндалевидными глазами, колючими, как иголки, насильно уволокли в гарем Короля Королей. Его очаг стал холодным, инструменты покрылись пылью, а сам он был объят скорбью.

Смерть был настолько удручен тем, что увидел, что добавил только каплю своего горького юмора к черной меланхолии, медленно и с трудом текущей по наружным венам Горекса, мгновенно и безболезненно скончавшегося, оставшись наедине со своей паутиной.

Так что от аристократа и ремесленника Смерть избавился двумя щелчками большого и указательного пальца, оставив напоследок двух героев.

Миновало двенадцать ударов.

Смерть вдруг почувствовал, что хотя бы ради эстетического удовлетворения герои должны уйти из жизни в стиле хорошей мелодрамы, когда только одному из пятисот разрешается умереть от старости в собственной постели, да и то по иронии судьбы. И необходимость этого была настолько велика, что позволяла, а он верил, что имеет это право, использовать откровенную и неприкрытую магию без всякого налета реализма, как в случае со всеми прочими особями, навеявшими на него тоску.

Так что следующие два удара сердца он слышал сквозь тихое кипение мыслей, слегка массируя виски кончиками пальцев. В его мозгу возник образ Фафхрда, чрезвычайно доброго и весьма романтического варвара, чьи мозги варили одинаково хорошо, причем неважно, был он пьян или трезв, а потом образ его закадычного друга Серого Мышатника, наверняка одного из самых умных и смелых воров во всем Невоне, обладающего, несомненно, просто чудовищным самомнением.

Все же едва ощутимое угрызение совести, которое Смерть испытал на этот раз, было куда значительнее того, что тронуло его в случае с Лисквиллом. Фафхрд и Мышатник служили ему верой и правдой, причем на разный лад, в отличие от Безумного Герцога, который набил руку на рукопашной, в которой предпочитал исключительно резню и рубку на боевых топорах. Да, огромному бродяге северянину и маленькому ехидному пройдохе предстоит стать весьма достойными фигурами в последней партии Смерти.

Тем не менее было очевидно, что по окончании игры все пешки до одной придется снять с доски, даже если они дойдут до последней клетки, став королем или королевой. Тут Смерть напомнил себе, что должен непременно умереть сам, потому принял интуитивно-творческое решение, быстрое и безжалостное, как стрела, ракета или полет падающей звезды.

Бросив мимолетный взгляд на юго-запад, на огромный освещенный утренней зарей город Ланкмар, Смерть успокоился, обнаружив Фафхрда и Мышатника, которые обосновались в хлипкой комнатухе на вершине гостиницы, обслуживающей обедневших торговцев и выходцев из крестьян, с окнами на Сенную улицу рядом с Главными Воротами, а

потом вновь заглянул в замок Лисквилла где все еще продолжалась бойня. Как всякий талантливый художник, он в своих импровизациях пользовался только подручным материалом.

Лицо Лисквилла было разворочено. Девочка-рабыня взвизгнула. Самый могучий из берсеркеров, чье огромное лицо исказилось бешеной яростью, которая не погаснет до тех пор, пока не иссякнут силы, ударил сплеча по розовому, покрытому прозрачной кожей черепу убийцы Лисквилла. И в тот же миг — пусть напрасно и даже глупо, но большинство деяний Смерти случается именно так — шальная стрела, пущенная с галереи, едва не пронзила мстителя.

Смерть поколдовал, и берсеркера не стало. Десяток стрел пронзило пустое место, и на этот раз Смерть воспользовался принципом экономии материала и снова заглянул в Харбор-раксин, в большую келью, освещенную слабым светом проникающим сквозь зарешеченное окно, которая была расположена в самом сердце гарема Короля Королей. Как ни странно, там в нише находился маленький горн, несколько молоточков и множество других приспособлений для работ по металлу вместе с небольшим запасом обыкновенных и драгоценных металлов.

В центре кельи, рассматривая себя в полированном серебряном зеркале миндалевидными, колючими глазами, теперь совсем безумными, стояла удивительно хрупкая девушка не более шестнадцати лет от роду, совершенно нагая, если не считать четырех филигранных серебряных украшений. Собственно, она была даже больше чем обнажена, поскольку каждый волосок на ее теле, за исключением ресниц, был заменен удивительной сине-зеленой татуировкой.

Даже теперь, спустя семь лун, Исафем находилась в одиночной камере за нанесение увечий лицам любимых содержанок Короля, близняшек Илмереток во время гаремной свары. Правда, в глубине души, Король Королей не очень огорчился этому событию. Скорее изувеченные лица его излюбленных милашек только усилили их притягательность для его извращенного вкуса. Но в гареме нужно было блюсти дисциплину, отсюда и заключение Исафем, полное лишение волос, строго по одному за раз, и татуировка.

Король Королей был бережливой душой, в отличие от большинства монархов, заставляя всех своих жен и наложниц заниматься привычной работой, а не бездельничать, принимать ванны, сплетничать и браниться. Поскольку Иса-

фем к этой работе привыкла и в ней она могла принести максимальную пользу, ее обеспечили кузнечными принадлежностями и металлом.

Несмотря на ее ежедневные занятия и изготовление бесчисленных ювелирных украшений, молодой разум Исафем остервенел от двенадцатилунного заточения в гареме, семь из которых она провела в одиночной камере, и от того, что Король Королей все же имел наглость нанести ей визит для удовлетворения своей похоти или для чего-то там еще, несмотря на очаровательные металлические побрякушки, которыми она его задарила. Больше ее не посещал ни один мужчина, за исключением евнухов, наставлявших ее в искусстве любви, в то время, как она, конечно, была крепко связана, а иначе бросилась бы на их поганые лица, словно дикая кошка, но и так они буквально захлебывались ее плевками — и давали обстоятельные советы насчет ее работы, которые она гордо игнорировала, как и прочие их слащавые речи.

Вместо того ее творчество, подогреваемое мукой пыток и безумной жажды свободы, приобретало все новые и новые формы и стороны.

Всматриваясь в серебряное зеркало, она внимательно изучала четыре украшения, свисавшие с ее щуплой и вместе с тем выносливой фигуры. Это были две нагрудные чашечки и два наколенных браслета, состоящие, главным образом, из тончайшей серебряной филигрانی, которая хорошо сочеталась с ее зелено-голубой татуировкой.

Один раз ее взгляд скользнул по плечам мимо обезображенной головы, покрытой изящной, фантастической тубетейкой, к серебряной клетке, в которой на жердочке сидел сине-зеленый попугай с холодными, злорадными глазами, похожими на ее собственные, — вечное напоминание об одиночном заключении.

В ее филигранных украшениях чувствовалась какая-то странность — нагрудные чашечки, закрывающие соски, оканчивались короткими стрелами, смотрящими прямо вперед, а наколенники поднимались до самых колен и были украшены четырьмя черными вертикальными ромбами, толщиной с человеческий палец.

Эти элементы благопристойности были не очень броски, иглы отливали сине-зеленым светом, сливаясь с ее татуировкой.

Поэтому Исафем разглядывала себя хитрой, одобрительной улыбкой. И поэтому Смерть смотрел на нее с еще большим лукавством и куда большим одобрением, чем любой из евнухов. И именно поэтому она вдруг исчезла из своей кельи во вспышке пламени. И не успел сине-зеленый попугай выразить криком свой испуг, как глаза и уши Смерти оказались в другом месте.

Оставалось только семь ударов сердца.

Теперь уже казалось вполне возможным, что в мире Невон существовали боги, о которых даже Смерть ничего не знал, и которые время от времени вставляли ему палки в колеса. Или вероятность была такая незначительная величина, что и сама необходимость так или иначе, в то время, в то самое знаменитое утро, когда северянин Фафхрд, который обычно дрых до самого обеда, вскочил с первыми лучами серебристого рассвета, выхватил свой любимый Серый Прутик, наощупь выбрался из своей каморки на крышу, где начал упражняться в искусстве фехтования, грохоча ногами при выпадах и время от времени издавая воинственный крик, не заботясь об усталых торговцах, пробуждающихся со стонами и проклятиями внизу. Вначале он дрожал от холода, которым тянуло из подозрительно зеленого болота, но вскоре вспотел от упражнений, пронзая и парируя все время постепенно, вначале небрежно, увеличивая скорость и показывая профессионализм.

Не принимая во внимание Фафхрда, в Ланкмаре было тихое утро. Колокола еще не звонили, глухие гонги не возвещали о кончине короткого правителя города, и жуткие слухи о семнадцати кошках, пойманных и загнанных в Великую Тюрьму, где они, сидя в одиночных камерах, ждали суда, не успели распространиться.

Так уж получилось, что в тот же день Мышатник тоже очнулся до рассвета, который он обычно просыпал часа на два или на три. Он свернулся на куче подушек за низким столиком, прижав руку к подбородку и закутавшись в серую шерстяную робу. Время от времени он, морщась, посасывал винцо, кисло размышляя о злом и неблагородном народце, с которым он познакомился на протяжении своей беспутной жизни. Мышатник не обращал внимания на культбит Фафхрда и заткнул уши, чтобы не слышать шумных пируэтов, но чем сильнее он старался заснуть, тем все больше его покидал сон.

С налитыми кровью глазами и пеной у рта напротив Фафхрда материализовался берсеркер, которому, по-видимому, только недавно присвоили звание стражника низшего ранга. Его правая рука была выброшена вперед, вниз и чуть вправо, а сабля немного наклонена. Он немного оторопел от внезапного превращения, но быстро сориентировался, благодаря своей умственной тупости, мгновенно прицелился в обнаженную шею северянина своей зазубренной симитой, которая сразу сверкнула веером коротких широких кинжалов, испачканных недавно кровью, но в тот же миг, чисто автоматически, Фафхрд привел в действие свою защиту, сделал высокое карте, отразившее меч берсеркера, так что тот просвистел над головой Фафхрда со звуком, напоминавшим звон стального прута, которым ударили по железной ограде — видимо, это зубья симиты встретились с клинком варвара.

А потом вступил в игру рассудок и, прежде чем берсеркер сумел отвести руку для повторного удара, кончик Серого Прутика сделал быстрый круг по часовой стрелке и чиркнул повыше запястья берсеркера, его оружие вместе с кистью руки отлетело прочь. Обезопасив себя — обезоружив, точнее, обезручив противника, и увидев, какую ярость тот испытывает, Фафхрд понял, что следует нанести удар в сердце, что он незамедлительно и сделал.

Мышатник, между тем, также оторопел от внезапного, непредусмотренного появления Исафем в центре комнаты. Это скорее напоминало воплощение в жизнь одного из его мрачных эротических снов. Выпучив глаза, он смотрел, как она улыбаясь, сделала к нему маленький шажок, внимательно посмотрел ей в лицо. Потянувшись к ней, он опустил ее поднятые руки, прижав их к бокам, так что сжались ленты, поддерживающие ее нагрудные чашечки. Миндалевидные глаза девушки вспыхнули зловещим зеленым полотенцем.

Мышатника спасло только то, что он всю жизнь ненавидел, когда на него было направлено что-нибудь острое, даже острые иголки или игрушечные острые пики на прелестных нагрудных чашечках, за которыми скрывались несомненно такие же прекрасные груди. Он отклонился в сторону как раз в тот момент, когда одновременно зазвенели маленькие, но мощные пружины, выпуская отравленные стрелы, которые сошлись вместе и впились с двойным щелчком в стену, перед которой он только что стоял.

Он мгновенно вскочил на ноги и бросился на девушку. Теперь рассудок или интуиция подсказали ему, зачем она потянулась к двум черным ромбам, венчавшим наколенники. Схватив ее, он умудрился дотянуться до них первым, выхватив пару стилетов, и отбросить их на мягкую постель Фафхрда.

Потом, обвив ее ноги своими, чтобы она не смогла ударить коленом в пах, и удерживая кусающуюся головку согнутой левой рукой за ухо, после тщетных попыток ухватиться за волосы, наконец совладав правой рукой с ее вооруженными острыми когтями цепких пальцев, он продолжил свои бесцельные попытки овладеть ею. Наконец, перестав сопротивляться, она затихла, ее груди оказались маленькими, но вдвойне очаровательными.

Фафхрд, вернувшись с крыши и тяжело дыша, вытаращил глаза от изумления. Откуда, черт побери, Мышатник умудрился добыть такой лакомый кусочек. Ну ладно, это его дело... С вежливым «Простите, не хочу вам мешать» он захлопнул за собой дверь и занялся избавлением честных людей от трупа берсеркера. Что, собственно, было легко достигнуто водружением его на плечи и сбрасыванием с четвертого этажа в огромную кучу мусора, которая перегородила почти всю Призрачную Аллею. Потом Фафхрд подобрал зазубренную симиту, вырвал ее из сжимавшей ее ладони и швырнул руку вслед за трупом.

Затем, нахмурившись, осмотрел окровавленное оружие, которое намеревался оставить себе в качестве сувенира и задумался: «Чья это кровь?»

Избавиться от Исафем оказалось куда труднее, здесь нельзя было просто умыть руки. Спасибо за то, что она почти совсем избавилась от своего безумия и, частично, от мужененавистничества, научилась бегло говорить на ланкмарском и в конце концов полностью удовлетворилась, получив маленькую кузницу в Медницком ряду за Серебряной улицей, где она создавала прекрасные украшения и продавала из-под прилавка всякие безделушки, вроде очаровательных колючек с отравленными шипами, известными на весь Невон.

Тем временем Смерть, для которого время двигалось совсем не так, как для людей, понял, что для полной квоты ему остается два удара. Та чрезвычайно слабая дрожь от волнения, которую он испытывал при виде двух любимых героев, разрушивших его гениальную импровизацию, и допуская, что здесь вмешались неизвестные силы, сменилась жестокой ненавистью из-за сознания того, что не осталось больше

времени на изощренные выдумки и что ему придется взяться за дело, что он в глубине души ненавидел.

Стоит ли ему отсюда уничтожить Фафхрда и Серого Мышатника? Нет, конечно, они бы как-нибудь его перехитрили, что при любом правосудии, если оно существует, дало бы им отсрочку. Кроме того, это породило бы обиду и негодование. Да и несмотря на свои манеры и злобу, на свое постоянно неизбежное лукавство, Смерть был по натуре настоящим спортсменом.

Со слабым усталым вздохом Смерть перенесся в Королевскую Гауптвахту в Великий Золотой Дворец Харборриксена, где двумя быстрыми, едва уловимыми ударами он лишил жизни двух благородных и невинных героев, едва виденных им раньше, но отмеченных его безбрежной и непогрешимой памятью, двух братьев, присягнувших на вечное безбрачие и никогда не нашедших покоя. Но вот теперь они ушли от всех превратностей судьбы, а Смерть возвратился в свой скромный замок в Стране Теней, чтобы печально восседать на своем низком троне, ожидая новой миссии.

Прозвучал двадцатый удар.

ТРИЖДЫ СУДЬБА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Холодное, зеленовато-голубое мерцание, подобно северному сиянию, медленно затухало вместе с последними аккордами Четвертой самхромии Ходерсона «Иггдраэшл». И опять действие на громадной сцене вращалось вокруг темы пробуждения человеческой цивилизации — вокруг древа жизни, корни которого тянулись и в небо, и в ад, вокруг змей, гложущих эти корни, и вокруг богов, которые любой ценой хотели сохранить жизнь этого дерева.

Торн слегка наклонился вперед: его рука скользнула из-под широкого пальто и схватила пучок травы. Запястье дрожало. Он мучился тяжестью знания того, что эта легенда об Иггдраэшле точно соответствовала гипотезе, которую он и Клоули собирались представить Всемирному Комитету.

Да, дело с корнями обстояло именно так, и если гипотеза соответствует истине, то змеи, что гложут эти корни, — не просто змеи.

Торн бросил взгляд на лица зрителей — они казались застывшими масками, и его слегка передернуло.

Между ним и Клоули протиснулась темная, согнутая фигура, и в последних вспышках света на сцене, символизирующих гибель Вселенной, он поймал короткий взгляд старого величественного лица с затемненным высоким колпаком лбом. При виде его он невольно вспомнил своего знакомого, который как-то шутя сказал, что некоторые темные личности средневековья как-то смогли продлить свою жизнь, что они живы и сейчас.

Незнакомец и Клоули о чем-то пошептывались.

Торн почувствовал напряжение. Казалось, он почувствовал давление звезд из бесконечной дали — и он потерял всякое чувство времени.

Его рука, казалось, самостоятельно двинулась вперед, ощупью коснулась мягкой ткани и обхватила маленький

предмет размером с яйцо. Крадущимися движениями он вынул предмет и сунул его в карман.

Бурные аплодисменты зрителей постепенно стихали, и Торн растерянно уставился перед собой. Он подсознательно понимал, что только что совершил казалось бы совершенно немотивированную кражу.

Он растерянно огляделся. Высокая фигура старика исчезла в толпе зрителей. Пальцы Торна еще обхватывали предмет, который он только что себе присвоил. Предмет не был ни драгоценным камнем, ни металлом, и уж, конечно, не яйцом, и все-таки, казалось, в нем было всего понемногу.

У него была возможность догнать старика и вернуть ему предмет с краткими и вежливыми объяснениями, но Торн не сделал этого.

Внезапно из сутолоки уходящих зрителей до него донесся знакомый голос.

— Ну, это действительно была вещь! — сардонически заметил Клоули. — Может быть, это как-то связано с сегодняшним нашим намерением.

— Кто это только что разговаривал с тобой? — без обиняков спросил Торн.

— А, это психолог, которого я нашел несколько месяцев назад, когда меня мучила бессонница. Ты, наверное, помнишь?

Торн коротко кивнул и нерешительно остановился.

Клоули легонько ткнул его локтем в ребро.

— Пойдем, уже поздно, а у нас еще столько всего на сегодняшний вечер.

И они направились к выходу.

Клоули был маленьким жилистым мужчиной и, судя по внешности, мог принадлежать к семейству Борджиа или Медичи времен темного средневековья. Он казался маленьким рыжим сатаной, посвятившим себя благой цели.

Торн значительно выше и крепче, но и он мог олицетворять фигуру темного средневековья, правда, в данном случае стоял вопрос только о роли Савонаролы или Да Винчи.

В те времена оба могли быть непримиримыми врагами, сегодня же их лояльная дружба не вызывала сомнений.

Каким-то образом чувствовалось, что их взаимное поведение основано не только на простой дружбе. Казалось, они делали какую-то тайну, которая отнимала все их силы и тяжким бременем лежала на их плечах.

Оба они, казалось, немного устали. Под глазами Торна лежали темные тени и было заметно нервное подрагивание в уголках рта Клоули.

Большая часть зрителей уже добралась до своих летательных аппаратов с субтронными двигателями, и те роем поднялись в темное небо. Сила этих двигателей была феноменальной, ее мощь можно было направить на уничтожение всей Земли, но тут она была направлена на благо людей.

Два друга уселись в своем аппарате, и Торн огляделся по сторонам. Он наслаждался красотой этой ночной картины, так как он очень хорошо знал ту скрытую опасность, что угрожала стране. Его взгляд скользил по устремленным вверх ярко освещенным небоскреbam, каждый из которых давал приют целому городу. Вдали за ними мерцал Опаловый Крест, а маленькие летательные аппараты казались светлячками в ночи.

— Ну? — коротко спросил Клоули, когда колпак их аппарата был закрыт.

Они взлетели, и настроение было таким, будто они участвовали в первой межпланетной экспедиции, которая несколько дней назад ушла к Марсу. Их целью был Опаловый Крест.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Клоули медленно поднялся, чтобы начать свой доклад Всемирному Комитету. В такие мгновения в уголках его рта всегда блуждала легкая дьявольская улыбка.

Но он тут же стал совершенно серьезным.

— Итак, господа, вы слышали высказывание экспертов, а также знаете, по какой причине эти высказывания были сделаны совершенно независимо друг от друга. Таким образом, вы теперь знаете об опасности, которая, как мы с Торном думаем, угрожает нашему миру. Вы знаете также о нашем предложении ускорить проведение научных исследований. Теперь все зависит от вашего решения. Я только прошу позволения обратить ваше внимание на некоторые существенные пункты.

В самом высшем зале Опалового Креста воцарилась глубокая тишина. Это был гигантский зал, и выгнутый стеклянный купол простирался от карты мира на южной стене до карты Галактики на северной.

Взгляд Клоули медленно скользил над людьми, собравшимися вокруг длинного стола. На лицах Конджерли и Темпельмара читался откровенный отказ. Выражение лица Файрмура, напротив, выдавало глубокую веру, но от него и нельзя было ожидать другого, так как с одной стороны он был шефом всего, что касалось космических полетов, а с другой он относился к самым горячим почитателям Клоули. Председательствующий Шилдинг, чей голос ценился выше остальных, смотрел несколько скептически, но это тоже было неудивительно, так как он был скептиком по своей натуре.

Остальные присутствующие слушали с напряженным вниманием. Закончив свой доклад, Торн, казалось, погрузился в свои мысли.

Клоули инстинктивно чувствовал, что окончательное решение еще не принято, и теперь все зависит от его доводов.

Его рука коснулась маленького пульта, и на карте мира тотчас вспыхнули тысячи маленьких зеленых огоньков.

— Это распределение кошмаров у людей сто лет назад, и отдельные расчеты подтверждаются с точностью до волоска. Каждый огонек на карте представляет удушливый кошмар, и каждый из этих людей проснулся в холодном поту.

Он тронул другой выключатель. Некоторые огоньки перегруппировались в другой узор, но их количество почти не изменилось.

— Это пятьдесят лет назад,— сказал Клоули.— А это сорок.

Огоньки опять перегруппировались.

— Ну, и тридцать лет назад.

На этот раз количество огоньков, казалось, несколько увеличилось.

Клоули помолчал.

— Я хотел бы, господа, напомнить вам о том,— продолжал он наконец,— что Торн ответил вам на все относящиеся к этому вопросы, так что не может быть сомнений ни в одном факте.

Он снова положил руку на пульт.

Светящиеся группы увеличились.

— Двадцать.

— Пятнадцать.

— Десять.

— Пять.

На этот раз группы стали обширнее и, казалось, с одинаковой плотностью покрывали все континенты. Разрозненные огоньки были видны даже в Мировом Океане.

Вспыхнувшие огоньки, казалось, прыгнули в лица присутствующих.— Ну и, господа, наше время.

— Вот так выглядят наши ночи,— спокойно продолжил Клоули. Он помолчал, чтобы усилить впечатление от зеленых огоньков.— Все это должно быть для вас новым,— продолжал он,— так как каждый из нас хоть раз видел плохой сон. Что же касается моего собственного опыта в этой связи, то я только целиком и полностью могу подтвердить сообщение Торна.

Он выключил изображение карты.

— А теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к другим доказательствам, а именно, на постоянно усиливающуюся бессонницу у людей, тем самым переходя ко второму выводу Торна, который так поразительно прост, что остается удивляться тому, как такое могло оставаться незамеченным до сих пор. Его сравнение отдельных слов безупречно доказывает, что во всех без исключения снах действие происходит на том же самом ландшафтном фоне.

Он огляделся.

— Это собственно, можно сказать, просто поразительно. Мне кажется, что Торн в своем кратком сообщении остановился на этом пункте недостаточно подробно. Вам надо бы хоть раз увидеть гигантский объем материала в его бюро. Задумайтесь: существует бесчисленное количество людей, которые территориально далеко живут друг от друга, но все же в одно и то же время видят сны. О нет, у них не одинаковые сны, так как можно это объяснить телепатией или массовым внушением, но ландшафтный фон одинаков у каждого отдельного человека. То есть, как будто каждый из них рассматривает наш мир через другое окно!

Его слова сопровождались пораженным молчанием. Редкие морщины на лбу Конджерли стали глубже, и, казалось, он приготовился возразить, но его опередил Темпельмар.

— Я не уверен, что из объяснений следует заключить, что не использовались какие-то формы телепатии,— сказал этот стройный мужчина с высоким лбом и красными вокруг глаз веками.— В принципе, речь идет о гипотезе, о которой мы не так уж много знаем. Возможно, между описанными в сообщении Торна людьми существует какая-нибудь взаимосвязь, скрытая пока от нас. Возможно, они передают свои кошмары друг другу и таким образом создают массовое внушение.

— Я в это не верю,— возразил Клоули.— Меры предосторожности, предпринятые Торном, были образцовыми.

Кроме того, я считаю совершенно невероятной передачу людьми своих кошмаров друг другу.

— Но ведь мы же,— продолжал Темпельмар,— не имеем ни малейшего представления о том, что может скрываться за этим феноменом. Возможно, это все из-за влияния субтронных сил, которые были открыты около тридцати лет назад.

— Совершенно верно,— сказал Клоули.— Давайте пока оставим в стороне сны со странными совпадениями и неясной причиной. А я тем временем обращусь к сути своего комплекса: возникающей амнезии и провалами в памяти.

Конджерли опять, казалось, собрался возразить — опять Темпельмар коротким движением руки заставил его замолчать.

Клоули что-то включил. На карте мира вспыхнуло несколько сот желтых огоньков. Они были рассеяны по всей карте большей частью группами из двух или трех точек.

— В данном случае нам нет нужды возвращаться в прошлое на пятьдесят лет, так как все это разыгралось в самом ближайшем прошлом и записи психиатров еще свежи. Все эксперименты сходятся на том, что в данном случае речь идет о совершенно новом виде нарушения памяти. Первые случаи этой болезни были обнаружены всего лишь два года назад.

Клоули повернулся к карте.

— Каждый из этих желтых огоньков представляет отдельный случай провалов в памяти. Совершенно нормальный во всех отношениях человек вдруг просыпается и перестает узнавать членов своей семьи и самых ближайших друзей — да, он утверждает, в противовес всем приводимым доказательствам, что это совершенно незнакомое пострадавшему существо, занимающее место неизвестного существа-близнеца. И конечно, известны случаи только те, когда пострадавший обращался к психиатру. Иногда лечение у психиатра дает существенное улучшение, но во многих случаях люди упорствуют в своем разъединении со своим обычным окружением, и если это муж с женой, дело доходит до развода. А теперь перехожу к амнезии и сделаю соответствующие переключения.

Желтые огоньки исчезли, и их на карте заменили фиолетовые. Эти новые точки поодиночке рассеяны по всей карте.

— Амнезия в большинстве случаев начинается временными провалами в памяти. Пострадавший запирается в своих четырех стенах на несколько дней и старательно изучает име-

ющиеся у него бумаги и документы, касающиеся его собственной персоны. Часто ему удается заполнить провалы в его памяти. Такие случаи становятся нам известны тогда, когда пострадавший перестает узнавать свою семью и ближайших друзей и против своей воли направляется под надзор психиатра. Конечно, он не может дать ни малейших объяснений причин, приведших к амнезии.

Клоули огляделся.

— Таким образом, я хочу подойти к пункту, господа, который эксперты, согласно моему особому желанию, еще не касались. Этот пункт я оставил за собой, чтобы он послужил стрелкой весов. Речь идет о согласованной связи между амнезией и провалами в памяти.

Он выдержал короткую паузу, чтобы усилить эффект своих доводов.

— На этот раз я включу разом оба проектора. При этом сразу выделяются те случаи, когда возникают как амнезия, так и провалы в памяти, а вы же сами знаете, что происходит, если желтый цвет смешивается с фиолетовым.

Его пальцы забегали по клавиатуре. За исключением немногих желтых точек все огоньки стали белыми.

— Вот и все о красках, господа,— спокойно сказал Клоули.— Напряжение в зале поднялось, и он слегка наклонился вперед. — Этот феномен, как мне кажется, означает угрозу безопасности нашего мира. Он должен быть немедленно и основательно изучен.

Тут медленно поднялся Конджерли.

— У нас за плечами долгое развитие,— раздраженно сказал он,— и надо полагать, что нам нет нужды заниматься теперь злобными врагами цивилизации, то есть суевериями. Тем не менее я вынужден вернуться к досадным выводам этого господина, которого до сих пор мы терпеливо слушали. Он хочет объяснить случаи амнезии и провалов в памяти какой-то дьявольской теорией! — Он посмотрел на Клоули,— или я вас неверно понял?

Клоули резко кивнул головой.

— Нет. Я твердо убежден, что сознание наших граждан подвергается воздействию странных сил, которые хотят таким образом твердо закрепиться на Земле. Что же касается вопроса о том, какова природа этой силы и откуда она могла появиться, то я не знаю на это ответа. Во всяком случае, из представленных Торном исследований следует, что эти загадочные существа должны быть родом из мира, очень похожего на наш. По тайному образу действий этих зага-

дочных существ можно сделать вывод, что они настроены к нам враждебно. Мне нет нужды подчеркивать, что в нашем веке субтронной техники даже маленькая группа подобных существ может представлять опасность для существования Земли.

Конджерли сжал кулаки.

— Мы материалисты, господа, и твердо убеждены, что всякому феномену можно найти объяснение. Ведь наша материалистическая основа и сделала возможным наше техническое развитие. Я, конечно, не отсталый ретроград и не отвергаю новые теории. Но если эти теории базируются на древнейших суевериях человечества, если этот господин своими историями о загадочных существах, угрожающих человечеству, хочет нагнать на нас страху, если он хочет призвать нас к грандиозной охоте на ведьм, если он приводит сюда своего коллегу, — Конджерли скользнул мрачным взглядом по Торну, — который занимается исследованием кошмаров, то я вынужден все же сказать, что плохи дела с нашим материализмом и что с таким же успехом мы могли положить будущее Земли в руки каких-нибудь фокусников или предсказателей.

Клоули немного съежился, но быстро снова овладел собой.

В голосе Конджерли появилась язвительная ирония.

— Может быть, сэр, ваши люди уже теперь устраивают охоту на ведьм, вампиров и демонов со всякими заклинаниями и прочими темными средствами?

— Вам нужно обратиться к здравому смыслу, — спокойно ответил Клоули.

Конджерли глубоко вздохнул, его лицо покраснело, и он бросился в наступление. В этот момент поднялся Темпельмар и будто нечаянно задел Конджерли рукой.

— Давайте не будем ссориться, — сказал он примирительно, — Конечно же, доводы нашего гостя находятся в некотором противоречии с нашим материалистическим мировоззрением, но все же наша задача — охранять мир от опасности, будь она даже невероятной природы. Согласно теории нашего гостя загадочные существа собираются захватить Землю. Но все же некоторые доказательства представлены, и нам надо подождать, нельзя ли выработать с ними другую теорию.

— Другие теории были представлены и отброшены как неверные, — резко сказал Клоули.

— Конечно, — Темпельмар усмехнулся. — Это же научный прогресс, который никогда не кончался, верно ведь?

Он сел, и Конджерли последовал его примеру.

Клоули чувствовал неприкрытое неприятие со стороны этих двоих — они сейчас казались ему врагами.

Неужели он здесь совершенно одинок? Он оглядел скептические мины присутствующих. И даже Торн, на чью помощь и поддержку он так рассчитывал, казалось, впал в странный сон.

А сам он не сомневался в том, что только что докладывал?

Торн неожиданно встал и пошел из зала. Его походка напоминала походку лунатика. Несколько человек с любопытством посмотрели ему вслед. Конджерли украдкой кивнул, и Темпельмар улыбнулся.

Клоули взял себя в руки.

— Ну, господа?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Торн, как во сне, парил вниз в высокой шахте к первому этажу, чтобы покинуть здание.

Выход был как бы за границей этой гигантской метрополии, которая помещалась в одном здании. Перед глазами Торна простирался широкий, темный лес. Рядом со стоящими на террасе летательными аппаратами стояла молодая пара влюбленных. Они вдруг отодвинулись друг от друга и озадаченно посмотрели ему вслед. Он, покачиваясь, шел дальше, и теперь был похож на паломника или крестоносца, запутавшегося в религиозном самообмане.

В следующее мгновение он скрылся в лесу.

В странной смеси сна и бодрствования он шел по лесной дороге. Перед его внутренним взором тянулись старые воспоминания. Там было его детство, все старые желания и надежды, студенческие годы с Клоули, работа. Он произвольно подумал о сцене в зале Опалового Креста, которую он только что пережил. И как-то вдруг пришла мысль, что он бросил в беде своего друга, но все это сейчас, казалось, не имело никакого значения.

Да, все потеряло свое значение, и только оставалось важным следовать этому тянувшему с неодолимой силой импульсу.

Лесная тропа была узкой, и Торн отодвинул несколько свисавших веток. Все было каким-то нереальным.

И тут пришел мир его снов, мир, который с давних пор повелевал его жизнью и который привел к этой профессии.

Это был мир, в котором всегда подстерегали опасности. В том мире жил другой Торн, Торн, который ненавидел его и завидовал, и он мог думать о нем только с чувством глубокой вины.

Этот другой Торн постоянно как фантом пересекал его жизненный путь и появлялся ночами во всех его снах. Пока он сам счастливо и беззаботно жил в своем детстве, когда каждый день приносил новые и прекрасные приключения, тот, другой Торн, познал страх и жестокий гнет. Когда он переживал счастье первой любви, другой Торн был силой разлучен со своей молодой женой.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом два параллельных мира были одновременны.

Он знал ощущения другого Торна едва не лучше своих собственных, и все же, все было каким-то расплывчатым, как это обычно не бывает во сне. Как будто он видел сны другого Торна, тем временем тот Торн с помощью какой-то дьявольской махинации переживал его сны и все больше и больше его ненавидел.

Это чувство вины по отношению к другому Торну было самым выдающимся в его ощущениях.

И пока он так кружил по узкой лесной тропинке, перед ним возникло его собственное лицо.

Ветки хлестнули его по лицу, и он запнулся о корень. Его рука скользнула в карман и схватила предмет, который он украл у таинственного незнакомца Клоули. В темноте невозможно было разглядеть его цвет, но Торн с абсолютной уверенностью знал, что он никогда не видел такого предмета.

Вдруг ему пришла мысль, что такой странный предмет мог состоять из одной-единственной молекулы. Фантастично: и все же, разве не может быть, что атомы сцепились и приняли такую гигантскую форму?

В одной такой молекуле должно быть больше атомов, чем солнц во всей Вселенной.

Сверхбольшие молекулы были ключом к жизни, гормоном, движущие силы и носители наследственного фактора. Какие двери можно открыть такой сверхгигантской молекулой?

Одно лишь представление об этом было ужасным! Он решил было выбросить эту штуку, но потом снова сунул в карман.

Зашуршали листья. Посреди тропинки сидела большая кошка, и, фыркая, смотрела на него. Кошки были приучены человеком на заре человеческой памяти, и все они пошли своим путем и начали снова дичать.

Тропинка разделилась, и когда Торн пошел по ответвлению, темный лес лежал перед ним угольно-черной бесконечностью.

Понять действительность не так просто, как ему казалось. Ее корни были созданы совершенно по-разному и простирались во множество миров.

Торн ускорил шаги и перед ним, казалось, возникло бледное лицо — его собственное лицо! Да это было лицо другого Торна, знакомое ему по его снам. Оно будто какой-то магической силой тянуло его в далекие, незнакомые миры.

С храбростью отчаяния он продолжал свой путь.

Он должен встретить этого другого Торна и провести с ним окончательный расчет. Таинственным образом он сам был тем, другим Торном, а тот, другой Торн был им самим.

Опять по лицу хлестнули ветки.

Перед ним постоянно маячило другое лицо.

У него мелькнула мысль, что и другие люди задолго до него переживали то же самое. Загадочное существо снова пыталось укрепиться на Земле.

Он подумал о Клоули, которого он позорно покинул на произвол судьбы.

Но теперь он был совершенно безвольным существом, бредущим с вытянутыми руками по узкой лесной дороге.

Он поднялся на небольшую возвышенность и бросил взгляд на стоящий вдали ярко освещенный небоскреб. Казалось, это был последний прощальный взгляд.

Силы его были на исходе.

Задыхаясь, он перешагнул порог безбрежной темноты и остановился с безвольно болтающимися руками.

Откуда-то, возможно, из глубин его самого, донеслось эхо издевательского смеха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Клоули, скорчившись в своем летательном аппарате, несясь к верхним этажам Голубого Лорена. По спине пробегала холодная дрожь. Вообще-то, ему давно надо было отдохнуть дома, чтобы хоть немного навести порядок в своих мыслях.

Или, может быть, ему прямо сейчас надо было начинать искать Торна.

Внутренний голос говорил ему, что он должен выполнить сначала эту задачу, прежде чем он сможет успокоиться.

После исчезновения Торна сцена в зале Опалового Креста была сплошным гигантским разочарованием. При теперешнем состоянии дел они вообще должны быть довольны, что могут продолжать работу.

Отвергающий приговор Комитета пошатнул даже его собственную уверенность. Он казался себе побитой собакой.

Почему, черт побери, Торн так неожиданно покинул собрание? Может, он действительно испытал генетическое внушение? Ведь он выплыл из зала как лунатик, и именно этот факт больше всего заботил Клоули.

Торн вообще был странным парнем. Даже после всех этих долгих лет знакомства с ним Клоули считал его непредсказуемым.

Если Торн сбежал, то что-то случилось по вине Клоули...

Аппарат немного качнулся, и Клоули был вынужден сосредоточиться на своем предприятии.

Он невольно спрашивал себя, удалось ли ему незаметно покинуть Опаловый Крест. Кое-кто из собравшихся хотел с ним поговорить. Теорию, как мог, поддерживал Файрмур, и он тоже, конечно, хотел обговорить некоторые подробности, но Клоули как-то удалось ускользнуть из зала.

А если кто-то вел этой дорогой?

Замечание Конджерли о «Предсказателях» могло быть чисто случайным и все же оно очень ранило Клоули. Если Конджерли и Темпельмар догадались, что он задумал, тогда все пропало!

Было бы лучше отказаться от этого плана или, по крайней мере, отложить его.

Нет, слишком сильным было внутреннее предупреждение. Его какой-то магической силой влекло высокое здание Голубого Лорена.

В голове роились мысли. Зеленые огоньки на карте мира — зелень и голубизна Иггдраэшла — в каком мире Ходерсон нашел прообразы своего произведения?

И было ли воздействие загадочных существ, которому, он, казалось, тоже подвергался?

Прямо перед ним возвышалось гигантское здание Голубого Лорена. Верхняя часть купола мерцала от белого зноя даже тогда, когда на поверхности Земли царила летняя жара. Повсюду были видны признаки пробуждающегося дня. На наружных стенах здания висело множество грузоподъемников, разгружавших или принимавших груз. За одним из люков находилась толпа детей, направляющихся в школьное отделение.

Клоули на мгновение завис над посадочной площадкой, а затем приземлился, как птица. Дыхание прерывалось, в ушах звенело, и он потер их окоченевшими ладонями. Может быть, ему лучше было бы войти в здание через главный вход внизу, но его нетерпение заставило его выбрать этот путь.

Субтронная энергетическая волна пронесла его около четверти мили над одним из главных ходов, и оттуда он направился к помещениям психологов.

Дорогой он украдкой осматривался по сторонам. Опять в нем поднялись сомнения. А если Конджерли был прав? Если все действительно было основано на суевериях? Если мнение об угрозе миру, высказанное Комитету, основано лишь на неверном толковании предложенных доказательств?

Он вдруг показался сам себе шарлатаном и спросил себя, не лучше ли на самом деле сейчас повернуть назад.

И внутреннее понуждение было сильно. Было что-то, что ему нужно узнать любой ценой!

Перед дверью он остановился, но тут же, не задумываясь, перешагнул порог и направился к письменному столу, за которым сидела неподвижная, одетая в черное фигура.

Лицо Октава казалось бесконечно старым, это впечатление усиливалось белоснежными волосами, впалыми морщинистыми щеками и глубокими морщинами под глазами. Мысли Клоули невольно обратились к глубинам средневековья, когда рыцари в латах устраивали турниры, а народ шептался об эликсире, который мог дать вечную жизнь — слухи, согласно которым Земля время от времени посещалась одетыми в темное людьми, обладавшими этой самой вечной жизнью.

Клоули медленно сел на стул.

— Я вижу сопротивление,— сразу начал Октав.— Это сопротивление всю ночь доставляло тебе хлопоты. Речь идет о том, о чем мы с тобой говорили во время симхромии. Я вижу людей, которые сомневаются в твоей теории и не хотят поддаваться твоим убеждениям. Я вижу двоих, особо противопоставляющих себя тебе, но я не могу понять их мотивы. Я вижу, как ты потерял самообладание, когда тебя бросил на произвол судьбы твой друг. И теперь ты хочешь сдаться.

Это все, подумал Клоули, он мог узнать совсем просто, установив наблюдение. И все же это и сегодня производило на него впечатление, как в тот самый день, когда он впервые увидел Октава в его одеянии в качестве психолога.

Клоули оторвал свой взгляд от взгляда Октава.

— Ну, и как дела с будущим миров? — сдержанно спросил он, как это с ним бывало только в этой комнате. — Видишь ли ты что-нибудь отчетливое?

— Лишь схематические сны, — бесцветным голосом ответил Октав, — загадочные существа в образе людей проникают на Землю и готовятся к удару, но откуда они и когда ударят, я ничего не могу сказать. Твоя попытка убедить других в существовании опасности только усилила эту опасность.

Клоули, вздрогнув, немного выпрямился. Вопрос о Торне рвался с языка, но он сдержался.

— Послушай, Октав, мне обязательно нужно побольше узнать об этом! Ты, очевидно, что-то от меня скрываешь. И если я по твоим скрытым намекам выберу путь и потом узнаю от тебя, что он был ошибочным, то ты этим свяжешь мне руки. Ты должен поподробнее описать мне эту угрозу — ради блага человечества.

— И вызвать силы, которые уничтожат нас? — Октав пристально смотрел на него. — Внутри миров есть другие миры, как колеса, вложенные в колеса. Я и без того сказал слишком много в интересах твоей же безопасности. Кроме того, действительно есть вещи, которых я не знаю и которые скрыты даже от Великих Экспериментаторов — и мои предположения могут быть еще дальше от истины, чем твои.

Мысли Клоули блуждали. Кто такой этот Октав — и что может скрываться за этой античной маской? Что скрывается за масками Конджерли и Темпельмара? За маской Торна? За его собственной маской? Есть вещи, которые скрыты даже от собственного сознания. Какое будущее ожидает этот мир масок?

— Так что же мне делать, Октав? — устало спросил он.

— Я тебе уже не раз говорил, — ответил Октав. — Ты должен подготовить свой мир к любой неожиданности. Мобилизовать все силы и оружие, чтобы не быть беззащитными жертвами в руках охотников.

— Но как мне это сделать, Октав? Мои предложения, идентифицировать эту опасность, кругом отклонены. Как же я могу предложить миру всеобщую мобилизацию без всяких оснований?

Октав некоторое время помолчал. Когда он, наконец, ответил, в его голосе слышался горький оттенок вековой мудрости.

— Тогда ты должен назвать миру причину. Всякое правительство всегда находило причину, чтобы мотивировать какое-либо мероприятие. Ты должен назвать опасность, которую они смогут понять своей куцей способностью восприятия. Подожди-ка... Марс...

От двери донесся негромкий шум. Октав повернулся, и его рука украдкой скользнула в вырез темной одежды. Очевидно, он что-то искал там, и когда ничего не смог найти, на его лице появилось выражение недоверия.

Клоули бросил взгляд на дверь.

Там стояла темная фигура, взгляд которой был твердо устремлен на Октава. Сделав короткое, нетерпеливое движение головой, фигура исчезла, но ее облик во всех подробностях прочно запечатлелся в сознании Клоули.

От этой фигуры тоже исходило впечатление бесконечной старости и в этих глазах тоже лежала мудрость веков. Это была фигура благородного существа, но не было в ней божественной доброты.

Его одежда была из вещества, напоминающего своего рода пластик. Клоули неожиданно подумал об изображениях одежды девятнадцатого и двадцатого веков, которые он видел в историческом альбоме.

Октав без всяких объяснений встал и прошел через дверь в соседнюю комнату. Его рука опять скользнула в вырез одежды и опять вернулась пустой. Очевидно, он лихорадочно пытался вспомнить о предыдущих событиях, чтобы не оказаться в смертельной ловушке.

Октав исчез в соседней комнате.

Наступила мертвая тишина.

Клоули ждал.

Время текло. Клоули слегка покашлял, потом неожиданно встал, подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, снова вернулся на свое место и продолжал ждать.

Он думал о суеверии и мимолетных явлениях фигур в средневековых одеждах. Он думал о древней мудрости, которую он видел в глазах Октава и той, другой темной фигуры.

Он снова встал и повернулся к двери в соседнюю комнату.

Комната, в которую он вошел, была маленькой, скупо меблированной. В ней не было ни окон, ни дверей. Стены совершенно гладкие и чистые.

В комнате никого не было.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Октав шел за посланцем в область абсолютной темноты.

Здесь они были вне пространства, на пороге бесконечности, где даже атомы застыли в неподвижности. Здесь было только

движение мыслей—мыслей, сила которых влияла на Вселенную и которые могли излучаться только богоподобными существами и ими же восприниматься.

И все же это были мысли чисто человеческие, со всеми земными ошибками и слабостями. Это была другая, очень далекая вселенная. Высокий купол собора, где в полночь шуршала только пара заблудившихся мышей.

Октав настроился на зону, где был только мир мыслей.

Он услышал вечное жужжание Генератора Вероятностей и более тихое жужжание семи открытых Талисманов. Он чувствовал присутствие семи человеческих существ, собравшихся у Генератора Вероятностей. Терс сделал краткое сообщение, и Октав ощутил неприятие шести существ из семи. Он занял свое место — восьмое и последнее.

Терс кончил свое сообщение.

— Мы вызвали тебя, Октав,— подумал Прим,— чтобы выслушать объяснения твоему в высшей степени странному поведению. Мы узнали, что ты непростительно небрежен. Только дважды возникла необходимость возвращать Талисман, так как его владелец погибал насильственной смертью в каком-то из миров. Как же могло случиться такое — ведь Талисман реагирует на опасность немедленным предупреждением о том, что его разлучают с владельцем?

— Я даже сам себе не могу этого объяснить,— виновато ответил Октав.— Должно быть, какое-то чужое вмешательство смогло перекрыть предупреждение Талисмана или совершенно отвлечь мои мысли. Я заметил пропажу только тогда, когда был затребован сюда. Если я верно восстановил все события на Земле, то, думаю, что смог бы идентифицировать человека, в чьи руки попал Талисман, или того, кто выкрал у меня.

— Был ли Талисман закрыт в то время? — быстро спросил Прим.

— Да,— ответил Октав.— Мысленный ключ к предохранителю был известен только мне.

— Ну, это, по крайней мере, маленький пункт в нашу пользу,— подумал Прим.

— Я совершил ошибку,— подумал Октав,— но это легко можно устранить. Дайте мне другой Талисман, чтобы я мог пойти в тот мир и добыть свой Талисман.

— Так не пойдет,— подумал Прим.— Ты и так долго был в этом мире, Октав. Ты самый молодой в нашем кругу, но твое тело давно уже состарилось.

— Да,— импульсивно подумал Октав, не тратя время на раздумья.— Время течет медленно, когда вы в вашей удобной уединенности сидите здесь и обмениваетесь замечаниями о событиях в мире.

— Ты попал под влияние мира и его чувств,— подумал Прим.— И с этим я перехожу ко второму, более важному пункту нашего объяснения.

Октав почувствовал неприкрытую враждебность семи остальных существ. Теперь утрата Талисмана будет для него роковой. Его надежда исчезла.

— Мы узнали,— продолжал Прим,— что ты разглашаешь тайны. В эмоционально подчеркнутом и удивительно примитивном облике предсказателя и ясновидца ты передаешь запретные знания представителям мира Земли главного стола.

— Я не могу этого оспаривать,— согласился Октав.— Мир главного стола нуждается в объяснении. Вы же все время обращаетесь с ними, как с дурно воспитанными детьми. И совершенно неподготовленными толкаете в предельно сомнительное будущее.

— Мы можем наилучшим образом предрешить благополучие мира! — мысли Прима с помощью Талисмана в его ладони усилились до непредставляемой мощности. В противовес твоим предприятиям мы все свои силы направили на бескорыстную силу мирам, поставив цель дать миру счастье нашими научными методами. Главное наше условие — ни один человек в мире ничего не должен знать о наших действиях. Неужели ты так подвержен миру и его влиянию, что я должен напомнить тебе о цели существования нас?

Абсолютная темнота, казалось, запульсировала, Октав не ответил, и мысли Прима шли шаг за шагом, будто он уговаривал маленького ребенка.

— Может быть, получится так, что от тебя самого с самого начала осталась скрытой логика наших научных действий? Каждый эксперимент требует известных мероприятий по безопасности. При нормальных естественных условиях есть только один мир, с которым, естественно, нельзя экспериментировать. Поэтому нельзя установить, какой вид общественного устройства и правительства послужил бы на благо народа этого мира. Но это все появляется сейчас совсем в другом свете, если пользоваться Генератором Вероятностей. С его помощью мы можем наблюдать развитие отдельных миров и постоянно держать перед глазами их будущее. Мы

видим решающие эпохи, если мир стоит перед важным выбором, например, между демократической и тоталитарной формами правления, или между чисто эстетическими комплексами и тому подобное. В такие временные интервалы мы используем Генератор Вероятности и направляем на вождя этого мира, в чьих руках лежит будущее. Таким образом для него появляется одна возможность, две или больше. Ход времени развивается или расстраивается, и мы имеем различные миры, развитие которых сильно различается. Таким образом мы можем принимать наши окончательные решения.

— Я вынужден критиковать это,— немедленно подумал Октав, не заботясь об опасности, которая его здесь подстерегала.— Ты обобщаешь вещи и при этом забываешь, что крупные вероятностные факторы возникают из множества мелких. Все обстоит не так просто, как ты считаешь?

Октав этим потряс самые основы их знаний, но Прим, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Мы провели последний временной срез тридцать земных лет назад,— непоколебимо продолжал он.— Открытие субтронных сил дало миру энергию космоса. Вследствие этого правительство мира встало перед тремя различными возможностями: скрыть изобретение и устранить изобретателя, использовать открытие в своих собственных целях или поставить открытие на службу обществу, причем в этом случае возникает опасность, что почти каждый человек или, по меньшей мере, маленькая группа людей будет держать в руках силу, способную разрушить мир. Земля дает только один шанс сделать выбор. С нашим вмешательством можно реализовать все три возможности, и несколько лет постоянного наблюдения достаточно, чтобы доказать нам, что третья вероятность, то есть опубликованные открытия этих субтронных сил, было правильным. Оба других мира к этому времени уже были втянуты в их ошибочное развитие.

— Да, другие миры,— с горечью подключился Октав.— Как много их уже было, Прим? Как много — с самого начала?

— Но ведь мы же стремимся к сотворению самого лучшего из миров, какой только возможен, поэтому, естественно, мы вынуждены сотворить и несколько плохих,— терпеливо ответил Прим.

— Да, миры ужаса, которые никогда бы не возникли, если бы вы не упорствовали в своем стремлении исчерпать все возможности человеческого духа, как добрые, так и злые.

И без вашего вмешательства людям удалось бы построить свой прекрасный мир — не принимая во внимание все эти ужасные возможности.

— Не хочешь ли ты сказать этим, что мы должны бросить все на волю случая? — раздраженно спросил Прим.— Неужели нам нужно стать фаталистами? Нам — мастерам судьбы?

— И потом,— продолжал Октав, не обращая внимания на возражения Прима,— после того, как вы создали эти ужасные миры, в которых люди тоскуют по отнятому у них счастью, вы их просто уничтожаете.

— Естественно! — уже сердито ответил Прим.— Если у нас появляется уверенность, что эти миры не отвечают желаемому, мы прекращаем их жалкое существование.

— Да,— с еще большей горячностью сказал Октав.— Не-нужных котят прсто топят. Ваша благосклонность касается только одного-единственного мира, в то время как другие без всяких церемоний заталкиваются в мешок.

Но это же чистый акт милосердия,— возразил Прим.— Нет ни горя, ни боли — только внезапное стирание.

Но Октав не думал сдаваться. Наконец прорвались все накопившиеся в нем сомнения в затеях этих существ, так много мнивших о себе. Его острые мысли, как удары кнута, проносились сквозь тьму.

— Так кто же вы такие, что можете утверждать, что внезапное стирание не причиняет никакой боли? О, да, эти призрачные миры, эти результаты экспериментальных ошибок, они же не играют никакой роли, а раз они результат неудачи — они должны быть устранены, так как мы не можем вынести их молчаливого обвинения. Как будто люди этих призрачных миров не имеют такого же права на существование, будущее, как и люди мира главного ствола. Какое преступление они совершили, если не считать того, что они, возможно, идут неверным путем, причем вы же сами признаетесь, что все стоите перед таким же выбором? Какая разница между миром главного ствола и мирами ответвлений, исключая то, что вы больше печетесь о будущем мира главного ствола? Я хочу сказать вам кое-что. Вы настолько благосклонны к этому миру, что остальные рассматриваете только как гипотетические. Но они так же равны, до мельчайших подробностей.

Они же больше не существуют,— свирепо сказал Прим.— Очевидно твои постоянные контакты с миром сузили твой

кругозор и смутили дух. Ты встал на сторону миров, которых вообще больше нет.

— Ты так уверен в этом?— Октав же почувствовал, что этим вопросом привлёк внимание остальных.— А если эти призрачные миры ещё живы? Если вы полагаете, что уничтожили их, отключив от них свое внимание, а они продолжают существовать в параллельном миру главного ствола системы и плывут в море времени. Я вам постоянно говорил, что вы должны почаще искать эти миры. Тогда бы вы быстро узнали, что люди так предпочитаемого вами главного ствола уже чувствуют тень опасности и замечают, что их миру грозит вторжение загадочных существ. Несколько человек знают, что они находятся под необъяснимым чужим влиянием. А если это влияние одного из созданных вами миров? Последний временной срез они сделали не так давно, и всё же может быть множество двойных существ, которые чувствуют между собой внутреннюю связь и которые осознают ее полностью. А если на этих забытых вами мирах развитие пошло таким образом, что привело к созданию мутантов? А если среди этих существ разовьется гениальный вождь, которому станут известны вещи, скрытые даже от вас? И если они решатся вторгнуться в избранный вами мир и полностью поработят его?

Октав молча вслушался в темноту. Он чувствовал поднимающийся в остальных тихий страх, но это было не в его пользу.

— Это все бессмыслица! — холодно возразил Прим, и его мысли показали, что его терпение приходит конец.— Ты утверждаешь, что мы допустили ошибку. Это просто смешно! Мы знаем почти каждую деталь развития во времени и пространстве. Мы же, в конце концов, властелины Генератора Вероятностей!

— В самом деле? — этим запрещенным вопросом Октав разрушил за собой все мосты.— Когда я был приглашен в это общество, как и все вы, я точно так же, как и вы, узнал, что Прим, первым в нашем обществе гениев девятнадцатого века, якобы является изобретателем Генератора Вероятностей, хотя с абсолютной точностью это нам никогда не говорилось. Как новичок, я счел это несомненным фактом. Теперь я знаю, что я никогда в это не верил. Ни одна человеческая душа не могла бы изобрести Генератор Вероятностей — и Прим тоже! Он лишь нашел его, вероятно, наудачу играя с потерянным кем-то Талисманом. Владение

этим генератором позволило ему потом перенести его в другое место и спрятать от настоящих владельцев. Затем он постепенно привлекал нас в это общество, так как в одиночку это было не под силу — исчерпать все потенциальные возможности этого Генератора. Прим не изобрел его, а лишь украл его!

Октав слишком хорошо знал, что этими словами в самое чувствительное место общества попал он и тем самым подписал себе приговор. Он чувствовал хаотические мысли семи остальных, вторгающиеся в него, и ждал момента, когда можно будет нажать на рычаги.

— Может ли кто-нибудь из вас, исключая Прима, действительно всерьез утверждать, что понял Генератор Вероятностей? — не говоря уже о том, чтобы изобрести эту машину? Вы говорите громко слова о научном познании, но знаете ли вы современные научные методы людей Земли этого века? Вас превзошли ваши собственные марионетки. Вы, родившиеся в темном средневековье, неожиданно попали на фабрику, где ничего не можете понять. Вы ученики чародея, но что будет, если вернется сам чародей? Что может мне помешать испустить во время и пространство пронзительный крик, который выдаст настоящему владельцу этой машины, где она находится?

Он почувствовал мощь их мыслей, как будто они любой ценой хотели помешать ему на самом деле послать такой сигнал. Одновременно он почувствовал, как в мыслях Карта появилось тихое сомнение. Это был тот самый слабый пункт, которого он ждал.

Прим огласил приговор.

— Терс и Септем проводят Октава в мир, и как только он обретет плоть, устранят его.— Он остановился, помолчал, а потом продолжил.— Одновременно Сикет отправится в экспедицию на поиски утраченного Талисмана. Если он встретится с какими-либо трудностями, пусть немедленно потребует помощи. Так как Генератор Вероятностей функционирует только тогда, когда заняты все позиции, Санконд, Карт и Кепт тоже отправятся на Землю, чтобы выбрать Октаву подходящего наследника. Я останусь здесь и...

— Мой Талисман! — вдруг перебил его Карт.— Октав украл его! Он исчез!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Торн колебался в нерешительности у темного возвышения. Под его башмаками хрустел гравий, когда он пытался удер-

жать равновесие. Издалека до него донеслось несколько криков, и вдруг сверху в него уколола игла зеленоватого света.

Он упал вперед лицом на землю, и в следующее мгновение острие световой иглы попало в то место, где он только что стоял.

Он лихорадочно искал глазами свой летательный аппарат, но нигде не видел его.

И тут он случайно вспомнил, как брел, спотыкаясь, по ночному лесу, в конце концов, до этой возвышенности.

Через несколько шагов он провалился в какую-то шахту. Он падал долго, и через какое-то время у него появилось неопределенное ощущение, что его выносит наверх. Шахта вытолкнула его, и он жестко упал на землю.

Он оцепенело поднялся и шатаясь наткнулся на несколько деревьев, освещенных странным голубоватым светом. Он чувствовал, что его тело как-то изменилось, что нельзя было объяснить только жестким падением возле шахты.

Торн ощупью пробирался вперед и вышел на широкую террасу. Голубоватое сияние усилилось. Оно исходило от двойного ряда фонарей, установленных по обеим сторонам широкой улицы, которых Торн не мог подробно разглядеть, так как край террасы был ограничен живой изгородью.

Он подошел к изгороди и остановился.

Его взгляд скользнул по несбыточной одежде, а потом упал на руки, почти принявшие форму когтистых лап.

В его сознании остались лишь смутные впечатления от событий прошедшего вечера. Там были Клоули, симхромия, конференция в зале Опалового Креста, и там было его ночное бегство по темному причудливому лесу.

Его левая рука сжимала какой-то предмет такой прочной хваткой, что болели пальцы. Это был тот самый маленький предмет, который он присвоил во время симхромии. Если эта штука еще с ним, то ничего серьезного с ним не должно было бы произойти. И все же...

У него появились смутные предчувствия.

Не задумываясь, он сунул предмет в карман, который оказался не там, где должен был быть, и при этом рука его коснулась маленького металлического цилиндра.

Торн продрался через изгородь и вступил на освещенную голубоватым светом фонарей улицу.

Предчувствие переросло в дикий страх — и тут с неожиданной силой к нему вдруг пришло знание.

Другой Торн поменялся с ним местами. Теперь на нем была необычная одежда того, другого Торна. — вот этот невзрачный рабочий костюм.

Он находился в мире своих страшных снов.

Торн резко остановился посреди улицы. Людские потоки обтекали его, прохожие с любопытством оглядывались.

Он преодолел первый ужас, и в нем возникло чувство морального удовлетворения. Теперь счет выровнялся. Другой Торн может жить в счастливом мире, а он занял его место. Теперь ему нужно думать о существовании другого Торна с чувством вины.

В нем шевельнулось демоническое желание овладеть этим миром, который он знал до сих пор только по снам.

Но это было не так просто.

На улице царила атмосфера какой-то тайны и недоверия. Голоса людей не повышались выше бормотания. Люди шли с опущенными головами, украдкой бросая на него острые косые взгляды.

Торн отдался потоку этих людей, одновременно наблюдая их.

В освещенных голубоватым светом лицах можно прочесть печаль и стремление к счастью. Он знал это выражение по своим снам, и ему казалось, что он сейчас тоже спит.

Некоторые лица казались ему странно знакомыми. Видно они были двойниками людей, которых он бегло знал в этом мире.

Казалось, это были люди его собственного мира, ведущие совсем другую жизнь.

На мужчинах и женщинах была грубая рабочая одежда, цвет которой невозможно было определить в этом призрачном голубоватом свете. Тут не было никакого индивидуализма — все были одеты одинаково.

Некоторые из этих людей, казалось, охраняли других. Их сторонились и с ними не разговаривали. Здесь целая сеть шпионажа, решил Торн.

Между остальными были и другие существа, одетые в черное, которых остальные избегали еще отчетливее. И Торн никак не мог подробно рассмотреть ни одно из этих существ.

Все казались чрезвычайно бдительными.

Это был мир авторитета.

На улице лишь сдержанно бормотали.

И лишь одно стало ясным для Торна: в глазах этих людей не было определенных целей. Они бродили взад и вперед, чтобы чем-то заполнить время, между работой и сном —

время, которое сохранил им авторитет и которое давало им некоторую свободу, с которой они не знали, что делать.

Он смешался с отдельными группами, чтобы уйти от их любопытных взглядов. Он выхватывал отдельные слова и обрывки разговоров. Все без исключения разговоры и слова, казалось, вращались вокруг поведения известной группы, которую все они называли «они». Вокруг царило открытое неприятие этой группы.

В качестве авторитета, решил Торн, может быть только какая-то диктатура.

— Наше отделение теперь посадили на двенадцатичасовую смену.

Говоривший был внешне похож на машиниста, так как на его комбинезоне поблескивало несколько металлических стружек.

Его спутник коротко кивнул.

— Я хотел бы знать, что это за новые детали, которые теперь приходят все чаще.

— Какое-то крупное дело.

— Да, видимо, так. Что же они могут замышлять?

— Какое-то крупное дело.

— Да, но я хотел бы, по крайней мере, знать название.

— Другой мужчина только тихо украдкой рассмеялся.

Торн побрел дальше и скоро оказался позади группы пожилых женщин.

— Наша бригада после подъема производительности изготовила более семисот тысяч одинаковых деталей. Я считала их.

— Тебе-то от этого никакой пользы.

— Нет, но они к чему-то готовятся. Подумать только, сколько народу привлекли. Всех мужчин с сорока одного и женщин с тридцати семи лет.

— Сегодня вечером они приходили дважды и искали так называемых саботажников. И избрали Джона.

— У вас ввели новую форму проверки? Все должны стоять в длинных очередях, а потом отвечать на разные вопросы, кто есть кто и чем занимается. Это все очень простые вопросы, но тех, кто не может на них ответить, куда-то уводят.

— Ну, таким образом они вряд ли поймают этих саботажников. Я хотела бы знать, кого они хотят схватить на самом деле.

— Давайте лучше вернемся к ночлежке.

— Нет, еще рано.

Торн подошел сзади к другой группе, в которой была молодая девушка. «

— Завтра я вступаю в армию,— сказала она.

— Да.

— Давай сегодня вечером устроим что-нибудь.

— Да?

— Но ведь они просто не позволяют это, чтобы мы что-нибудь устроили.— В ее голосе слышался оттенок открытого протеста.— У них есть все: волшебные силы, они могут летать, они живут где-то там, в облаках, где можно не видеть этот ужасный голубой свет. О, я хотела бы...

— Тссс! Тебя схватят за такие слова! Кроме того, это ведь все временно, если верить их словам. Как только минет эта опасность, мы заживем счастливой жизнью.

— Да, я знаю, но только почему они нам не говорят, что это за опасность?

— Это военная тайна. Тссс!

Из-за спины Торна к группе подошел мужчина с ехидной улыбкой, но Торн не мог ждать, каковы будут последствия этого происшествия. Поток людей потащил его на другую сторону улицы, где он оказался позади мужчины и женщины в одежде, напоминающей униформу.

— Говорят, на следующей неделе мы снова выступаем на маневры. Сейчас целая масса новых рекрутов. Нам нужно поднять общую численность до нескольких миллионов. Только мне хотелось бы знать, что с нами намерены делать, если нигде не видно врага.

— Может быть, с другой планеты...

— Да-да, но это не только слухи.

— И все же это означает, что в любой день может появиться приказ о марше, а это будет означать всеобщую мобилизацию.

— Но против кого же это направлено? — в голосе женщины появился налет истерии.— Я постоянно задаю себе этот вопрос, когда меня подготавливают к этому новому оружию, о действии которого, как мне кажется, никто ничего не знает. Да, я постоянно себя спрашиваю, против кого я должен применить это оружие. Иногда я боюсь сойти с ума. О, Бурк, я хотела бы сказать тебе еще что-то, хотя и обязана хранить строжайшее молчание. Я только вчера узнала это, но не могу сказать, от кого. Оказывается, и в самом деле есть путь к бегству в тот счастливый мир, который мы постоянно видим во сне. Нужно только правильным образом сосредоточить свои мысли...

— Тссс!

На этот раз беседа прервалась из-за приближения Торна. Ему удалось поймать еще несколько подробных разговоров.

Настроение его понемногу менялось. Любопытство его никоим образом не было удовлетворено, но все же как-то подавлено. Конечно, у него появились свои мысли об услышанном, особенно по поводу замечания о «новой проверке», которая могла служить только для того, чтобы вылавливать таких, как он, и о «бегстве в счастливый мир», так как это был именно тот мир, куда попал другой Торн, но теперь для этого это было неизвестным. Лихорадка демонической деятельности улетучилась и наступила депрессия. Нормальный мир чувств человека одержал верх, и он уже мечтал о своем нормальном мире.

Появилось раскаяние в том, что он покинул Клоули и свой собственный мир, чтобы решить чисто личные моральные проблемы. Он не имел ни малейшего представления, сколько расстройств и опасностей может принести другой Торн его другу Клоули, ведь тот не имел никакого представления о том, что случилось, ему не следовало доверять. И это при том, что теперь, после его исчезновения, безопасность мира зависела только от Клоули.

Правда, Торн вынужден был согласиться, что вряд ли существовала опасность для его собственного мира, если речь шла только о существах, бежавших от этой печальной доли. Если речь идет о серьезных мероприятиях со стороны этого неизвестного правителя, то тогда опасность было трудно переоценить.

Широкая улица заканчивалась перед возвышением. Торн начинал его ненавидеть. Она представлялась ему нудной, монотонной работой, и голубоватый свет фонарей не позволял видеть ближайшие окрестности. В конце улицы было видно большое скопление людей, видно, там опять производилась своеобразная проверка.

Это подтолкнуло его к окончательному решению. Он дождался подходящего момента и украдкой пробрался через жилую изгородь.

Несколько минут спустя он, задыхаясь, присел на возвышении. Одежда была грязной. Он с облегчением бросил взгляд на мерцающие в темном ночном небе звезды, а потом осмотрелся.

Ему показалось, что все было в порядке. В тот же час поднялась надежда, что, забравшись на эту высоту, он опять попадет в свой мир. Точно в том же направлении светилось

высокое здание Опалового Креста. Правда, там виднелись еще несколько темных зданий, не знакомых ему.

Связующий мост между двумя мирами, казалось, находился в абсолютной темноте. Но ему как-то нужно достичь одного конца этого моста.

А где же гигантское здание Голубого Лорена? И где другие небоскребы, вид которых ему был так знаком и чьи контуры должны были четко виднеться в такую ясную ночь?

Его взгляд упал на высокое темное здание, высота которого, видимо, превосходила высоту Голубого Лорена. В центре здания вздымалась высокая башня, из которой отходили пять одинаково симметричных крыльев. Оно выглядело гордым символом жаждущих власти королей.

Неожиданно ему в голову пришло название: Черная Звезда.
— Кто там наверху? Немедленно спуститься!

Торн обернулся.

Голубой свет уличных фонарей падал на двух мужчин, находившихся посредине склона холма. Они смотрели вверх, на вершину. Положение их рук выдавало, что они направляли на Торна Оружие.

Он не шелохнулся: голубой свет достиг его. Чувства обострились. Мгновенно трое мужчин застыли, каждый в соответственном положении.

Торн чувствовал, что эти люди хотят убить его.

— Немедленно спускайся вниз!

Он бросился плашмя на землю. На этот раз не было никакой иглы зеленого света, но что-то прожужжало в траве совсем рядом с его ногами.

Он, согнувшись, бросился вперед и через несколько шагов оказался на противоположном склоне и исчез в густой поросли леса.

Под ногами шуршали опавшие ветки и сухая листва, а над ним поднимались низкие ветки отдельных деревьев.

Вдруг впереди себя он услышал несколько криков и прыгнул в сторону, в высохшее русло ручья, и пошел вдоль него. Через некоторое время крики донеслись и с этого направления. В следующее мгновение что-то зажужжало в темном небе, а потом лес осветился сверху ясным белым светом, казалось, ярче солнечного.

Торн забился в заросли.

Преследователи рассыпались вокруг его укрытия, под их ногами шуршал галечник ручья.

В этом ослепительном свете кустарник показался ему надежным укрытием, но теперь он не мог рисковать недуманным движением.

Торн очень медленно поднял голову и всмотрелся сквозь ветки: вдруг он заметил, что его правая рука сжимает маленький металлический цилиндр, который он перед этим нашел в кармане своей одежды. Видимо, убегая, он рефлексивно вынул его.

Он рассмотрел предмет и спросил себя, может ли это быть каким-то оружием. Цилиндр имел две рукоятки, назначение которых было Торну незнакомо. Возможно, он смог бы применить эту штуку как-то в последнее мгновение.

До его ушей донесся шорох сухих листьев, и он осторожно посмотрел сквозь ветки. На другом берегу пересохшего ручья стояла фигура.

Ослепительный свет падал на серую униформу, а на плече блестела черная звезда.

Торн немного подался вперед и развел ветки куста. Мужчина обернулся, и лицо его можно было узнать. У Торна перехватило дыхание.

— Клоули! — хрипло выкрикнул он, выскакивая из укрытия.

В первое мгновение Клоули совершенно ничего не предпринял, но затем с кошачьей проворностью отпрыгнул в сторону. Торн споткнулся на каменистом грунте русла, и металлический цилиндр выскользнул из его рук.

Клоули вынул какое-то оружие и направил его на Торна. Послышалось тихое шипение, и Торн почувствовал вгрызающуюся боль в правом плече.

Он остался лежать на земле, а боль расходилась из плеча по всему телу. Плечи, казалось, пронзили раскаленные иглы, приколовшие его к земле.

Он медленно поднял голову — и тут в него ворвалось ужасное знание.

Клоули, этот Клоули — улыбался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Клоули прекратил бесплодные поиски и присел на письменный стол Октава. Его лицо стало похожим на застывшую маску. Комната была в том же состоянии, какой он застал ее утром. Дверь в коридор была притворена и на стуле висел утренний халат Октава. Дверь в соседнюю комнату была

открыта, и, казалось, что Октав вышел для какой-то мимолетной надобности.

Клоули спросил себя, какой импульс заставил его вернуться на это место. Конечно, он отыскал здесь чрезвычайно много беспокоящих его вещей. Прежде всего это было собрание рукописей на пергаментных листах, родом, по-видимому, из средневековья. Несколько других предметов, похоже, были тоже из той же эпохи.

Клоули искал конкретные точки опоры, которые могли бы помочь решить стоящую перед ним проблему.

Как и раньше, он был убежден, что эта комната была центром широкой сети, своего рода ключом к решению всей проблемы, но он не имел ни малейшего представления, как применить этот ключ.

Торн?

Это была особая проблема, хотя и возрастом всего в несколько часов, но все же полная таких возможностей, которые действовали на нервы.

Он нервным движением достал из кармана листок, который недавно нашел на письменном столе Торна в их общем кабинете. Это была короткая записка, но почему-то никто не видел, как и когда Торн положил ее на стол.

«Появилось дело наивысшей важности. Я должен привести в порядок все сам. Отложи все другие дела до моего возвращения. Торн.»

Без сомнения, это был почерк Торна, но Клоули все же как-то казалось, что Торн написал эти строчки под каким-то чужим влиянием. Сама записка была не более чем просьбой об отсрочке.

С другой стороны, очень это было похоже на Торна — он сам брался за дело, если в тот момент не видел другого выхода.

Конечно, для Клоули было бы самым простым последовать указаниям записки и бросить все как есть, но он уже запустил в ход большую поисковую операцию и даже обратился в соответствующие органы и службы.

Он побарабанил костяшками пальцев по крышке стола.

Научное исследование?

Но исчезновение Торна и решение Всемирного Комитета связало ему руки, и он вряд ли что-то мог предпринять в этой области. Кроме того, он уже пришел к убеждению, что эти научные исследования были слишком затяжными, чтобы при данных обстоятельствах привести к каким-то приемлемым результатам.

Всемирный Комитет?

Но как же ему убедить этих людей, даже если несмотря на все красноречие ему не удалось это сделать в прошедшую ночь?

Его собственные мысли? Но как с помощью их перейти в наступление?

Он все более был убежден: должны существовать какие-то темные пути, ведущие из его подсознания в чужой мир — и один из путей мог бы привести его к двойному существованию, о котором он инстинктивно догадывался. Если ему удастся сконцентрировать свои мысли на одном из таких пунктов, возможно, он сможет попасть на один из этих путей.

Эти дороги, казалось, начинались в каких-то темных точках его подсознания. Если Торн действительно попал в тот самый мир, то ему нужно следовать за ним той же дорогой.

Но этим он не приблизится к решению своей проблемы, так как это был шаг в неизвестное, возможно, самый последний выход.

Для решения проблемы нужны люди, с которыми можно было бы приняться за дело.

Стук костяшек по столу затих.

Может, эта комната действует на нервы? Комната, в которой, казалось, была цель, связывающая прошлое с будущим, а сама остающаяся во вневременье.

Теперь здесь не было Октава, который, может быть, мог указать ему верный путь.

Сама проблема казалась совсем не сложной: где-то существует угроза Земле.

Но когда он сможет это установить?

Он склонился над письменным столом и включил видео-прибор. Его взгляд обегал Голубого Лорена один за другим, бежал по бесконечным коридорам этого гигантского здания. На экране появились центры развлечения и отдыха, в которых люди разнообразно проводили время. Там было и школьное отделение с учебными кабинетами для детей, там были гигантские цехи с их мощным оборудованием. Были гигантские кухни, где деловито сновали повара и поварихи. Там были, наконец, игровые залы, где всегда царил радостный смех.

Все это были атрибуты свободной, счастливой жизни. Да, это был богатый, счастливый мир, ничего не подозревающий о бездне, зияющей перед ним.

Люди жили в свое удовольствие, не заботясь ни о чем другом.

Танец на вулкане.

Лицо Клоули дрогнуло. Он вдруг сам себе показался тем самым старым божеством, что взирает с Олимпийских высот на гибнущий мир.

Если бы он мог встряхнуть этих беззаботных людей, показать угрожающую им опасность!

Ему вспомнились слова Октава.

— Вооружи этот мир, чтобы он не оказался беззащитной жертвой в руках охотников, ты должен назвать им любую причину — поставить перед их глазами опасность — Марс...

Марс!

После внезапного исчезновения Октава Клоули больше не размышлял над этим намеком, но теперь он как-то сразу пришел ему в голову.

Симулировать агрессию с Марса!

Для этого нужно немного подправить сообщение первой экспедиции к Марсу, таинственное исчезновение кораблей, приближение неизвестных агрессоров, слухи о диких схватках, разыгравшихся в космосе...

Файрмур из Межпланетного общества был его другом и верил в его теорию. Кроме того, Файрмур был человеком, не боящимся никакого риска. В его отделе было много молодых мужчин, вырезанных из того же дерева.

Значит, что-то может получиться!

Несожиданно он покачал головой. Слух о такой агрессии был преступной затеей. Такой план невозможно было проводить. Может он находится под каким-то гипнотическим воздействием со стороны Октава?

И все же...

Нет! Нужно найти другой путь...

Он соскользнул с письменного стола и начал бродить по комнате. Оппозиция! Вот что ему было нужно, конкретный противник, с которым он мог бы бороться.

Он неожиданно остановился и спросил себя, почему же эта мысль не пришла к нему раньше.

Там было два человека, давно выступавших против него и Торна и изо всех сил пытавшихся подорвать их общую теорию. Два человека, и они вели себя почти как персональные враги.

Два члена Всемирного Комитета!

Конджерли и Темпельмар!

И Клоули немедленно отправился на своем летательном аппарате к уединенному дому Конджерли. Он на малой высоте парил над зеленым лесом, спугнув белку, быстро исчезнувшую на макушке дерева.

Немного времени спустя он приземлился перед домом Конджерли в обширной оливковой роще.

Здесь было очень тихо. Несколько пчел жужжало над цветочными клумбами, сладковатый резкий запах которых тяжело висел в воздухе. Все было залито ярким солнечным светом.

Клоули спокойно подошел к двери дома. Его рука пересекла горизонтальный световой луч, и в доме раздался мелодичный звон. Нигде ничего не двигалось и Клоули сделал вторую попытку.

И опять в доме все было тихо.

Клоули подождал.

Абсолютная тишина этого дома раздражала его и без того натянутые нервы. Такие жилые лесные участки находились вдали от всякого транспорта, и попасть сюда можно было только по воздуху.

Вдруг он услышал слабый ритмичный шум, поначалу перекрывавшийся жужжанием пчел. Шум доносился изнутри комнаты дома. Это было сдержанное похрапывание, но интервалы между вдохами были, казалось, неестественно длинными.

Клоули подождал мгновение, потом прыгнул ниже светового луча и вошел в дом.

Он осторожно прокрался вдоль широкого, темного коридора. Всхрапывания стали громче, и их звук привел к третьей двери.

Как только его глаза привыкли к полутьме, он увидел мужскую фигуру, вытянувшуюся ничком на кровати. Руки бессильно свисали по обеим сторонам кровати, и лицо мерцало ярким пятном. Грудь поднималась и опускалась через равные промежутки времени.

Клоули отдернул занавески на окнах и повернулся к кровати.

На полу стояла бутылка. Клоули поднял ее и понюхал, потом быстро поставил на место, так как это был наркотик.

Он потряс спящего за плечо — сначала осторожно, потом все сильнее.

Храп не прекращался.

Лицо Конджерли на первый взгляд было совершенно пустым и ничего не выражающим. Только внимательно присмотревшись, Клоули разглядел черты этой своеобразной личности.

Чем дальше Клоули изучал черты этого лица, тем сильнее в нем укреплялось убеждение, что его внезапное подозрение, явившееся еще в кабинете Октава, было совершенно безосновательным. Это был тот самый Конджерли, которого он знал с давних пор. Это был, возможно, чересчур здравомыслящий человек, тонкие морщины в уголках рта показывали, что он был своего рода болтуном, любившим переливать из пустого в порожнее. Но ни следа влияния загадочных существ.

Ритм дыхания изменился, спящий зашевелился. Его рука поднялась и провела по груди.

Клоули продолжал неподвижно смотреть. В дом снаружи проникала летняя жара.

Спящий перевернулся на своем ложе, и его рука беспокойно потянулась к воротнику утреннего халата.

И начались изменения. Клоули показалось, что лицо Конджерли как бы ушло в себя и погрузилось в безбрежное ничто, а осталась только пустая застывшая маска.

И эта маска вдруг закрылась совсем другим лицом, черты которого выражали открытую враждебность, и в них была свирепая решимость.

Спящий что-то пробормотал. Клоули наклонился вплотную к его рту. Лепет и бессвязные слова шли, казалось, из другого мира.

— ...генератор изменения времени... вторжен... три дня... мы... предотвратить мероприятия... пока...

Тихий, сдержанный шум от двери заставил Клоули обернуться.

В дверном проеме стояла высокая, крепкая фигура Темпельмара.

Он недоверчиво и враждебно глядел на Клоули...

В следующее мгновение Темпельмар снова овладел собой, и его лицо опять было совершенно спокойным, и он слегка приподнял брови.

— Ну?

Снова донесся тихий шум.

Клоули отступил на шаг, чтобы одновременно держать в поле зрения обоих.

Конджерли выпрямился и потер лицо, потом опустил руки и уставился на Клоули своими маленькими глазками.

— Ну? — спросил он резко, это было выражение, совсем не подходящее человеку, который только что лежал в глубоком сне.

В ушах Клоули все еще звучали странные слова, которые он только что слышал.

Он рассеянно пробормотал извинения.

— Я только что заглянул мимоходом, чтобы еще раз обговорить программу... услышал ваш храп... вошел в дом...

Ему было совершенно ясно, что он может рассчитывать на прямое нападение этих двух мужчин, захвативших его врасплох в фатальной ситуации. И в это мгновение он принял окончательное решение.

Он должен отыскать Файрмура.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Торн с опущенной головой и обвисшими плечами скорчился в своей темной камере. Его правая рука все еще была парализована и бессильно висела. На плечи, казалось, давило все здание черной звезды, в верхней части которого обитали «они».

Все внутри него было возбуждено, он против собственной воли попал в тот мир, это тело не принадлежало ему, и его мысли не могли бежать по своим обычным орбитам.

Но человеческий разум — этот прибор для непрерывных раздумий и мечтаний — неутомим.

Торн продолжал бороться с чужим влиянием и пытался навести порядок в своих мыслях. Возможно, он сможет выстроить какой-нибудь план. В первую очередь нужно было заняться проблемой, как сделать возможным возвращение в собственный мир.

Он говорил себе, что нужно как-то использовать разум, которым он был одержим в мире-1 — чтобы дать имя этому миру — именно как Торн-2 — чтобы дать имя самому себе — нужно попытаться найти ключ к собственным воспоминаниям в своем разуме. Эти мысли должны были привести к какому-нибудь решению, им ни в коем случае нельзя было потеряться в пустоте.

И если Вселенная -1 и Вселенная-2 — назовем их так — совершенно независимы друг от друга, то между ними не было связи ни во времени, ни в пространстве. Они не были ни близкими, ни далекими.

Между ними была только мысленная связь идентичных существ, и эта связь была вне всяких человеческих понятий.

Его транспортировка в Мир-2, казалось, была мгновенной, а отсюда логически следовало, что оба мира расположены как бы друг над другом. Какой над каким — зависело только от точки зрения наблюдателя, в том или ином мире он находился.

Так близко — и так далеко. В этой дьявольской одинаковости нужно было только вырваться из тяжелого сна — а мрак его камеры только усиливал это впечатление. Надо напрячь все душевные силы, чтобы добиться перемены мест между ним и Торном-2.

Он попытался сконцентрировать свои мысли через темную вечность и найти какой-то путь, которым можно было следовать, но все пути были заблокированы. Он непроизвольно спросил себя, не находится ли Мир-1 в его полных страстного ожидания мечтах и убежать из этого деспотичного мира, где было только горе и угнетение.

Если и есть какой-то ключ к возвращению в тот желанный мир, то он был не в состоянии найти его.

Дверь камеры открылась, и на пороге появился другой Клоули. На фоне светлой стены коридора выделялись темные фигуры двух охранников в мундирах.

Этот Клоули до последнего клочка был похож на другого, и абсолютное сходство было таким ошеломляющим, что Торн чуть не вскочил, чтобы радостно приветствовать его.

В сознании мелькнуло, что мысли этого Клоули тоже должны быть связаны с мыслями того, другого Клоули, которого он в своем мире называл своим лучшим другом.

Как зачарованный, Торн уставился на это холодное лицо. — Считай это комплиментом, — сказал Клоули-2. — Я должен лично передать тебя Слугам Народа. Решение твоей дальнейшей судьбы полностью в их руках. — Он тихо усмехнулся, но это не прозвучало злобно.

Выражения лиц обоих ожидавших в мундирах выдавали, что их жизнь прошла в многолетнем безусловном послушании. Слова Клоули совершенно не отразились на их лицах.

Торн медленно поднялся на ноги и побрел к двери, отдавая неизбежной судьбе. Он казался сам себе артистом в незнакомой ему до этого времени роли.

Он шагал вниз по длинному коридору, и оба охранника в мундирах следовали за ним по пятам.

— Ты похож на убогого преступника, совершившего покушение, если позволительна моя грубая критика, — сказал

некоторое время спустя Клоули-2.— С твоей стороны было совершенно неуклюже назвать мое имя в совершенно неподходящих условиях. Тогда ты просто выбросил свое оружие на дно ручья. Нет, ты не можешь утверждать, что вел себя очень уж ловко. Боюсь, что своим возгласом ты не удовлетворишь званию опаснейшего саботажника нашего мира. Ну да, ты был немного сбит с толку.

Торн чувствовал, что за этими словами больше, чем ему показалось сначала. Несомненно, Клоули-2 давно заметил, что тут что-то не так, и пытался выяснить, что же это могло быть.

Торн был настороже. В темноте своей камеры он принял твердое решение ни при каких обстоятельствах не выдавать, что он родом из другого мира. Возможно, что они сочтут его сумасшедшим — и это было бы для него самым подходящим. Но он понимал, что вряд ли можно на это рассчитывать.

Клоули-2 с любопытством разглядывал его.

— Ты довольно скуп на слова, верно? Если я верно припоминаю, ты при последней встрече напал на меня с горькими словами, но, может быть, ты уже понял, что своим поведением ничего не добьешься? Но я боюсь, что ты понял слишком поздно.

Они продолжили свой путь.

— Ты должен понять, что это ты меня ненавидишь. Я же никого не ненавижу.— Клоули-2 бросил короткий взгляд в сторону Торна и на вяло болтающуюся руку.— О да, я иногда вынужден причинять людям боль, но это зависит не от меня, а от обстоятельств. Идеал, к которому я стремлюсь — всегда действовать только по обстоятельствам и не давать волю чувствам — ни любви, ни ненависти, ни чувству ответственности. Для меня достаточно лишь овладеть положением и ситуацией.

Торн слегка вздохнул. Эти слова точно соответствовали тому, что часто говорил Клоули-1, если был чем-то особенно разгорячен. Этот человек, очевидно, что-то пытался вытянуть из него, иначе он никогда так свободно и откровенно не говорил бы с ним.

Клоули-2 чувствовал к нему необычную симпатию и пытался найти объяснение этому странному для него чувству. Возможно, идентичность мыслей и ощущение идентичных существ была не такой уж сильной, как казалось сначала. И возможно, мысли и ощущения Клоули-1 достигали Клоули-2.

Все это было необыкновенно запутанным и Торн облегченно вздохнул, когда они вошли в большой зал, так как он нашел удобный случай немного дольше думать о своих ответах на это множество вопросов...

Помещение представляло очаровательный вид, оно казалось разделенным на две части широкой белой полосой на полу. И над этой полосой, казалось, висела табличка:

П Е Р Е С Т У П А Т Ь З А П Р Е Щ Е Н О !

На одной половине на жестких скамьях сидело несколько человек, на большей части из них были обычные серые рабочие костюмы, а некоторые были затянуты в темные мундиры. Очевидно, они чего-то ждали — приказов, разрешений, приговора, беседы. Это был типичный, наводящий скуку вид людей, вынужденных ждать.

— Они ничего не знали!

Эти слова ворвались в мозг Торна, пока он рассматривал их.

На другой половине за письменными столами сидели шестеро мужчин. Они олицетворяли здесь абсолютный авторитет. Их одежда почти не отличалась от одежды остальных людей, и обстановка помещения была спартански проста. Но в их осанке и взглядах была видна бездна, зияющая между ними и ожидающими на другой половине зала людьми. Торну было достаточно двух слов, чтобы описать это:

— Они знали!

Неожиданное появление Клоули-2 вызвало сенсацию среди ожидающих. Торн видел их испуганные взгляды, что Клоули-2 пришел не ради них. Оба охранника в мундирах, казалось, тоже почувствовали облегчение, когда Клоули-2 скупым движением руки отпустил их.

Торн поймал еще один взгляд, который сначала не мог никак объяснить. Этот взгляд был направлен не на Клоули-2, а на него, и это был взгляд мужчины в сером рабочем костюме, лицо которого не казалось Торну знакомым ни по этому, ни по его собственному миру. Взгляд выражал, казалось, симпатию и — странным образом — какую-то верную привязанность.

Если Торн-2 в этом мире действительно был вождем мятежников, тогда такой взгляд и подобное поведение было бы как-то объяснимо. Торн пораженно спросил себя, не выдал ли он своей затеей подпольное движение.

Клоули-2, видимо, был хорошо знаком людям за письменными столами.

— Я доставлю этого человека в Зал Слуг Народа,— кратко сказал он и беспрепятственно покинул зал.

Они опять вышли в широкий коридор, и здесь декорации совершенно переменились. Через несколько шагов они подошли к субтронной шахте.

Осторожный косой взгляд на Клоули-2 показал Торну, что он должен сделать вид, будто ему совершенно незнакомы эти достижения субтронного века.

Со времени неожиданного появления в Мирс-2 мысли Торна впервые потекли ясно и в нужном направлении. Возможно, причиной был знакомый вид этой субтронной шахты.

Видимо, современная субтронная техника была сохранена в тайне по эту сторону линии раздела для маленькой элитарной группы. На другой же стороне этой линии он не нашел ни малейших признаков наличия такой техники. Это могло быть объяснением того, что рабочим и солдатам на другой стороне линии были совершенно незнакомы смысл и назначение производимых ими инструментов и приборов. Этим же могла объясняться и большая производительность труда, которую требовали от людей: уровни жизни обеих групп существенно различались, и отдельные вопросы снабжения решить было нелегко.

Но каким было соотношение первого и второго миров?

Должна быть какая-то связь между ними, так как нелегко, чтобы два разных и независимых друг от друга мира одновременно имели Опаловый Крест Торна, Клоули и многие совпадения. Если можно допустить эту возможность, то можно допустить и все другое.

Нет, Мир-1 и Мир-2 должны быть результатом изменения хода времени, чем бы ни было вызвано это изменение. Кроме того, это изменение хода времени случилось относительно недавно — иначе было бы необъяснимо, что эти два мира населены существами-двойниками, если бы это изменение было проведено сто или более лет назад.

Это изменение в ходе времени должно было состояться — конечно же! — в то время, когда Мир-1 начал постигать тяжелые кошмары, а это случилось около тридцати лет назад.

Торн недоверчиво покачал головой. Как же могли эти два мира за такой относительно небольшой срок так сильно отдалиться друг от друга?

Один мир был свободным, тогда как в другом царила ужасная деспотия. В одном мире жили добрые порядочные люди, а народ другого угнетался маленькой группой эмоци-

ональных чудовищ. Невозможно представить, что природа людей — людей, которые уважали и любили,— могла зависеть только от обстоятельств.

И все же: современный мир постоянно менялся. Часто возникали войны, вспыхивали совершенно неожиданно. За считанные недели и месяцы в технике совершались настоящие революции.

В Мире-1 изобретение и развитие субтронной техники использовалось на благо всего человечества, в то время как правительство Мира-2 поставило все для себя и держало в строжайшей тайне.

Но должна же быть какая-то возможность проверки.

— Ты еще помнишь что-нибудь из нашего детства? — неожиданно спросил Торн.— Мы всегда играли вместе и постоянно клялись в вечной дружбе.

Они поднялись в ярко освещенный коридор, и Клоули-2 повернулся к своему пленнику.

— Ты все-таки раскисаешь,— удивленно ответил он.— Этого я от тебя не ожидал. Да, конечно, я помню это.

— А потом, года два спустя,— неуклонно продолжал Торн.— Наш планер рухнул в озеро. При падении я потерял сознание, и ты вынужден был спасти меня, тащить до берега.

Клоули-2 рассмеялся, но морщинки в уголках рта губ стали глубже. Он казался сбитым с толку.

— Ты действительно считаешь, что я спасал тебя? Ну, это явно противоречит всему тому, как ты позднее обошелся со мной. Нет, тебе должно быть хорошо известно, что я тогда поплыл к берегу. Это был день, когда я впервые понял, что я — это Я, а все остальное зависит от соответствующих обстоятельств.

Торн содрогнулся. С одной стороны, он наконец разгадал этого человека, а с другой — он мог установить, когда изменился ход времени. Все в нем воспротивилось этому.

— В мире нет места для двух человек с одинаковой точкой зрения,— сказал он с горьким вызовом.

— Конечно— только одному,— смеясь, ответил Клоули-2. Он наморщил лоб и, помедлив, добавил как бы против воли.— А почему же ты не хочешь попытаться еще раз? Твой единственный шанс перед Слугами Народа в том, чтобы показаться нужным инструментом. И ты постоянно должен думать о том, чтобы и они представили обстоятельства, к которым нужно приспособиться.

В первое мгновение у Торна появилось чувство, будто Клоули-2 смотрит на него глазами Клоули-1. Пока он пытался внести хоть немного ясности в это множество ворвавшихся в него мыслей и чувств, они вышли на широкую платформу. Клоули-2 ухватил его за руку и повел к другому проходу.

— С этого момента больше никаких разговоров,— сказал он предупреждающе,— лучше думай о моем совете.

Он подошел к двойному мосту.

— Человек для Слуг Народа,— сухо сказал Клоули-2, и их пропустили.

В конце коридора они подошли к серой двери без номера и какой-либо надписи. В стене была маленькая неприметная боковая дверь.

Клоули-2 нажал какую-то скрытую кнопку, и боковая дверь открылась. Торн прошел за ним через порог. Через несколько шагов по темному коридору они вышли в просторный зал.

Клоули-2 остановился и опять нажал какую-то кнопку. Маленькая дверь позади захлопнулась на замок.

Клоули-2 оперся спиной на нее, и в уголках его рта заиграла тихая усмешка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Зал был стандартно обставлен минимумом мебели. Гладкие, серые стены были совершенно голыми.

За подковообразным столом сидело одиннадцать мужчин. Их серая, похожая на мундир одежда была предельно скромной. Несколько человек были лысыми, у остальных же были видны седые или белые, как лунь, волосы, но все были очень старыми. Они в застывших позах сидели на своих стульях.

Торн обежал всех взглядом и с удивлением вынужден был отметить, что Слуги Народа не выглядели злыми и несущими гибель.

При более внимательном рассмотрении он все же спросил себя, не скрывается ли за этим что-то еще более плохое. Пуританская жестокость, не оставляющая места для юмора. Гипертрофированное чувство ответственности, будто все заботы мира лежат на их плечах. Отеческий авторитет, рассматривающий всех остальных, как безответственных детей. Выражение беззаветного служения было таким преувеличенным, что казалось эгоистичным. Они полностью осознавали

свою большую власть, и простота их одежды вступала в явное противоречие с сознанием этого.

Торну не хватало времени приобрести это впечатление, он не смог разглядеть внимательно лицо каждого в отдельности, хотя он как-то чувствовал, что, по крайней мере, некоторые из них были ему знакомы в какой-то мере. Его внимание было направлено на человека у края стола, на котором скрестились все взгляды.

Казалось, этот человек относится к этому миру, его вид и одежда не давали повода усомниться в этом.

И все же это был Конджерли.

— Мне скоро нужно возвращаться назад, — сказал он. — Наркотики, которыми я дышал в другом моем теле, скоро прекратят свое действие, и если другой придет в сознание, провести обмен будет очень трудно. Темпельмар, конечно, дежурит там, и он может дать телу дополнительную дозу, но это опасно. Мы не будем больше проводить обмен — если этого можно будет избежать. Риск все увеличивается. Приходится постоянно считаться с тем, что будут блокированы духовные каналы, и в таком случае могут быть опустошительными последствия.

— Совершенно верно, — заметил мужчина из рядов Слуг Народа, у него была высокая худощавая фигура и он, по видимому, исполнял здесь роль представителя. — Дальнейший обмен вряд ли необходим, так как я не жду больше затруднений.

— Тогда я должен попрощаться, — продолжал Конджерли. — Трансвременная машина готова, и вторжение состоится через три дня в назначенное время. До этого времени мы будем препятствовать Всемирному Комитету готовить соответствующие мероприятия.

Торн немного подался вперед, он почувствовал, что сейчас должно произойти.

Клоули-2 положил на его руку свою.

Конджерли наклонил голову и застыл в этой позе.

Двое охранников в мундирах пересекли зал и встали рядом с ним по бокам.

Полминуты ничего не происходило.

Неожиданно по телу Конджерли пробежала дрожь. Он непременно рухнул бы на пол, если бы охранники не подхватили его. Тяжело дыша, он бессильно обвис на их руках.

Когда он поднял голову, выражение его лица совершенно изменилось. Он показался Торну больным, полуодурманенным человеком.

— Где... что... — заикаясь, пробормотал он едва разборчиво. Охранники потащили его к двери. Вдруг его взгляд прояснился и он, казалось, осознал ситуацию. — Вы не имеете права запереть меня! — отчаянно закричал он. — Я — Конджерли, я Член Всемирного Комитета. — Он смотрел через плечо назад, лицо его было мертвенно-бледным. — Кто вы? Что вам нужно от меня? Почему меня одурманили? Что вы сделали с моим телом? Что вы со мной собираетесь делать? Что...

Охранники утащили его за дверь.

Худощавый председатель опустил взгляд.

— Неприятный случай, но неизбежный. Если мы возьмем этот мир под свой контроль, тогда можно будет, к счастью, избежать подобных ситуаций — исключая, конечно, те случаи, в которых участвуют саботажники.

Стоящие за столом молча закивали.

Торн вздрогнул, когда рядом с ним раздался язвительный смех. Он был совершенно неожиданным.

Все глаза повернулись в этот угол.

Клоули-2 небрежно шагнул вперед.

— Что означает этот смех? — резко спросил председатель, сморщив на лбу две складки. — И кого это вы притащили в этот зал, не проинформировав нас? Мне кажется, мы дождемся, что однажды вы зайдете слишком далеко в своем неуважении к предписаниям.

Клоули-2 не обратил внимания на эти замечания. Он подошел к столу, оперся о него обеими руками и обвел взглядом всех сидящих.

— Я вынужден был засмеяться, так как невольно подумал о том, что в другом мире вы будете находить исключительно саботажников. Должно быть, трудно будет мириться с той ситуацией, но вам все же надо считаться с обстоятельствами. У вас вряд ли будет выбор, кроме как искоренить большую часть жителей этого другого мира.

— Об этом нам ничего не известно, — холодно возразил председатель. — Лучше позаботиться о том, чтобы благодаря вашим странным взглядам не потерять наше доверие. В это критическое время мы нуждаемся в вашем умении. Да, вы хорошее орудие, и только глупец разрушит орудие, в котором постоянно нуждается. Но есть границы и этому, и если до них дойдет, то все будет выглядеть, конечно, совсем иначе. Что же касается сбитых с толку жителей того мира, то ведь вы же сами знаете, что мы руководствуемся самыми лучшими намерениями.

— Конечно,— с широкой улыбкой согласился Клоули-2.— Но задумайтесь на мгновение о том, что произойдет на самом деле. Через три дня трансвременная машина произведет субтронную изоляцию, в результате чего образуется участок, который свяжет между собой два мира. В это место вы направите свои боевые силы. Они придут как иностранные интервенты, распространяя вокруг только страх и ужас. Конечно, на их стороне будет преимущество внезапности, но уже очень скоро они натолкнутся на сопротивление сил, тоже обладающих субтронным оружием. В нашем мире такое сопротивление было бы ограничено маленькой группой, руководящей необученными и невежественными массами, но там это будет сопротивление людей, которые любят свободу и на своем уровне развития никогда не смирятся с диктатурой, даже если эта диктатура преследует самые лучшие цели. Это сопротивление никогда не прекратится, пока их мир не станет похож на поле субтронной битвы или пока вы сами не будете вынуждены провести субтронное уничтожение, чтобы потом по узкому мосту вернуться в этот мир. Это должно отчетливо стоять перед вашими глазами.

— Вовсе нет,— безжалостным голосом ответил председатель.— Наше вторжение будет проведено без всякого кровавого столкновения, хотя мы на всякий случай должны быть вооружены. В подходящий момент Конджерли и Темпельмар захватят так называемый Всемирный Комитет и задуют в корень всякое сопротивление. Большинству жителей того мира совершенно ничего не известно о механизме действия субтронных сил, и поэтому они не представляют никакой опасности для нас. И уже спустя короткое время люди с благодарностью признают наши добрые намерения и будут приветствовать освобождение их от их безответственных правителей. Нам останется лишь позаботиться о дальнейшей безопасности мира, выявив всех техников и ученых, знакомых с тайной субтронных сил. И в связи с этим нам, конечно, не следует пугаться возможных насильственных мер. Никогда и ни при каких обстоятельствах мы не должны терять из виду нашу конечную цель — мир или, вернее, оба мира. Сбереечь их от опасности субтронных сил, которые всегда должны находиться в руках маленькой элитарной группы избранных.

Торн, пораженный, отступил на шаг. Самая серьезная опасность состояла в том, что эти Слуги Народа были твердо убеждены в том, что действовали на благо человечества своего мира — или двух миров.

— Совершенно верно, — ответил Клоули, все еще улыбаясь. — Но вы проглядели последствия, которые возникнут из этого. Уже сейчас ваша тайна под угрозой со всех сторон. Уже существует обмен между двумя мирами, и беглецы из нашего мира постоянно попадают в другой мир. И они узнают, что жители того, другого мира в принципе не враги нам, а союзники — это только вопрос времени. Одновременно вы должны считаться с тем, что в любое время в наш мир может попасть один из их ученых в области субтроники, и если он здесь свяжется с саботажниками, то вы можете оказаться лицом к лицу с войной в двух мирах. Ваш единственный шанс, который я, к счастью, хотя бы частично вижу, состоит в немедленном жестоком ударе и уничтожении этого другого мира. Потом вам останется лишь очистить и этот мир от тех, кто попал к нам оттуда. Если вы не пойдете на это с самого начала, это будет роковой слабостью. Было бы намного лучше, если бы вы отбросили свои псевдоблагие намерения и поняли, что единственное логически верное решение — уничтожение.

Клоули-2 самоуверенно покачался на пятках и обвел внимательным взглядом одиннадцать сидящих за столом мужчин.

Отношение Слуг Народа к Клоули-2 было очевидным: они обращались с ним как с гениальным, но дурно воспитанным ребенком, которого часто бранили, но никогда не наказывали.

Этот Клоули-2, казалось, несомненно был личностью. Ему не хватало только человечности Клоули-1.

Во всяком случае, было совершенно ясно, что Клоули-2 не только не хотел дрейфовать в потоке жизни, но игнорировал все принципы, и на этот раз он продвинулся в этом еще на шаг.

Председатель долго молча смотрел на него.

— Напрашивается вопрос, не является ли причиной вашей настойчивости и упорства в вашем мнении какое-либо душевное расстройство. Мы откажемся от сотрудничества с вами в качестве ценного оружия немедленного действия.

— Сначала я хотел бы предложить вам допросить человека, которого я привел. Вы будете рады узнать, кого я вам доставил.

И он указал на Торна.

Все взгляды устремились на Торна.

У Торна мелькнула мысль о побеге и на этот раз настойчивее. Ведь он же видел, как это сделал Конджерли. Если

он сконцентрирует мысли в нужном направлении, то здесь перед Слугами Народа должен появиться другой Торн, чтобы ответить за свои действия, а сам он будет спасен. Ведь он должен предупредить свой мир.

Но тем временем он медленно поворачивался к столу. Это его ноги волочили по серой мозаике пола, его пересохшее горло не могло сглотнуть, его холодные руки, сжимавшиеся в кулаки и снова разжимавшиеся.

Лица одиннадцати старых мужчин начали расплываться перед его глазами, потом взгляд снова стал четким.

Он остановился у стола.

— Боюсь, что мое время, как вашего ценного орудия, пройдет еще не скоро,— услышал он голос Клоули-2.— Вот стоит ваш главный враг, которого я поймал собственноручно. Вчера вечером мы устроили облаву на штаб-квартиру саботажников, и он попал в руки мне. Он пытался бежать, я догнал его на Горе и схватил его, руководителя саботажников, Торна 37-2-82.

Реакция Слуг Народа, очевидно, была совсем иной, нежели ожидал Клоули. Он мрачно смотрел на него.

— Безответственный ребенок! — порывисто воскликнул председатель.— Разве вы не слышали, как Конджерли сообщил, что он совершенно точно знает, что между Торнами произошел обмен? Этот человек не саботажник, а существо из другого мира — шпион! Вы как раз сыграли ему на руку, дав возможность разведать наши планы.

Торн почувствовал враждебность этого Слуги Народа. Он невольно отступил на шаг, но был не в силах отвести взгляда от этих людей.

Председатель опустил руку.

— У нас осталась единственная возможность.— Он вынул руку из-под стола, она сжимала блестящий предмет.— Мы должны уничтожить это чужое существо, прежде чем у него появится возможность к повторному обмену...

Оцепеневший Торн увидел, как Клоули-2 прыгнул вперед.

— Нет! — услышал он его крик.— Погодите! Разве вы не ви...

Больше он ничего не слышал, но точно знал, что хотел сказать Клоули-2 и почему он хочет это сказать. Теперь он знал также, как Торну-2 удалось перед лицом смерти поменяться с ним местами. Он знал, что намерения председателя должны были быть напрасными. Наконец, он нашел необходимый импульс, это был блестящий предмет, зажатый в руке председателя.

Казалось, цепи, связывавшие его до сих пор, вдруг разлетелись, и он погрузился в глубокую, безбрежную тьму...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Торн не спрашивал себя, почему место его отдыха было таким темным, затхлым и жестким, он не спрашивал также и о том, откуда доносился запах горящего дерева. Он был совершенно удовлетворен тем, что может лежать здесь и медленно приходить в себя. В первую очередь он хотел забыть об ужасном путешествии, которое было позади. Он содрогался при мысли о Мире-2. Ему почему-то казалось, что он очнулся после тяжелого гнетущего сна.

В следующее мгновение ему надо проснуться, чтобы сделать все запланированное. Он знал, что может успокоиться только тогда, когда предупредит мир о грозящей опасности и предпримет все необходимое, чтобы предстоящее вторжение было отбито. Для этого нужно мобилизовать все силы.

Но сначала он отдался абсолютному покою этого мирного мгновения.

Ему показалось странным, что он не кашляет от дыма костра и может так удобно лежать на этом жестком ложе.

Издадека донесся жуткий вой, он звучал так приглушенно, словно доносился из глубины земли. И он звучал угрожающе.

Торн немного приподнялся. Его рука коснулась грубого скалистого потолка и медленно ощупала скальные стены по обеим сторонам ложа.

Вой доносился не из глубины земли, а он сам находился в какой-то норе.

Что, черт побери, мог делать Торн-2 в пещере Мира-1?

Почему на нем была эта тяжелая странная одежда, состоявшая, казалось, из шкуры и высоких сапог?

Зачем ему этот длинный нож, торчащий за поясом?

Темнота вокруг наполнилась опасностями. Он в лихорадочной спешке еще раз ощупал пространство вокруг и установил, что это была своего рода камера, в центре которой он, Торн, мог стоять почти во весь рост. В стенах были дырки, и пол был неровным.

В одной из стен было низкое отверстие. Торн опустился на четвереньки и медленно влез в него.

Узкий проход пологого отверстия вел вверх, и запах дыма усилился. Через несколько поворотов замерцал серый сумрачный свет дня.

Проход стал выше, и он мог выпрямиться почти во весь рост. Перед ним была широкая пещера, ведущая наружу.

Перед пещерой распространялась широкая местность, состоящая, казалось, главным образом из грубых скал и нескольких взъерошенных ветром елей. На всем лежал толстый белый снежный покров.

Торн лишь скользнул беглым взглядом по этой местности, его внимание привлек костер у входа в пещеру. Поднимающиеся клубы дыма делали окружающий мир расплывчатым.

Костер как-то привлек его внимание. Он и сам не знал, почему. Разглядев его внимательнее, Торн заметил, что костер разложен и устроен очень умело. Поленья были сложены так, что падали в огонь только тогда, когда сгорали предыдущие. Кто бы ни разложил этот костер, он прежде всего стремился к тому, чтобы тот не мог гореть много часов.

Почему он тратит время, удивленно разглядывая этот умело сложенный костер?

Оторвав взгляд, он повернулся вокруг в своих тяжелых сапогах, которые бог знает где добыл Торн-2, и подошел снова ко входу в пещеру.

До его слуха донесся скрежет когтей по скале, создавая беглое впечатление быстро удиравшего зверька.

Перед пещерой круто вниз уходила скальная стена и на дне маленькой долины угадывалась замерзшая река. Над долиной висели тяжелые серые облака, и уже недалеко были сумерки. Горизонт закрывали вздымающиеся скалы. Было ужасно холодно.

Вся эта декорация показалось как-то знакомой.

Может быть, Торн-2 сошел с ума?

Иначе зачем ему было забираться в пещеру?

Будто именно это и должен был сделать, хотя трудно было понять, как это ему удалось за такое короткое время.

Было бы сумасшествием вернуться в собственный мир и умереть от голода в этой захолустной дикой местности или пасть жертвой диких зверей, которые, несомненно, бесчинствуют здесь.

Первым делом ему нужно взобраться на скальную стену, возможно, оттуда будет виден какой-нибудь знакомый небоскреб, на который можно сориентироваться.

Вдруг он понял, что эта долина имеет чертовское сходство с той, что находится рядом с театром на открытом воздухе и что в детстве они с Клоули часто бродили по ней. Очень характерной и незабываемой была форма реки.

И все-таки это не могла быть та самая долина.

Совсем не такой была долина, и лес на зеленых холмах был намного гуще. Кроме того, определенно было много похожих долин.

Он осмотрел тяжелую одежду, которую носил Торн-2. Его взгляд упал на ладони и он, пораженный, зажмурился.

Он долго сидел с закрытыми глазами, и даже когда над ним зашуршал какой-то зверь и со скалы посыпались мелкие камушки, он остался в этой позе.

Торн снова пришел к решению взобраться на скальную стену, чтобы сориентироваться на широком обзоре и определить свое местонахождение, а уж потом заняться подробным изучением своих рук и лица.

Это было, скорее, принуждением, чем свободным выбором.

Он подошел к каменной скамье у входа в пещеру и у него опять появилось мимолетное ощущение, будто где-то поблизости какой-то маленький зверек обратился в бегство. Он едва ли был больше кошки.

Торн поднял взгляд вверх и поискал путь, извилисто ведущий к вершине. И затем решительно начал подниматься.

Через несколько шагов он увидел нечто, что заставило застыть на месте.

Примерно в десяти метрах впереди на выступе скалы сидели три кошки и неподвижно разглядывали его.

Несомненно, это были обычные домашние кошки, хотя и со странно густым мехом.

При нормальных обстоятельствах невозможно найти кошек в отдаленной, дико испещренной расщелинами местности. Их присутствие указывало на близость людей и человеческого жилья.

По виду кошек можно понять, что вид человека был знаком им. Но почему же они удирали, если это действительно были они?

— Кис! — позвал он. — Кис-кис!

Звук, казалось, замирал в этом холодном ландшафте.

Ему ответила черно-серая кошка, сидевшая справа.

Это было точным эхом слова «Кис», скорее протяжным мяуканьем, но сформированным так точно по его зову, что по спине пробежала холодная дрожь.

— Кис-ис...

И он вдруг испугался.

Он храбро продолжил трудный путь, при этом ему время от времени приходилось продираться через густые заросли, звенело странное эхо, и ему казалось, что кошки следуют за ним по какой-то скрытой тропинке рядом.

Мысли Торна непроизвольно переключались на проблему интеллекта домашних кошек. Человек много веков подряд пытался укротить их и навязать свою волю, и все же это удалось не вполне, так как кошки постоянно каким-то образом сохраняли свою независимость.

Вдруг до него донесся другой шум, это было повторение того тоскливого воя, который он слышал еще в пещере.

Это могла быть стая волков или собак, и вой доносился из глубины долины.

Небо все больше темнело.

Крутой подъем давался ему немного легче, чем он боялся. Дыхание было затрудненным, но довольно ровным. Он мог продолжать свой путь, но нуждаясь в передышке.

Здесь, на вершине, росли лишь отдельные деревья. Тропа широкими изгибами постоянно вела к вершине.

Над ним простиралась стена с узким уступом и на нем опять сидели три кошки, внимательно следя за ним. Положение их голов, казалось, показывало, что они устроили своего рода конференцию, и центром их интереса, несомненно, был он сам.

Из глубины долины снова донесся протяжный вой. Кошки наострили уши.

Когда Торн снова двинулся в путь, одна из кошек — это снова была черно-серая — прыгнула мимо него и исчезла внизу. Остальные две шли за ним по тропинке сбоку.

Он ускорил шаги.

Дорога стала ровнее, и Торн ходко двигался вперед.

Из долины снова донесся вой, но кошки упрямо шли за ним к вершине.

Все казалось совершенно нормальным, а его тело будто было создано для этого подъема в вечерних сумерках.

Торн очень долго смотрел по сторонам. Мысли и ощущения теперь не играли никакой роли — все теперь зависело от зрения.

Здесь, наверху, было еще довольно светло, и ни один холм не загораживал горизонт. До самого горизонта простирался белый снежный покров. В одной стороне вздымалась крутая, покрытая льдом гора.

Единственным указателем на какую-то жизнь был тонкий столб дыма, поднимающийся к небу в некотором отдалении.

Торн некоторое время заставлял себя не смотреть на руины, попадавшие со всех сторон в поле зрения. Это были причудливые развалины домов и зданий, вздымавшиеся посреди гигантской застывшей деловой массы.

Мир руин, освещенный последними лучами заходящего солнца.

Но он не мог долго держать сознание закрытым. Его предположение относительно долины было совершенно правильным. Эти покрытые снегом и льдом кучи обломков были когда-то зданием Опалового Креста.

Везде были видны останки и следы когда-то таких небоскребов, в которых размещался целый город. Некоторые обломки круто вздымались вверх, будто простирали к небу руки.

Это гигантское поле руин вряд ли могло быть Миром-1, что бы ни случилось в нем. Нигде не было видно следов Голубого Лорена и некоторых других небоскребов, вид которых прочно врезался в память Торна.

Это не мог быть и Мир-2, так как тогда в небо вздымались бы развалины Черной Звезды.

Торн посмотрел на свои руки.

Они сплошь покрыты твердыми мозолями и местами обморожены. Потрескавшиеся, грязные ногти. И все же это несомненно были руки Торна.

Он прижал ладони к лицу, ощупал характерные контуры и почувствовал щетину на подбородке и пряди длинных волос под меховой шапкой.

Одежда состояла из умело сшитых меховых шкур и подбитых мехом сапог с мягкими подошвами.

На бедрах был затянут ширский пояс, а под ним было два больших кармана. За пояс был заткнут длинный нож.

В одном кармане была праща с толстой резиновой лентой и множество гладких круглых камней. Там же лежали три темных куска мяса в высшей степени сомнительного происхождения.

В другом кармане были две упаковки высококонцентрированных питательных таблеток с датой выпуска двадцатилетней давности, маленькая фляжка, кремь, несколько пластмассовых книг-лент, тоже пластмассовая лупа, свитый из жил шнур, маленький нож, какими пользуются резчики по дереву, несколько неопределенных предметов и маленький гладкий серый предмет, который он присвоил во время симхромии об Иггдраэшле.

Он попытался внушить себе, что этого не может быть, что это не тот самый предмет, а пальцы его тем временем оглаживали гладкую поверхность и ощупывали предмет. Торн вспомнил, как считал его супергигантской молекулой,

ключом, которым можно при правильном применении открыть двери в скрытые миры.

Он сказал себе, что эта штука несомненно была связана с его душой, а не с телом, которое уже претерпело некоторые изменения, и при этом невольно спросил себя, как же могло получиться, что он не был обнаружен во время тщательного обыска в здании Черной Звезды.

Его внимание отвлек шум сзади, как будто что-то щелкнуло.

Торн обернулся.

На тропинке, по которой он только что поднялся, появилась стая волков или собак — самое малое из тридцати штук. Они шли точно тем же путем, который преодолел он только что. Они, казалось, придерживались какой-то дисциплины. В сумерках ему почудилось, что на некоторых из них сидят маленькие существа, словно странные всадники.

Теперь он понял, почему так залюбовался горящим у входа в пещеру костром.

Только теперь между ним и костром была стая. Торн решительно повернулся и направился туда, где видел поднимающийся к небу дым.

На ходу он сунул себе в рот одну из таблеток концентрата, благодарно подумав о Торне, он хотел его назвать Торном-3, который так долго хранил эти таблетки, чтобы подарить теперь ему новые силы.

Он, не снижая темпа, заторопился по покрытому льдом плато и, когда таблетки подействовали на его кровообращение, он смог даже несколько мгновений повысить темп. Беглый взгляд через плечо показал, что стая только что достигла вершины. Вой усилился.

Сквозь наводящую ужас тьму перед ним вспыхнул яркий свет.

По дороге встречались препятствия, и было чудом, что у него остались целы ноги. Красноватый свет становился все ярче, и Торн чувствовал, что его сзади нагоняет стая.

Он подбежал к огню в последнее мгновение. Один из зверей оторвался от стаи и прыгнул на него сзади. Торн выхватил из-за пояса нож и повернулся. Его взгляд мельком упал на человека, сидевшего на корточках у костра с копьем в руке.

Разразилась суматоха битвы, кругом шипение, щелканье, рычание, сверкали белые клыки и горели красные глаза. В стороне сидели три кошки на спинах волкоподобных собак и, казалось, дирижировали атакой сзади.

Вдруг, будто по неожиданной команде, звери бросились назад, и все прекратилось.

Не обменявшись ни единым словом, Торн и второй мужчина принялись наводить порядок и укладывать разбросанные тлеющие поленья. Скоро все следы битвы были убраны.

— Они, видимо, поймали тебя где-то? — спросил мужчина. — Возможно, у меня развито воображение, но мне кажется, что проклятые звери в последнее время отравили клыки собак.

— Я так не думаю, — ответил Торн и начал осматривать руки в поисках ран.

Мужчина кивнул.

— У тебя есть какие-нибудь продукты? — неожиданно спросил он.

Торн сказал ему и на незнакомца, казалось, особое впечатление произвел запас таблеток концентрата.

— Мне кажется, мы могли бы очень долго охотиться вместе. Это было бы намного лучше, так как один мог бы охранять, пока другой спит.

Его слова были торопливыми и несвязными, а голос таким, словно он давно не разговаривал. Он искоса разглядывал Торна.

Торн, со своей стороны, рассматривал его немного подробнее. Незнакомец был немного ниже Торна и при ходьбе слегка прихрамывал. Лицо было совершенно незнакомым Торну. Покрасневшие веки под густыми бровями создавали впечатление некоторого нездоровья. Присутствие Торна у костра, казалось, как-то раздражало его.

— Откуда ты пришел? — спросил мужчина.

— Из пещеры в долине, — ответил Торн, одновременно спрашивая себя, насколько откровенным он может быть. — А как дела у тебя?

Мужчина медлил, глядя на него. Неожиданно он затрясся всем телом.

Торн присел на корточки у пылающего костра, его взгляд был направлен вдаль, в темноту, где то тут, то там вспыхивали пары красноватых глаз, ему казалось, что история, которую он сейчас слушал, была известна давно ему.

— Меня звали Даркингтон, и я был студентом-геологом. Когда началась эта адская пляска, я как раз был в горах — и это спасло мне жизнь. И ведь мы же все как-то предчувствовали, что это случится когда-нибудь, верно? Это просто витало в воздухе. Мы постоянно рассчитывали на то, что однажды скажется все то, что скрывается за этими

опытами с магнетизмом, тяготением и электричеством.— Было заметно, что ему трудно выговаривать слова.— Чем больше эти дела скрывались от общественности, тем больше мы были убеждены, что соответствующие изобретения уже были сделаны. Мне кажется, это нельзя вообще было скрывать от общественности. С мыслящими созданиями так просто поступать нельзя. Значит, я был в горах, когда все началось, и в мгновение ока расплавились все металлы. Наша маленькая группа была задержана облаком дыма, и двое умерли от удушья. Сначала мы пытались связаться с другими, но в нашем районе дым становился все гуще, и после того, как умерли еще двое, мы разбрелись в разные стороны. А потом я примкнул к нескольким другим мужчинам, и мы попытались счастья сначала как фермеры в районе севернее вулкана, но мы наделали много ошибок, а когда миновала первая долгая зима, нам пришлось похоронить все наши надежды, так как климат совершенно изменился. Просто не хватает растительности, чтобы отдавать в воздух необходимое количество кислорода. Потом я присоединялся еще к нескольким группам, бродившим по окрестным районам, но когда появился каннибализм, а собаки и кошки стали становиться все опаснее, я вернулся в этот район и, как видишь, с грехом пополам влачу свое существование.

Он повернулся к Торну. При необычном напряжении голос его зазвучал хрипло.

Торн покачал головой и уставился в темноту.

— Должен быть какой-то путь,— сказал он медленно.— Он, конечно, очень опасен, потому что ставкой в этой игре будет наша жизнь, но должен быть какой-то путь.

— Путь? — непонимающе спросил другой.

— Да, путь в тот район, где люди начали восстание. Я думаю, он находится где-то на юге. Может быть, нам придется искать его очень долго, но мы должны найти его.

Наступила долгая пауза. Незнакомец скользнул по Торну странным сострадательным взглядом.

— На тебя плохо действовали сны,— пробормотал он тихо.— У меня тоже часто так бывает, эти сны такие сильные, что я временами воображаю, будто все еще так, как было раньше. Но это только сны. Нет никаких общин. Разве только...— он махнул рукой во тьму.— ...разве только вот эти дьяволы возьмут на себя такую задачу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Клоули-1 шел коридорами и пустыми переходами Голубого Лорена к кабинету Октава, и чувство вины давило на него.

Он спрашивал себя, не потерял ли он рассудок, точно так же, как Файрмур и его сотрудники в их симуляции нападения с Марса. Неужели они находятся под каким-то воздействием, грозящим превратить разумный мир в хаос?

Симуляция нападения с Марса, как он и надеялся, имела успех. Да, это даже превзошло все ожидания, его мысли вертелись вокруг картин, которые он только что видел. Это были картины, отчетливее которых нельзя было и желать.

В ближайших и дальних окрестностях Голубого Лорена царило лихорадочное движение. Целые потоки колонн с запасами тянулись к равнине и рассредоточивались по специально распределенным для этого местам. Очень скоро стало понятно, что высокие небоскребы были под наибольшей угрозой нападения из космоса.

Вокруг гигантской башни Голубого Лорена царило лихорадочное движение, были установлены субтронные орудия большого калибра. Если эти небоскребы окажутся под угрозой нападения из космоса, то они все же представляют современные достижения человечества, и поэтому должны защищаться любой ценой.

Все глаза напряженно смотрели вверх, когда оттуда доносился громовой рев космического корабля, и все облегченно вздыхали, увидев, что он не относится к вражескому флоту, а был кораблем Земли, находившимся в пути к следующей космической гавани, где должен был быть оснащен субтронным оружием. На западном горизонте были установлены защитные лучевые поля, и когда они были опробованы, в пламени исчезла узкая полоса леса.

Люди посматривали друг на друга, выражение их лиц выдавало, что они едва ли рассчитывали на предстоящее вторжение, но все-таки они не могли окончательно отбросить такую возможность.

Клоули был горд таким поведением людей. Но его грызли сомнения, правильно ли было пускать такой слух.

Эти разрозненные оборонные мероприятия не были, конечно, ограничены только зданием Голубого Лорена, они проводились повсюду. Использование субтронных сил сделало возможным такую подготовку, какой еще никогда не было в истории Земли. Слабым местом была организация, так как люди привыкли жить в мире и в полной личной свободе,

для проведения требуемых заданий во всех местах были открыты агентства, и Всемирный Комитет взял на себя командование боевыми силами. Все проистекало несколько беспорядочно, но все с усердием принялись за работу, чтобы как только можно защитить Землю от нападения.

Все шло даже намного лучше, чем Клоули ожидал, и теперь он ускорил шаги на пути к кабинету Октава. Да, он все привел в движение, а теперь все ускользает из его рук. Ему осталось только ждать и надеяться, что оборонительные мероприятия окажутся эффективными, если состоится вторжение, он-то знал, что они придут не из космоса, а из времени.

Все должно произойти в ближайшие часы, так как сегодня уже был третий день.

А если вторжение из времени не состоится в течение этих дней?

Обман мог обнаружиться в любое время, и Файрмур уже жалеет, что согласился на все это.

А если ожидаемое вторжение на Землю вообще не состоится?

Ведь все основывалось на совсем слабых доказательствах, это были исследования Торна, некоторые психологические соображения и те несвязные слова, которые пробормотал Конджерли:

— ...Вторжение... три дня...

Ему казалось, что в любой момент он может пробудиться от тяжелого сна и быть представленным перед судом за шарлатанство.

Долго его нервы не выдержат. Ему повсюду не хватало Торна. Клоули никогда еще с такой ужасной отчетливостью не чувствовал, насколько они были зависимы друг от друга.

Торн до сих пор не объявился, а все поиски были безрезультатными. Его перевозбужденная фантазия уже сыграла с ним шутку, когда ему показалось, что он увидел Торна среди людей у Голубого Лорена.

Да, Торна не хватало, но еще больше не хватало Октава.

На теперешнем пике кризиса он понял, как много значили советы Октава. С упоминанием Октава о возможности вторжения все это началось, а теперь мероприятия против этого вторжения заканчивались.

Может быть, это суеверие или гипнотическое воздействие: во всяком случае он верил Октаву и допускал возможность, что у того есть способности, намного превосходящие способности простых смертных. После исчезновения Октава он

чувствовал себя маленьким ребенком, и его отчаяние уже достигало своего предела. Он уже не мог больше бороться с настойчивым импульсом, заставлявшим его вернуться в кабинет Октава.

Пока Клоули приближался к двери, ему вспомнились предыдущие беседы в этой комнате. Он думал о своем последнем разговоре с Октавом, который был прерван появлением этого самого существа в одежде раннего средневековья. А немного погодя и Октав, и его странный посетитель исчезли непонятным образом.

Клоули еще не успел коснуться ручки двери, как она бесшумно открылась.

За столом в своем обычном одеянии сидел Октав.

Клоули, как во сне, переступил порог.

Октав, как всегда, производил впечатление старого человека, но Клоули показалось, что за прошедшие три дня Октав особенно постарел. Казалось, он был на пределе сил. Его морщинистые руки лежали на столе, изможденное лицо походило на череп. Но в его впалых глазах все еще полыхал прежний огонь. Казалось, он полон яростной решимости собрать воедино все свои знания и беспощадно применить их.

По спине Клоули пробежала холодная дрожь.

— Я был в долгом путешествии,— сказал Октав.— Я посетил многие миры, которые давно должны были быть мертвыми, и я видел весь страх и ужас, который может случиться, если смертные будут пользоваться силами, предназначенными природой только богам или богоподобным существам. Я в постоянной опасности, так как существуют те, против кого я взбунтовался и кто поэтому посягает на мою жизнь, но сейчас я чувствую себя в относительной безопасности. Присаживайся, мне нужно открыть тебе некоторые мои мысли.

Клоули подчинился требованию. Октав слегка наклонился к нему и постучал своими длинными костлявыми пальцами по столу.

— Я очень долго говорил с тобой загадками,— продолжал он.— Я вынужден был ограничиться намеками, так как пытался вести двойную игру. Я хотел бы дать тебе несколько указаний, но так, чтобы ты не раскрыл меня. С этим покончено. Отныне я буду говорить с тобой совершенно откровенно. В ближайшее время я втянусь в отчаянную авантюру, и если добьюсь успеха, то тебе не нужно будет беспокоиться о грозящем твоему миру вторжении. Но мой план

может провалиться, и поэтому я передам тебе всю информацию, которой располагаю, чтобы ты в таком случае мог сам продумать необходимые меры.

Он быстро взглянул вверх.

Клоули услышал тихий шуршащий звук, но он доносился не из коридора, а из маленькой соседней комнаты.

На пороге двери, соединяющей обе комнаты, возникла такая же темная фигура, какую Клоули уже видел на этом месте. Лицо этой странной фигуры было обращено к Октаву, и мышцы этого лица были совершенно застывшими. Правая рука вытянута вперед и направлена точно на Октава.

Клоули едва успел бросить взгляд на темную фигуру, а Октав даже не нашел для этого времени, так как пока он медленно поворачивал голову, и, казалось, пытался понять, что происходит, из руки этой фигуры вырвалось большое голубое пламя.

На глазах у Клоули на Октаве вспыхнула одежда, тело его обмякло, а затем съежилось, он несколько раз слабо дернулся, и все стихло.

Голубое пламя снова вернулось в руку темной фигуры.

Клоули лишь оцепенело смотрел, он потерял всякую способность мыслить.

Фигура подошла к письменному столу Октава. Ее движения были неловкими, словно она не привыкла к трехмерному миру. Да, по всей видимости, она с полным презрением смотрела на этот мир.

Скупыми движениями темная фигура порылась в остатках Октава и вытащила маленький серый предмет, выглядевший точно так же, как тот, что держала в вытянутой руке эта темная фигура.

Незнакомец скользнул по Клоули беглым взглядом и исчез за той дверью, из-за которой он появился.

Клоули, скорчившись, застыл на своем стуле. Он не в силах был отвести взгляд от убитого, казавшегося теперь мумией. По какой-то случайности голубое пламя не затронуло высокий лоб Октава, и естественный цвет кожи был в явном противоречии с чернотой останков обгоревшего тела.

Дверь в коридор открылась, но Клоули все еще продолжал сидеть в оцепенении.

Он слушал свистящее дыхание посетителя, но посетитель только тогда подошел к Клоули, когда тот сам увидел его. Но и тогда Клоули не почувствовал ничего — ни удивления, ни ошеломления.

Он все еще был захвачен пережитой сценой, что не мог ни чувствовать, ни думать. Все в нем было сконцентрировано на мертвом Октаве.

Посетитель заметил состояние Клоули.

— Да,— сказал он.— Я — Торн, но ты, кажется, уже знаешь, что я не Торн, что был твоим другом, хотя я нахожусь в его теле.

Клоули слышал слова как бы издалека, ему стоило большого напряжения слышать их вообще. Он должен изо всех сил воспротивиться этой летаргии.

— Тот самый другой Торн,— продолжал посетитель,— занял мое место в другом мире, и еще три дня назад я с удовольствием думал о том, как он там страдает. Я ведь был вашим врагом — его и твоим — но теперь я не совсем уверен в этом. Меня постепенно начала грызть мысль, что, может быть, мы даже должны помогать друг другу. Во всяком случае, в моих руках жизнь многих людей, и я не могу рисковать. Это объясняет вот что.

При этих словах он показал маленькую вещь в своей руке. Это был излучатель разрушительной силы.

Клоули медленно повернулся к посетителю, ему было бесконечно трудно отвести взгляд от тела Октава. Да, это было лицо Торна, но сго чертами владело выражение необычайной решимости.

— Я следил за тобой,— продолжал посетитель,— так как я узнал из памяти Торна, что вы оба старались защитить этот мир от угрозы. В последнее время произошли события, после которых у меня появились сомнения. Эти события требуют объяснения. Что означает эта мнимая угроза с Марса? Действительно ли существует такая опасность? Или это только попытка подготовить этот мир на все возможное? Или это только для того, чтобы вызвать всеобщую растерянность для облегчения вторжения Слугам Народа? Почему ты оказался именно в этой комнате? Кто этот мертвый и как он был убит?

И он с отвращением показал на тело Октава.

— То, что я уловил из разговора, усиливает мои подозрения, что за этими двойными мирами кто-то скрывается. Кто-то, кому это выгодно, кто...

Он неожиданно замолчал, и лицо его застыло. Он медленно начал поворачиваться, казалось, он почувствовал присутствие какого-то чудовища.

Клоули вздрогнул — по той же самой причине.

Это был лишь тихий шум, похожий на сдерживаемый кашель, но он доносился из-за письменного стола.

Скрюченное тело слегка шевельнулось. Черные руки медленно двинулись, оставляя на столе темные следы. Вздрыгнул обгоревший подбородок.

Оба мужчины, затаив дыхание, смотрели.

Постепенно обугленные губы открылись, и они услышали тихий шепот, казалось, возникший из чистой силы воли.

— Я уже должен быть мертвым, но тело того, кто владел Талисманом, необыкновенно живуче. Мои глаза потеряны, но я все же могу вас видеть. Подойдите ближе, чтобы я мог доверить вам то, что должно быть сказано. Я должен сделать завещание, и у меня осталось мало времени. Подойдите ближе, чтобы я мог сказать вам, что нужно сделать, чтобы спасти мир.

Они испуганно подчинились. У обоих вспотели лбы.

— Чисто случайно человек раннего средневековья обнаружил Талисман — маленький предмет, подчиняющийся силе мысли и дающий своему владельцу возможность путешествовать во времени и даже сквозь его границы. Потом этот человек попал к семи другим владельцам Талисманов — для создания намного большей силы, которую он назвал Генератором Вероятностей. Он вступил в союз с семью остальными, одним из которых был я, и мы вместе использовали власть Генератора Вероятностей, чтобы создать всевозможные миры, изменять течение времени и сохранить самый лучший мир, убедившись, что все остальные миры уничтожены.

Шепот стал заметно тише.

Клоули и Торн склонились над столом и уставились на яркий лоб на обугленном лице.

— Но однажды я был вынужден убедиться, что предположительно уничтоженные миры все еще существуют, а я слишком хорошо представлял, что может произойти в этих других мирах, если они тоже придут к тому же знанию. Вы должны при любых обстоятельствах предотвратить это, как старался предотвратить и я. И особенно вы должны постараться найти Генератор Вероятностей и его настоящего владельца. Это должно быть неземное существо. Оно создало эту машину и каким-то образом потеряло первый Талисман. Только это существо в силах решить все созданные нами проблемы. Чтобы найти Генератор Вероятностей, вам обязательно нужен Талисман. Терс, который только что уничтожил мое тело, забрал мой Талисман, который я украл.

Мой первый Талисман у меня украл Торн — Торн этого мира, который, по-моему, действовал под импульсом законного владельца Генератора Вероятностей, возможно даже, совершенно бессознательно. Эти законные владельцы постоянно пытаются вновь овладеть утерянным Генератором. Торн этого мира сейчас бесконечно далеко — намного дальше, чем вы в состоянии вообразить. Но ты... — при этих словах его черный палец коснулся Торна, и тот не отпрянул от его прикосновения. — ...Ты можешь... с ним... связаться... сквозь мир общих мыслей...

Шепот теперь был едва слышен.

— Талисман, что у него, заряжен. Нужно только одно слово... ключевая мысль, чтобы освободить его силу. Ты должен... передать... ключевую мысль. Эта мысль... это... «Три... различных... мира...»

Шепот стих, и голова бессильно упала вперед.

Клоули подставил под лоб ладонь и осторожно опустил голову Октава на стол, потом медленно поднял взгляд и посмотрел в глаза другого Торна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Высокий Небесный Зал Опалового Креста изменился так сильно, что вряд ли можно было представить, как он выглядел всего три дня назад. Лишь карта Земли и карта Вселенной все еще занимали господствующее положение. На карте Земли было видно множество маленьких огоньков, они указывали расположение космопортов, предпринятых оборонных мероприятий, военных штабов. На звездной карте тоже сияло множество огоньков, главным образом, вблизи сектора Марса, представляя фактическое расположение космического флота.

Оборонные мероприятия Земли не шли ни в какое сравнение с могучей силой гипотетического марсианского флота, вторгающегося с Марса на Землю. Это, казалось, была армада, против которой просто не могло быть сопротивления.

Остальные стены Небесного Зала были начинены всевозможной аппаратурой: экранами, субтронными счетными машинами и различными приборами, которые можно обозревать с центрального стола. Определенный сектор этих устройств относился к штаб-квартире, устроенной в здании Опалового Креста. Другие сектора составляли связь с другими наблюдательными и контрольными пунктами.

В настоящее мгновение отдельные контрольные места были не заняты. Никого не беспокоили выключенные вычислительные машины и другие приборы. Длинные ряды экранов были серыми и безжизненными. Казалось, что они стояли в каком-то музее.

Лица сидящих за центральным столом мужчин были пепельно-серыми и растерянными. Это были члены Всемирного Комитета.

Председатель Шилдинг сумрачно смотрел перед собой. Конджерли и Темпельмар вели себя совершенно пассивно. Клоули тоже был пассивен, но по нему было видно, что достаточно было малейшего толчка, чтобы встревожить его. Рядом с ним сидел Файрмур, на лбу которого висели капли пота.

Шилдинг стоял прямо у стола, объясняя остальным членам Всемирного Комитета, почему обслуживающий персонал отдельных приборов и устройств был удален из зала.

Голос его был ледяным и рассудительным.

— И тогда,— продолжал он,— когда астрономические снимки недвусмысленно показали, что в окрестностях Марса нет никаких враждебных мероприятий — даже ни малейшего признака присутствия вражеского космического флота — я больше не мог медлить. Под свою личную ответственность я отменил все оборонные мероприятия и приказал немедленно прекратить все действия. Это критическое событие случилось полчаса назад.

Неожиданно на стене зала засветился один из экранов. Как в открытом окне показалось лицо молодого светловолосого мужчины. Видимо, он растерялся, увидев, что многие приборы в зале без персонала. Он посмотрел по сторонам и потом включил свой усилитель:

— Сообщение из физического штаба: в непосредственной близости от этого места замечены дискретные темпоральные изменения.

Возможные причины пока установить невозможно...

— Вы получили приказ о немедленном прекращении всех оборонительных мероприятий? — перебив его, резко спросил Шилдинг.

— Да, но я думал...

— Мне очень жаль,— проворчал Шилдинг,— но этот приказ касается вашей службы.

— Ага,— пробормотал молодой человек и, помедлив, кивнул и исчез с экрана.

Казалось, никто в зале не придавал значения короткому диалогу. Конджерли и Темпельмар казались еще пассивнее, чем прежде.

Шилдинг снова повернулся к собравшимся.

— Более того, мы приходим к выводу, кто же мог скрываться за этим преступлением, жертвой которого уже пали более сотни человек. Это те люди, что погибли в ходе подготовки всевозможных оборонительных мероприятий в результате несчастных случаев.

При этих словах лицо Файрмура смертельно побледнело.

— Несомненно, был поддержан соответствующий слух об участниках космической экспедиции. Другого объяснения нет. В первую очередь давайте займемся виновниками этого слуха. Я с сожалением должен констатировать, что речь идет только о двух определенных людях. По признанию трех сообщников...

— Сообщение с третьего центрального пункта.— Опять засветился один из экранов на столе, на этот раз усилитель звука был уже выключен.— Станция — четыре только что прорвалась ко мне с важным сообщением. Речь идет о неизвестной опасности, которая каким-то образом влияет на наши приборы.

— Мы не хотим сейчас никаких сообщений! — вне себя от ярости заорал Шилдинг.— Лучше обратитесь к вашему непосредственному руководству, если вам нужны какие-то указания.

— Порядок,— коротко ответил человек, и экран снова стал серым.

— Вы сами видите, господа,— горестно продолжал Шилдинг,— как трудно остановить подобный слух. Наперекор всем нашим стараниям несчастные случаи будут происходить и дальше, пока люди снова не придут в себя.

Он огляделся по сторонам, сделав паузу.

— Клоули и Файрмур! Что вы можете сказать в свое оправдание? Не хотите ли вы признать, что показания даны вашими подчиненными, желавшими только оказать вам услугу? На этот случай я хотел бы дать вам знать, что у нас есть свидетельства двух членов этого комитета, имена которых пока должны оставаться в тайне...

— Я не вижу для этого причин,— прервал его Темпельмар.

— Большое спасибо,— кивнул ему Шилдинг.— Тогда я могу открыть вам, что речь идет о показаниях Конджерли и Темпельмара.

Он снова повернулся к обвиняемым.

Файрмур уставился перед собой в крышку стола. Клоули твердо смотрел в глаза Шилдингу. И снова засветился один из экранов, нарушив тишину зала.

— Сообщение из центра оповещения — четыре! Речь идет о внезапном появлении вооруженных существ в темных незнакомых одеждах...

— Не мешайте нам! — раздраженно крикнул Шилдинг. — Обратитесь к вашему непосредственному начальству! Передайте ему, чтобы впредь все сообщения передавались на первый пункт оповещения.

Экран потемнел.

Шилдинг нажал главный переключатель, чтобы исключить дальнейшие помехи.

Клоули встал, лицо его было серьезным и совершенно спокойным. Казалось, его как-то веселила неспособность этих людей.

— Да, это была ложная тревога, — сказал он ледяным тоном, — и я планировал это один. Но это была необходимая тревога, так как нужно было предупредить мир о той другой агрессии, о которой я уже говорил вам три дня назад. Вторжение передового отряда, который уже находится среди нас. Естественно, что Конджерли и Темпельмар выскажутся против меня, так как они ведь относятся к этому передовому отряду.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Шилдинг. — Да, вы сумасшедший! Меня только удивляет, как это до сих пор скрывалось от психиатров. Не спускайте с него глаз! — крикнул он сидящим рядом с Клоули. — Я сейчас вызову охрану!

— Не двигаться! Это касается и вас, Шилдинг! — Клоули отступил на шаг, и в его правой руке блеснул металлический предмет. — Вы правильно сообразили, что я изобрел это вторжение с Марса, но вы должны понять, что я ни перед чем не останавлиюсь, чтобы вдолбить вам правду. Вы же как толпа дураков! Неужели вы совсем не видите, что происходит на ваших глазах? Неужели вы даже не поняли смысла сообщений, которые только что прозвучали? Немедленно свяжитесь с центром оповещения — один, Шилдинг! Быстро, это вопрос жизни и смерти!

В это мгновение Файрмур резко повернулся и схватил Клоули за руку. Оба упали на пол. Металлический предмет выскочил из руки Клоули и со стуком упал на пол. Файрмур отдернул Клоули вверх.

— Мне очень жаль,— отчаянно прохрипел он.— Но я действовал в ваших интересах. Мы и в самом деле ошибались — и по всем направлениям. Теперь нам ничего не остается, как только ответить за эти ошибки. Задумываясь сейчас над этим, я даже не могу себе представить, как я вообще...

Клоули не обращал на него внимания. Его взгляд был направлен на Шилдинга.

— Большое спасибо, Файрмур,— сказал Шилдинг с явным облегчением.— Вы действительно должны понести ответственность за все случившееся. С этим нельзя разделаться одним махом. Во всяком случае, ваше энергичное вмешательство говорит в вашу пользу.

Казалось, эти слова не произвели должного впечатления на Файрмура. Клоули продолжал смотреть на Шилдинга, и теперь не обращал внимание на Файрмура.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения! — сказал он с нажимом.

Шилдинг с маху уселся на свое место.

— Охрана войдет с минуты на минуту. Ну, господа,— сказал он,— настала пора принимать все меры, чтобы как можно скорее устранить нанесенный ущерб. Кроме того, нам нужно заняться отдельными обвинениями против соучастников.

Стулья со скрипом задвигались.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения,— повторил Клоули. Шилдинг не удостоил его взглядом.

— Мне кажется, вы должны сделать это,— сказал один из членов Комитета.

Шилдинг автоматически собрался, чтобы подчиниться требованию, но затем резко остановился, так как внезапно сообразил, кто произнес это.

Это был Конджерли, и слова его прозвучали категорическим приказом.

Конджерли и Темпельмар уже стояли. Их прямая, твердая осанка говорила о выправке солдат, абсолютно уверенных в своем деле.

Внимание остальных членов Всемирного Комитета немедленно переключилось от Клоули и Файрмура на этих двух мужчин, которые вдруг явились в другом свете.

Шилдинг мгновение смотрел на них, как будто совсем не знал, кто они такие. Затем он неожиданно повернулся и быстро нажал переключатель на приборном пульте.

На стене засветился один из субтронных экранов.

На них смотрел мужчина в черном мундире.

— Первый центр оповещения находится в руках Слуг Народа,— сообщил он, в его голосе слышался какой-то незнакомый акцент.

Шилдинг мгновение молча смотрел на экран, потом нажал другой переключатель.

— Солдаты Слуг Народа овладели этим центром,— сказал другой мужчина в черном мундире тем же тоном.

Шилдинг неверяще простонал, его пальцы механически, растерянно тыкались в пульт, включая цепи связи, ведущие в Опаловый Крест.

И на большей части экранов появлялись солдаты в черных мундирах.

Члены Всемирного Совета быстро установили, что мужчины в черных мундирах были видны не только на телеэкранах, но и во плоти зала Опалового Креста, ворвавшиеся сюда и направившие свое оружие на собравшихся за столом.

Возможно, это было иллюзией, но фигуры Темпельмара и Конджерли, казалось, вдруг выросли.

— Да,— сказал Конджерли, и в его голосе появился странный дружеский оттенок.— Ваше правительство или то, что вы назвали правительством, отныне находится в способных руках Слуг Народа. Выводы Клоули давно попадали в самую суть, но нам все же удалось представить их незаслуживающими доверия. Этот обман был необходим. Вторжение действительно состоялось, и оно в интересах всех миров, и ваш мир тоже извлечет пользу из него. Вторжение происходит из времени, через мост, который связывает наши миры друг с другом. Предмостное укрепление в вашем мире уже создано. Вы можете сами убедиться, что это предмостное укрепление находится на месте вашего главного штаба.

Клоули ничего не слышал. Его взгляд был прикован к фигуре, приближающейся к столу. Шилдинг, Файрмур и несколько других членов Всемирного Комитета тоже уставились на нее. Это была вторая невозможность, случившаяся в течение этих нескольких минут.

На этом человеке был черный мундир, и сверкающие погоны свидетельствовали, что он занимал высокий пост. Лицо во всех деталях было дубликатом лица Клоули — да, на нем была даже характерная для него сардоническая улыбка.

Оба Клоули твердо смотрели друг другу в глаза. Никто не смог бы сказать, когда это началось, но теперь, глядя на них, каждый присутствующий чувствовал, что происходит дуэль.

Взгляд Клоули стал стальным. Казалось, он собрал все силы, его дубль слегка дрогнул, будто получил удар. Улыбка застыла в уголках рта, взгляд тоже стал пронзительным.

Наступила мертвая тишина, Взгляды обоих Клоули, казалось, сцепились друг с другом. Никто ни на миг не усомнился, что здесь происходила борьба, ставкой в которой было все.

Конджерли, наморщив лоб, шагнул вперед.

В это мгновение лицо дубля Клоули в черном мундире исказилось. Он отпрянул назад, будто от края пропасти, внезапно разверзшейся перед ним. Из его горла вырвался нечленораздельный крик, и правая рука рванулась к кобуре...

Когда он вынул оружие и навел, по лицу Клоули скользнула победная улыбка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В темной узкой пещере Торн лишь короткими свистящими взмахами ножа отбивался от рычащей собаки. Рычание усиливалось и перешло в бешеный вой.

Все же нож нашел свою цель прежде, чем успели защелкнуться острые клыки, и собака отступила назад в проход.

Стук когтей по каменному полу показал Торну, что зверь уже отступил до входа в пещеру. Он опустил на корточки и задумался о своем теперешнем положении.

Теперь он, конечно, видел, что совершил непростительную ошибку, когда вошел в пещеру, не разведя предварительно костер у входа. Тогда он мог бы, по крайней мере, пользоваться своей пращей.

При спуске со скалы ему не удалось обнаружить ни малейшего признака присутствия этих зверей. Ему нужно было непременно еще раз обыскать эту пещеру, чтобы убедиться, не создал ли Торн-3 здесь каких-либо запасов пищи или оружия. В первую очередь — пищи, так как вчерашняя охота с Даркингтоном была безуспешной.

Торн спросил себя, не придет ли сюда Даркингтон, чтобы помочь ему. Едва ли на это можно рассчитывать, так как этот маленький энергичный парень должен только к вечеру вернуться с охоты. А там рядом темная ночь, и он вряд ли станет рисковать своей жизнью, чтобы спуститься по склону и помочь человеку, которого считал полусумасшедшим.

Торн много рассказывал ему об альтернативных мирах, в которых цивилизации не были уничтожены. Даркингтон все

это рассматривал как «сны», и Торн в конце концов смирился с таким положением, так как не хотел легкомысленно разрушить в нем остатки доверия.

Кроме того, Даркингтон сам был немного сумасшедшим. Долгие годы одиночества не прошли для него бесследно, и за это время он приобрел привычки, которые не так легко было изжить. Хотя он все это время мечтал о товарище, но когда этот товарищ неожиданно появился, он понял, что это означает для него большие изменения в образе жизни.

Что-то вонзилось в левый бок Торна. Его правая рука все еще сжимала нож, а левая тем временем ощупывала это место. Это был маленький странный предмет, сопровождавший Торна в его путешествиях в различные миры.

Он сердито оттолкнул предмет в сторону. Уже достаточно потрачено времени в попытках создать для себя представление о назначении этой штуки. Она была такой же бесполезной, как... развалины небоскребов там, наверху.

Он слышал, как предмет покатился по полу и остался лежать в маленьком углублении.

Очевидно, сидевшие у входа в пещеру собаки тоже услышали шум, так как они начали рычать и фыркать, будто переговариваясь между собой.

Ему показалось, что среди этого множества звуков прозвучало несколько человеческих слов. Мысль, что охраняется в этой пещере стая собак и кошек, была очень неприятной.

Вдруг Торну показалось, будто кто-то откуда-то тихо зовет его по имени.

Торн скорчил гримасу — все это могло существовать только в его воображении. Но зов стал интенсивнее и проник в самое сознание.

Кто может судить, какие мысли приходят в голову человеку, который зажат в тисках, исключающих всякий выход?

Торн попытался убедить себя, что все это результат перенапряженных нервов и продукт воображения. Может быть, непосредственная опасность могла помочь снова убежать в другое тело? Но это ни в коем случае не было непременно так — даже, скорее, невероятно.

Он мельком подумал о том, что до сих пор каждый обмен приносил его во все худшие миры. Теперь он на самой глубине, и из этой ситуации ему не освободиться, если никто не придет на помощь снаружи.

Он не пожелал бы никому другому поменяться с ним местами в таком положении — но все же, конечно, ухватился бы за такой шанс, если бы он ему представился.

И опять, как во сне, ему показалось, будто какой-то голос позвал его по имени.

Он спросил себя, какая судьба постигла остальных Торнов. Торн-3 в Мире-2. Погиб во время обмена или Слуги Народов в последний момент избавили его от такой участи?

Торн-2 в Мире-1. Торн-1 в Мире-3. Все это, казалось, было неразумной игрой бога, который внезапно лишился рассудка.

И все же — разве все его научные исследования не показывали ему, что он имеет дело с сумасшедшей, ужасной вселенной?

Вера темного средневековья была правильной: на самом деле есть змеи, грызущие корни Мирового Иггдраэшла!

В течение трех дней он увидел три различных мира — и ни один из этих миров не был хорошим.

Мир-3 был безнадежным полем руин в результате субтронной войны.

Мир-2 был ареной безответственных тиранов и угнетал людей, всем сердцем мечтавших о свободе.

Мир-1 был своего рода утопией совершенных людей без настоящих внутренних ценностей, он существовал исключительно благодаря благоприятным обстоятельствам.

Три различных мира.

Торн вздохнул.

Эта последняя мысль, казалось, пробудила в нем силы, о существовании которых он даже не подозревал. Его мысли, казалось, вдруг приобрели силу, для которой не было никаких границ. Будто он разом приобрел способность обслуживать какие-то незнакомые ему машины.

От входа в пещеру донесся тихий шум. Он напомнил ему о его неприятном положении. Шум напоминал звук шагов и стук когтей по каменному полу. Торн напряженно прислушался; но шум не повторился. Он невольно крепче сжал рукоятку ножа. Может быть, одно из животных решило перейти в неожиданное нападение? Если бы в этой проклятой темноте было хоть немного света...

Вспыхнуло желтое пламя, и вдруг неожиданно загорелся костер, и языки пламени заскользили по стенам тесной пещеры.

Отблески света упали на собаку и кошку, сидевших рядышком в проходе и, вероятно, приготовившихся к нападению.

Они, как вкопанные, уставились на огонь. Собака, скуля, отошла на несколько шагов, а кошка зашипела на огонь.

Следуя мыслям Торна, огонь разрастался, заставив отступить и кошку. Поначалу она отходила понемногу, но затем вынуждена была сдаться. Она повернулась кругом и заспешила к выходу в пещеру, откуда доносилось рычание и фыркание остальных зверей.

Торн подумал о дневном свете, и пламя стало ярче. Он медленно протиснулся по проходу, и путь вдруг показался ему намного легче.

Проход стал выше и шире. Когда Торн добрался до выпуклости пещеры, слышался стук камней.

Пламя тем временем приобрело белый цвет и находилось в центре пещеры.

Торн немного наклонился вперед.

В это мгновение пламя погасло, и в руке его внезапно оказался маленький серый предмет, который он выбросил несколько минут назад.

Но теперь он больше не был чужим и незнакомым. Он казался его собственным, был частью его самого, подчинялся ему, как мускулы подчиняются нервной системе. Это ни в коем случае не было машиной, скорее вторым телом.

От сознания обладания такой властью у него закружилась голова. Все расплывалось перед глазами, но это длилось всего лишь мгновение. Этот маленький предмет в руке давал неистощимую силу.

Торн почувствовал в себе силу Творца.

Теперь в его власти было делать все, что он захочет: он мог идти, куда пожелает, он мог создавать, что хотел, он мог изменить мир — да, он мог его даже уничтожить.

А потом пришел страх.

Он испугался, что эта штука, что так необыкновенно точно следила за его мыслью, могла последовать и тем его мыслям, которые занимали его лишь второстепенно. Ни один человек не может долго контролировать свои мысли. Некоторые люди случайно думали о смерти, о катастрофах — или даже о самоубийстве.

Маленький серый предмет стал вдруг неожиданно опасным.

Что же ему предпринять?

В конце концов, и у этой штуки должны быть какие-то границы. Очевидно, она следит за ходом его мыслей. Он не должен совершать того, чего не понимал сам — как, положим, конструкцию субтронной машины.

Или...?

Торн впервые попытался немного привести в порядок свои мысли, штурмовавшие его со всех сторон.

Его внутренняя сущность, казалось, совершенно изменилась. Подсознание стало вдруг чем-то большим, чем только непроницаемым серым экраном. Теперь он был в состоянии пробить эту сферу и мог достигнуть мира мыслей других Торнов.

Он почувствовал, как один из этих других Торнов возложил на него задачу.

Это неожиданное задание потрясло его, и он даже вздрогнул.

Он бросил последний взгляд на Мир-3 — на покрытые снегом и льдом равнины и холмы с причудливыми обломанными вершинами деревьев.

Потом все это исчезло под плотной вуалью, и он мгновенно оказался в непроницаемой тьме, где был только мир мыслей. И эти мысли обладали непредставимой силой.

В этой абсолютной тьме не было ни пространства, ни измерений в их обычном смысле. Здесь царила бесконечность космоса, и только сила мыслей могла преодолеть эту бесконечность.

Нет такой тьмы, в которой не было бы света, но в этой тьме все подавляла власть мыслей и иллюзий.

Еще не осознав внезапной перемены, Торн почувствовал, что теперь в его личности объединились все три Торна.

Он бросил взгляд в три различных мира, и теперь уже не играло никакой роли, одновременно это произошло или последовательно.

В суровой атмосфере Мира-3 он узнал, что нужно много терпения, чтобы примириться с условиями жизни там, где действует право сильного. В таком космосе каждый должен бороться против каждого и чтобы победить, нужно учиться.

В Мире-2 Торн почувствовал бесчеловечность, которая могла таиться в людях, надменность и заносчивость малой группы, сумевшей деспотическими методами угнетать целый мир и превратить людей в безвольных рабов. В этом мире были надменность и готовность к самопожертвованию.

Торн жил в Мире-1, в мире, где личная свобода людей считалась само собой разумеющимся, в котором особенно отчетливо можно было видеть человеческие слабости и наклонности. Этим людям не на что было жаловаться, так как природа дала им все, что они только желали.

Все эти знания были теперь соединены в его мыслях: Они не противоречили себе, но они и не сплавлялись в единое целое. Здесь не было ни зависти, ни чувства вины. Каждое это знание покоилось на всеобъемлющем и родилось из ре-

шения будущего. Это был ход размышлений трех различных людей, создавших в нем единое целое. Был только один Торн, переживший три различные судьбы: только детство всех троих его до того, как произошли изменения хода времени.

Этот Торн оказался вне времени и пространства только благодаря чудесной силе своего талисмана: он чувствовал, что его личность теперь обладает неожиданными способностями. Вдруг ему пришло в голову, что до сих пор он шел по жизни наощупь, как слепой, и только теперь смог понять настоящее значение своего предыдущего жизненного опыта.

И теперь не было больше никаких колебаний — и никакого натиска Торна-2, так как Торн-2 больше не существовал как отдельная личность. Он вспомнил слова, что прошептал ему Октав в кабинете Голубого Лорена, когда Талисман дал ему силы оттянуть смерть. Он вспомнил до мельчайших подробностей каждый слог этой достойной обдумывания информации.

Торн подумал о первом шаге: разыскать Генератор Вероятностей. Он чувствовал, как Талисман следует его мыслям, и доверился направляющей силе без сопротивления.

Он молнией пронесся через пространство и время — и все же ему казалось, что он стоит на месте, будто вообще не было никакого движения. Он чувствовал, что что-то здесь было современным ему.

А потом....

В этой тьме запульсировала сила бесконечной величины. Такая сила могла сотрясти все миры, скрутить их. Эта пустота тяжелых мыслей содрогнулась под непосредственной силой творения, как будто она была исходной всех действительностей и реальностей.

Торн почувствовал присутствие семи других существ, собравшихся вокруг центра, из которых исходила пульсация. Все семеро были людьми, как и он, но у них не было того опыта, что он, Торн, собрал в трех мирах. Они были здесь еще больше увлечены собой, чем Слуги Народа в Мире-2. Они считали себя богоподобными существами, и все предупреждения и слабости людей все же были живы в них. Их назначение было ужасающим, но при таком чудовищном опьянении властью им это просто не приходило в голову.

Перед его внутренним взором в быстрой последовательности потянулись разнообразные картины прошлого. Семеро существ настолько углубились в разглядывание этих картин, что даже не замечали присутствия Торна.

Появился Мир-2. Вокруг длинного стола в Зале Слуг Народа собрались одиннадцать стариков. Со всеми признаками удовлетворения они внимали сообщениям об успешном ходе вторжения. Это было исполнение их давно лелеемых планов.

Картина увеличивалась и стала отчетливее, и теперь уже можно было разглядеть длинный поток вооруженных суб-тронным оружием солдат, втекающий в высокое здание Опалового Креста. Видны были отдельные лица, на которых наряду с выражением абсолютной покорности был написан неприкрытый страх.

В следующее мгновение стал виден Мир-1. Это был интерьер Небесного Зала в Опаловом Кресте, тут, как в гигантском муравейнике, сновали люди в черных мундирах...

Картина была быстро отключена, как будто этим семи существам не понравился такой взгляд на мир, который они предпочли всем остальным и который постигла такая судьба.

Панорамно возник Мир-3. Взгляд охватывал тысячи миль, и повсюду были видны только ужасные руины погибшей цивилизации. Это был ледяной мир Антарктиды, однотонность которого иногда прерывалась вздымающимися валунами.

Но все это было только началом.

Стали видны результаты ранних изменений хода времени. Возник мир, где предрасположенные к телепатии мутанты вели ожесточенную войну против существ, научившихся скрывать свои мысли своего рода защитным экраном.

Там был и другой мир, где человеческими существами правила иерархия людей в багряных робах.

В одном из других миров была маленькая группа владеющих гипнозом телепатов, мыслям и желаниям которых безусловно следовали все остальные существа, как будто они жили во сне.

И снова другой мир. Здесь уже были атомные силы, и царила феодальная система с бесконечной цепью войн. Воспоминания о правопорядке и братстве людей хранились только в некоторых уединенных монастырях, не имеющих никакого авторитета.

Мир как микрокосмос. Люди расщеплены на семьи или небольшие группки, и цивилизация представлялась из обмена время от времени мыслями на социальной основе.

Мир, в котором существование людей было под угрозой, они поручили всю работу созданным ими роботам.

Мир, в котором люди были порабощены роботами, ими же созданными.

Мир, в котором были только две большие нации, находившиеся в состоянии жестокой войны друг с другом. Ни одна не могла победить другую, и все же эта ужасная война продолжалась, так как каждая нация боялась, что принесенные уже жертвы могут оказаться напрасными.

Мир, поставивший перед собой цель покорить космос.

Мир, в котором мысли людей заполнены новой, великой религией. На вершинах гор проводятся странные церемонии, и немногие, не признававшие эту религию, лишь смиренно покачивали головами.

Мир, в котором не было ни городов, ни технических устройств. Люди были облачены в лохмотья и вели предельно примитивное существование.

Скучно заселенный мир с небольшими городками. По лицам людей этого мира было видно, что они стоят на пороге нового начала.

Мир, представлявший лишь небольшую группу метеоритов, непрерывно следовавших по своей круговой орбите вокруг Солнца.

— Мы видели достаточно!

Торн почувствовал в мыслях Прима чувство вины.

Поток картин прекратился, и опять воцарилась абсолютная тишина, в которой жили только мысли. Через некоторое время он воспринял существующую мысль Прима. Очевидно, во время паузы он вновь обрел самоуверенность.

— Мы увидели все наши ошибки, но эти ошибки поправимы, наши мысли — или, по крайней мере, некоторых из нас — неточно передавали Генератору Вероятностей некоторые наши намерения. Все эти миры должны быть уничтожены, вместо этого они были лишь затемнены и исчезли из поля зрения. Поэтому в нашем следующем шаге нет сомнения. Секонд?

— Абсолютное уничтожение! За исключением мира главного ствола! — немедленно пришел ответ.

— Терс?

— Уничтожение!

— Карт?

— Сначала мир вторжения — а потом все остальные. И быстро!

— Кент?

— Может быть... нет! Уничтожение!

Торн с ужасающей отчетливостью осознал, что эти существа вообще не могут думать непредубежденно. С уверенностью фанатиков они зависели от ранее принятого решения.

Все эти созданные ими миры стали теперь нежелательными для них, и они теперь не обращали внимания на то, что должно быть уничтожено одним беглым движением руки. Во всех других мирах они видели только отвратительные отклонения от жизни в мире главного ствола, которому и без того они постоянно отдавали предпочтение. Их реакции были непредсказуемы и истеричны, как у убийцы, который долго находился на месте преступления и потом вдруг увидел, что жертва еще шевелится.

Торн собрал всю силу воли — он почувствовал, что теперь нужно делать.

— Сикст?

— Уничтожение!

— Септем?

— Уничтожение!

— Ок...

Когда Приму внезапно пришло в голову, что Октава больше нет, и когда его мысли об этом соединились с мыслями остальных, чтобы провести уничтожение, темнота снова запульсировала.

Торн послал во тьму свой зов.

— Кем бы вы ни были и где бы вы ни находились, вы, создавшие все это, — делитель времени здесь, здесь Генератор Вероятностей!

Его зов вибрировал, как пронзительный крик.

Он тотчас был окружен мыслями Прима и остальных. Они пытались переселить его и уничтожить одновременно с мирами.

Пульсация тьмы усилилась до ураганной бури, в которой, казалось, могло сорвать с креплений даже Генератор Вероятностей. Зигзагообразная молния осветила некоторые ответвления миров: Мир-1 и Мир-2 были разделены снова — и мост вторжения обвалился.

Зов Торна все еще рвался во тьму. Он почувствовал, что его зов был подхвачен и принят силой каждого Талисмана и Генератором Вероятностей.

Его разум начал задыхаться, и сознание затуманилось.

Все действительности, казалось, парили на пороге бытия и небытия.

Вдруг ураганный шторм стих, и наступившая тишина, казалось, шла из вечности, если ее не было здесь с давних пор.

Их охватило глубокое почтение, теперь они были не более чем маленькими мальчиками, стоявшими на камнях в вы-

соком соборе и едва осмелившимися поднять глаза на священника.

Что это произошло — точнее было узнать нельзя, но они все же как-то чувствовали, что это было.

Потом через тьму потянулись мысли. Мощные, великие мысли, из которых они могли постичь лишь малую часть. Но эта маленькая доля была совершенно ясной.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поиски нашего Генератора Вероятностей и каждого относящегося к нему Талисмана продолжаются до сих пор. Мы вели эти поиски всеми имеющимися у нас силами, так как хорошо сознавали опасность злоупотребления этим Генератором.

Мы сконструировали множество подобных Генераторов, которые должны были помочь нам в поисках, но затем разразилась та катастрофа в космосе, которая дала нам понять, что Генератор с Талисманами попал в ваш поток и на вашу планету. Но мы не могли проследить это до конца. Конечно, мы могли бы создать экран действительности, но это вносило бы фактор бесконечности, и потому мы вынуждены были оставить эту мысль.

Теперь все миновало.

Я не хочу пытаться передать вам наши соображения и наш внешний вид. Вам достаточно знать, что мы властелины совсем другого космоса, энергетические свойства которого сильно отличаются от ваших.

Что же касается Генератора Вероятностей, то он никогда не создавался для такого применения, какое продемонстрировали вы. В принципе, это своего рода вычислительная машина, рассчитывающая результат действия множества известных факторов, предварительно тщательно взвешенных. Она расположена за пределами границ времени и пространства, чтобы как можно точнее взвешивать отдельные факторы, не подвергаясь влиянию течения времени. Если возникнет проблема, открывающая различные возможности, то мы с помощью машины моделируем различные возможности, чтобы потом принять соответствующие меры. Таким образом, мы исключаем все случайности.

Обратите внимание, что позволяли машине показать только результат какой-либо возможности — не реализуя саму возможность.

Но ведь не бывает машин, полностью защищенных от дураков. Но факт, что Генератор Вероятностей никогда не создавался для того, чтобы творить фактически. Это, конечно, не исключает возможности того, что он действительно может творить, если его напичкать соответствующими мыслями.

Как бы это сделать для вас понятнее?

Ход ваших мыслей показывает мне, что вы стоите еще на таком уровне развития, когда используются транспортные средства на колесах. Они движутся двигателями внутреннего сгорания, и мы знаем о них из некоторых отсталых миров нашего космоса. В такой машине вы видите только средство передвижения, но подумайте о том, что могло бы получиться, попади такое средство в руки технически неразвитого человека вашего космоса. Возможно, он увидел бы в нем своего рода оружие, которые можно как-то использовать в войне. Вы могли бы встретить какие угодно предохранительные устройства, но это ни в коем случае не помешало бы ему использовать эту машину так, как ему хочется.

Когда вы обнаружили Генератор Вероятностей, вы находились в подобном же положении. К сожалению, машина совершенно не была защищена, когда исчезла из нашего космоса. Теперь я вижу, как много попыток вы проделали за это время, и некоторые попытки имели совершенно невероятные результаты. Вы в действительности создали альтернативные миры.

Тем самым вы превратили функцию Генератора Вероятностей в ее прямую противоположность. Мы сконструировали его для того, чтобы исключать все подобные возможности, вы же, напротив, на самом деле вызвали к жизни эти нежелательные возможности. Тем самым вы создали миры, в которых был едва ли минимум возможностей для существования, и такие миры никогда не возникли бы из вашего мира естественным путем. В нормальных условиях от вас можно было бы ожидать большей обдуманности действий, которые вы предприняли бы, вы должны были бы предвидеть направление последствий. Вместо этого вы навязали Генератору Вероятностей свои мысли и свою волю, и развитие вашего собственного мира опередило вас, а вы даже не заметили этого.

Генератор Вероятностей не способствовал, конечно, вашему духовному развитию. Он скорее помешал этому развитию, так как он дал вам власть уклониться от рассуждений и

решений. Таким способом вам нужно было бы только посмотреть на то, что вы хотели бы увидеть.

Вы всегда должны были понять, что это только машина — превосходный слуга, но не воспитатель. Превосходные слуги и без того самые скверные воспитатели. Генератор мог бы, возможно, содействовать вашему развитию. Но вы предпочли вести себя так, словно вы подобны богу, вы производили эксперименты и использовали то, чего совершенно не были в состоянии понять. В качестве богов вы присвоили себе право судить, благословлять и проклинать. В конце концов вы оказались перед опасностью уничтожить больше, чем намеревались вообще. Это могло бы привести к плохим последствиям, поле действия которых могло бы достигнуть и вашего космоса.

И что же нам теперь делать со всеми вашими мирами, вы, маленькие существа?

Вполне очевидно, что нельзя больше оставлять Генератор Вероятностей в ваших руках, и мы должны отнять у вас каждый Талисман, так как власть превышает все границы вашего воображения. Созданные вами миры, конечно, нельзя уничтожить ни в коем случае. Все миры и все люди, которым была дарована жизнь, должны иметь возможность продолжить свое существование. Если бы эти изменения хода времени состоялись недавно, то мы могли бы, возможно, постараться излечить их, но все зашло слишком далеко, чтобы вылечить такие миры.

Мы могли бы остаться здесь и держать в поле зрения отдельные развития, чтобы время от времени вмешиваться и вносить необходимую корректировку для ускорения этого развития. Но ведь дело не в том, чтобы стать здесь богатыми. В этом отношении у нас есть уже плохой опыт, и мы существенно нуждаемся в совершенно самостоятельном развитии и стремлении вверх собственными силами.

Мы могли бы остаться здесь и провести различные эксперименты, причем мы шли бы уже проторенными путями и использовали бы испытанные средства. Но это тоже было бы нецелесообразно.

Итак, маленькие существа, у нас нет другого выбора, кроме как отнять у вас Генератор Вероятностей, и оставить ситуацию такой, какой вы ее создали, чтобы все могло развиваться соответственно. Отсюда следует возможность вторжения из времени и межзвездных войн. Все покажет будущее. Все боли и нужды существуют в действительности, но каждый отдельный индивидуум должен иметь возможность бес-

препятственно стремиться тому, чтобы решать свои проблемы по-своему. Будущее открывает многообещающие перспективы доброго развития, так как, насколько мы знаем, во всем космосе существует только один такой разветвленный мир, как ваш.

Мы будем с особым интересом наблюдать будущее этого мира и всем сердцем надеемся поприветствовать однажды вас в Великой Лиге всех разумных существ.

Возможно, в будущем вы отметите это как ошибку, допущенную нами, — что Генератор Вероятностей попал в ваши руки, — и мы обратим особое внимание на то, чтобы потеря Генератора больше никогда не повторилась. Но кое-что должно быть постоянно у вас перед глазами. Вы еще юная и примитивная раса, но вы уже не дети, а совершенно ответственные люди. Ключ к вашему будущему в ваших руках, и если случатся какие-то ошибки, вся вина за них будет лежать на вас самих.

Для индивидуумов, ответственных за создание этих призрачных миров, у меня есть понимание, так как я все же полагаю, что большинство из вас были воодушевлены добрыми мотивами и намерениями. Но вы возносили себя до роли богов и как боги должны сполна ответить за свои действия.

И сейчас мы приходим к вашей судьбе.

В твоем случае, Торн, конечно, все совершенно иначе. Ты позволил себе услышать наш призыв взять Талисман и, наконец, своевременно позвать нас, чтобы предотвратить катастрофу буквально в последнее мгновение. Мы благодарны тебе за это. Мы могли бы вырвать тебя из твоего обычного окружения и взять в нашу сферу, но это был бы шаг, о котором, в конце концов, ты пожалел бы сам и возможно даже проклял бы нас. Мы не можем оставить тебе Талисман, так как достаточно скоро может оказаться — имея в виду длительный срок — что ты тоже вряд ли сможешь применить свою силу лучше, чем другие представители твоей расы. Для нас было бы желательным оставить тебя в теперешнем состоянии тройной личности, так как тем самым для нас открываются совершенно новые и интересные перспективы, но и это не должно быть, так как в трех различных мирах ты имел три совершенно разные судьбы. Все же мы готовы на своего рода компромисс — позволить тебе сохранить все лучшие способности твоей тройной личности.

А теперь, маленькие существа, мы вас покинем.

Из множества маленьких укрытий в ближайших и дальних окрестностях Опалового Креста появились люди, чтобы формироваться в маленькие армии. Другие прибывали по воздуху на своих летательных аппаратах, чтобы тоже присоединиться к ним.

Лишь издалека можно было увидеть несколько мундиров космической службы. Среди этих людей находились и некоторые саботажники из Мира-2, которым Торн-2 в последнюю минуту дал возможность бежать из своего мира.

В воздухе висели едкие кислотные пары. Из ранних мест вырывались белые облачки дыма — там, где Земля была опалена в битве субтропным оружием.

В ближайших окрестностях Опалового Креста виднелись свежие следы гигантских машин и транспортных средств. Когда-то зеленые газоны представляли картину опустошения. Даже маленькие здания не пощадило. Воздух, казалось, все еще содрогался от чудовищного грохота больших летательных аппаратов.

От всей армии вторжения не осталось ни одного солдата.

В небесном Зале Опалового Креста члены Всемирного Комитета взглядами смотрели перед собой. Только лежащие на полу останки тела Клоули напоминали о том, что здесь разыгралось.

Двойник Клоули исчез вместе с другими фигурами в черных мундирах.

Шилдинг, казалось, первым переборол шок: он повернулся к Конджерли и Темпельмару.

Теперь они уже не казались больше роботами, уверенными в своей победе. Но они не казались и завоевателями в ловушке. Их лица заметно изменились, и по знакомым чертам Шилдинг понял, что время маскарадов миновало и что в этот зал вернулись настоящие Конджерли и Темпельмар.

Файрмур истерически захохотал.

Шилдинг сел.

В Мира-2, на том месте, где только что стояло гигантское здание Опалового Креста, теперь зияла глубокая пропасть, из которой поднимались клубы темного дыма. Вся армия вторжения со всем ее оружием и техническими средствами исчезла в этой дымной пропасти. Это было как видение ада.

На одной стороне пропасти виднелся раздробленный остов трансвременной машины. Отдельные металлические части и крепления образовали беспорядок опустошения. Воздух все еще разрывали пронзительные звуки, и над пропастью завывал ураганный ветер.

Как черный ворон над извергающимся вулканом по этой картине бежал Клоули. Даже при этом виде полного опустошения и под действием шока трансвременной машины его все не оставляла мысль о том, как другой Клоули пытался убить его. Этим он вынес себе собственный смертный приговор и сделал возможным мгновенный обмен.

Теперь он навеки был связан с Миром-2 и вынужден был жить в теле Клоули-2. Но ему теперь было открыто и сознание Клоули-2, так как его дух не мог долго препятствовать этому, тем самым он стал почти равноправным жителем этого мира. Он знал, где он находился, он знал, что ему теперь делать, и у него не было времени для сожаления.

В относительно короткое время он достиг высокого здания и нашел вход в Зал Слуг Народа.

Одиннадцать стариков выглядели надломленными. Они все еще находились под впечатлением сообщений об абсолютном поражении.

Узкие губы председателя дрожали.

— Я всегда предупреждал вас, Клоули, что ваши необдуманные действия однажды приведут к вашему концу. Вы в большей части ответственны за это неожиданное поражение. В общем, вполне возможно, что вы вашим безответственным поведением показали арестованному Торну, и он смог предупредить другой мир о предстоящем вторжении. Мы пришли к решению стереть вас. — Он остановился и после паузы, помедлив, продолжал: — Прежде чем исполнится приговор, мы хотим все же дать вам возможность сказать что-нибудь в вашу защиту.

Клоули едва сдержал улыбку. Он знал подобные сцены, которые, казалось, каким-то образом происходили еще из мифов. Непосредственно перед «сумерками богов» боги пытались все причины своих неудач поставить в вину Локи, чтобы запугать его — в надежде таким образом заставить его найти выход из дилеммы.

Это блеф Слуг Народа. Пока они разыгрывали из себя судей, они на самом деле искали руку помощи.

Клоули видел, что находится здесь в своем мире — это был мир приключений, мир, о котором он давно мечтал. Этот мир полностью соответствовал его характеру. В этом

мире он мог играть тайную роль скрытого предателя, он мог внешне поддерживать дело Слуг Народа и одновременно сводить на нет все будущие планы вторжения. В этом мире он мог крепко держать в руках нить судьбы.

В уголках рта опять заиграла необъяснимая улыбка, и он шагнул вперед, чтобы ответить на обвинение Слуг Народа.

Торн находился в космической тьме, он каждое мгновение ждал, что его тройная личность снова будет разделена. Он знал, что настоящие владельцы Генератора Вероятностей дали ему передышку, чтобы он нашел лучшее решение стоящей пред ним проблемы.

И он уже нашел это решение!

С этих пор три Торна через некоторое время должны обмениваться телами, чтобы каждый из них мог понять и испытать до дна и счастье, и несчастье соответствующего мира. Это будет странное существование: неделя свободы и привольной жизни в Мире-1, неделя в деспотии и ненависти Мира-2, и, наконец, неделя в суровом, неумолимом Мире-3.

При этом, конечно, могли появиться всякие трудности; как отдельные существа, они, конечно, хотели бы уклоняться от такой судьбы, но каждый из троих вспомнил бы об этом мгновении и нашел бы необходимые силы.

Да, странная судьба, подумал он снова — и почувствовал, как его тройная личность медленно разделяется.

Но действительно ли такая судьба так сильно отличается от судьбы обычной жизни?

Неделя в небе — неделя в аду и неделя в мире духов...

В семи различных мирах совершенно разного уровня развития оглядывались семь темных фигур, они пораженно и подавленно рассматривали последствия своих творений.

**ТРЕБУЕТСЯ
НЕПРИЯТЕЛЬ**

Яркие звезды марсианского неба сияющей крышей нависли над фантастически неожиданной картиной. Существо, обладающее оптическим зрением, увидело бы землянина, одетого в самые обычные пиджак и брюки, жителя двадцатого столетия, который стоял на валуне, торчащем фута на четыре из ржавого песка. Лицо его было костлявым и аскетичным, глаза в глубоких глазницах неистово сверкали. Время от времени его длинные волосы падали на глаза. Губы безостановочно двигались, обнажая большие желтые зубы, а перед ними висело облачко слюны — он произносил речь. На английском языке, между прочим. Он так сильно напоминал старинного уличного оратора, что так и хотелось поискать глазами фонарный столб, тупые лица слушателей, столпившихся на обочине, и разгуливающего поблизости полицейского.

Но удивительный, мягко сияющий ореол, окружающий мистера Уитлоу, отбрасывал блики на лаково-черные панцири и приделанные к ним ноги, слегка напоминающие муравьиные, но увеличенные во много раз. Каждое существо, из собравшихся перед оратором, состояло из метрового овального туловища, у которого не было выделенной головы, и никаких других отверстий на сверкающей черной поверхности, если не считать маленького рта, который действовал, как скользящая дверь и открывался, и закрывался через разные промежутки времени. К этому туловищу были прикреплены восемь членистых ног, заканчивающихся искусно манипулирующими рабочими органами.

Эти существа собрались вокруг валуна мистера Уитлоу. Прямо перед ним, немного в стороне от остальных, пристроилось еще одно существо. По бокам от него расположились еще двое, чьи отливающие серебром скульптуры вызывали мысль о ветровой эрозии, и, стало быть, о возрасте.

А вокруг всего этого сборища — черная пустыня до горизонта, очерченного лишь исчезновением звездного поля. Низко над горизонтом сверкала лазурная Земля — вечерняя звезда Марса, а рядом с ней — тонкий полумесяц Фобоса.

Марсианским жесткокрылым вся эта картина представлялась совершенно в другом виде, поскольку их представления основывались на совершенно иных принципах восприятия, чем у утонченных человеческих органов чувств. Их мозги, находящиеся в глубине тел, непосредственно ощущали все находящееся в радиусе примерно пятидесяти метров. Для них голубое сияние Земли было всего лишь рассеянным фотонным облачком, чуть превосходящим порог восприятия, но в то же время слегка отличающимся от фотонных облачков света звезд и слабого лунного сияния. Марсианские жесткокрылые не могли не пользоваться линзами, чтобы создать такой образ внутри себя. Они представляли себе твердую поверхность, под собой как песчаную полусферу, изрытую ходами различных ползучих и сороконожкообразных норкопателей. Они ощущали бронированные тела и мысли друг друга. Но главным образом их внимание было сосредоточено на этой головоногой, незащищенной, неэкономичной и беспорядочной куче, которая считала себя мистером Уитлоу — удивительно мокрой форме жйзни, неведь откуда появившейся на сухом Марсе.

Физиология жесткокрылов была типичной для истощенной планеты. Скорлупы их были двойными, пространство между стенками ночью опустошалось, чтобы сохранить тепло, и наполнялось днем, чтобы поглощать его, легкие были настоящими аккумуляторами кислорода. Они вдыхали разреженный воздух, рот, этот двойной клапан, позволял им создавать высокое внутреннее давление. Вдыхаемый кислород использовался стопроцентно, а выделялась чистая двуокись углерода, несущая и другие респираторные выделения. Редкие струйки их чрезвычайно бурного дыхания заставляли мистера Уитлоу морщить свой крупный нос.

А вот что позволяло мистеру Уитлоу существовать и даже произносить речь на холоде и при недостатке кислорода — было совсем неясно. Это было так же любопытно, как и вопрос об источнике мягкого сияния, которое окружало землянина.

Обмен информацией между человеком и его аудиторией был чисто телепатическим, он говорил вслух по просьбе жесткокрылов, так как подобно большинству нетелепатов его мысли упорядочивались и прояснялись в процессе речи.

Звуки его голоса быстро затухали, в разреженном воздухе они звучали как из-под патефонной иглы без усилителя, что увеличивало жуткую нелепость его неистовых жестов и гримас.

— Итак, — заключил мистер Уитлоу хриплым голосом, отбрасывая длинные волосы со лба, — я возвращаюсь к своему первоначальному предложению: не хотите ли вы напасть на Землю?

— А мы, мистер Уитлоу, — промыслил Главный Жесткокрыл, — возвращаемся к нашему первоначальному вопросу, на который вы так и не ответили: зачем нам это?

На лице мистера Уитлоу появилась гримаса, выражающая раздражение и утрату терпения.

— Как я уже неоднократно говорил, я не могу все полностью объяснить. Но я уверяю вас в своем чистосердечии. Я обещаю обеспечить транспортировку и всемерно облегчить вам выполнение задания. Видите ли, вторжение должно быть чисто символическим. Вскоре вы вернетесь на Марс со своими трофеями. Я уверен, вы не упустите такой шанс.

— Мистер Уитлоу, — ответил Главный Жесткокрыл с юмором, таким же ядовитым и сухим, как и сама его планета. — Я не могу прочесть ваши мысли, если вы не произносите их вслух. Они слишком запутаны, но я ощущаю ваши предубеждения. Вы основываетесь на совершенно неправильном представлении о нашей психологии. Очевидно, для вашего мира является обычным представлять чуждые разумные существа злобными чудовищами, единственное стремление которых — разрушить, уничтожить, покорить, обрушить невообразимые жестокости на существа, менее развитые, чем они сами. Мы — древняя и бесстрашная раса. Мы переросли страсти и тщеславие, даже честолюбивые устремления своей юности. Мы не принимаем никаких планов, если они не связаны со здоровыми и весомыми причинами.

— Но если причина только в этом, то вы, несомненно, должны видеть выгоду моего предложения: почти или совсем никакого риска, и вы получаете существенную добычу.

Главный Жесткокрыл прочнее устроился на своем валуне, и его мысли сделали то же самое:

— Мистер Уитлоу, позвольте напомнить вам, что нас всегда было трудно втянуть в войну. За всю нашу историю нашими единственными врагами были моллюски из бескрайних океанов Венеры. В пору расцвета их культуры они прибыли в своих заполненных водой кораблях с целью покорить нас, и произошло несколько длительных и ожесточенных войн.

Но в конце концов и они обрели расовую зрелость и некоторую бесстрастную мудрость, хотя и не равную нашей. Было объявлено вечное перемирие на тех условиях, что каждая из сторон остается на своей планете и больше не предпринимает попыток набега. Веками мы оставались верными этому перемирию и жили в обоюдной изоляции. Сами видите, мистер Уитлоу, что нам не выгодно принимать такое неожиданное и таинственное предложение, как ваше.

— Вношу предложение, — вмешался Старший Жесткокрыл, сидевший справа от Главного. Мысли его молнией метнулись к Уитлоу. — Кажется ты, земляшка, обладаешь силами, которые, возможно, даже превосходят наши. Твое появление на Марсе без всякого видимого транспортного средства и твоя способность переносить холод без какого бы то ни было прибора — вот достаточные доказательства этого. Насколько мы поняли, другие обитатели твоей планеты не обладают такими силами. Почему бы тебе самому не напасть на них, подобно бронированному ядовитому червяку-отшельнику?! Зачем тебе наша помощь?

— Друг мой, — веско сказал Уитлоу, наклоняясь вперед и вонзая взгляд в серебристую раковину старейшины, — я ненавижу войну, как подлейшее занятие, и активное участие в ней считаю величайшим злодеянием. И тем не менее я принес бы себя в жертву, если бы мог добиться своей цели подобным образом. К сожалению, не могу. Не возникает чисто психологического эффекта, который мне нужен. Более того, — он помолчал в замешательстве, — я должен признаться, что еще не вполне подчинил себе свои силы. А я их не понимаю. Волею непостижимого провидения в мои руки попало устройство, которое, вероятно, является творением существ неизмеримо более развитых, что дает мне возможность путешествовать в пространстве и времени, защищает меня от опасностей, дает мне тепло и свет, контролирует марсианскую атмосферу вокруг меня и концентрирует ее так, что я могу нормально дышать. Но что касается более широкого использования — смертельно боюсь, что устройство выйдет из-под контроля. Мой собственный небольшой эксперимент имел катастрофические последствия, повторить его я не осмеливаюсь.

Старший Жесткокрыл частным образом обменялся мыслями с Главным:

— Может быть, мне стоит попытаться загипнотизировать его помутившийся разум и отобрать у него это устройство?

— Давай.

— Только я боюсь, что оно защитит его разум так же успешно, как и тело.

— Мистер Уитлоу, — резко промыслил Главный, — вернемся к доводам. С каждым произнесенным словом ваше предложение становится все более безрассудным, а ваши мотивы все более неясными. Если вы хотите, чтобы мы проявили серьезный интерес, вы должны дать нам ответ на один вопрос: почему вы хотите, чтобы мы напали на Землю?

Уитлоу скривился.

— Именно на этот вопрос я не хотел бы отвечать.

— Хорошо, сформулируем по-другому, — настойчиво продолжал Главный. — Какую личную выгоду вы собираетесь извлечь из нашего нападения?

Уитлоу выпрямился, как струна, и поправил галстук.

— Никакой! Абсолютно никакой! Для себя ничего не добиваюсь.

— Вы хотите править Землей? — настаивал Главный.

— Нет! Нет! Я ненавижу любую тиранию.

— Значит, месть? Я никогда не опущусь до такого варварского поведения. Я никогда не обвиняю и ни к кому не питаю ненависти. Желание причинить кому-нибудь вред далеко от моих мыслей.

— Ну, ну, мистер Уитлоу! Вы же только что пригласили нас напасть на Землю. Как же это согласуется с вашими чувствами?

Уитлоу разочарованно закусил губу.

Главный быстро спросил Старшего:

— Как успехи?

— Совершенно никаких. За его разум чрезвычайно трудно ухватиться. И, как я предвидел, он защищен.

Глаза Уитлоу остановились на очерченном звездами горизонте.

— Я и так сказал вам очень много, — произнес он. — Исключительно из-за того, что я сильно люблю Землю и человечество, я прошу вас напасть на нее.

— Вы выбрали странный способ выразить свою любовь, — заметил Главный.

— Да, — продолжал Уитлоу, и голос его слегка потеплел, но глаза сохраняли отсутствие выражения. — Я хочу, чтобы ваше нападение предотвратило войну.

— Это становится все более и более загадочным. Развязать войну, чтобы прекратить ее? Этот парадокс требует объяснения. Берегитесь, мистер Уитлоу, как бы я не впал в

заблуждение и не начал считать чуждых существ злобными слабоумными чудовищами.

Взгляд Уитлоу опустился и остановился на Главном. Он шумно вздохнул:

— Полагаю, мне придется объясниться, — пробормотал он. — Вероятно, в конце концов вы сами все выясните. Хотя проще было бы другим образом...

Он отбросил непослушные волосы и слегка утомленно помассировал лоб. Заговорив снова, он стал гораздо меньше походить на оратора.

— Я — пацифист. Жизнь моя посвящена благородной задаче предотвращения войн. Я люблю людей. Но они впали в заблуждение и грех, пали жертвой своих изменных страстей. Вместо того, чтобы доверчиво шагать рука об руку к исполнению всех своих великолепных мечтаний, они постоянно впадают в конфликты, в гнусные войны.

— Возможно, на то и есть причина, — мягко предположил Главный. — Какие-то неравенства, которые нуждаются в урегулировании, или...

— Не надо, — осуждающе сказал пацифист. — Войны становятся все более жестокими и ужасными, и я, и другие обращались к здравому смыслу большинства, но тщетно. Я ломал себе голову в поисках решения. Я рассматривал все мыслимые средства. С тех пор, как мне в руки попало это... э... это устройство, я искал в космосе и даже во временных потоках секрет предотвращения войн. Безуспешно. Те разумные расы, которые я обнаружил, либо сами воевали, либо никогда не знали войн. Это, конечно, милые существа, но они не могли дать мне никакой информации. Есть еще один вариант — когда войны перерастали в такие мучительные и ужасающие, что не оставалось никого и ничего, за что можно было бороться.

— Как у нас, — подумал Главный про себя.

Пацифист протянул руки, обратив ладони к звездам.

— И поэтому я снова должен был обходиться собственными силами. Я всесторонне изучил человечество. Постепенно я понял, что наиболее худшая его черта — и одна из тех, что наиболее ответственна за войны — это чрезвычайно раздутое самомнение. На моей планете человек — венец творения. Все другие животные мало чем отличаются друг от друга — ни один вид не превалирует. У каждого хищника есть свои хищные конкуренты. Каждое травоядное конкурирует с другим животным из-за травы и листьев. Даже рыбы в море и мириады паразитов, роящихся в крови, делятся на породы

примерно равных возможностей и способностей. И все это способствует скромности и чувству реальности. Никакие виды живых существ не склонны сражаться между собой, так как это расчищает дорогу к превосходству третьим видам. И лишь только у человека нет серьезных конкурентов. И в результате человек приобрел манию величия — и заодно и манию преследования и ненависти. В отсутствие ограничений, которые поставила бы конкуренция, он заполнил свой дом, свою планету нескончаемыми войнами.

Некоторое время я обосновывал свою идею. Я с тоской думал о том, что развитие человечества могло идти совершенно иным путем, если бы ему пришлось делить планету с каким-то равным по разуму видом. Скажем, каким-либо морским народом, способным создавать машины... Я вспомнил, как во время величайших природных катастроф, таких как пожары, наводнения, землетрясения и чума — люди на время прекращали раздоры и работали рука об руку — бедные и богатые, враги и друзья. К несчастью, такое сотрудничество длится до тех пор, пока люди еще раз не докажут свое превосходство над окружающей средой. Никогда не возникает постоянно отрезвляющая угроза. И тогда... на меня снизошло откровение.

Взгляд мистера Уитлоу скользнул по черным раковинам — беспорядочной куче атласных серповидных световых пятен, собравшихся вокруг обнимающей его светящейся сферы. Точно так же и разум его скользнул по их скрытым бронированным мыслям.

— Я вспомнил случай из детства. Радиовещание — мы использовали вибрацию высокой частоты, чтобы передавать звук, транслировали шуточный репортаж, фиктивный, но правдоподобный о вторжении на Землю жителей Марса, существ той злобной разрушительной природы, которой, как вы говорили, мы склонны наделять чужую жизнь. И многие поверили этому репортажу. Ненадолго вспыхнула паника. И мне представилось, как при первых же признаках настоящего вторжения воюющие народы забудут свои разногласия и встанут бок о бок, чтобы встретить захватчиков. Они осознают, что то, из-за чего они сражались, в действительности пустяки, фантомы, порожденные дурным настроением и страхами. Они поймут, что наиважнейшим фактом является то, что они люди, что они столкнулись со всеобщим врагом, и они величественно примут вызов. Ах, друзья, когда перед моими глазами возникла эта картина, как воюющее

человечество при первом ударе объединится навсегда, я задрожал... Я...

Даже на Марсе эмоции захлестнули его.

— Очень интересно, — вкрадчиво промыслил Старший Жесткоккрыл, — но не будет ли предлагаемый вами метод противоречить той высочайшей морали, которую я ощущаю в ваших признаниях?

Пацифист склонил голову.

— Друг мой, вы совершенно правы — в большом и окончательном смысле. Но позвольте мне заверить вас, — жизнь вернулась к нему, — что в тот день, когда возникнет вопрос о межпланетных отношениях, я буду в авангарде защитников межзвездного равенства, буду добиваться полного равенства для жесткоккрылов и людей. Но... — его глаза, лихорадочно блестевшие, снова смотрели из-под волос, упавших на лоб, — это дело будущего. Животрепещущий вопрос — как остановить войну на Земле? Как я уже говорил, ваше вторжение должно быть чисто символическим и как можно менее кровопролитным. Однако даже лишь видимость внешней угрозы — убедительное доказательство того, что человек имеет равных себе или даже превосходящих его соседей по Вселенной, и этот факт вернет человечеству естественную точку зрения, сплотит его во взаимооборонительное братство и установит вечный мир.

— Это неважно, — промыслил Главный сухо, впервые высказывая некоторое высокомерие и расовую гордость, порожденную вечными сухими традициями. — Как я уже говорил, моллюски, очевидно, низшая раса. Всего лишь водянчики. Мы их не видели уже много веков. Насколько мы знаем, они вымерли. И, конечно, нас несколько не сдерживало такое древнее затасканное соглашение с ними, если бы имелся хоть какой-то здравый и выгодный повод нарушить его. И нам нет смысла — и никогда не было — бояться их.

Мысли Уитлоу пришли в замешательство и смущение, его руки с плоскими пальцами бессознательно совершали какие-то жесты. Вынужденный вернуться к своему первоначальному аргументу, он неуверенно заговорил:

— Но ведь, конечно, должна быть какая-то добыча, которая будет иметь для вас ценность после вторжения на Землю. В конце концов, Земля — планета, богатая кислородом, водой, минералами и жизненными формами, в то время как Марс испытывает недостаток во всем этом.

— Совершенно верно, — промыслил Главный. — И мы выработали такой образ жизни, который точно соответствует

этим условиям. Собирая межзвездную пыль по соседству с Марсом и разумно используя трансмутацию элементов и другую технологию, мы обеспечиваем себя достаточным количеством всего необходимого. Чрезмерное земное изобилие поставит нас в затруднительное положение, нарушит нашу систему. Увеличение запаса кислорода заставит нас изучать новый тип дыхания, чтобы избежать кислородного опьянения, что само по себе делает вторжение на Землю небезопасным. Подобные же опасности таит в себе и пресыщение другими элементами и соединениями. А что касается отвратительно кишащих жизненных форм, то ни одна из них не сможет стать полезной нам на Марсе — разве что, к несчастью, какая-то из них найдет пристанище в наших телах и вызовет эпидемию.

Уитлоу вздрогнул. Сознавал он это или нет, но его планетарное тщеславие было задето.

— Но все же вы упускаете нечто более важное, — убеждал он, — творения человеческой промышленности и мастерства. Человек изменил лик своей планеты гораздо более существенно, чем вы — своей. Он покрыл ее дорогами. Он не толпится на открытой местности, как вы, а построил обширные города. Он создал всевозможные транспортные средства. Конечно, среди таких ценных вещей вам многое придется по душе.

— Маловероятно, — возразил Главный. — Я не вижу в вашем мозгу никаких признаков того, что могло бы вызвать даже малейший наш интерес. Мы приспособились к окружающей среде. Мы не нуждаемся в одежде и домах, в прочих искусственных приспособлениях, которые требуются вам, плохо приспособленным к жизни земляшкам. Наше господство над собственной планетой превосходит ваше, но мы не рекламируем его столь назойливо. Из картины, нарисованной вами, я понял, что вы, земляшки, страдаете гигантоманией и грубым, ничем не прикрытым, эксгибиционизмом.

— Но ведь есть еще наши машины, — настаивал Уитлоу, кипя от гнева и дергая себя за воротник. — Ужасно сложные машины для различных целей. Они могут быть полезны другим существам так же, как и нам.

— Да, представляю себе, — ядовито заметил Главный, — огромная неуклюжая груда колес и рычагов, проволоки и трубок. В любом случае, наши тела лучше.

Он быстро послал вопрос старшему:

— Ну как, гнев не сделал его разум более уязвимым?

— Еще нет.

Уитлоу сделал последнее усилие, с огромным трудом сдержал свое негодование.

— Кроме всего прочего, есть и искусство. Культурные сокровища неизмеримой ценности. Работа существ, творчески одаренных гораздо больше, чем вы. Картины, музыка, живопись, скульптура, конечно...

— Мистер Уитлоу, не делайте из себя посмешище, — сказал Главный. — Искусство становится бессмысленным вне его культурного окружения. Что интересного можно ожидать от неуклюжего самовыражения незрелой расы? Более того, ни один из тех видов искусства, что вы перечислили, не может быть приспособлен к нашему способу восприятия, исключая скульптуру, а в этой области наши достижения неизмеримо выше, поскольку мы непосредственно воспринимаем объем — всего лишь улавливанием теней, ограниченное неестественными двухмерными образами.

Уитлоу выпрямился и скрестил руки на груди.

— Отлично, — проскрежетал он. — Вижу, что я не могу уговорить вас. Но... — он погрозил пальцем Главному, — позвольте мне кое-что сказать вам! Вы презираете людей, называете их грубыми и незрелыми. Вы обливаете грязью их промышленность, науку и искусство. Вы отказываетесь помочь им в беде. Вы думаете, что имеете возможность пренебречь ими. Отлично! Продолжайте в том же духе — посмотрим, что произойдет!

Мстительный огонь загорелся в его глазах.

— Я знаю своего соплеменника-человека. Войны сделали его деспотичным и предприимчивым. Он поработил много животных, обитающих в полях и лесах. Когда может, он порабощает и себе подобных, а когда не может, то опутывает их неощутимыми цепями экономической зависимости и благоговением перед его престижем. Он — тупоголовая марионетка своих низменных инстинктов, но в то же время он талантлив, чертовски упорен, влекомый своими безграничными амбициями! У него уже есть атомная энергия и ракеты. Через несколько тысячелетий у него будут космические корабли, субатомное оружие. Продолжайте в том же духе и ждите! Постоянные войны побуждают человека совершенствовать оружие до невообразимого уровня. Дождитесь и этого! Дождитесь, когда он появится на Марсе во всей своей мощи! Дождитесь с вашей бронированной приспособляемостью ко всем видам окружающей среды. Дождитесь, когда он добьется раздоров с вами, победит вас, поработит вас и погрузит на корабли, набив вами вонючие трюмы, чтобы вы работали в

земных шахтах, на океанском дне, в стратосфере и на планетоидах, которые земляне захотят эксплуатировать. Да, продолжайте в том же духе и ждите!

Уитлоу прервал речь, грудь его высоко вздымалась. Некоторое время он признавал лишь свое злобное удовлетворение, высказывая все этим несносным жукоподобным созданиям.

Потом он согласился.

Жесткокрылы приближались. Передние особи вырисовывались во всем своем отвратительном паукообразном облике, почти вторгаясь в его защитную сферу. Точно так же приближались и их мысли, образовав стену угрозы, более черную, чем окружающая их марсианская ночь. Исчезло высокомерное веселье и хладнокровная отстраненность, которые так раздражали его. Он с недоверием осознал, что каким-то образом пробился сквозь их броню и попал в уязвимое место.

Он поймал быструю мысль от Старшего к Главному:

— А если и другие хоть немного похожи на этого, они будут вести себя точно так же, как он сказал. Это еще одно подтверждение.

Он медленно огляделся вокруг, наклонил голову, пытаясь отыскать ключ к внезапному изменению позиции жесткокрылов. Его озадаченный взгляд остановился на Главном.

— Мы переменили мнение, мистер Уитлоу, — хмуро признался Главный. — Я говорил вам с самого начала, что мы не колеблемся, принимая решения, когда располагаем ясными и убедительными аргументами. Если ваши глупые доводы относительно гуманности и добычи были явно неудачными, то ваша последняя вспышка убедила нас. Все именно так, как вы говорите. Земляшки в конце концов нападут на нас, и даже с некоторой надеждой на успех, если мы будем ждать. Поэтому по логике вещей мы должны провести предупреждающую акцию, и чем скорее, тем лучше. Мы проведем разведку, и, если условия на Земле такие, как вы утверждаете, то мы нападём на нее.

Из глубины замешательства и уныния Уитлоу одним махом перескочил к вершинам радостного возбуждения. Его долгое тело, казалось, вытянулось еще больше. Все вернулись на место.

— Изумительно! — фыркнул он, а затем взволнованно затрепал.

— Конечно, я сделаю все, что могу. Я обеспечу транспортировку!

— В этом нет нужды, — решительно промыслил Главный. — Мы не более доверяем вашим огромным словам,

чем вы сами. У нас есть свои космические корабли, полностью пригодные для подобного предприятия. Мы не выстав- ляем их напоказ, как и не хвастаемся другими техническими достижениями нашей культуры. Мы не используем их, как вы, земляшки, чтобы бесцельно носиться туда-сюда. Тем не менее они у нас есть, накопленные про запас на случай необходимости.

Но даже этот презрительный отказ не испортил ликования Уитлоу. Лицо его сияло. Навертывающиеся слезы заставляли моргать лихорадочно блестящие глаза. Его адамово яблоко дергалось от удушья.

— Ах, друзья мои... мои дорогие друзья! Если бы я только мог выразить вам, что означает этот момент для меня! Если бы я мог только рассказать вам, как я счастлив, когда представляю тот великий грядущий момент! Когда люди выйдут из своих траншей и окопов, бомбардировщиков и истребителей, домов и фабрик, наблюдательных постов и штабов, чтобы увидеть новую угрозу в небесах. Когда их жалкие воззрения отпадут, как грязные и рваные одеяния. Когда они разрежут опутывающую их колючую проволоку ненависти и соединятся рука об руку, как истинные братья, что встретят общего врага. Когда, выполнив общую задачу, они добьются истинного и прочного мира!

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Его остекленевшие глаза любовно остановились на голубой звездочке Земли, едва возвышающейся над горизонтом.

— Да, — издалека дошла до него сухая мысль Главного. — Для обладающего твоим темпераментом это будет, вероятно, очень радостная и трогательная сцена. Но ненадолго...

Уитлоу тупо посмотрел вниз. Последняя мысль Главного будто слегка оцарапала его — легкий удар огромной ядовитой клешни. Он не понял, но ощутил неосознанный страх.

— Что... — запинаясь проговорил он. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — промыслил Главный, — что во время нашего вторжения на Землю нам не придется воспользоваться тактикой «разделяй и властвуй», которую обычно применяют в подобных случаях. Вы же знаете: присоединиться к одной фракции, чтобы победить другую — воюющие стороны не очень разборчивы в союзниках — затем подстрекать к дальнейшему расколу и так далее. Нет, с нашим превосходством в вооружении мы, вероятно, проведем прямую акцию очищения и не станем связываться с утомительными махинациями. А поэтому вы, вероятно, увидите ту вспышку

единения земляшек, которой придаете такое большое значение.

Уитлоу уставился на него, лицо пацифиста побелело от возникающего ужаса. Он облизал губы.

— Что вы хотите сказать словами «ненадолго»? — прошептал он сипло. — Что вы имеете в виду под «вспышкой»?

— Неужели вам все еще не понятно, Уитлоу? — откликнулся Главный с оскорбительным юмором. — Неужели вы могли хоть на минуту предположить, что мы совершим крошечное вторжение на Землю и, внушив землянам благоговейный страх, вернемся на Марс. Таким методом мы наверняка добьемся того, что со временем произойдет контрвторжение на Марс. Следуя вашему совету, мы только бы ускорили его: земляшки тут же появились бы на Марсе с намерением уничтожить угрозу. Нет, мистер Уитлоу, мы нападём на вас только для того, чтобы защитить себя от потенциальной опасности. Нашей целью будет полное и тотальное уничтожение, совершенно быстрое и эффективное. Наше сегодняшнее военное превосходство делает успех неизбежным.

Уитлоу тупо вытаращился на Главного, похожий на грязную и почему-то желтоватую статую самого себя. Он раскрыл рот и не сказал ни слова.

— Вы ведь и подумать не могли, мистер Уитлоу, не правда ли, — сердечно продолжал Главный, — что мы можем сделать для вашего блага? Или для блага кого бы то ни было, кроме нас, жесткокрылых?

Уитлоу не сводил глаз с ужасных черных восьминогих яиц, подобравшихся ближе — живых воплощений ядовитой черноты древней планеты.

Он только смог мысленно пробормотать:

— Но... я думаю, вы сказали, что нельзя думать о чужих сознаниях как о злобных чудовищах, стремящихся только к уничтожению и разрушению...

— Возможно, — отрезал Главный.

И только тут мистер Уитлоу осознал, чем в действительности являются эти чуждые создания.

Будто в удушливом кошмаре он увидел, что жесткокрылы подобрались еще ближе. Он услышал высокомерную нескрывтую мысль, посланную Главным Старшему:

— Ты еще не ухватился за его разум?

И ответ старшего:

— Нет.

И быстрый приказ Главного.

Черные яйца ворвались в его световую сферу, грозные бронированные клешни потянулись к нему — и это было последним впечатлением мистера Уитлоу на Марсе.

Мгновением позже устройство защитило его путем мгновенного перемещения на огромное расстояние — мистер Уитлоу пришел в себя внутри воздушного пузыря, который чудесным образом поддерживал нормальное атмосферное давление в глубинах бескрайних венерианских морей. Подобно рыбе в аквариуме, только с другой стороны, он рассматривал мягко колышущиеся люминесцирующие водоросли и наполовину прикрытые ими, полупогруженные в них огромные здания. Вокруг носились сверкающие корабли и существа со щупальцами.

Главный Моллюск рассматривал существо, вторгшееся в его частный сад с высокомерным неодобрением, которое даже удивление не могло поколебать.

— Кто вы? — холодно спросил он.

— Я... я прибыл, чтобы информировать вас о злобном нарушении правил перемирия. — Пять глаз на длинных стебельках рассматривали пацифиста с той же холодностью, что прозвучала в повторной мысли.

— Но кто вы?

Внезапный прилив горькой правдивости заставил мистера Уитлоу ответить:

— Наверное... меня можно назвать поджигателем войны.

ПОБРОСАЮ-КА Я КОСТИ

Джо Слеттермен внезапно понял, что если он не отправится сейчас же, то в его черепе что-то взорвется, и осколки его, словно шрапнель, сметут многочисленные подпорки и заплаты, удерживающие его ветхую хижину от окончательного разрушения. Его жилище более всего походило на картонный домик из деревянных, пластмассовых и картонных карт, а очаг, печи и камин были неожиданно тяжеловесными.

И все это было каменно-твердым. Очаг доходил ему до подбородка, был раза в два больше в длину и до краев полон пламени. Выше располагался ряд квадратных печных заслонок: его жена пекла хлеб, что составляло часть их доходов. Над печами висела длинная, во всю стену, палка, слишком высокая, чтобы его мать могла дотянуться, а мистер Пузик — допрыгнуть, заставленная всевозможными семейными реликвиями. Те из них, что не были сделаны из камня или фарфора, настолько высохли от постоянной жары, что казались ничем иным, как высохшими человеческими головами или черными мячами для гольфа. Сбоку стояли плоские бутылки из-под джина, бережно хранимые женой. Еще выше висел старый мультихром. Он висел так высоко и настолько был покрыт сажей и салом, что нельзя было точно сказать, был ли этот сигарообразный предмет, окруженный воронками, китобойным орудием или же космическим кораблем, пробирающимся сквозь облако гонимой солнечным светом космической пыли.

Не успел Джо согнуть пальцы ног, как его мать поняла, куда он собрался.

— Идет бездельничать, — пробормотала она с осуждением. — Карманы полны монет — домашних денег, пущенных на грех. — Иона снова принялась жевать индюшатину, куски которой она отрывала правой рукой от тушки, лежащей на решетке в пламени камина, тогда как левая была готова

отогнать не сводящего с нее взгляда мистера Пузика: желтоглазого, тощего, с драным, нервно подрагивающим хвостом. Мать Джо, в своем грязном платье, полосатом, словно бока индианки, походила на продавленный портфель, а пальцы — на обрубленные сучки.

Жена Джо, видимо, думала то же самое, потому что она улыбнулась ему через плечо, возясь около средней печки. До того, как она захлопнула дверцу, Джо успел заметить, что она посадила два длинных, тонких, похожих на флейты хлеба и один высокий длинный каравай. Она была худющей, словно смерть, болезненной и постоянно куталась в фиолетовую шаль. Она, не глядя, протянула костлявую, в ярд длиной, руку к ближайшей бутылке джина, сделала смачный глоток и улыбнулась снова. Джо без слов понял, что она хотела сказать: «Ты уйдешь и будешь играть; потом напьешься и будешь где-нибудь валяться, придешь домой и избьешь меня и попадешь в каталажку», — и в его мозгу вспыхнуло воспоминание о том, как он в последний раз сидел в грязном подвале и она пришла к нему, а лунный свет озарял зеленые и желтые синяки, которыми он украсил ее впалое лицо. И она шепталась с ним через крохотное окошко и сунула ему через прутья полпинты.

И Джо был уверен, что сейчас будет то же самое, если не хуже, но сам, тем не менее, тяжело поднялся, и карманы его приглушенно звякнули, и он направился напрямик к двери, пробормотав: «Пойду-ка я на гору, побросаю кости. И сразу вернусь» — и помахал узловатыми, согнутыми в локтях руками наподобие паровозного колеса, чтобы показать, что он вроде бы пошутил.

Он шагнул за порог и оставил дверь на пару секунд открытой. А когда захлопнул ее, то почувствовал себя глубоко несчастным. Раньше мистер Пузик непременно прыгнул бы следом, чтобы поглядеть на драки кошек и собак на крышах и заборах, а теперь большой кот предпочитал сидеть дома, шипеть на огонь, таскать индюшатину, увертываться от метлы и воевать с женщинами. Никто не подошел к двери, только слышалось чавканье его матери, ее порывистое дыхание, скрипели половицы под ногами его жены, да звякнула поставленная на полку бутылка джина.

Ночь была бархатной бездной, усеянной морозными звездами. Некоторые из них, казалось, двигались, словно уходящие космические корабли. А Карьер выглядел так, будто его огни были разом задуты, а жители улеглись спать, предоставив все улицы и площади бризу и невидимкам-духам.

Джо стоял прямо в середине полусферы пыльного сухого аромата высохшего строения за спиной и, ощущая и слушая прикосновение к ногам ломкой от дневного зноя травы, осознавал, что нечто глубоко внутри его долгие годы устраивалось таким образом, что он, его дом, жена и мистер Пузик должны будут подойти к концу все вместе. То, что пламя очага до сих пор не спалило его сухую, словно солома, хибарку, было просто чудо.

Джо зашагал, привычно ссутулившись, но не вверх, в гору, а вниз, по грязной дороге, которая вела мимо Кипарисового Кладбища в Ночной Город.

Ветер был мягким, но, что необычно, он не стихал, а дул порывами, словно шквал, в царстве гномов. Он раскачивал чахлые деревья за покосившимися, добела отмытыми дождями воротами кладбища, смутно видневшимися в свете звезд. И казалось, что они трясут бородами исполинского мха. Джо подумал, что духи так же не знают отдыха, как и ветер. Духам все равно: то ли за кем-нибудь гнаться, то ли плыть всю ночь по небу в скорбно-распутном обществе других теней. Временами среди деревьев вспыхивали красно-зеленые глаза вампиров, пульсирующие, словно бортовые огни или выхлоп космического скутера. Чувство глубокой тоски не проходило, оно становилось все глубже, звало его свернуть с дороги, найти себе удобное местечко возле какой-нибудь плиты или покосившегося креста и лежать долго-долго, чтобы жена подумала, что он умер. И еще он подумал: «Побросаю кости, да и пойду спать». Но пока он так раздумывал, распахнутые, висящие на одной петле ворота и похожий на мираж забор и Шантвиль остались позади.

Сначала Ночной Город показался ему вымершим, как и сам Карьер, но потом он заметил тусклые огоньки, слабые, словно глаза вампиров, но мигающие несколько чаще и сопровождающиеся дергающейся музыкой, чуть слышной, словно джаз для пляшущих муравьев джиттербаг. Он шел по пружинящему тротуару, с грустью вспоминая те дни, когда в его ногах как будто были пружины и он бросился в драку словно дикий кот или марсианский песчаный паук. Господи, сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз дрался по-настоящему или ощущал в себе силу. Чуть слышная музыка постепенно становилась все громче и скоро уже грохотала, словно танго для гризли или полька для слонов, свет превратился в бушующее море языков газа, факелов, мертвенно-бледных ртутных ламп и подрагивающих розовых неоновых трубок, и все это великолепие сме-

ялось над звездами, меж которых устало брели космические корабли. Следующее, что он увидел, это фальшивый трехэтажный фасад, облитый, словно дьявольской радугой, огнями Святого Эльма. В центре его были широкие, распахивающиеся в любую сторону двери, из-за которых сверху и снизу вырывался свет. Над входом невидимая рука без устали писала золотистым пламенем с росчерком и завитушками, а справа сатанинским красным огнем горело «СЧАСТЬЯ».

Итак, новое заведение, о котором столько толковали, наконец открылось! Впервые за ночь Джо Слеттермен почувствовал в себе желание настоящей жизни и ласковую щекотку возбуждения.

— Побросаю кости, — подумал он.

Он тряхнул сине-зеленый рабочий комбинезон несколькими сильными, беззаботными ударами и похлопал себя по карманам, чтобы еще раз услышать звяканье. Затем он раздвинул плечи, растянул губы в пренебрежительной улыбке и толкнул дверь так, словно хотел ударить стоящего за ней врага.

Внутри заведения было обширно, словно городская площадь, а стойка была длиной в вагон. Круглые колодца над покерными столами констатировали с нечеткими, напоминающими песочные часы сгустками возбуждающего мрака, сквозь которые ходили девушки с подносами и девушки-менялы, похожие на белоногих ведьм. В отдалении, рядом с возвышением для джаза, виднелись похожие на те же песочные часы силуэты исполнительниц танца живота. Игроки были толсты и сгорблены, словно грибы. Все они были лысы из-за тех мучительных переживаний, которые доставлял им каждый шлепок карт, каждая задержка или окончательная остановка маленького костяного шарика. А Алые Женщины были словно поля пионов.

Выкрики крупье и шорох карт были мягкими, словно перемежающиеся удары щеток и палочек по барабанам. Каждый плотно спрессованный атом заведения прыгал, подчиняясь этому ритму. Ему подчинялись также пылинки, пляшущие в конусах света.

Возбуждение Джо возросло, и он почувствовал, как что-то прошло по его телу, словно бриз, предвещающий ураган — слабое дыхание уверенности, которое могло превратиться в торнадо. Все мысли о доме, жене, о матери моментально выскочили из головы, а мистер Пузик преобразился в молодого проворного кота, крадущегося на упругих лапках у грани его разума. Мускулы его собственных ног позаимст-

вовали эту упругость, и он почувствовал, как они становятся все тверже.

Он изучающе оглядел заведение, его рука автоматически поднялась словно сама по себе и взяла стакан сдвигающегося мимо слегка загнутого по краям подноса. Это должен быть игральный столик номер один. Похоже, что там собирались все Большие Грибы, такие же лысые, как и остальные, но выше ростом. Белые Мухоморы. В просвете между ними Джо увидел на той стороне стола фигуру еще выше, в длинном темном пиджаке с поднятыми бортами и в темной, надвинутой на глаза шляпе с отвислыми полями, оставляющими на виду только белый треугольник лица. Надежда и ожидание поднялись в Джо, и он направился прямо к просвету между Большими Грибами.

По мере того, как он подходил ближе и белоногие, с блестящими волосами, девушки уступали ему дорогу, его предположение получало подтверждение, а надежда росла и крепла. С краю за столом сидел мужчина, самый толстый из всех, кого ему приходилось видеть, с большой сигарой во рту, в серебристом жилете и золотистом галстуке, шириной чуть ли не в восемь дюймов, на котором было написано: «МИСТЕР КОСТИ». На другом конце стола сидела совершенно обнаженная девушка — единственная, на которую он смотрел — чей поднос, висящий на перекинутом через плечо ремне и перехлестывающий ее как раз под грудями, был заставлен сверкающими золотыми башенками и черными агатовыми фишками. Рядом с ней — ассистентка, еще более костлявая и длиннорукая, чем его жена, на ней, похоже, тоже ничего не было, кроме пары длинных белых перчаток. Она была в полном порядке, особенно если вам нравятся обтянутые белой кожей кости и груди, похожие на китайские дверные ручки.

Рядом с каждым игроком стоял высокий круглый стол для выигранных фишек. Один из них был пуст. Ухватив за плечо ближайшую менялу, Джо поменял все свои засаленные доллары на эквивалентное число светлых фишек и дернул ее за левый сосок на счастье. Она игриво щелкнула зубами рядом с его пальцами.

Не торопясь, но и не теряя времени, он шагнул, вперед высыпал свои скромные запасы на пустой стол и занял свободное место. Он заметил, что Большой Гриб справа как раз держит кости. Сердце его, только сердце и больше ничего, совершило дикий скачок. Он неторопливо поднял глаза и посмотрел на ту сторону стола.

Пиджак был переливающейся элегантной колонной из черного атласа, на которой блестели галалитовые пуговицы, поднятый вверх воротник из прекрасного матово-черного плюша — словно темневший погреб, также из плюша была и шляпа с широкими опущенными полями, вместо тесьмы на которой был тонкий шнурок, сплетенный из конского волоса. Рукава пиджака были атласными колоннами меньшего размера и переходили в изящные колонны с длинными тонкими пальцами, которые когда были заняты делом, двигались чрезвычайно быстро, а в промежутках замирали неподвижно, как изваяния.

Джо никак не мог разглядеть как следует его лицо — только гладкий лоб, на котором не было ни бисеринки пота, брови, похожие на обрезки шнурка на шляпе, худые аристократические щеки и узкий, но тем не менее плоский нос. Цвет лица не был белым, как показалось Джо вначале. В нем была слабая, чуть заметная примесь коричневого, словно у начинающей стареть слоновой кости или венецианского мыльного камня. Взгляд на руки подтвердил это.

Позади человека в черном стояла толпа вызывающего вида людей — мужчин и женщин, отвратительнее которых Джо никогда не видел. С одного взгляда ему стало понятно, что каждый из этих напояженных бриллиантином ребят имеет под полкой пиджака револьвер, а в кармане складной нож, что каждая спортивного вида девушка со змеиным взглядом носит за подвеской грудей стилет, а в ложбинке между торчащими грудями — кинжал с серебряной рукояткой, украшенной жемчугом.

И в то же время Джо понял, что все они просто пижоны. А вот человек в черном — их хозяин, опасен по-настоящему, что он из людей, одного взгляда которых достаточно, чтобы понять, что тронуть его — значит умереть. Если вы просто дотронетесь до его рукава, независимо от того, насколько легко и уважительно, рука цвета слоновой кости метнется быстрее мысли, и вы будете либо застрелены, либо зарезаны. А может, вас убьет само прикосновение, как если бы каждая частица его черной одежды была заряжена от его бледной кожи током в миллион ампер. Джо еще раз посмотрел на удлиненное лицо и решил, что он, пожалуй, делать этого не будет.

Потому что были еще глаза, наиболее выразительная часть лица. У всех больших игроков были темные, словно затененные, глубоко посаженные глаза. Но эти глаза были так глубоки, что нельзя было с уверенностью сказать, виден ли

на дне их блеск. Они были воплощением непроницаемости. Они были бездонны. Они были двумя черными колодцами.

Но это не выбило Джо из колеи, хотя и изрядно напугало. Наоборот, это привело его в восторг. Его ожидания полностью подтвердились, а бутон надежды открылся огромным красным цветком. Это должен был быть один из тех воистину настоящих игроков, что посещают карьер раз в десять лет, если не реже, спускаясь из большого города на речных пароходах, которые режут водную гладь подобно роскошным кометам, рассыпая хвосты искр из высоченных секвой с кронами из гнutoго железа. Или космическим серебряным лайнером с дюжиной дюз, сверкающих, словно драгоценности. А мерцающие ряды их иллюминаторов похожи на рой астероидов.

Кто знает, может быть, некоторые из этих больших игроков действительно явились сюда с других планет, где дыхание ночи было горячим, а жизнь состояла целиком из риска и минутного восторга.

Да, это был человек, против которого Джо просто рвался проявить свое умение. Он уже чувствовал едва заметное покалывание силы в лежащих на фишках пальцах.

Джо опустил взгляд на покрытый крепом стол. Он был шириной примерно в человеческий рост, раза в два больше в длину, необычно глубокий и обтянут материей черного, а не желтого цвета, что делало его похожим на гигантский гроб. В его форме было что-то знакомое, но что — он никак не мог определить. Его дно, а не боковины и не верх, поблескивали маленькими искорками, как бы усеянное маленькими алмазами. А когда Джо устремил свой взгляд вертикально вниз, у него мелькнула сумасшедшая мысль, что это не стол, а колодец, который пронизывает всю землю насквозь, а искорки — это звезды с той стороны, видимые вопреки сияющему здесь свету, подобно тому, как ему самому частенько доводилось видеть звезды днем из шахты, в которой он работал, и что проигравшийся дотла человек, упавший туда с закружившейся головой от полного разгрома, падал бы вечно в бездонную пропасть — может, в преисподнюю, может, в какую-нибудь черную дыру-галактику. Мысли Джо разбежались в разные стороны, и он почувствовал, как его внутренности сжала холодная цепкая рука страха. Кто-то позади него произнес мягко:

— Давай, Дик.

И кости тем временем выкатились откуда-то справа, покатались к Большому Грибу и почти в самом центре стола

закрутились волчком, словно для того, чтобы Джо не смог их разглядеть. Но их необычность сразу привлекла его внимание. Кубки из слоновой кости непривычно велики, имели закругленные углы и темно-красные точки, которые сверкали, словно настоящие рубины, и эти точки располагались таким образом, что каждая грань походила на миниатюрный череп. Например, выпавшая сейчас семерка, на которой Большой Гриб справа от Джо терял три очка, ведь она могла быть десяткой, состояла из двойки — двух скошенных в одну сторону точек-глаз вместо их привычного расположения в противоположных углах, и пятерки, тех же двух глаз, красного носа в середине и двух точек рядом, образующих зубы.

Длинная рука в белой перчатке нырнула вперед, забрала кости и положила их на краю стола перед Джо. Он вобрал в себя побольше воздуха, взял со своего стола одну фишку, совсем было положил ее рядом с костями, но тут до него дошло, что здесь эти вещи делаются немного не так, и он положил ее обратно. Пожалуй, не мешало бы поглядеть на эту фишку повнимательнее. Она была на удивление легка и светла, цвета сливок с капелькой кофе, а на ее поверхности был оттиснут какой-то знак, который не мог разглядеть, хотя мог ощутить. И все же фишка была ощупана очень старательно и сильно больно кольнула его напрягшуюся руку.

Джо словно невзначай обвел быстрым взглядом всех сидящих за столом, не исключая и большого игрока напротив и тихо сказал:

— Бросаю пенки, — подразумевая, конечно, одну светлую фишку, то есть доллар.

Это вызвало среди Больших Грибов недовольное шипение, и Мистер Кости с побагровевшим луноподобным лицом шагнул вперед, чтобы унять их.

Большой Игрок поднял вверх черную атласную руку с мраморной кистью. Мистер Кости моментально остыл, а шипение прекратилось быстрее, чем прекращается шипение метеора в самозатягивающейся обшивке космического корабля. Пришептывающим голосом, безо всякого намека на недовольство, человек в черном произнес:

— Принимается.

«Это, — подумал Джо, — было последним подтверждением моего предположения. Настоящие великие игроки всегда были истинными джентльменами, великодушными к бедности».

Голосом, в котором почти не чувствовалось раздражения, один из Больших Грибов произнес:

— Ваша очередь.

Джо взял рубиновые кости.

С тех пор, как он впервые удержал два яйца на одной тарелке, подчинил себе все мраморные осколки в Карьере и бросил семь пластмассовых букв детской азбуки так, что они легли на ковер в ряд и образовали слово «мамочка», о Джо Слеттермене шла слава, как о человеке, обладающем необыкновенной меткостью броска. Он мог метнуть в шахте кусок угля в крысу и попасть ей в темноте в череп на расстоянии пятидесяти футов, а иногда он забавлялся тем, что кидал куски руды в то место, откуда они валялись, и они, точно попав в цель, на несколько минут прилипали к стене. Временами, практикуясь в скорострельности, он бросал семь-восемь обломков в дыру, из которой они вываливались, и это было похоже на сборку головоломки. Если бы ему довелось выйти в открытый космос, он несомненно смог бы пилотировать шесть лунных скиммеров зараз и выписывать восьмерки в самой гуще колец Сатурна.

Единственным же отличием между бросанием камней и костей было то, что последние должны были отскочить от боковины стола, что делало испытание искусства Джо еще более интересным.

Прогромыхав зажатými в кулаке костями, он почувствовал в пальцах и ладонях необыкновенную силу.

Он сделал низкий быстрый бросок так, чтобы кости упали прямо перед ассистенткой в белых перчатках. Его естественная семерка сложилась так, как он и рассчитывал, из четверки и тройки. Красные точки на них располагались так же, как и на пятерке, только у каждого черепа был единственный зуб, а у тройки не было носа. Это были детские черепа. Он выиграл пенни, то есть доллар.

— Ставлю на два цента, — сказал Джо.

На это раз он выбросил одиннадцать очков, шестерка была похожа на пятерку, только зубов было три, этот череп смотрелся наилучшим образом.

— Ставлю никель без одного.

Эту ставку разделили между собой два Больших Гриба, обменявшись насмешливыми улыбками.

Теперь Джо выкинул тройку и единицу — четыре очка. Единица с ее единственной точкой, смещенной от цента к краю, тем не менее выглядела, как череп — может быть череп циклопа-лилипута.

Он выиграл еще немного, с отсутствующим видом выбросив три десятка весьма нетривиальным способом. Ему хотелось разглядеть, как ассистентка собирает кубики. Ему каждый раз казалось, что ее пальцы со стремительностью змеи проходят под кистями, хотя те на ощупь казались совершенно плоскими. В конце концов он решил, что это не может быть иллюзией, хотя кости не могли пройти сквозь креп, ее рука в белой перчатке была на это способна, погружаясь в черную, вспыхивающую алмазами материю, как если бы ее вообще не было.

И опять в голову Джо пришла мысль о дыре размером в игорный стол, пронизывающей Землю насквозь. Это должно было значить, что кости вертелись и ложились на абсолютно гладкую прозрачную плоскую поверхность, непроницаемую только для них. Или, может быть, руки ассистентки были единственными, что могло пройти сквозь эту поверхность, и это превращало в простую фантазию представшую перед мысленным взором Джо фигуру проигравшегося дотла игрока, совершающего Большой Прыжок в этот ужасный колодец, рядом с которым глубочайшая шахта была простой оспинкой.

Джо решил, что он непременно должен узнать правду. Без этого нельзя было обойтись, потому что он не хотел иметь никаких осложнений, если в случае критической ситуации у него закружится голова.

Он сделал несколько ничего не значащих бросков, бормоча время от времени: — Ну давай, милый, давай, Джо. — Наконец он взялся за осуществление своего плана. Когда он бросил кости, полетевшие по довольно сложной траектории и давшие две двойки, он сделал так, чтобы они отскочили от дальнего угла и остановились прямо перед ним. Затем, чуть-чуть подождав, чтобы очки были замечены, он протянул левую руку к кубикам, на какое-то мгновение опередив руки в белых перчатках, и схватил их.

Ух ты! Джо никогда в жизни не приходилось испытывать подобных мучений и сохранять при этом спокойное выражение лица, даже когда оса ужалила его в шею, как раз в этот момент, когда он впервые запускал руку под юбку своей жеманной, капризной, легко меняющей решения жены. Его пальцы, обратная сторона ладони болели так невыносимо, будто он сунул их в раскаленную печь. Ничего удивительного, что на ассистентке были перчатки. Они, наверное, асбестовые. И очень хорошо, что он сделал это правой рукой, подумал Джо, глядя на появившиеся волдыри.

Он вспомнил то, о чем говорили ему в школе, то, что наглядно подтвердила Двадцатимильная скважина, Земля под которой ужасно горяча. Эта дыра, размером с игорный стол, должно быть, втягивала этот жар, поэтому любой игрок, совершающий Большой Прыжок, неминуемо должен зажариться, прежде чем успеет упасть глубоко и вылететь в Китае сажей, а то и вовсе ничем.

Большие Грибы снова зашипели без малейшего снисхождения к его обожженной руке, и Мистер Кости опять побагровел и открыл рот, чтобы прикрикнуть на них.

И снова движение руки Большого Игрока спасло Джо. Пришептывающий мягкий голос произнес:

— Скажите ему, Мистер Кости.

Последний проревел:

— Ни один игрок не может брать со стола кости, бросил ли их другой игрок или же он сам. Только моя ассистентка может это сделать. Правило заведения!

Джо коротко кивнул Мистеру Кости. Он холодно сказал: «Ставлю займ без двух». И пока покрывалась эта вся еще смехотворная ставка, он назвал себе сумму, а затем специально стал выбрасывать пятерки и семерки все время, пока пульсирующая боль в левой руке не утихла, а нервы снова не стали железными. Сила в правой руке не слабела ни на минуту, она, пожалуй, даже увеличивалась.

Примерно в середине этой интермедии Большой Игрок чуть заметно, но с уважением наклонил голову в сторону Джо, прикрыв бездонные колодцы глаз перед тем, как повернуться и взять длинную черную сигару у самой хорошенькой и наиболее злобно выглядевшей девушки из своего окружения. Учтивость в каждой мелочи, подумал Джо, еще один признак магистра игры, где правит случай. Большой Игрок, конечно же, имел под своим началом блестящую команду, хотя, обведя всех внимательным взглядом во время очередного броска, Джо заметил человека, который явно в нее не вписывался — юношу в элегантных обносках, со спутанной шевелюрой, пристальным взглядом и чахоточным румянцем на щеках.

Когда он взглянул на дым, поднимавшийся из-под низко опущенной шляпы, он решил, что либо огни над столом потускнели, либо цвет лица Большого Игрока был чуточку темнее, чем он решил вначале. Или, что за дивная фантазия, что Кожа Большого Игрока слабо темнела в течение всего вечера, словно обкуриваемая пеньковая трубка. Об этом было почти смешно думать: здесь было достаточно жарко,

чтобы пенька потемнела. Джо знал это по собственному опыту, но, насколько ему известно,*он весь был под столом.

За все это время ни одна мысль Джо, ни восторженная, даже в малейшей степени не ослабила его уверенности в сверхъестественной опасности человека в черном, его убеждения, что тронуть того значит умереть. Если у него в голове и зашевелились какие-либо сомнения, они были моментально развеяны последующим происшествием, от которого у него побежали мурашки по телу.

Большой Игрок как раз положил руку на плечо самой хорошенькой и самой злобной из своих девушек и стал ее ласково поглаживать, когда поэт с позеленевшими от ревности и любви глазами прыгнул вперед, словно дикий кот и ударил длинным сверкающим кинжалом в черную атласную спину.

Джо не мог понять, как такой удар мог пройти мимо, но Большой Игрок, не снимая руки с плеча девушки, сделал движение левой рукой — словно распрямилась стальная пружина. Джо не мог даже сказать, воткнул ли он ему нож в горло, ударил ли ребром ладони, применил ли марсианский прием Два пальца или просто коснулся его, но, так или иначе, парень замер, словно в него выстрелили из бесшумного пистолета или невидимого лучевого ружья, и рухнул на пол. Двое чернокожих утащили тело, и никто не обратил на этот эпизод ни малейшего внимания. Такие эпизоды были здесь обычным делом.

Это здорово ударило Джо по нервам, и он чуть не проиграл, но тут же взял себя в руки.

Теперь волны боли перестали прокатываться по левой руке, а нервы стали живыми металлическими гитарными струнами, и тремя бросками, последовавшими после этого, он выкинул пятерку, набрав нужное количество очков, и начал постепенно очищать стол от фишек.

Он выкинул девять удачных сочетаний, семь раз по семь очков и два раза по одиннадцать, увеличив свою ставку с одного до более чем четырех тысяч долларов. Ни один из Больших Грибов не покинул стола, но некоторые из них стали проявлять беспокойство, а у двоих на лысынях выступил пот. Большой Игрок все еще не принимал участия в игре, но, казалось, с интересом следил за происходящим бездонными глубинами своих глаз.

А затем в голову Джо пришла дьявольская мысль. Никто не мог побить его в этот вечер, он знал это, но если он будет все время удваивать ставки, пока не очистит стол, у

него не будет возможности посмотреть, как Большой Игрок покажет свое умение, а ему это было по-настоящему интересно. Кроме того, — подумал он, — он должен ответить любезностью на любезность, заставить себя быть джентльменом.

На этот раз шипения не было, и луноподобное лицо Мистера Кости даже не затуманилось. Но Джо увидел, как Большой Игрок посмотрел на него: расстроено, с грустью, и, похоже, размышляя о чем-то.

Джо немедленно проиграл ставку неловким броском, довольный тем, что выпали наиболее хорошо смотревшиеся черепа, тесно прижавшиеся друг к другу и скалящие рубиновые зубы, и кости перешли к сидящему слева Большому Грибу.

— Знал, когда кончить, — услышал он бормотание, в котором слышалось недовольство и восхищение.

Игра за столом пошла несколько оживленнее, но никто особенно не горячился, ставки были средними. «Ставлю пятерку», «Бросаю десятку», «Эндрю Джексы» (25 долларов), «Бросаю тридцать бумажек». И опять Джо проигрывал часть ставок, выигрывая, однако, больше, чем теряя. У него было уже больше семи тысяч долларов (в деньгах, а не в фишках), когда кости перешли к Большому Игроку.

Он надолго задержал кости на своей неподвижной, как у статуи, ладони, сосредоточенно глядя на них, хотя на его коричневатом лбу не появилось даже намека на морщинку, ни единой бисеринки пота. Он пробормотал: — Бросаю две десятки, — и, как только умолк, сжал пальцы, слегка погромел кубиками, звук был словно стук больших семечек в маленьком, наполовину высохшем кругляшке тыквы, и едва заметным движением бросил кости к краю стола.

Это был бросок, подобного которому Джо не видел ни за одним столом. Кости пролетели плоско, ни разу не перевернулись, упали точно на пересечение днища с боковиной и неподвижно замерли, показывая семерку.

Джо был расстроен как никогда. Его собственные броски требовали всегда быстрого расчета, типа: «Бросить тройкой вверх, пятеркой к северу, два с половиной оборота в воздухе, падение на угол шесть-пять-три, отскок и три четверти оборота вправо, пятерка вверх и два раза перевернуться, выходит двойка». И это для одной только кости и довольно обычного броска, без сверхсоскоков.

По сравнению с этим техника Большого Игрока была на редкость, на удивление, до крайности проста. Джо, конечно,

смог бы воспроизвести этот бросок без особого труда. Это было не более чем элементарной формой его старых развлечений, когда он швырял упавшие обломки на свои места. Но Джо никогда не помышлял о том, чтобы заниматься такими детскими фокусами за игорным столом. Это было слишком просто и нарушало красоту игры.

Еще одной причиной, по которой Джо никогда не использовал этот трюк, было то, что он даже не помышлял, что это сойдет ему с рук. По всем правилам, о которых он когда-либо слышал, это был самый сомнительный бросок. Всегда существовала вероятность, что та или иная кость будет неплотно прилегать к боковине стола или станет чуть-чуть наклонно, касаясь днища и боковины ребрами, а не гранями. Кроме того, напомнил он себе, разве не могут кости не долетать до боковины, пусть даже на полдюйма?

Однако, насколько могли видеть зоркие глаза Джо, обе кости лежали абсолютно горизонтально и четко прилегли к боковине. Более того, все присутствующие приняли этот бросок, ассистентка собрала кубики. Большие Грибы, принявшие ставку человека в черном, выплатили деньги. С тех пор, как существует бизнес на игре в кости, это заведение, похоже, имело собственную интерпретацию этого правила на случай крайней нужды. Как учили его задолго до этого мать и жена, это был последний и всегда удобный способ.

Впрочем, в деньгах, которые покрыл этот бросок, его доли не было.

Голосом, похожим на вой ветра на Кипарисовом кладбище на Марсе, Большой Игрок провозгласил: — Бросаю сотню. — Это была крупнейшая из ставок этим вечером — десять тысяч долларов — и то, как Большой Игрок сказал это, заставляло думать, что он имел в виду нечто большее. Сразу же все как-то затихли. На трубы надели сурдины, выкрики крупье стали более доверительными, карты стали падать мягче, даже шарики рулетки, казалось, старались производить меньше шума, несясь по своим орбитам. Вокруг стола номер один молчаливо скапливалась толпа. Парни и девушки из окружения Большого Игрока образовали двойное полукольцо, оберегая его от случайных толчков.

Эта ставка, подумал Джо, на тридцать долларов больше его кучи. Три или четыре Больших Гриба обменялись знаками перед тем, как разделить ее.

Большой Игрок выкинул еще одну семерку точно таким же способом.

Он поставил еще сотню и выиграл.

И еще.

И еще...

Джо был в высшей степени заинтересован и в то же время разочарован. Казалось просто несправедливым, что Большой Игрок выигрывает такие огромные ставки машиноподобным методом. Что же это за броски, если кости ни на йоту не переворачиваются ни в воздухе, ни на столе. Таких бросков можно было ожидать разве что от робота, причем весьма примитивно запрограммированного робота. Джо не собирался рисковать против Большого Игрока ни единой фишкой, но если дела и дальше пойдут так, отказаться ему будет нельзя. Два Больших Гриба, покрывшихся потом, уже ретировались, признав свое поражение, и никто не занял их места. Очень скоро должно было получиться так: оставшиеся Большие Грибы не смогут полностью покрыть ставку, и он должен будет рискнуть своими фишками или выйти из игры, а он не мог этого сделать, ибо в его правой руке была сила, подобная прикованной молнии.

Джо ждал и ждал, что кто-нибудь еще возьмется покрыть бросок Большого Игрока, но смельчаков не находилось. Он вдруг почувствовал, что вопреки его усилиям казаться невозмутимым лицо его краснеет.

Слегка приподняв левую руку, Большой Игрок остановил ассистентку, собирающуюся поднять кубики. Глаза, подобные черным колодцам, уперлись в Джо, который из всех сил заставлял себя смотреть на них. Он все еще не мог уловить в них ни малейшего блеска. По его спине вдруг побежали мурашки от страшного подозрения.

Большой Игрок с удивительным доброжелательством и дружелюбием прошептал:

— Мне кажется, что у игрока напротив возникли сомнения относительно законности моего последнего броска, хотя он настолько джентльмен, что не скажет об этом вслух. Лотти, карточный тест.

Высокая, словно призрак, ассистентка с кожей цвета слоновой кости, вытащила из-под крышки стола игральные карты и, язвительно сверкнув маленькими белыми зубами, бросила в Джо. Он поймал одну вращающуюся картонку и быстро оглядел ее. Это была самая тонкая, жесткая, плоская и сверкающая карта из всех, что Джо приходилось держать в руках. Это был джокер, если это хоть что-нибудь значило. Он лениво бросил ее.

— Удовлетворены? — спросил Большой Игрок. Джо почти произвольно кивнул. Большой Игрок поклонился в ответ.

Ассистентка насмешливо раздвинула свои маленькие тонкие губы и выпрямилась, ее белые, похожие на китайские дверные ручки груди качнулись в сторону Джо.

Большой Игрок, насыщая сам воздух вокруг себя скукой, незамедлительно вернулся к своему шаблону: ставка в сто долларов и бросок в семь очков. Большие Грибы сникли и стали один за другим отходить от стола. Белый Мухомор с необычайно розовым лицом задыхаясь, словно бегун у финиша, поставил довольно круглую сумму, но это не могло помочь, он только потерял свои сотни. А башенка черных и светлых фишек рядом с Большим Игроком выросла с небоскреба.

Джо бесился все больше и больше, страстно желая схватки. Он смотрел на кости, лежащие у края стола, словно стервятник или спутник-шпион, но никак не мог найти законного повода для нового карточного теста или сил заставить себя оспорить правила заведения — было уже поздно. Его выводило из себя, просто бесило то, что он знал, попади только кубик в его руки и он сделает все что угодно и с этой черной колонной, и с этой строившей из себя невесть что аристократией. Он клял себя на тысячу ладов за идиотский, самоуверенный, убийственный импульс, заставивший его отказаться от счастья, когда оно само шло к нему в руки.

Что еще хуже, Большой Игрок принялся смотреть на Джо в упор своими глазами, похожими на угольные шахты. Он сделал три броска даже не глядя на кости. Для Джо это было уже слишком. Он поступил так же нехорошо, как делали иногда жена и мать Джо: смотрели, смотрели и смотрели на него.

Но пристальный взгляд этих глаз, которые не были глазами, посеял в нем ужасный страх. К его уверенности в смертоносности Большого Игрока прибавился сверхъестественный ужас. С кем, не переставал спрашивать себя Джо, он ввязался в игру? В этом вопросе было любопытство, такое же сильное, как и желание победить, взяв кости, и был ужас, но и несущее ужас любопытство. Волосы его поднялись, и он весь покрылся гусиной кожей, хотя сила пульсировала в его руке подобно тормозящему локомотиву или отрывающейся от стартовой установки ракеты.

В то же время Большой Игрок оставался таким же, каким и был: черный атласный пиджак, элегантная широкополая шляпа, учтивость, вежливость, смертоносность. Фактически единственным черным пятном, обнаруженным Джо, было то, что при всем восхищении манерами Большого Игрока он

был разочарован его машиноподобными бросками и рвался, теперь переиграть его, используя все свое умение.

Безжалостное истребление Больших Грибов закончилось. Их место заняли рати Белых Мухоморов. Вскоре и их осталось только трое.

Заведение стало большим, словно Кипарисовое Кладбище, словно луна. Джаз смолк, и вместе с ним смолк смех, шарканье подошв, хихиканье девушек, звон стаканов и монет. Все, казалось, собрались вокруг стола номер один и молча стояли и смотрели.

Джо был измучен постоянным наблюдением за костями, чувством несправедливости, презрением к самому себе, дикими надеждами, любопытством и ужасом.

Цвет лица Большого Игрока, насколько можно было заметить, продолжал темнеть. Джо вдруг поймал себя на дикой мысли: не ввязался ли он в игру с негром, африканским колдуном, с которого теперь слезал грим.

Очень скоро два оставшихся Белых Мухомора не смогли покрыть очередную сотню долларов. Джо осталось либо поставить десять долларов из своей маленькой кучки, либо выходить из игры. После секундного размышления он выбрал первое.

И потерял свою десятку.

Два Мухомора присоединились к молчаливой толпе.

В Джо вонзились бездонные глаза. Раздался шепот:

— Ставлю всю кучу.

Джо отчаянно и отчетливо ощутил постыдное желание признать себя побежденным и отправиться домой. В конце концов шесть тысяч долларов произведут достаточное впечатление на жену и мать.

Но он не смог вынести даже мысли о смехе толпы, мысли о том, что он будет жить, зная, что имел последний шанс, хотя и очень ничтожный, обыграть Большого Игрока и отказался от него.

Он кивнул.

Большой Игрок бросил кости. Джо перегнулся через стол, забыл про боязнь головокружения и следил за броском, словно орел или космический телескоп.

— Удовлетворены?

Джо знал, что он должен сказать «да» и уйти с высоко поднятой головой. Это было бы просто по-джентльменски. Но затем он напомнил себе, что он не джентльмен, а потный, грязный, работающий до изнеможения горняк, с талантом метко бросать предметы.

Он знал, что для него весьма опасно говорить что-нибудь кроме «да», будучи окруженным врагами и незнакомцами. Но потом он спросил себя: «А какое право у меня, презренного смертного неудачника, беспокоиться об опасности?»

Кроме того, одна из усмехающихся рубиновым ртом костей лежала, казалось, на волосок дальше от боковины стола, чем соседняя.

Джо сделал величайшее усилие, сглотнул и заставил себя произнести:

— Нет. Лоти, карточный тест.

Ассистентка вздрогнула, словно ужаленная, и отшатнулась назад, словно собираясь плюнуть ему в глаза, и у Джо появилось чувство, что ее рывок равносителен укусу змеи. Но Большой Игрок предостерегающе поднял палец, и она бросила Джо карту, но так низко и зло, что та сначала исчезла под черной материей, а потом влетела в руку Джо.

Она была горячая на ощупь и вся потемнела, хотя превращения не было заметно.

Джо с трудом сглотнул и бросил ее назад.

Вонзив в него отравленный кинжал усмешки, она заставила карту скользнуть вдоль боковой стенки и после секундной остановки та провалилась за кость, которую и подозревал Джо.

Поклон и шепот.

— У вас зоркие глаза, сэр. Кость, несомненно, не достигла боковины, мои искренние извинения и... ваша очередь, сэр.

Вид кубиков, лежащих перед ним на черной материи, чуть не довел Джо до удара. Все терзающее его достигло неимоверной силы, когда он сказал: — Ставлю все, что есть. — Большой Игрок ответил: — Принимается. Джо завопил, и, подчиняясь какому-то импульсу, схватил кости и швырнул их прямо в лишенные блеска, полумночные глаза Большого Игрока.

Они попали в цель и загремели внутри черепа, словно крупные семечки в не до конца высушенной тыкве.

Выбросив в стороны руки ладонями вверх, чтобы никто из присутствующих не набросился на Джо, Большой Игрок прополоскал рот и выплюнул кости на стол. Они упали в самом центре — одна горизонтально, другая, прислонившись к первой, на ребро.

— Кость на ребре, сэр, — прошептал он так вежливо, словно поступок Джо не вызвал у него ни малейшего неудовольствия. — Повторите бросок.

Джо машинально погромел костями, отходя от потрясения. После секундного колебания он решил, что хотя теперь он догадывается об истинном имени Большого Игрока, он все-таки будет драться за свои деньги.

Где-то в глубине его мозга билась мысль: «Интересно, а что соединяет кости этого скелета? Может быть, они до сих пор сохранили хрящи? Связаны проволокой или силовыми полями? А может быть, кости — притягивающиеся друг к другу кальциевые магниты? Последнее, возможно, было связано со смертельно опасным бледным электричеством».

Кто-то кашлянул в полнейшей тишине, опустившейся на заведение. Алая женщина истерично вскрикнула. С подноса обнаженной менялы посыпались монеты, с музыкальным звоном покотившиеся по полу.

— Молчание! — приказал Большой Игрок и движением, почти незаметным для глаза, сунул руку под пиджак и извлек ее обратно. Короткоствольный серебряный револьвер мягко блеснул на черном крепе. — Тот, кто издаст хотя бы звук, когда мой уважаемый соперник будет бросать кости, получит пулю в лоб.

Джо учтиво поклонился, чувствуя, что это получилось у него весьма забавно, и решил, что начать надо с семерки, состоящей из шестерки и единицы. Он бросил кости, и Большой Игрок, движением черепа оценивший бросок, проследил за полетом кубиков внимательным взглядом глаз, которых у него не было.

Кости упали, перевернулись и остановились. Невероятно! Джо увидел, что в первый раз за всю жизнь допустил ошибку в броске. Или во взгляде Большого Игрока была сила, большая, чем в его правой руке. Шестерка легла как надо, но единица перевернулась лишний раз, и этот кубик показал еще одну шестерку.

— Конец игры, — возвестил Мистер Кости погребальным голосом.

Большой Игрок поднял сухую коричневую руку.

— Нет необходимости, — прошептал он. Его черные глазницы уперлись в Джо подобно жерлам осадных орудий. — Джо Слеттермен, у вас есть нечто еще, что можно поставить на кон, если пожелаете. Ваша жизнь.

При этих словах толпа взорвалась насмешками, истерическим смехом, диким хохотом и визгливыми выкриками. Мистер Кости, выражая общее настроение, проревел, перекрывая гул толпы:

— Какую пользу или ценность может иметь теперь жизнь такого ничтожества, как Джо Слеттермен? Два цента в обычных деньгах!

Большой Игрок накрыл ладонью блестящий револьвер, и смех как отрезало.

— В ней вижу пользу я, — прошептал Большой Игрок. — Джо Слеттермен, я со своей стороны рискну всем своим выигрышем за этот вечер и ставлю мир и все, что в нем есть в придачу. Вы довольны?

Джо Слеттермен был готов пойти на попятную, но тут до него дошла вся драматичность сложившейся ситуации. Он обдумал ее и осознал, что не собирается отказываться от роли центральной фигуры в этом спектакле ради того, чтобы вернуться с рухнувшими надеждами к жене, матери и ипохондричному Мистеру Пузику в свой разваливающийся дом. Может быть, смело сказал он себе, во взгляде Большого Игрока нет никакой силы, может, Джо просто допустил единственную и неповторимую ошибку во время броска. Кроме того, он склонялся к тому, что Мистер Кости оценил его жизнь точнее, чем Большой Игрок.

— Ставлю, — сказал он.

— Лоти, дайте ему кости.

Джо изо всех сил напряг свой мозг, сила победно взревела в его правой руке и он сделал свой бросок.

Кости не упали на стол. Они метнулись вниз, потом вверх по какой-то дикой кривой, взлетели над краем стола, а потом, подобно сверкающим красным метеорам, ударились в лицо Большого Игрока, где они неожиданно замерли в черных глазницах, каждая сверкая рубиновым блеском единицы...

Глаза змеи.

Красные глаза с усмешкой уставились на него, и он услышал:

— Джо Слеттермен, кости вылетели за пределы стола.

С помощью большого и среднего пальцев обеих рук Большой Игрок извлек кости из глазниц и бросил их в протянутую ладонь Лоти.

— Да, Джо Слеттермен, кости вылетели за пределы стола, — повторил он спокойно. — А теперь вы можете застрелиться, — он дотронулся до серебряного револьвера. — Или перерезать себе горло, — он достал из-за пазухи и положил рядом с револьвером кривой кинжал с золотой ручкой. — Или отравиться, — к оружию добавилась черная бутылочка с белым черепом и скрещенными костями. — Или мисс

Фосси зацелует вас до смерти, — он подтолкнул вперед самую красивую и злобную девушку. Она выпрямилась, одернула свою коротенькую юбочку и бросила на Джо провокационный холодный взгляд, приподняв карминовую верхнюю губу и показывая белые длинные клыки.

— Или еще, — добавил Большой Игрок, кивнув в сторону затянутого крепом стола, — вы можете совершить Большой Прыжок.

Джо со злостью произнес:

— Я выбираю Большой Прыжок.

Он поставил правую ногу на свой теперь пустой стол для фишек, наклонился вперед... и, неожиданно оттолкнувшись от края, в тигрином прыжке бросился через стол и вцепился в горло Большому Игроку, утешая себя мыслью, что мучиться придется недолго.

Когда он пролетал над центром стола, в мозгу его отпечаталась мгновенная фотография того, что в действительности было внизу, но не успел всего этого осознать, потому что в следующее мгновение врезался в Большого Игрока.

Жесткое ребро коричневой руки ударило его в висок со стремительностью молнии, но коричневые пальцы или кости рассыпались, словно были сделаны из воздушного теста. Левая рука прошла сквозь грудь Большого Игрока, как если бы там не было ничего, кроме атласного пиджака, в то время как правая мертвой хваткой вцепилась в череп под шляпой и разломила его на кусочки. В следующее мгновение Джо рухнул на пол, сжимая в пальцах черные лоскутья и коричневые обломки.

Он стремительно вскочил на ноги и протянул руку к башенкам на столе Большого Игрока. Время оставалось лишь на то, чтобы схватить все, что подвернется под руку. Как назло ему не попалось ни золотых, ни серебряных фишек, поэтому он сунул в карман горсть светлых и побежал.

И в тот же момент все окружение Большого Игрока было у него на плечах. Его били, царапали, рвали на куски и топтали подбитыми гвоздями каблуками. Вспыхивали зубы, ножи, медные шары. Кто-то с черным лицом, на котором выделялись налитые кровью глаза, нахлобучил ему на голову золоченую трубу. Рядом мелькнуло голое тело ассистентки, и он потянулся к ней, но она увернулась. Кто-то старался ткнуть его в глаз тлеющей сигарой. Лотти, шипя и извиваясь, словно белый удав, пыталась задушить его и в то же время выколоть ножницами глаза. Фосси, выскочившая словно чертенок из коробочки, плеснула ему в лицо из квадратной

бутылки чем-то, что пахло как кислота. Мистер Кости всаживал в него пулю за пулей из серебряного револьвера. Он был зарезан, застрелен, разорван на куски, избит, искромсан в капусту, ему переломали все кости.

Но почему-то все эти удары не имели никакой силы. Это было похоже на драку с привидениями. В конце концов оказалось, что все эти бандиты вместе взятые все уже уступали в силе Джо. Он почувствовал, что его поднимают многочисленные руки, тащат сквозь двери и бросают на тротуар. Но даже это не было больно. Это походило на ободряющее похлопывание по плечу.

Он глубоко вздохнул, перевернулся и подвигал конечностями. Похоже, ничего серьезного. Он поднялся и огляделся. Заведение было темно и молчаливо, словно Плутон или весь остальной Карьер. Когда его глаза привыкли к свету звезд и изредка проплывающих по небу космических кораблей, он заметил запертую на засов железную дверь, в которой находилась другая — та, через которую его выкинули.

Он вдруг обнаружил, что жует нечто хрустящее, что он все это время сжимал в правой руке. Чрезвычайно вкусное, словно хлеб, который его жена пекла для постоянных покупателей. В этот момент его память воспроизвела картинку, увиденную им, когда он пролетал над центром черного стола. Это была высокая стена пламени, заполняющая всю поверхность стола, а за ней — удивленные лица его жены, матери и Мистера Пузика. До него дошло, что он жует: череп Большого Игрока, и он вспомнил форму трех караваев, которые пекла его жена, когда он уходил. И понял волшебство, которое она совершила, разрешив ему ненадолго уйти из дому и почувствовать себя наполовину мужчиной, а потом вернуться назад с обожженными пальчиками.

Он выплюнул то, что у него было во рту и швырнул остаток гигантского черепа на дорогу.

Он запустил руку в левый карман. Большинство светлых фишек раскрошились во время драки, но он нашел одну целую и ощупал ее. Оттиснутый на ней знак был крестом. Он поднес ее к губам и откусил небольшой кусочек. Вкус был нежным, просто восхитительным. Он съел ее всю, и почувствовал, как прибывают его силы. Джо похлопал по туго набитому карману рукой. В конце концов у него достаточно провизии на дорогу.

Он повернулся и направился напрямик к дому, но длинным путем — вокруг света.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Зло встречается в Ланкмаре	3
Шпаги Ланкмара	53
Печаль палача	283
Трижды судьба	294
Требуется неприятель	377
Побросаю-ка я кости	393

Фриц ЛЕЙБЕР *ИЗБРАННОЕ*

Гл. редактор О. Алтунин.
Редактор В. Бочков.

Сдано в набор 29.09.92 г. Подписано в печать 02.12.1992 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 25000. Заказ 13.

Издательское предприятие «Вен-Мер».

Напечатано в типографии издательско-полиграфического предприятия
«Советская Сибирь».

630048, г. Новосибирск-48, ул. Немировича-Данченко, 104.

fantasy

-Юго-Восток-